

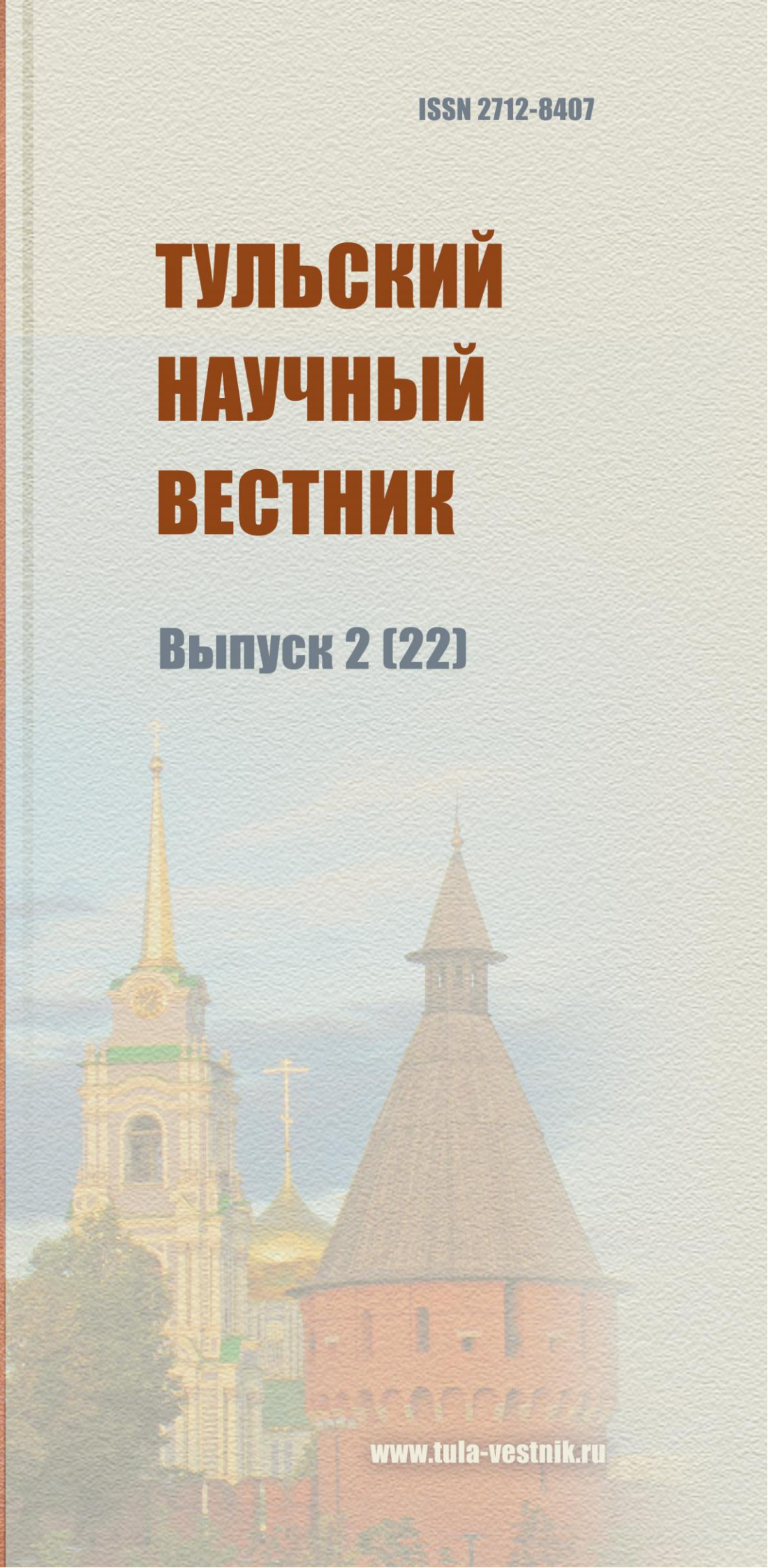
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (22)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (22)

**Тула
2025**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (22)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-2

Дата выхода в свет: 24.10.2025 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова
Заместитель

главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Технический редактор –
кандидат исторических наук
М. О. Сафронова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2025

© Авторы статей, 2025

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:
tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:
info@tolstovsky.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

К 80-летию Великой Победы

Мухина З. Э., Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Повседневная жизнь тружениц тыла при строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава летом 1943 г. **8**

Терентьев В. О. Реакция военных на покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.: к постановке проблемы **23**

Носова М. С. Открытый доступ: информация о Великой Отечественной войне в пространстве Telegram-каналов **36**

История повседневности

Гилева М. В. Восприятие советского спорта в периодической печати США. 1930–1950-е гг. **50**

Макарова Н. Н. Повседневная жизнь поселка «Березки» в период форсированной индустриализации **68**

Историко-научное измерение пространства прошлого

Шпак Г. В. Нарративные стратегии распространения знаний в Англии раннего Нового времени **80**

Демченко А. М. Деятельность И. Шварца в Московском университете в конце XVIII в. **94**

Иванов К. В. К предыстории основания Пулковской обсерватории **102**

Меркулова А. Э. Создать полную теорию сопротивления жидкостей: конкурс Академии наук и морского ведомства 1804–1806 гг. **113**

Захарчук П. А. О методах распространения «Горного журнала» в 1825–1917 гг. (к 200-летию юбилею периодического издания) **123**

Барабанова К. С. Омские врачи на рубеже XIX–XX вв.: трансфер знаний в имперском пространстве **135**

Мостовенко М. С. Проблемы охраны водных ресурсов реки Иртыш в 1970-е гг. **144**

Историческая география

Асташкин Р. С. Сведения о транзитных путях на Восток в итальянской «россике» XVI в. **154**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 2 (22)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Егоркина Ю. Д.* Специфика кодирования культурного знания оберегами **166**
- Курьянович А. В., Жукова Е. Ю.* «Ценность» и «антиценность» в картине мира М. М. Жванецкого: опыт лингвоаксиологического описания концептологического строя сатирических текстов **176**
- Laiche S.* Communicative Styles in Teacher's Discourse in Algerian and Russian Classrooms **196**
- Овчинникова З. О.* Некоторые особенности употребления и функционирования онимов в сетевой коммуникации **207**
- Солопов Д. А.* Лингвокультурная специфика аксиологических компонентов в художественном дискурсе современной военной поэзии, посвященной СВО **216**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 2 (22)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-2

Released on October 24, 2025

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History
M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal
Service for Supervision of
Communications, Information Technology
and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University, 2025

© Authors of articles, 2025

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:

info@tolstovsky.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

On the 80th anniversary of the Great Victory

Mukhina Z. Z., Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L. Everyday Life of Female Workers During the Construction of the Stary Oskol–Rzhava Railway in the Summer of 1943 **8**

Terentyev V. O. The Military's Reaction to Attempted Assassination of Hitler on July 20, 1944: to the Problem Statement **23**

Nosova M. S. Open Access: Information about the Great Patriotic War in the Space of Telegram Channels **36**

The History of Everyday Life

Gileva M. V. Perception of Soviet Sports in the US Periodical Press. 1930–1950s **50**

Makarova N. N. Everyday Life in the Settlement of «Berezki» During the Period of Accelerated Industrialization **68**

Historical and Scientific Dimension of the Space of the Past

Shpak G. V. Narrative Strategies of Knowledge Diffusion in Early Modern England **80**

Demchenko A. M. Activity of Johann Schwarz at Moscow University at the End of the 18th Century **94**

Ivanov K. V. The Founding of the Pulkovo Observatory: Backstory **102**

Merkulova A. E. To Create a Comprehensive Fluid Drag Theory: Academy of Sciences and the Admiralty Competition of 1804–1806 **113**

Zakharchuk P. A. On the Methods of Distribution of the «Gornyi Zhurnal» in 1825–1917 (on the 200th Anniversary of the Periodical) **123**

Barabanova K. S. Omsk Doctors at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Knowledge Transfer in the Imperial Context **135**

Mostovenko M. S. Challenges of Protecting the Water Resources of the Irtysh River in the 1970s **144**

Historical Geography

Astashkin R. S. Information on the Transit Routes to the East in the Italian Rossica of the 16th Century **154**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication

Founded in 2020

Issue 2 (22)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-2

LINGUISTICS

- Egorkina Yu. D.* Specificity of Cultural Knowledge
Encoding by Charms **166**
- Kuryanovich A. V., Zhukova E. Yu.* "Value" and "Anti-Value"
in Mikhail Zhvanetsky's Worldview: a Linguo-Axiological
Description of the Conceptual Structure of Satirical Texts **176**
- Laiche S.* Communicative Styles in Teacher's Discourse
in Algerian and Russian Classrooms **196**
- Ovchinnikova Z. O.* Some Peculiarities of the Usage
and Functioning of Onyms in Online Communication **207**
- Solopov D. A.* Linguocultural Specificity of Axiological
Components in the Artistic Discourse of Contemporary
Military Poetry Dedicated to the Special Military Operation **216**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТРУЖЕНИЦ ТЫЛА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ СТАРЫЙ ОСКОЛ – РЖАВА ЛЕТОМ 1943 Г.

**Зинара Зиевна
Мухина¹**

**Наталья Александровна
Мицюк²**

**Наталья Львовна
Пушкарева³**

¹ Старооскольский технологический институт

им. А. А. Угарова

¹ Старый Оскол, Россия, mukhiny@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-2226-1864>

^{2,3} Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая

² Москва, Россия, nmitsyuk@gmail.com

² <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>

³ Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

³ <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Аннотация. Авторы статьи, используя методы и подходы повседневной, женской истории, исторической антропологии войны, микроистории, репрезентируют женский вклад в строительство важнейшего железнодорожного пути Старый Оскол – Ржава («Дорога Мужества»), возведенного накануне Курской битвы. Основными источниками явились делопроизводственные документы, а также автодокументальные материалы – воспоминания участников, устные истории, принадлежавшие прежде всего женщинам. Содержание данных источников разрушает многочисленные стереотипы относительно женских социальных ролей в обществе и вносит вклад в сохранение исторической памяти о подвиге простых советских женщин, способствуя преодолению невидимости женщин в истории. Численность мобилизованных на строительство 20–25 тыс. человек, значительная часть среди них – женщины. Женщины выполняли значимые социальные и экономические задачи. Женская повседневность участниц строительства «Дороги мужества» была частью военной повседневности. Жертвенность, напряженный физический труд на грани человеческих возможностей, недоедание, постоянный стресс за свою жизнь и жизнь близких, но при этом демонстрация силы духа, самомотивация, позитивный настрой – неизменная часть женской тыловой повседневности. Среди используемых методов активизации рабочих – агитация и социалистическое соревнование. Трудовой подвиг советских людей сделал возможным завершить строительство дороги в два раза быстрее намеченных сроков. Для многих женщин участие в строительстве было их формой участия в победе над врагом. Строительство происходило в экстремальных условиях: работа в три смены по 14 часов в сутки, нехватка провизии, тяжелые бытовые условия, отсутствие медицинской помощи, постоянные артобстрелы. В экстремальных условиях работы женщины проявляли высокую стрессоустойчивость, самоорганизованность и терпеливость.

Ключевые слова: женская военная повседневность, историческая антропология войны, участие женщин в Великой Отечественной войне, Курская битва, «Дорога мужества», труженицы тыла.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212, «Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Для цитирования: Мухина З. З., Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Повседневная жизнь тружениц тыла при строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава летом 1943 г. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 8–22. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-8-22>

Сведения об авторах: З. З. Мухина – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова, филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», 309516, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Макаренко, 42;

Н. А. Мицюк – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект 32а;

Н. Л. Пушкарева – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект 32а.

© Мухина З. З., Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., 2025

Scientific Article
UDC 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-8-22>

EVERYDAY LIFE OF FEMALE WORKERS DURING THE CONSTRUCTION OF THE STARY OSKOL – RZHAVA RAILWAY IN THE SUMMER OF 1943

Zinara Z. Mukhina ¹

Natalia A. Mitsyuk ²

Natalia L. Pushkareva ³

¹ Stary Oskol Technological Institute named
after A. A. Ugarov

¹ Stary Oskol, Russia, mukhiny@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-2226-1864>

^{2,3} Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences

² Moscow, Russia, nmitsyuk@gmail.com

² <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>

³ Moscow, Russia, pushkarev@mail.ru

³ <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Abstract. The authors of the article present women's contribution to the construction of the most important railway route Stary Oskol – Rzhava ("Road of Courage"), built on the eve of the Battle of Kursk. The main sources were office documents, auto-documentary materials – memories of participants, oral histories, primarily belonging to women. The content of these sources destroys numerous stereotypes regarding women's social roles in society and contributes to the preservation of the historical memory of the feat of ordinary Soviet women, helping to overcome the invisibility of women in history. The number of people mobilized for construction was 20–25 thousand, a significant proportion of whom were women. Women performed important social and economic tasks. The daily life of women participating in the construction of the "Road of Courage" was part of military life. Sacrifice, intense physical labor at the limits of human endurance, malnutrition, constant stress for their own lives and the lives of their loved ones, but at the same time a demonstration of strength of spirit, self-motivation, and a positive attitude were an integral part of women's everyday life in the rear. Among the methods used to motivate workers were agitation and socialist competition. The labor feat of the Soviet people made it possible to complete the construction of the road twice as fast as planned. For many women, participation in the construction was their form of participation in the victory over the enemy. The construction took place in extreme conditions: three shifts, 14 hours per day, shortage of provisions, difficult living conditions, lack of medical care, constant shelling. In extreme working conditions, women demonstrated high stress resistance, self-organization and patience.

Keywords: women's military everyday life, historical anthropology of war, participation of women in the Great Patriotic War, Battle of Kursk, "Road of Courage", home front workers.

Acknowledgements: The research was carried out with a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-00212, "Women's family memory in Russia of the XVIII–XX centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission".

For citation: Mukhina, ZZ, Mitsyuk, NA & Pushkareva, NL 2025, 'Everyday Life of Female Workers During the Construction of the Stary Oskol–Rzhava Railway in the Summer of 1943', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 8–22, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-8-22> (in Russ.)

Information about the Authors: Zinara Z. Mukhina – Doctor of Science (History), Professor, Department of Humanities, Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov, 42, Makarenko microdistrict, Stary Oskol, 309516, Russia;

Natalia A. Mitsyuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia;

Natalia L. Pushkareva – Doctor of Science (History), Professor, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.

Введение

В современных условиях особого отношения к сохранению исторической памяти о подвигах советского народа в годы Великой отечественной войны, прилагаемых усилиях противостоять попыткам фальсификации исторического прошлого, обращение к изучению женской тыловой повседневности в экстремальных условиях военного времени имеет особую значимость. Многочисленные музейные комплексы, как столичные, так и региональные, предлагают обширные выставки, в рамках которых запечатлен подвиг советских женщин («Бабий фронт», «О трудовых подвигах женщин-шахтерок», «Фронтвой быт женщин (по воспоминаниям брянских участниц Великой Отечественной войны»).

Проблема участия женщин в событиях Великой Отечественной войны имеет внушительную историографию. Основной исследовательский фокус был направлен на изучение героических подвигов и военной повседневности женщин-участниц вооруженных сил Советской армии, а также добровольческих формирований [9; 19; 25; 30; 36]. В последние два десятилетия акценты в изучении участия женщин в Великой Отечественной войне смещаются в сторону выявления женских моделей памяти о войне, специфичного антропологического опыта, исследования женской тыловой повседневности и стратегий выживания в экстремальных условиях [12; 13; 24; 32]. Значительное количество сохранившихся делопроизводственных, автодокументальных источников делает чрезвычайно важной реконструкцию малоисследованных областей героической женской тыловой повседневности.

Данная тема вносит вклад в новое научное направление – историческую антропологию войны [3; 27; 34]. Значимость темы также обусловлена важностью изучения способов переживания людьми исторических кризисов и катастроф, особенностей социального поведения и восприятия пограничной реальности, специфики коммуникации и эмоциональных реакций на условия, несовместимые с жизнью [35]. Данный аспект темы имеет междисциплинарную значимость, так как вносит вклад в изучение психофизиологических ресурсов выживания человека в экстремальных жизненных ситуациях.

Цель публикации состоит в попытке реконструировать трудовой подвиг женщин, массово привлеченных для строительства железной дороги Старый Оскол – Ржава летом 1943 г., которая имела стратегическое значение в подготовке важнейшей Курской битвы. Позднее железная дорога стала называться «Дорогой мужества», что было связано с трудовым подвигом советских людей в экстремальных прифронтовых условиях.

Ключевыми источниками исследования стали опубликованные делопроизводственные материалы, законодательные акты, в которых регулировались этапы строительства железной дороги и обозначались трудовые нормы, а также устные истории и автодокументальные источники, как опубликованные, так и архивные. Эмпирическую базу исследования составили материалы регионального архива (Партийный архив Курского обкома КПСС), музейных фондов (Архив Старооскольского краеведческого музея), архива университетского фонда (Архив исследовательской лаборатории истории и культуры Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ МИСиС), а также материалов частной коллекции (Личный архив И. С. Кононова). Исследование преимущественно опирается на женские воспоминания. Ориентируясь на методы и подходы женской истории, истории повседневности и микроистории, следует обозначить специфику женской социальной памяти, которой свойственна большая эмоциональность, фиксирование иных, отличных от мужской социальной памяти, областей повседневности, что способствует реконструкции военного быта во всех красках, образах и деталях. Помимо этого, женская автодоку-

менталистика вносит вклад в сохранение исторической памяти о подвиге простых советских женщин, что способствует преодолению невидимости женщин в истории.

Стратегическая необходимость строительства железной дороги Старый Оскол – Ржава летом 1943 г.

К лету 1943 г. в ходе кровопролитных сражений Старый Оскол и прилегающая территория были освобождены от немецкой оккупации. Полным ходом проходила подготовка к Курской битве – одному из ключевых сражений Второй мировой войны по своим масштабам, задействованным силам, напряженности и последствиям. В ней приняли участие более 2 млн. человек, было использовано много тысяч единиц боевой техники. При подготовке к одной из решающих битв оказалось, что крайне напряженным было положение с транспортом. Для снабжения подразделений Воронежского фронта фактически отсутствовала железная дорога, доставка грузов осуществлялась гужевым транспортом. Имелась однопутная, сильно перегруженная железная дорога Касторная – Мармыжи – Курск, обслуживавшая тылы 8 армий Центрального и Воронежского фронтов. Строительство новой дороги имело важное стратегическое значение. Дорога Старый Оскол – Ржава давала возможность значительно увеличить пропускную способность для снабжения войск Воронежского фронта, организовав кольцевое одностороннее движение эшелонов по маршруту Касторная – Курск – Сараевка. Доставка грузов ускорялась на 24–48 часов, дальность доставки автотранспортом сокращалась на 120–150 км. Строительство новой железной дороги в значительной степени усиливала боеспособность Центрального и Воронежского фронтов [16, с. 190].

Ввиду сложившейся крайне напряженной обстановки Военный совет Воронежского фронта обратился в Государственный комитет обороны (ГКО) с просьбой о необходимости строительства железной дороги Старый Оскол – Ржава [17, с. 69–70]. ГКО как чрезвычайный орган управления в период Великой Отечественной войны обладал всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в СССР, решения которого были обязательными для всех граждан, организаций и органов власти. Уже 8 июня ГКО поручил Народному комиссариату путей сообщения организовать строительство дороги протяженностью 95 км, которая в соответствующем постановлении именовалась «Объект 217». Были определены сроки строительства с 15 июня по 15 августа 1943 г. Руководство за строительством дороги было закреплено за генерал-майором П.А. Кабановым. Для реализации плана строительства в Курский обком партии было направлено соответствующее предписание с указанием о мобилизации рабочей силы [20, с. 265]. 14 июня появилось постановление Курского обкома и облисполкома [31, с. 70–72], согласно которому на строительство необходимо было направить до 20 000 человек [2, с. 239].

Мобилизация населения на строительные работы

Чрезвычайная важность в строительстве железной дороги обусловила принятие 13 февраля 1942 г. постановления Президиума Верховного Совета СССР (законодательного органа власти) «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [33, с. 162]. В соответствии с Постановлением на работу могли быть мобилизованы мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет; от мобилизации освобождались женщины, имеющие грудных детей, а также имеющие детей до 8 лет, если отсутствовали другие члены семьи для ухода за ними. Уклонение от мобилизации или самовольный уход с работы наказывались от 1 года принудительных работ по месту жительства (народные суды) до тюремного заключения сроком от 5 до 8 лет (военные трибуналы) [33, с. 162]. Мобилизованным на строительство полагалась заработная плата [33, с. 164–166], но ее существование было номинальным, так как все суммы направлялись на оказание помощи фронту.

Число мобилизованных в разных источниках различается: от 20 тыс. [16, с. 124] до 25 тыс. человек [18, с. 188]. Среди мобилизованных были 3 железнодорожные бригады, 2 автомобильных батальона и 2000 военнослужащих из запасных частей [16, с. 124]. На их долю пришлось изыскательские работы и проектирование, заготовка и доставка материалов, укладка пути, возведение технических зданий, строительство мостов. Однако основную массу мобилизованных, участвовавших в непосредственном строительстве железной дороги, составило женское население. Среди привлеченного населения были также подростки и старики [18, с. 188]. Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. мобилизации подвергалось население, начиная с 16 лет, и от нее освобождались только старики. Однако из-за стремления увеличить численность рабочей силы это положение нарушалось и к работам привлекали подростков 14–15 лет [4; 5; 6], встречались и дети 12 лет [7]. Мобилизованное население выполняло самую трудоемкую часть работы – создание земляного полотна дороги.

Ввиду острой необходимости в введении в эксплуатацию железной дороги, по ходатайству Курского обкома ВКП(б) срок строительства был сокращен до 1 августа, а все нараставшие темпы строительства дали возможность вторично сократить установленный срок до 20 июля. По всей вероятности, данное утверждение неточно. Сложно представить, что распоряжение обкома партии могло так сильно мотивировать людей, сократив в два раза срок стройки. Но прямое указание Сталина не оставляло выбора и требовало от мобилизованных и руководства, отвечающих за строительство, работать на пределе собственных возможностей. Генерал П. А. Кабанов в своих воспоминаниях указывает на то, что именно поддержка Сталина повлияла на существенное сокращение сроков стройки: «Вчера товарища Ватутина вызывали в Москву, в Генеральный штаб, по оперативным вопросам. В разговоре со Сталиным Николай Федорович поставил вопрос об ускорении строительства фронтовой магистрали. Сталин поддержал его просьбу. Тут же дал указание наркому пути построить линию за тридцать пять суток. Теперь вам понятно, чье это задание?» [18, с. 192]. Складывавшаяся военная обстановка настоятельно требовала ускорения строительства. Трудовой подвиг советских людей, невиданный энтузиазм со стороны женщин сделали возможным завершить строительство в невиданные сроки – за 32 дня вместо 60. Пожалуй, впервые проектирование железнодорожной линии и ее строительство велись одновременно.

Соцсоревнование в экстремальных условиях

Была пущена в ход вся мощь пропаганды и агитации. Женщины оказывались крайне мобильными и восприимчивыми к поставленным задачам. Для выполнения и перевыполнения производственных планов было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование. В основном использовались моральные стимулы. Ставка делалась на патриотические чувства, соревновательное чувство, энтузиазм, при этом игнорировались физические и духовные силы тружениц. Тысячи женщин по всей стране включались в движение двухсотников, многостаночников, совмещения профессий, в соревнования по профессиям, причем с началом войны все это обрело еще больший размах. Ценой за высокие показатели в соревновании нередко являлось предельное напряжение физических и моральных сил. Вот несколько примеров. Лесорубы О. И. Седова и М. Д. Голубева из Кологривского района Костромской области 31 декабря 1942 г. выполнили 11 дневных норм. В сельском хозяйстве было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад. Весной 1942 г. первое место заняла бригада Д. Гармаш из Рязанской области, более чем в 2,5 раза перекрыв норму – бригада засеяла 1296 гектаров вместо 487 гектаров [8, с. 42–43] и т.д.

Эти испытанные методы были широко использованы и при строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава. Всю организационную работу среди мобилизованных женщин взяли на себя партийные органы. Для оперативного руководства была налажена постоянная радиотелефонная связь. В принятом по случаю строительства постановлении Курского бюро обкома и облисполкома говорится: обязать райкомы партии организовать из числа отправленных на строительство коммунистов и комсомольцев специальные группы, которые обязаны были организовать социалистическое соревнование за введение дороги досрочно. За высокие показатели работы и перевыполнение заданий по строительству дороги было учреждено переходящее Красное Знамя обкома партии и исполкома совета депутатов [31, с. 72]. В одиннадцати созданных строительных колоннах их начальниками были назначены вторые секретари райкомов партии. Всей агитационно-массовой работой руководил секретарь Курского обкома комсомола Г. К. Лунев. В соревнование за переходящее Красное Знамя включилось 130 комсомольско-молодежных бригад. Всего на строительстве работали около 19 000 человек из числа молодежи, 3886 из них были комсомольцами [2, с. 242]. В каждом отряде и бригаде были комиссары, их заместителями назначались комсомольцы (317 человек). В зоне строительства находилась выездная редакция газеты «Курская правда», которая организовала выпуск газеты (3 000 экземпляров) с освещением хода работ в активном пропагандистском ключе и около 500 экземпляров бюллетеней о событиях на фронте. Непосредственно на участки строительства завозилось 5 000 экземпляров центральных и местных газет. Несмотря на жесткий график работ, комиссарами отрядов и подобранными агитаторами проводилась читка газет, ежедневно проводилась политинформация [28].

Руководство строительства стремилось использовать не только моральные стимулы, но и материальные меры поощрения, что в условиях тяжелейшей войны сделать было непросто. Обращались непосредственно к военному руководству, члену Военного Совета Воронежского фронта Л. Р. Корниенцу: «Я доложил Леониду Романовичу о всех наших трудностях, попросил его походатайствовать о выделении для поощрения солдат, сержантов и гражданского населения промтоваров, табаку и конфет» [18, с. 193]. В кратчайшие сроки были выделены промтовары, две тонны табака и две тонны конфет.

Повседневная жизнь женщин-тружениц

Свидетельства участниц стройки, их устные рассказы наглядно демонстрируют, что женщины с большим пониманием и огромной ответственностью отнеслись к необходимости выполнения тяжелого даже для мужчин труда. Условия работы для женщин были крайне тяжелыми, труд в основном был ручным, техника практически не привлекалась, по причине ее острого дефицита. Землю копали лопатами, кирками, ломami. В основном таскали ее на носилках, в тачках, даже в фартуках. Для уплотнения грунта использовали трамбовки, представлявшие собой тяжелый кусок бревна, снабженный сверху деревянными ручками. «Иной раз рук не чувствовали – до того были натружены несвойственной им работой. Рядом с нами, 19–20-летними и постарше, трудились 15–17-летние» [10, с. 57], – вспоминает А. И. Музылева. О тракторах и механизмах не было и речи.

Что касается продолжительности рабочего дня, то его границы были условными. Первоначально «комсомольцы предложили работать по 10 часов в день» [14, с. 20], но в процессе трудовой день был заметно увеличен, будучи крайне интенсивным и продолжительным. Одни и те же бригады работали в 2 и даже 3 смены. Некоторые свидетельства женщин. В. С. Слатина писала: «Работали более 10 часов в день, иногда под дождем» [7]. Другие работницы отмечали, что трудовой день доходил до 14 часов в сутки, работа велась даже в условиях артиллерийских бомбардировок [2, с. 239]. В своих воспоминаниях К. А. Шильникова признавалась: «Вставали в 4 часа, в

5 уже были на работе... Работу заканчивали в 9 часов» [7]. По некоторым свидетельствам продолжительность рабочего времени достигала 20 часов в сутки [4]. Приходившие со смены женщины, ложились спать, но их вскоре поднимали: «Девчата, надо вставать во вторую смену, идти поработать» [22]. Другая труженица вспоминала: «Поднимались мы и в 2, и в 4 часа ночи, короче, в любой час, как только подадут платформы» [7].

Всю координацию работ на строительстве взяли в свои руки военные, ввиду стратегической важности поставленной задачи. Обстановка на фронте исключала возможность срыва строительства. Поэтому с самого начала за выполнением заданий каждым подразделением, колонной был установлен жесткий контроль. Выявляли отстающие участки, намечали меры по активизации их работы [18, с. 192], рабочие были разбиты на сотни, начальником каждой из них обычно был кто-нибудь из опытных организаторов местной администрации [14, с. 19]. В постановлении Курского обкома и облисполкома имеется следующий пункт: «Учитывая исключительную важность строительства этой ж.-д. линии в установленные Государственным Комитетом Обороны сроки, бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета депутатов трудящихся требуют от райкомов ВКП(б) и исполкомов райсоветов принятия всех мер, обеспечивающих выполнение задания по мобилизации рабочей силы не позднее 17 июня т.г. и возлагают персональную ответственность за проведение мобилизации в срок и успешную организацию работ на строительстве на первых секретарей РК ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов» [31, с. 72]. Что значит «персональная ответственность» при сталинском режиме, да еще в военное время и накануне важнейшей стратегической операции, все хорошо понимали, и этим объясняется вся обстановка на строительстве. Ежедневно каждой бригаде доводилось задание, не было ни одного случая срыва задания [14, с. 20]. Участники стройки называли режим работы военным: «...Час работаем, затем по “милицейскому” свистку бросаем лопаты, носилки и отдыхаем пять минут. Свисток – и снова людской муравейник оживает. Так от зари до зари» [7]. В своих воспоминаниях мужчины всегда уделяли внимание описанию женского труда, отмечая силу, выносливость и энтузиазм тружениц: «Бывало порой и так: одна поднимает глину, а другая руками срыгает ком, прилипший к штыку лопаты. Главное: управиться побыстрее» [37]. В своих воспоминаниях Н. М. Кизилев подчеркивал героические усилия женщин по выполнению поставленных задач: «Однажды девушка, которая несла носилки с песком, упала возле меня от усталости. Я кинулся к ней, чтобы помочь, но она охрипшим голосом сказала: “Уходи. Делай свое дело. Чего стал? Сама поднимусь”. И действительно, полежав несколько минут на земле, она поднялась и пошла. А вскоре я увидел ее с носилками. Она продолжала носить землю. Такие сцены были не редкостью» [26, с. 115].

В экстремальных условиях работы женщины проявляли высокую стрессоустойчивость, самоорганизованность и терпеливость. Участники стройки сообщали, что среди рабочих были дезертирства, побег: «Некоторые сбежали со стройки, испугались трудностей, обстрелов. Попали под суд» (из воспоминаний К. А. Дмитриевой) [7]. В то же время не сохранилось ни одного упоминания о дезертирстве среди мобилизованных женщин.

Были установлены нормы выработки на земляных работах – от 3 до 3,5 м³ в сутки. Но эти, очень высокие, нормы перекрывались. В Боброво-Дворской колонне выработка составляла от 3,86 (20 июня) до 7,9, в среднем 5,2 м³ на 1 человека в день. Комсомольско-молодежные бригады выполняли нормы на 200–250 %. В Тимской колонне средняя выработка составляла 5,2 м³ в день на человека при норме 3 м³. Во многих бригадах не было никого, кто бы выполнял меньше полутора норм. А в Старооскольской колонне бригада Т. Семеновой давала 280 % нормы, что стало самым

высоким показателем при строительстве железных дорог в годы войны [4]. После выполнения своего производственного задания колонны перебрасывались на отстающие участки [11, с. 34–35].

Бытовые условия были чрезвычайно тяжелыми. Работницы жили в шалашах, землянках, палатках, некоторых поселили в окрестных селах, ютясь на земляных полах, застеленных соломой по 15–20 человек [14, с. 20]. «Условия жизни были жесткими, фронтовыми. Мы, 15 человек, спали в погребке» [14, с. 15], – вспоминал участник стройки. Питание было очень скудное, норма хлеба 300–500 г, 50 г крупы из общего котла и 1 чайная ложка сахара в сутки. Работницы вспоминали, что жители близлежащих деревень и сел помогали продовольствием [7], принося муку, хлеб и лепешки. Ощущалась острая нехватка одежды и особенно обуви. «Ходили ведь мы босиком, обувки не было» [14, с. 65], – вспоминали женщины.

Практически все тяжелые работы, в том числе передвижение и укладку шпал, женщины выполняли самостоятельно, своими руками, без привлечения технических средств. В редких случаях для транспортировки шпал привлекали скот, но также отмечалось, что волы не были приспособлены к данной работе: «Его гонишь, а он не понимает, чего от него требуют, стоит на одном месте и стоит. Да еще так наступит на ногу, что завоюешь от боли» [14, с. 65].

Медицинской помощи фактически не было. В своих воспоминаниях женщины признавались, что раны замазывали землей, были случаи заражения. Единственное лечение – иммунитет собственного организма: «Боль нестерпимая, температура поднялась высокая, чуть было гангрена не началась. Но и здесь я победила, справилась с болячкой» [14, с. 15]. Женщины вспоминали, что повсеместно у работниц были кровавые мозоли на руках, но при этом никто не жаловался [38]. Несмотря на антисанитарию, скудное питание, физические нагрузки на грани человеческих возможностей, по воспоминаниям тружениц, практически никто долго не болел и организм восстанавливался быстро и самостоятельно.

К неимоверным физическим нагрузкам добавились еще моральные испытания. Дорога строилась в прифронтовой полосе. Прекрасно понимая значение строящейся дороги, немцы всеми силами стремились сорвать, или хотя бы задержать его строительство. Забрасывали диверсионные группы. Хотя участки строительства охранялись зенитными подразделениями и истребителями, авиации противника иногда удавалось прорваться. Е. Я. Ильина описывала экстремальную повседневность, ставшую будничной: «Налетели немецкие самолеты, начали стрелять. Мы рассыпались кто куда, и побежали прятаться в лесок. Тогда фрицы начали кидать бомбы в лесок. Лес загорелся, рвались бочки с горючим, мы плакали, кричали. А кто поможет? Все мечутся, над каждым нависла смерть» [7]. Несмотря на все ужасы военного времени, к смерти привыкали, концентрируясь не на боли утраты, а на работе во имя общей победы: «Самолеты появлялись так внезапно, что многие люди не успевали укрыться. Были раненые и убитые. Страшно было на все это смотреть. Но оплакивать погибших было некогда, надо было работать» [14, с. 65]. По воспоминаниям В. С. Слатиной, налет вражеских самолетов воспринимался как отдых [14, с. 65]. К концу стройки даже при бомбежке не всегда прекращали работу [38].

Тяжелейшим испытанием для строителей железной дороги были личные трагедии, известия о потере родных и близких. Часто работницы получали похоронки на своих мужей и сыновей, но во время работы никто не оплакивал своих родственников, время для скорби было только ночью [14, с. 65]. А. Е. Бакулина вспоминала: «Как-то в дневной зной из нашего села, запыхавшись прибежал босоногий мальчишка. Он долго крутился среди нас, а потом, как бы невзначай, сказал работавшей рядом со мной: “Маня, я к тебе”. Отвел ее в сторону и виновато вручил треугольник. Она поспешно, дрожащими руками вскрыла и тяжело опустилась на землю. Это бы-

ла похоронка – убили ее отца... Маша Сердюкова не плакала, но только молча смотрела в землю. Потом каким-то чужим голосом сказала: «Пошли, надо работать». Поднялась и направилась на свое рабочее место...» [8, с. 113]. Такие случаи были не единичными [7]. В экстремальных условиях горе переживалось иначе, чем в мирной повседневности. Подобное поведение женщин демонстрирует механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях, которые состояли в переключении внимания с переживания утраты на работу. Изнуряющей труд был сублимацией и средством сохранения стойкости и стрессоустойчивости. Для многих женщин участие в строительстве было их формой участия в победе над врагом. Мария Малыхина, юная труженица, вспоминала: «Здесь, на стройке, нам казалось, что мы лично участвуем в разгроме врага» [29].

Было бы неверным считать, что жизнь женщин на строительстве была целиком заполнена работой с кратковременным отдыхом. Перерывы в работе заключались не только во сне, принятии пищи, политинформации, чтении газет. Устраивались концерты, показывали кинофильмы, были даже театральные спектакли. Несмотря на тяжелый труд, молодость брала свое. А. Грызлова вспоминала: «Итоги работы подводились ежедневно, у здания местной школы. Здесь же мы собирались: пели, танцевали» [14, с. 12]. Совместное пение способствовало подъему не только патриотического духа, но и психологического настроя в целом: «Вот увидит, бывало, бригадир Тамара Семенова в обеденный перерыв, что кто-то загрустил и скажет: “А давайте споем”. И мы пели. Пели свои любимые песни того времени... Или вдруг предложит какой-нибудь танец в собственном исполнении под наши аплодисменты. И ее обязательно поддержат, чаще всего самые молодые из нас. Это снимало усталость, помогало в работе» (из воспоминаний А. Проторчиной) [6]. Девушки одной из бригад даже организовали песенный ансамбль, пользовавшийся большим успехом [15].

Кроме принудительных мер, широко развернутой пропаганды и агитации, различных мер морального воздействия, необходимо принимать во внимание особое психологическое состояние людей, которые переживали глубокие травмы от увиденных и пережитых ужасов войны. Перед началом войны в самом Старом Осколе (без пригородов) проживало около 11 000 человек. Город находился под оккупацией семь месяцев – со 2 июля 1942 г. до 5 февраля 1943 г. За этот период численность населения уменьшилась более чем вдвое – в апреле 1943 г. она составила 5040 человек. пытки и казни стали обычным явлением, не щадили даже беременных женщин. Было расстреляно, повешено, замучено 836 человек. Для устрашения в центре города стояли две виселицы с повешенными. Было угнано на работу в Германию 2737 человек из числа молодежи. Скот, весь выращенный на полях хлеб отправляли в Германию. Тысячи людей погибли от голода и болезней. Ненависть к врагу давала дополнительные силы. Желание помочь как можно скорее разгромить врага в огромной степени способствовало трудовому героизму на строительстве железной дороги. Все вместе дало необыкновенный эффект – за короткий срок, досрочно было выполнено задание военного командования.

Экстремальные условия строительства, запредельные физические нагрузки, постоянное недоедание, не могли быть препятствием для молодежи завязывать дружеские и романтические отношения, которые помогали сохранять страсть к жизни. В воспоминаниях Марии Ледовской повседневная жизнь в экстремальных условиях представлена яркой и красочной: «Люди работали столько, насколько хватало сил. Придешь вечером с ног от усталости падаешь, думаешь, что все, ни на что сил уже не хватит. А потом перекусишь что-нибудь, ноги вымоешь и бежишь на свидание. Смотришь, девчата наши по уголкам с зенитчиками разойдутся, целуются» [23]. Она признавалась, что многие ее подруги во время стройки, фактически находясь

под ежедневными обстрелами, влюблялись, позже переписывались со своими избранниками, а те, кто смог выжить до конца войны, создавали семьи.

Вклад женщин в строительство железной дороги, показанные ими результаты, отношение к возложенным на их плечи обязанностям, несомненно, влияло на изменения представлений на социальные роли женщин в обществе. Историками было подмечено, что в условиях войн XX в. существенным образом трансформировались представления о стереотипах женского поведения и их способности выживать в сложнейших условиях [32]. С началом Великой Отечественной войны существенно расширились рамки профессиональной самореализации женщин, возросла их роль в решении многочисленных, в том числе государственных, вопросов. В условиях острой нехватки трудовых ресурсов в тылу привлечение женщин к повсеместному труду имело не только социально-экономическое, но и военно-стратегическое значение. Согласно статистическим данным, если в 1940 г. доля женщин, занятых в общественном производстве, составляла 38 % от всей рабочей силы, то в 1945 г. этот показатель возрос до 56 % [21, с. 31].

Особая роль советской женщины и ее вклад в победу был отмечен даже вражеской стороной. Из письма обер-лейтенанта Г.Д. из 295-й пехотной дивизии: «Они все живут одним днем, без надежды и терпеливо, как могут жить только русские. Россия все еще остается для нас загадкой. ... Женщина здесь, в России, играет несколько другую роль, чем немка. В то время как наша женщина должна видеть свое высокое этническое предназначение в роли женщины и матери, русская – по-настоящему ведущая часть нации. Она занята во всех профессиях, исполняет обязанности слесаря, автомеханика, агронома, землемера и т.д. Здесь нет профессии, которой не могла бы овладеть женщина. Она принимает также активное участие в политической жизни, одним словом, она оказывает решающее влияние во всех областях жизни» [1, с. 124–125].

Открытие железной дороги состоялось 18 июля 1943 г. На следующий день по железной дороге были пущены первые эшелоны с войсками, боеприпасами, провиантом и техникой. В своих устных рассказах воспоминаниях многие женщины признавались, что были невероятно счастливы, но очень переживали за то, будет ли дорога работоспособна, не сойдет ли первый поезд с рельс [38].

9 июля 2008 г. в память о женском подвиге в Старом Осколе был открыт памятник «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава», на котором на гранитном постаменте расположились вылитые из бронзы три женские фигуры в момент наивысшего напряжения работы.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, в экстремальных условиях военного времени, острой нехватки трудовых ресурсов, трудовые способности женщин рассматривались как важный ресурс. Женщины выполняли значимые социальные и экономические задачи. Произошла мощная мобилизация внутренних сил у женщин, готовых на пределе своих возможностей, терпя страдания и лишения, выполнять тяжелую мужскую работу во имя будущей победы. В разоренном войной крае, без механизмов, используя только самые простые инструменты, при скудном питании, в условиях, полных лишений, под бомбежкой и обстрелами, руками женщин, казалось бы, слабых физически, внешне ничем не примечательных и незаметных, была выполнена самая трудоемкая часть строительства стратегически важного объекта.

Женская автодокументалистика, устные рассказы тружениц являются важнейшими источниками, способствующими сохранению исторической, социальной и культурной памяти. Содержание данных источников разрушает многочисленные стереотипы относительно женских социальных ролей в обществе, убедительно демонстрируя высокую стрессоустойчивость, терпеливость и самоорганизацию жен-

щин. Женская повседневность участниц строительства «Дороги мужества» была частью военной повседневности, отражая общие процессы, характерные для общества, и особенные, отличающие женскую повседневность. Жертвенность, напряженный физический труд на грани человеческих возможностей, недоедание, постоянный страх за свою жизнь и жизнь близких, но при этом демонстрация силы духа, самомотивация, отсутствие каких бы то ни было жалоб, позитивный настрой – неизменная часть женской тыловой повседневности.

Список источников и литературы

1. «...Хоть раз напишу тебе правду» : письма солдат вермахта из сталинградского окружения / сост. Н. Э. Вашкау. М.: РОССПЭН, 2013. 135 с.
2. «Время выбрало нас...»: вклад молодых курян в Великую победу (1941–1945 гг.) / В. В. Коровин [и др.]. Курск: Университет. кн., 2018. 273 с.
3. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Гуманитарные чтения РГГУ : сб. материалов. М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.
4. Архив исследовательской лаборатории истории и культуры Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ МИСиС. Папка 3.
5. Архив Старооскольского краеведческого музея (Архив СОКМ). Ф. 21 (Личный архив И. С. Кононова).
6. Архив СОКМ. Ф. 1. П. 38/1 (Воспоминания Анны Проторчиной об участии в строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава).
7. Архив СОКМ. Ф. 90 (Воспоминания А. А. Проторчиной, В. Ф. Котеневой, М. А. Поповой, П. Н. Черниковой, М. А. Малаховой, записанные Л. А. Черенковой, Т. Д. Чебановой).
8. Бакулина А. Е. Пришла похоронка // На рельсах огненной дуги : воспоминания железнодорожников / сост. Н. В. Рыльцов. Харьков: Прапор, 1988. С. 42–43, 113.
9. Барсукова Н. В. Женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2012. № 5. С. 11–14.
10. Боевые подруги на Огненной дуге. Воспоминания участниц Курской битвы / сост. М. А. Сабельников. Белгород: Везелица, 1998. 308 с.
11. Война. Народ. Победа. 1941–1945 : статьи, очерки, воспоминания : в 4 кн. М.: Политиздат, 1976. Кн. 2. 206 с.
12. Гетманова Е. С., Линец С. И., Линец А. С. Продовольственная и жилищная проблемы в повседневной жизни женщин Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 155–161.
13. Гугова М. Х., Текуева М. А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 77–81.
14. Дорога мужества и жизни : материалы о героических делах тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны и о добрых делах в мирное время / сост. Н. Я. Чуев, И. В. Пирожков, Н. В. Полухина. Губкин: Губк. тип., 2002. 107 с.
15. Жимолостных Л. Д. Из воспоминаний о строительстве дороги // Октябрьские зори. 1986. 9 июля.
16. Зензинов Н. А. Дорога мужества // Железнодорожный транспорт : энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. М.: Большая рос. энцикл., 1995. С. 124.
17. Из писем Военного совета Воронежского фронта Государственному комитету обороны // Курская область в период Великой Отечественной войны СССР 1941–1945 гг. : сб. докл. и материалов : в 2 т. Курск: Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 69–70.
18. Кабанов П. А. Стальные перегоны. М.: Воениздат, 1973. 326 с.
19. Кабировва А. Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань: ИЯЛИ, 1995. 173 с.
20. Комаров Н. Я. Для победы на Курской дуге : 8 июня 1943 г.: Постановление ГКО «О строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава» // Государственный Комитет

- Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М.: Воениздат, 1998. С. 265–267.
21. Кондакова Н. И. Исторический опыт борьбы КПСС за Победу в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975. 69 с.
 22. Котенева В. Ф. Из воспоминаний о строительстве дороги // Октябрьские зори. 1998. 9 июля.
 23. Ледовская М. Комсомолки влюблялись в зенитчиков // Оскольские новости. 2002. 11 июня.
 24. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. «Не только перевязка мужских ран...»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой Мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252.
 25. Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 293 с.
 26. На рельсах Огненной дуги : воспоминания железнодорожников. Харьков: Прапор, 1988. 229 с.
 27. Николаи Ф. В., Софронова Л. В., Хазина А. В. Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии // Научный диалог. 2021. № 2. С. 356–370.
 28. Партийный архив Курского обкома КПСС. Ф. 131. Оп. 1. Д. 212. Л. 6–7.
 29. Подбельцев И. Как в разгар битвы на Курской дуге проложили рельсы // Деловой журнал «Профиль» : информ. агентство. URL: <https://profile.ru/society/kak-v-razgar-bitvy-na-kurskoj-duge-prolozhili-strategicheskie-relsy-298641/>. Дата публикации: 04.05.2020.
 30. Пойлова Е. В. Специфика службы женщин в мужских воинских коллективах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 3. С. 77–81.
 31. Постановление Бюро обкома и облисполкома // Курская область в период Великой Отечественной войны СССР 1941–1945 гг. : сб. докл. и материалов : в 2 т. Курск: Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 70–72.
 32. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 25–33.
 33. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени : 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. 272 с.
 34. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2023. № 8. С. 46–54.
 35. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
 36. Твой путь я разделяю как верная подруга...: (женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941–1945 гг.) / В. В. Коровин [и др.]. Курск: Курская гор. тип. 2006. 132 с.
 37. Телегин В. Железная дорога к победе // Стойленская нива. 2003. 8 мая.
 38. Шугаева-Селиверстова Л. Я ехала на платформе первого поезда : письмо из Уфы // Октябрьские зори. 1998. 9 июля.

References

1. Vashkau, NE 2013, «...Khot raz napishu tebe pravdu». *Pisma soldat vermakhta iz stalingradskogo okruzheniya* (For once I will write you the truth." Letters of Wehrmacht soldiers from the Stalingrad encirclement), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
2. Korovin, VV, Manzhosov, AN & Golovin, EA (eds.) 2018, «Vremya vybralo nas...» *Vklad molodykh kuryan v Velikuyu pobedu (1941–1945 gg.)* ("Time chose us..." The contribution of young Kursk residents to the Great Victory (1941–1945)), Universitetskaya kniga Publ, Kursk. (In Russ.)
3. Anfertyev, IA 2011, 'Novyye napravleniya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii. Voenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskiye i mezhdistsiplinarnyye problemy novoy ot-

- rasli istoricheskoy nauki' (New trends in modern Russian historiography. Military historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science), in *Gumanitarnyye chteniya RGGU*, Moscow, pp. 319–328. (In Russ.)
4. *Arkhiv issledovatel'skoy laboratorii istorii i kultury Oskolskogo kraya pri kafedre gumanitarnykh nauk STI NITU MISiS* (Archive of the Research Laboratory of History and Culture of the Oskol Region at the Department of Humanities of the Sary Oskol Technological Institute named after. A.A. Ugarov (branch) of MISiS). File 3. (In Russ.)
 5. *Arkhiv Starooskolskogo kraevedcheskogo muzeya (SOKM)* (Archive of the Sary Oskol Museum of Local History), fund 21, Lichnyy arkhiv I. S. Kononova (Personal archive of I. S. Kononov). (In Russ.)
 6. *SOKM*, fund 1, file 38/1, *Vospominaniya Anny Protorchinoy ob uchastii v stroitel'stve zheleznoy dorogi Saryy Oskol – Rzhava* (Anna Protorchina's Memories of Participation in the Construction of the Sary Oskol – Rzhava Railway). (In Russ.)
 7. *SOKM*, fund 90, *Vospominaniya Protorchinoy A. A., Kotenevoy V. F., Popovoy M. A., Chernikovoy P. N., Malakhovoy M. A., zapisannyye L. A. Cherenkovoy, T. D. Chebanovoy* (Memories of A. A. Protorchina, V. F. Koteneva, M. A. Popova, P. N. Chernikova, M. A. Malakhova, recorded by L. A. Cherenkova, T. D. Chebanova). (In Russ.)
 8. Bakulina, AE 1988, 'Prishla pokhoronka' (The killed in action notice was received), in NV Ryltsov, *Na relsakh ognennoy dugi : vospominaniya zheleznodorozhnikov* (On the rails of the Fire Arc: memoirs of railroad workers), Prapor Publ, Kharkov, pp. 42–43, 113. (In Russ.)
 9. Barsukova, NV 2012, 'Zhenshchiny v vooruzhennykh silakh SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (Women in the armed forces of the USSR during the Great Patriotic War), *Omskiy nauchnyy vestnik*, no 5, pp. 11–14. (In Russ.)
 10. Sabelnikov, MA (ed.) 1998, *Boevyye podругi na Ognennoy duge. Vospominaniya uchastnits Kurskoy bitvy* (Female comrades-in-arms on the Fire Arc. Memoirs of the participants of the Battle of Kursk), Vezelitsa Publ, Belgorod. (In Russ.)
 11. Taratuta, ZhV (ed.) 1976, *Voyna, narod, pobeda 1941–1945. Statyi, ocherki, vospominaniya* (War, people, victory 1941–1945. Articles, essays, memoirs), book 2, Politizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
 12. Linets, SI, Linets, AS & Getmanova, ES 2021, 'Prodovol'stvennaya i zhilishchnaya problemy v povsednevnoy zhizni zhenshin Stavropolskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (Food and housing problems in daily life of women in the Stavropol region during the Great Patriotic War: state and ways of solving), *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Izvestia Voronezh State Pedagogical University)*, no. 2. pp. 155–161. (In Russ.)
 13. Gugova, MKh & Tekueva, MA 2012, 'Zhenshchina i voyna: problema povsednevnogo sushchestvovaniya i mentalnykh izmeneniy (istoriografiya, zadachi i metodologicheskiye podkhody)' (Woman and War: everyday existence and mental changes (historiography, tasks and methodological approaches), *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, no.46. pp. 77–81. (In Russ.)
 14. Chuev, NYa, Pirozhkov, IV & Polukhina, NV (eds.) 2002, *Doroga muzhestva i zhizni: materialy o geroicheskikh delakh truzhenikov tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i o dobrykh delakh v mirnoye vremya* (The road of courage and life: materials about the heroic deeds of homefront workers during the Great Patriotic War and about good deeds in peacetime), Gubkinskaya tipografiya Publ, Gubkin. (In Russ.)
 15. Zhimolostnykh, LD 1986, 'Iz vospominaniy o stroitel'stve dorogi' (From memories of the construction of the road), *Oktyabr'skiye zori*, 09 July. (In Russ.)
 16. Zenzinov, NA 1995, 'Doroga muzhestva' (The Road of Courage), *Zheleznodorozhnyy transport (Railway transport)*, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ, Moscow. (In Russ.)
 17. Iz pisem Voyennogo soveta Voronezhskogo fronta Gosudarstvennomu komitetu oborony (From the letters of the Military Council of the Voronezh Front to the State Defense Committee) 1962, *Kurskaya oblast' v period Velikoy Otechestvennoy voyny SSSR 1941–1945 gg. : sb. dokl. i materialov : v 2 t* (Kursk Oblast during the Great Patriotic War of the USSR 1941–

- 1945: collection of reports and materials: in 2 vols), Kurskoye knizhnoye izdatelstvo Publ, Kursk, vol. 2, pp. 69–70. (In Russ.)
18. Kabanov, PA 1873, *Stalnye peregony* (Steel tracks), Voenizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
19. Kabirova, ASH 1995, *Zhenshchiny Tatarstana na fronte i v tylu* (Women of Tatarstan at the front and in the rear), IYALI Publ, Kazan. (In Russ.)
20. Komarov, NYa (ed.) 1998, *Postanovleniye o stroitelstve zheleznodorozhnoy linii Staryy Oskol–Rzhava*, «Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet ...» (Resolution on the construction of the Stary Oskol – Rzhava railway line, "The State Defense Committee resolves ..."), Voenizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
21. Kondakova, NI 1975, *Istoricheskiy opyt borby KPSS za Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne* (The Historical experience of the CPSU's Struggle for Victory in the Great Patriotic War), Mysl Publ, Moscow. (In Russ.)
22. Koteneva, VF 1998, 'Iz vospominaniy o stroitelstve dorogi' (From memories of the construction of the road), *Oktyabrskiy zori*, 9 July. (In Russ.)
23. Ledovskaya, M 2002, 'Komsomolki vlyublyalis v zenitchikov' (Komsomol girls fell in love with anti-aircraft gunners), *Oskolskiye novosti*, 11 June. (In Russ.)
24. Mitsyuk, NA & Pushkareva, NL 2018, '«Ne tolko perevyazka muzhskikh ran...»: istoriko-antropologicheskoye issledovaniye meditsinskogo sestrinstva v gody Pervoy Mirovoy voyny' (Not only bandaging men's wounds...": a historical and anthropological study of medical nursing during the First World War), *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, no. 2, pp. 244–252. (In Russ.)
25. Murmantseva, VS 1974, *Sovetskiye zhenshchiny v Velikoy Otechestvennoy voyne* (Soviet Women in the Great Patriotic War), Mysl Publ, Moscow.
26. Ryltsov, NV (ed) 1988, *Na relsakh ognennoy dugi : vospominaniya zheleznodorozhnikov* (On the rails of the Fire Arc: memoirs of railroad workers), Prapor Publ, Kharkov. (In Russ.)
27. Nikolai, FV, Sofronova, LV & Hazina, AV 2021, 'Voenno-istoricheskaya antropologiya: vektory teoreticheskoy polemiki v rossiyskoy i angloyazychnoy istoriografii' (Military historical anthropology: vectors of theoretical polemics in Russian and English-language historiography), *Nauchnyy dialog*, no. 2, pp. 356–370. (In Russ.)
28. *Partiynnyy arkhiv Kurskogo obkoma KPSS* (Party archive of the Kursk regional committee of the CPSU), fund 131, inventory 1, file 212, sheet 6–7. (In Russ.)
29. Podbeltsev, I 2020. Kak v razgar bitvy na Kurskoy duge prolozhili relsy (How the rails were laid at the height of the battle on the Kursk Bulge), *Profil*, date of publication 04 May 2020, viewed <https://profile.ru/society/kak-v-razgar-bitvy-na-kurskoj-duge-prolozhili-strategicheskie-relsy-298641/> (In Russ.)
30. Poylova, EV 2019, 'Spetsifika sluzhby zhenshchin v muzhskikh voinskikh kolektivakh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Krasnoyarskogo Kraya)' (The Specifics of the Service of Women in the Male Military Teams during the Great Patriotic War in 1941–1945 (On the Materials of the Krasnoyarsk Territory)), *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 3, pp. 77–81. (In Russ.)
31. Arkhipova, TI (ed.) 1962, 'Postanovleniye Byuro obkoma i oblispolkoma, Kurskaya oblast v period Velikoy Otechestvennoy voyny SSSR 1941–1945 gg.' (Resolution of the Bureau of the Regional Committee and the Regional Executive Committee, Kursk region during the Great Patriotic War of the USSR 1941–1945), *Sbornik dokladov i materialov*, vol. 2, Kurskoye knizhnoye izdatelstvo Publ, Kursk. (In Russ.)
32. Rebrova, IV 2008, '«Zhenskaya» povsednevnost' v problemnom pole istorii Velikoy Otechestvennoy voyny' ("Women's" everyday life in the problematic field of the history of the Great Patriotic War), *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2008, no. 2 (47), pp. 25–33. (In Russ.)
33. *Sbornik ukazov, postanovleniy, resheniy, rasporyazheniy i prikazov voennogo vremeni 1941–1942* (Collection of decrees, resolutions, decisions, instructions and orders of wartime 1941–1942), Leningradskoye gazetno-zhurnalnoye i knizhnoye izdatelstvo Publ, Leningrad. (In Russ.)
34. Senyavskaya, ES 2023, 'Voennaya antropologiya v novykh istoricheskikh usloviyakh' (Military Anthropology in New Historical Context), *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudar-*

- stvennogo universiteta (Proceedings of Petrozavodsk State University)*, no. 8, pp. 46–54. (In Russ.)
35. Senyavskaya, ES 1999, *Psikhologiya voyny v XX v.: istoricheskiy opyt Rossii* (Psychology of war in the 20th century: the historical experience of Russia), ROSSPAN Publ, Moscow. (In Russ.)
36. Korovin, VV, Manzhosov, AN, Nemtsev, AD & Pozhidaeva, NN (eds.) 2006, *Tvoy put' ya razdelyayu kak vernaya podругa...: (zhenshchiny Kurskoy oblasti v Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soyuza i dobrovolcheskikh voyenizirovannykh formirovaniyakh v 1941–1945 gg.)* (I share your path as a faithful friend (Women of the Kursk Oblast in the Armed Forces of the Soviet Union and volunteer paramilitary formations in 1941–1945), Kurskaya gorodskaya tipografiya Publ, Kursk. (In Russ.)
37. Telegin, V 2003, 'Zheleznaya doroga k pobede' (Railway to victory), *Stoylenskaya niva*, 08 May. (In Russ.)
38. Shugaeva-Seliverstova, L 1998, 'Ya ekhala na platforme pervogo poezda, Pismo iz Ufy' (I was riding on the platform of the first train, A letter from Ufa), *Oktyabrskiy zori*, 09 July. (In Russ.)

Вклад авторов:

Мухина З. З. – автор идеи публикации, сбор эмпирического материала, написание текста.

Мицук Н. А. – сбор эмпирического материала, работа с историографией, написание текста, подготовка рукописи.

Пушкарева Н. Л. – работа с историографией, написание текста.

Contribution of the authors:

Zinara Z. Mukhina – idea, collecting empirical material, writing the text.

Natalia A. Mitsyuk – collecting empirical material, working with historiography, writing a text, and preparing a manuscript.

Natalia L. Pushkareva – working with historiography, writing a text.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025

Одобрена после рецензирования: 23.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 05.06.2025

Approved after reviewing: 23.06.2025

Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 94(430).086

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-23-35>

РЕАКЦИЯ ВОЕННЫХ НА ПОКУШЕНИЕ НА ГИТЛЕРА 20 ИЮЛЯ 1944 Г.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

**Валентин Олегович
Терентьев**

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
valentin.terenn@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4639-9488>

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения реакции немецких военных на новость о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., известное также как операция «Валькирия». Актуальность настоящей статьи обусловлена пересмотром устоявшейся трактовки реакции немецкого населения на провал заговора, сформированной исследователями в области социальной истории в 1970–1980-е гг. на основе отчетов жандармерии. Для реализации данной цели автором будет рассмотрена реакция представителей различных профессиональных принадлежностей через призму источников личного происхождения. При исследовании эго-документы подвергаются критическому анализу. В качестве источниковой базы выступили источники личного происхождения: мемуары, дневники и фронтовые письма. Автор выделил четыре распространенных вида реакций на покушение: осуждение, недоверие, одобрение и равнодушие. Большинство военных осуждало заговор и аргументировало свою реакцию тремя факторами: ведением войны, нарушением прусских военных традиций, выраженных в аполитичности армии, и угрозой эскалации гражданской войны. Наблюдалась также равнодушие к этому событию, свидетельствующее об упадке интереса военных к личности Гитлера. Также были выявлены положительные реакции, подвергнутые критическому анализу. В его результате автор приходит к выводу, что положительная реакция на новость о покушении существовала у меньшинства солдат, а ее указание в мемуарах могло быть направлено на корректировку образа военного в глазах общественности. Недоверие к новости наблюдалось у представителей Кригсмарине, из чего делается предположение об отстраненности немецких моряков от остальной части вооруженных сил Германии.

Ключевые слова: Третий рейх, операция «Валькирия», 20 июля 1944 г., покушение на Гитлера, немецкое общество, социальная история, генералитет, военные.

Для цитирования: Терентьев В. О. Реакция военных на покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.: к постановке проблемы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 23–35. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-23-35>

Сведения об авторе: В. О. Терентьев – студент Института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Scientific Article
UDC 94(430).086
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-23-35>

THE MILITARY'S REACTION TO ATTEMPTED ASSASSINATION OF HITLER ON JULY 20, 1944: TO THE PROBLEM STATEMENT

Valentin O. Terentyev

Herzen State Pedagogical University of Russia
 St. Petersburg, Russia, valentin.terenn@yandex.ru
 <https://orcid.org/0009-0005-4639-9488>

Abstract. The article attempts to consider the response of the German military to the news of the assassination attempt on Hitler on July 20, 1944, also known as Operation Valkyrie. The relevance of this article is due to the revision of the established interpretation of the German population's response to the failure of the conspiracy, formed by researchers in the field of social history in the 1970s and 1980s based on gendarmerie reports. To achieve this goal, the author examines the response of people of various professions through the prism of private nature sources (memoirs, diaries, and letters from the front). The author critically analyzes the sources and identifies four common types of response to the assassination attempt: condemnation, nonresponse, approval and mistrust. The majority of the military condemned the conspiracy and argued their point of view with three factors: the conduct of the war, the violation of Prussian military traditions and the threat of escalation of the civil war. There was also an indifference to this event, indicating a decline in the military's interest in Hitler's personality. The author also identifies a positive reaction and critically analyzes it. As a result, the author concludes that a minority of soldiers had a positive reaction to the news of the assassination attempt. Her mention in her memoirs was most likely to correct the image of the military in the public's eyes. Representatives of the Kriegsmarine did not trust this news, which suggests that the German sailors are detached from the rest of the German armed forces.

Keywords: Third Reich, Operation Valkyrie, 20 July 1944, attempted assassination of Hitler, German society, social history, general officers, military.

For citation: Terentyev, MO 2025, 'The Military's Reaction to Attempted Assassination of Hitler on July 20, 1944: to the Problem Statement', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 23–35, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-23-35> (in Russ.)

Information about the Author: *Valentin O. Terentyev* – Student, Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia.

© Terentyev V. O., 2025

Введение

В отличие от предпосылок и хода покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., последствия данного события являются недостаточно разработанной темой как в российской, так и в зарубежной историографиях. Зачастую ей уделяют внимание лишь в контексте более общих тем, не выводя в отдельное исследование. Вопрос о реакциях немецкого населения на покушение на Гитлера рассматривался исследователями в области социальной истории на общей волне интереса, наблюдавшейся в 1970–1980-е гг. Многие историки сходились во мнении, что покушение на Гитлера способствовало сплочению населения вокруг фигуры Гитлера, несмотря на рост пессимистичных настроений по отношению к режиму [35, р. 53–54]. На это указывали такие исследователи, как Жан Марабини [17, с. 272], Ричард Грюнбергер [39, р. 43], Марлиз Штайнерт [45, р. 267], Ричард Бессель [35, р. 53], Мартин Брошат [36, s. 298]. Впоследствии такая позиция пересмотру не поддавалась. Однако указанные авторы при оценке реакции немецкого населения апеллировали к полицейским отчетам, отражающим внешнюю реакцию той части населения, которая выразила публичную поддержку режиму в кризисный для него период. В то же время исследователи игнорировали фактор источников личного происхождения, позволяющий рассмотреть переживание этого события немецким населением, а также тех, кто не выразил публичной поддержки режиму на «митингах лояльности». Этим обуславливается актуальность настоящей статьи: рассмотрение темы через призму личного восприятия и рефлексии произошедшего. Новизна работы заключается в рассмотрении оценки Гитлера вермахтом через призму попытки его ликвидации.

Данная проблема будет рассмотрена в ряде статей, в которых будут проанализированы реакции различных слоев немецкого общества на события 20 июля 1944 г. Население распределено на группы по профессиональному признаку. В данной статье акцент будет сконцентрирован на реакции военных. Таким образом, целью настоящей статьи является выявление реакции представителей военных на провал операции «Валькирия».

Необходимо отметить сложность разработки данной темы, обусловленную отсутствием необходимого числа данных из-за ограниченности доступных мемуаров и дневников, а также отсутствием реакций на тему покушения в доступных источниках. Большинство военных не оставляли после себя источников личного происхождения (в частности, мемуаров). Среди доступных источников лишь немногие упоминали события 20 июля и реакцию на них: многие эго-документы не содержат информации о реакции автора документа на провал покушения, а в источниках, содержащих реакцию, показания ограничены несколькими предложениями. Примечательно, что источники личного происхождения фиксируют как реакции самих авторов документов, так и зачастую реакцию окружающих их людей, что увеличивает число респондентов. Однако необходима оговорка, поскольку авторы зачастую не называют точное число людей, которые заявили ту или иную реакцию на покушение.

В качестве источниковой базы исследования выступили источники личного происхождения в виде мемуаров, дневников и фронтовых писем военных, а также приближенных к ним авторов. Всего был проанализирован 31 документ. Первым видом использованных источников являются мемуары, составляющие большую часть корпуса анализируемых документов. При их анализе будет учитываться контекст публикации мемуаров, который оказывал непосредственное влияние на их содержание. Вторым видом источников личного происхождения являются дневники. Они не так широко представлены в статье, что обусловлено тем, что немногие военные имели возможность вести дневниковые записи в условиях боевых действий. В отличие

от мемуаров, они предоставляют детальную информацию о реакциях военнослужащих на покушение, включая незначительные подробности.

Третьим видом являются фронтовые письма. Они, как и дневниковые записи, фиксируют мгновенную реакцию на событие. Однако важным фактором при анализе является фактор полевой цензуры, не позволявшей солдатам наиболее полно выражать свои мысли. Фронтовые письма были взяты из двух интернет-порталов: с сайта проекта «Полевая почта Второй мировой войны» [38] и сайта фонда Музея почты и телекоммуникаций, имеющего в открытом доступе коллекцию полевых писем [37]. В ходе исследования были подвергнуты анализу письма, написанные в период с 20 по 31 июля 1944 г. Выбор хронологических рамок продиктован тем, что именно в этот период многими солдатами упоминался в письмах провал покушения на Гитлера.

Собранные реакции были классифицированы на четыре категории, в основе которых лежала та или иная эмоция: осуждение, равнодушие, положительная реакция и недоверие. При рассмотрении категории «осуждение заговорщиков» была введена отдельная классификация на паттерны, необходимая для более детального рассмотрения данной категории. Выбранная классификация позволяет в полной степени раскрыть весь спектр реакций на данное событие.

1. Осуждение заговорщиков

Осуждение действий заговорщиков являлось самой распространенной реакцией, зафиксированной в восемнадцати источниках. Эрнст Юнгер писал о споре со своим товарищем на тему покушения, в ходе которого знакомый писателя обозначил происшедшее как «неслыханное свинство» [31, с. 609]. Эрих Керн вспоминал, что от солдат наблюдались «угрозы и ругательства» в адрес заговорщиков [15, с. 187]. Генерал Германн Балак вспоминал, что «внешне солдаты явно встали на сторону Гитлера» [34, р. 358].

Первый паттерн. Широко распространенной реакцией стало осуждение заговорщиков, обусловленное активным ведением войны. Генерал Праун писал о негодовании военных, вызванном покушением на Верховного Главнокомандующего в период ожесточенных сражений [22, с. 342]. Офицер танковых войск Август фон Кагенек вспоминал, что покушение воспринимали за измену даже те, кто «втайне недолюбливал режим», поскольку заговор был осуществлен в период войны, когда «тысячи немецких солдат сражались насмерть, чтобы остановить красный вал, уже накатывавшийся на восточные рубежи страны» [13, с. 148]. Танкист-ас Отто Кариус утверждал, что представители сопротивления «никоим образом не завоевали больше признания и уважения, чем любой солдат, роковым образом и тихо погибший на фронте за свою родину» [14, с. 234]. Эрвин Бартман воспринимал покушение как предательство, поскольку верил в победу Германии в войне из-за остановки наступления английских войск в г. Кан в Нормандии [3, с. 192]. Как вспоминал Курт Майер, солдаты не симпатизировали участникам заговора: «Да, войска страстно желали окончания войны и изыскивали средства и пути положить конец этой бессмысленной бойне, однако это отнюдь не означало, что они готовы нарушить солдатскую присягу» [18, с. 384]. Отто Вайдингер писал: «Всем нормальным солдатам, сражающимся на фронте, совершенно непонятно, зачем в этот момент судьбоносного для нашего народа сражения немецкие офицеры хотели устранить своего Верховного Главнокомандующего» [8, с. 363]. Унтер-офицер Гюнтер Вольф в своем письме жене писал о том, что нельзя менять правителя страны в период ведения боевых действий [41]. В одном из проанализированных писем лейтенант и командир роты Альфред Люх писал: «Это подло, но судьба была к нам благосклонна, и это должно укрепить нашу веру в нашу миссию в борьбе против большевизма» [33].

Рассмотренные источники демонстрируют, что респонденты выступали против покушения из-за фактора ведения войны. Интерпретировать это можно следующим образом: в случае успеха покушение способствовало капитуляции Германии и прекращению боевых действий, что обесценивало жертвы немецких солдат. Такой ход мысли является общим для всех респондентов. Именно поэтому среди этого паттерна также можно обнаружить, что большинство выражает протест против покушения на Гитлера, которого воспринимали как Верховного Главнокомандующего, а не лидера страны.

Второй паттерн. Вторым паттерном стало осуждение заговорщиков за несоблюдение прусских военных традиций, согласно которым армия должна оставаться аполитичной. Наглядным примером является реакция гросс-адмирала Эриха Редера. Он осуждал действия заговорщиков, обуславливая это военными традициями, по которым военные не имеют права агитировать или выступать против «преданности государству» [23, с. 448–449]. В ходе дискуссии между несколькими людьми, зафиксированной Клаусом Гранцовым, один из участников осуждал заговорщиков, апеллируя к прусским традициям [10, с. 117]. Стоит также отметить, что даже те, кто признавал действия Гитлера преступными, считали, что подчинение приказам оставалось вне обсуждения даже в критической для Германии ситуации. Альфред Йодль во время Нюрнбергского процесса признавал Гитлера преступником, но, несмотря на это, находил действия заговорщиков «безнравственными» [24, с. 279]. В этом можно разглядеть влияние военных прусских традиций: «безнравственность», о которой говорит Йодль, можно трактовать как неуважение к прусским традициям. Он также утверждал, что большинство участников заговора действовали исходя из меркантильных побуждений, что вызывало презрение по отношению к ним [11, с. 321].

Апелляция к прусским военным традициям свидетельствует об их существенном влиянии на сознание немцев, которое восходит еще со времен Германской империи. Однако в свою очередь необходимо учитывать, что в контексте написания мемуаров, фиксирующих данный паттерн, апелляция к прусским армейским традициям может служить в качестве оправдания за участие военных в преступлениях, совершенных нацистами. Так или иначе, обращение к ним свидетельствует об их распространенности в обществе, и, соответственно, возможности ссылаться на них как на общепринятые социальные нормы.

Третий паттерн. Среди реакций офицерства можно обнаружить осуждение, обусловленное страхом перед вероятной гражданской войной в случае успеха покушения. Эрвин Бартман писал: «Случись восстание против власти Гитлера, и немцы стали бы убивать немцев, что привело бы к громадным людским потерям в моем родном городе» [3, с. 192]. Интересно также отметить мнение генерал-майора танковых войск Фридриха фон Меллентина. Он считал, что успех покушения привел бы к противостоянию с СС: «Но, если бы покушение на Гитлера удалось, это привело бы к кровавой внутренней расправе с войсками СС» [19, с. 294].

Наблюдаемый паттерн в отзывах о покушении на Гитлера трудно поддается интерпретации. Предположительно, он свидетельствует о том, что респонденты ощущали растущее влияние СС в политической системе Германии. Покушение как фактор дестабилизации нацистского режима могло спровоцировать гражданскую войну, в которой СС могли занять отдельную сторону для захвата власти. Это предположение особенно актуально в контексте усиления влияния Гиммлера и СС в ходе Второй мировой войны [25, с. 61].

2. Отсутствие реакции

Наблюдались и респонденты, указывающие на отсутствие реакции на события 20 июля солдат некоторых батальонов. Этот феномен наблюдается в восьми источниках.

Исходя из записей мемуаристов, можно прийти к выводу, что отсутствие реакции было вызвано всеобщей усталостью от войны. Эту мысль наглядно передает офицер Готтлоб Бидерман в своих мемуарах: «Рядовой солдат на фронте был настолько погружен в проблемы собственного выживания, что у него оставалось мало времени на размышления над последствиями покушения» [5, с. 256]. Офицер Люфтваффе Вилли Хейлман писал, что члены военно-воздушных сил Германии «очень вяло прореагировали» на покушение, что было связано осознанием многими солдатами бессмысленности войны из-за скорого поражения [27, с. 28]. Новость также не вызывала никакой реакции из-за большого количества дел на фронте [4, с. 78]. Фронтовой журналист Курт Эммрих (более известен под псевдонимом Питер Бамм) писал: «Как ни странно, это событие не произвело на нас особого впечатления. В течение многих недель, днем и ночью, мы находились в состоянии такого сильного напряжения, что отвлекаться на посторонние вещи просто не оставалось сил» [2, с. 218]. Генерал от инфантерии Дитрих фон Хольтиц писал, что покушение мало затронуло войска из-за того, что все внимание солдат было направлено на ожесточенные события на фронте [28, с. 177]. Юрий Штридтер также фиксировал подобную реакцию в своих мемуарах [30, с. 310].

Среди проанализированных писем также наблюдается немногословная реакция, ограниченная лишь упоминанием новости о провале покушения. Солдат Хорст Бем в письме матери писал: «О покушении на нашего лидера мы узнали только случайно. Это нам рассказал кто-то из больницы. Слава Богу, что покушение преступнику не удалось» [43]. Аналогично отзывался другой солдат Адальберт Хубер: «Сегодня стало известно о покушении на Гитлера, которое стало очередной бедой» [32].

Выявленное безразличие является особенно уникальной для рассмотрения реакцией, поскольку среди большинства солдат новость о покушении так или иначе вызвала яркую реакцию. Во многом равнодушие можно объяснить двумя факторами. Во-первых, общей усталостью солдат от войны (на что указывают некоторые авторы). Во-вторых, можно предположить, что процесс снижения интереса немецкого населения к фигуре Гитлера летом 1944 г., отмеченный Ричардом Бесселем [35, р. 53–54], частично затронул и армейские структуры.

3. Одобрение

Попытка убийства Гитлера вызывала у некоторых респондентов положительную реакцию, наблюдаемую в четырех источниках. Данная категория реакций особенно нуждается в критической оценке, поскольку указанные мемуаристами реакции могут не отражать подлинной позиции автора, что может быть обусловлено попыткой «отбеливания» имиджа через транслирование нужного нарратива в мемуарах.

Самым распространенным паттерном реакции стало ощущение «искупления» за преступления национал-социалистов. Так, генерал артиллерии Варлимонт Вальтер считал, что покушение стало результатом всех страданий, которые принесла война немцам [7, с. 478]. Впрочем, эта позиция не отражает реальных взглядов Варлимонта: Яап Хоогенбозем в своем исследовании, посвященном мемуарам Варлимонта, называл его «типичным примером офицера Вермахта, заявляющего о своей невиновности» [42, р. 188]. Поэтому его мемуары во многом носят оправдательный характер, а указанная военной реакцией направлена на корректировку собственного имиджа. Особенно интересны воспоминания Феликса Хартлауба. Он вспоминал, что покушение вызвало шок у солдат, и разговоры об этом стали табу, поскольку после

покушения многие родственники солдат пострадали от репрессий [26, с. 168]. При этом автор писал, что покушение с нравственной точки зрения было правильным и «вызывало у смертных глубочайшее чувство радости и счастья» [26, с. 195]. Рукопись, изданная под авторством Феликса Хартлауба, трудно назвать мемуарами в полной степени: один из исследователей этого эго-документа называл его скорее «отрефлексированным материалом», написанным по «свежим следам» для написания будущей работы [44, s. 288]. Курт Марко в своей аналитической статье, посвященной мемуарам Хартлауба, писал, что автор эго-документа не был нацистом и являлся противником режима [44, s. 288]. Исходя из данной оценки, мнение Хартлауба при настоящем исследовании можно считать скорее правдивым.

Вильгельм Люббеке писал, что бойцы его окружения сожалели о неудавшемся покушении, поскольку среди них наблюдалось «глубокое недовольство нацистским руководством и все большее безразличие к судьбе Гитлера» [16, с. 220]. В силу отсутствия исследований, содержащих критическое осмысление мемуаров Люббеке, и биографических сведений об этой личности, сделать выводы о достоверности написанного проблематично. Можно предположить, что приводимые данные правдивы, поскольку они соответствуют отмеченной выше общей тенденции в виде упадка интереса к личности Гитлера.

Обособленно можно выделить реакцию летчика-истребителя Генриха фон Айнзиделя. Он писал, что первоначальной реакцией на новость о покушении на Гитлера была радость, сменившаяся упадком духа о новости о неудаче заговора. Спустя несколько дней один из близких Айнзиделю людей утверждал, что покушение было попыткой правящего класса Германии избавиться от «своей преторианской гвардии» чтобы «расчистить себе путь к капиталистической демократии» [1, с. 176]. Учитывая причастность Айнзиделя к антифашистскому комитету «Свободная Германия», частью которого он стал после пленения Красной армией, можно поверить в достоверность указанных данных. Однако необходимо учитывать, что его мнение отражает мнение оппозиционно настроенных военных, примкнувших к движению Сопротивления в лице антифашистского комитета.

4. Недоверие

Среди военных наименее распространенной реакцией является недоверие. Оно было зафиксировано всего в двух источниках. Герберт Вернер, капитан Кригсмарине, в своих мемуарах раскрывал реакцию членов экипажа подводной лодки, которая разнилась «от недоверия до крайней озабоченности» [9, с. 346]. Адмирал Карл Дёниц также выразил недоверие к данной новости, не понимая, как офицеры в период ожесточенных событий могли быть способны на покушение [12, с. 405].

Обе зафиксированные реакции принадлежат военным, являющимся военнослужащими Кригсмарине. В силу отсутствия необходимого числа источников, можно вынести лишь предположение о том, что деятели Кригсмарине, будучи членами наименее политизированной армейской структуры, и, соответственно, наиболее преданной армейским традициям, не могли поверить в подобный политический акт со стороны своих сослуживцев, связанных с режимом присягой.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о сложности и многогранности реакции военных. Внешне военные осуждали заговор и выражали свою поддержку режиму, на что указывают заявления о преданности Гитлеру, поступающие из воинских частей и со всей страны на следующий день после покушения [6, с. 93]. На это также указывают рассмотренные выше мемуары генерала Германа Балака.

Однако внутри самой военной среды наблюдалась довольно неоднородная реакция на покушение. На это также, в частности, указывает проведение дискуссий на тему заговора в некоторых воинских частях [29, с. 136; 10, с. 177], свидетельствующих

о наличии полярности мнений по этому вопросу. Был сделан вывод о непринятии большинством военных попытки заговора. Это подкрепляют многочисленные социальные опросы: в американском плену социологами были собраны данные у немецких солдат, в соответствии с которыми в начале июля 1944 г. 57 % немецких военнопленных, опрошенных американскими социологами, продолжали доверять Гитлеру, то после 20 июля – 68 % [20, с. 388]. Послевоенные социальные опросы лишь укрепляют это мнение: согласно статистическим данным, 60 % профессиональных военных высказались не в поддержку заговорщиков [21, с. 157].

Выделяется три основания осуждения. Первое заключается в факторе ведения войны. Успешное покушение потенциально могло бы привести к внутривойсковой нестабильности, непременно отразившейся на состоянии фронта. Поэтому военные осуждали заговор на Гитлера как на Верховного Главнокомандующего, а не как лидера страны. Второе связано со следованием прусским традициям, в соответствии с которыми армия должна оставаться аполитичной. Отмечается двойственность данной позиции, которая может служить в качестве оправдания за участие военных в военных преступлениях, совершенных нацистами. Третье основание выражено в опасении перед потенциальной гражданской войной внутри Германии. Выделяется ощущение военными роста влияния СС, находящего отражение в тезисе о том, что СС заняло бы отдельную сторону в конфликте.

Отсутствие реакции среди части респондентов свидетельствует об угасании их интереса к личности Гитлера из-за постоянной войны, которым некоторым опрошенным казалась бессмысленной. Были отмечены положительные реакции на новость о покушении. В ходе критического анализа было выявлено, что указанные в источниках личного происхождения реакции соответствуют действительности у Вильгельма Люббеке, Генриха фон Айнзидель и Феликса Хартлауба. Указанная в мемуарах реакция Вальтера Варлимонда имела функциональное значение и была направлена на корректировку имиджа военного.

Любопытно отметить, что воспоминания членов Кригсмарине фиксируют недоверие к новости, что, вероятно, указывает на традиционность мышления военных моряков, для которых вера присяге является важной частью армейской культуры.

Данное исследование фиксирует реакцию военных. Дальнейшие разработки в этой области будут затрагивать реакцию других слоев населения на покушение на Гитлера.

Список источников и литературы

1. *Айнзидель Г. фон. Дневник пленного немецкого летчика: Сражаясь на стороне врага, 1942–1948* / [пер. с нем. А. Л. Андреева]. М.: Центрполиграф, 2012. 316 с. (За линией фронта. Мемуары).
2. *Бамм П. Невидимый флаг: Фронтовые будни на Восточном фронте, 1941–1945* / пер. И. Емец. М.: Центрполиграф, 2006. 269 с. (За линией фронта. Мемуары).
3. *Бартман Э. Тяжелые бои на Восточном фронте: воспоминания ветерана элитной немецкой дивизии, 1939–1945* / [пер. с англ. В. В. Найденова]. М.: Центрполиграф, 2018. 286 с. (За линией фронта. Мемуары).
4. *Бергау М. Мальчик с янтарного берега: события современной истории глазами участника, 1938–1948 гг.* / [пер. с нем. М. Таркан]. Калининград: Калининградская Книга, 2020. 270 с.
5. *Бидерман Г. В смертельном бою: воспоминания командира противотанкового расчета, 1941–1945* / [пер. с англ. А. С. Цыпленкова]. М.: Центрполиграф, 2005. 365 с. (За линией фронта. Мемуары).
6. *Борман М. Письма* / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2006. 234 с. (За линией фронта. Мемуары).

7. *Варлимонт В.* В ставке Гитлера: воспоминания немецкого генерала, 1939–1945 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2005. 574 с. (За линией фронта. Мемуары).
8. *Вайдинггер О.* Товарищи до конца: воспоминания командиров панцер-гренадерского полка «Дер Фюрер», 1938–1945 / [пер. с нем. А. Г. Николаева]. М.: Центрполиграф, 2012. 539 с. (За линией фронта. Мемуары).
9. *Вернер Г.* Стальные гробы: немецкие подводные лодки: секретные операции, 1941–1945 / [перевод с англ. С. В. Лисогорского]. М.: Центрполиграф, 2003. 474 с. (За линией фронта. Мемуары).
10. *Гранцов К.* Пепел большой войны: дневник члена гитлерюгенда, 1943–1945 / [пер. с нем. В. Д. Кайдалова]. М.: Центрполиграф, 2013. 221 с. (За линией фронта. Мемуары).
11. *Густав Г.* Нюрнбергский дневник. М.: Вече, 2012. 475 с.
12. *Дениц К.* Десять лет и двадцать дней: воспоминания главнокомандующего военноморскими силами Германии, 1935–1945 : пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2004. 494 с. (За линией фронта. Мемуары).
13. *Кагенек А. фон.* Право умирать первыми: лейтенант 9-й танковой дивизии вермахта о войне на Восточном фронте, 1939–1942 / пер. с фр. В. Е. Климанова. М.: Центрполиграф, 2021. 187 с. (За линией фронта. Мемуары).
14. *Кариус О.* «Тигры» в грязи: воспоминания немецкого танкиста, 1941–1944 / [пер. С. В. Лисогорского]. М.: Центрполиграф, 2019. 366 с. (За линией фронта. Мемуары).
15. *Керн Э.* Пляска смерти: воспоминания унтерштурмфюрера СС, 1941–1945 / [пер. с англ. Г. П. Бляблина]. М.: Центрполиграф, 2008. 252 с. (За линией фронта. Мемуары).
16. *Люббеке В.* У ворот Ленинграда: история солдата группы армий «Север», 1941–1945 / [пер. с англ. В. С. Мухина]. М.: Центрполиграф, 2017. 286 с. (За линией фронта. Мемуары).
17. *Марабини Ж.* Повседневная жизнь Берлина при Гитлере. М.: Мол. гвардия, 2003. 308 с.
18. *Майер К.* Откровения танкового генерала СС. М.: Яуза-Пресс, 2010. 448 с.
19. *Меллентин Ф. В. фон.* Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939–1945 гг. М.: Иностр. лит., 1957. 303 с.
20. *Пленков О. Ю.* Государство и общество в Третьем рейхе. Реальность диктатуры. СПб.: Владимир Даль, 2017. 671 с.
21. *Пленков О. Ю.* Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019. 511 с.
22. *Праун А.* От солдата до генерала: воспоминания офицера-связиста об управлении войсками в военных компаниях Третьего рейха, 1939–1945 / [пер. с нем. В. С. Мухина]. М.: Центрполиграф, 2018. 470 с. (За линией фронта. Мемуары).
23. *Редер Э.* Гросс-адмирал: воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха, 1935–1943 / [пер. В. Д. Кайдалова]. М.: Центрполиграф, 2004. 488 с. (За линией фронта. Мемуары).
24. Стенограмма Нюрнбергского процесса : сб. документов. Т. 14 / пер., сост. С. И. Мирошниченко. 2-е изд., доп. М.: Милитера, 2025. 622 с. Электрон. версия печ. изд. URL: http://militera.org/books/pdf/docs/sb_nurnberg-steno14.pdf (дата обращения: 10.12.2024).
25. *Терентьев В. О.* Последствия покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. для внутренней политики Третьего рейха // Клио. 2024. № 5 (209). С. 58–65.
26. *Хартлауб Ф.* В особо охраняемой зоне: дневник солдата ставки Гитлера, 1939–1945 / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: Центрполиграф, 2021. 221 с. (За линией фронта. Мемуары).
27. *Хейлман В.* Последние бои люфтваффе: 54-я истребительная эскадра на Западном фронте, 1944–1945 / [пер. с англ. М. В. Зефирова]. М.: Центрполиграф, 2006. 252 с. (За линией фронта. Мемуары).
28. *Хольтиц Д. фон.* Солдатский долг: воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы, 1939–1945 / [пер. с нем. В. Е. Климанова]. М.: Центрполиграф, 2015. 285 с. (За линией фронта. Мемуары).

29. *Шибель Г.* Война на Востоке : дневник командира моторизованной роты, 1941–1945 / пер. с англ. С. Ю. Чупрова. М.: Центрполиграф, 2019. 319 с. (За линией фронта. Мемуары).
30. *Штридтер Ю.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера : воспоминания о детстве и юности (1926–1945). М.: АИРО-XXI, 2012. 480 с.
31. *Юнгер Э.* Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 784 с.
32. Adalbert Huber an seine Ehefrau am 20.7.1944 (3.2002.7130) // Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation : Offizielle Website. URL: https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=688&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (дата обращения: 10.12.2024).
33. Alfred Luchs an seine Ehefrau am 25.7.1944 (3.2002.7567) // Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation : Offizielle Website. URL: https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=734&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (дата обращения: 10.12.2024).
34. *Balack H.* Order in Chaos. The Memories of General of Panzer Troops. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2015. 578 p.
35. *Bessel R.* Life in the Third Reich. Oxford University Press, 1987. 124 p.
36. *Broszat M.* Alltag und Widerstand-Bayern im Nationalsozialismus. München: Piper, 1987. 702 s.
37. Feldpost aus dem Zweiten Weltkrieg // Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation : Offizielle Website. URL: <https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/> (дата обращения: 10.12.2024).
38. Feldpost des Zweiten Weltkriegs // Editionen zur Geschichte : Website. URL: <https://jugend1918-1945.de/feldpost/default.aspx> (дата обращения: 10.12.2024).
39. *Grundberger R.* The 12-year Reich: a social history of Nazi Germany, 1933-1945. New York: Ballantine Books, 1972. 602 p.
40. Günther Roos an Mutter Elisabeth, 22. Juli 1944 // Editionen zur Geschichte : Website. URL: <https://jugend1918-1945.de/feldpost/default.aspx?id=30486&aid=18230&brief=30486> (дата обращения: 10.12.2024).
41. Günter Wolf an seine Ehefrau am 24.7.1944 (3.2002.1357) // Editionen zur Geschichte : Website. URL: https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=547&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (дата обращения: 10.12.2024).
42. *Hoogenboezem M. J.* Myths of innocence: General Walter Warlimont's war // Militaire Spectator. 2023. Jaargang 192, no. 4. P. 188–197.
43. Horst Boehm an seine Mutter am 23.07.1944 (3.2002.1289) // Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation : Offizielle Website. URL: https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=1507&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (дата обращения: 10.12.2024).
44. *Marko K.* Felix Hartlaubs Zeugenschaft wider den Missbrauch der Vergangenheit. Mehr als 40 Jahre danach // Zeitschrift für Politik. 1987. Vol. 34, No. 3. S. 280–291.
45. *Steinert M.* Hitler's war and the Germans: public mood and attitude during the Second World War. Ohio University Press, 1977. 387 p.

References

1. Einsiedel, G 2012, *Dnevnik plennogo nemetskogo lyotchika. Srazhayas na storone vraga. 1942–1948* (Diary of a captured German pilot. Fighting on the enemy side. 1942–1948), trans. A. L. Andreyeva, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)

2. Bamm, P 2006, *Nevidimyy flag. Frontovyye budni na Vostochnom fronte. 1941–1945* (Invisible Flag. Everyday Life on the Eastern Front. 1941–1945), trans. I. Yemets, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bartman, E 2018, *Tyazhelyye boi na Vostochnom fronte: vospominaniya veterana elitnoy nemetskoy divizii, 1939–1945* (Heavy fighting on the Eastern Front. Memoirs of a Veteran of an Elite German Division, 1939–1945), trans. V. V. Naydenova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
4. Bergau, M 2020, *Malchik s yantarnogo berega: sobytiya sovremennoy istorii glazami uchastnika, 1938–1948 gg* (A boy from the amber coast: events of modern history through the eyes of a participant, 1938–1948), trans. M. Tarkan, Kaliningradsкая Kniga publ, Kaliningrad. (In Russ.)
5. Biderman, G 2005, *V smertelnom boyu. Vospominaniya komandira protivotankovogo raschyota, 1941–1945* (In a Deadly Battle. Memories of an Anti-Tank Crew Commander. 1941–1945), trans. A. S. Tsyplenkova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
6. Borman, M 2006, *Pisma* (Letters), trans. L. A. Igorevskiy, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
7. Varlimont, V 2005, *V stavke Gitlera. Vospominaniya nemetskogo generala* (At Hitler's Headquarters. Memories of a German General), trans. L. A. Igorevskiy, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
8. Vaydinger, O 2012, *Tovarishchi do kontsa. Vospominaniya komandirov pantsergrenaderskogo polka "Der Fyurer". 1938–1945* (Comrades to the End. Memories of the Commanders of the Panzergrenadier Regiment "Der Führer". 1938–1945), trans. A. G. Nikolayev, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
9. Verner, G 2003, *Stalnyye groby. Nemetskiye podvodnyye lodki: sekretnyye operatsii 1941–1945* (Steel Coffins. German U-Boats: Secret Operations 1941–1945), trans. S. V. Lisogorskiy, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
10. Grantsov, K 2013, *Pepel bolshoy voyny. Dnevnik chlena gitleryugenda, 1943–1945* (Ashes of the Great War. Diary of a Hitler Youth Member. 1943–1945), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
11. Gustav, G 2012, *Nyurnbergskiy dnevnik* (Nuremberg Diary), Veche publ, Moscow. (In Russ.)
12. Denits, K 2004, *Desyat let i dvadtsat dney. Vospominaniya glavnokomanduyushchego voenno-morskimi salami Germanii, 1935–1945* (Ten Years and Twenty Days: Memories of the Commander-in-Chief of the German Navy. 1935–1945), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
13. Kagenek, A 2021, *Pravo umirat pervymi. Leytenant 9-y tankovoy divizi ivermakhta o voyne na Vostochnom fronte. 1939–1942* (The Right to Die First. Lieutenant of the 9th Panzer Division of the Wehrmacht about the war on the Eastern Front. 1939–1942), trans. V. E. Klimanov, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
14. Karius, O 2019, *"Tigry" v gryazi. Vospominaniya nemetskogo tankista. 1941–1944* (Tigers in the mud. Memories of a German tanker. 1941–1944), trans. S. V. Lisogorskiy, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
15. Kern, E 2008, *Plyaska smerti: vospominaniya untershturmfiurera SS. 1941–1945* (Dance of Death: Memories of an SS-Untersturmführer. 1941–1945), trans. G. P. Blyablin, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
16. Lyubbeke, V 2017, *U vorot Leningrada. Istoriya soldata gruppy armiy "Sever". 1941–1945* (At the Gates of Leningrad. The Story of a Soldier of Army Group North. 1941–1945), trans. V. S. Mukhin, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
17. Marabini, Zh 2003, *Povednevnyaya zhizn Berlina pri Gitlere* (Everyday Life in Berlin Under Hitler), Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
18. Mayer, K 2010, *Otkroveniye tankovogo generala SS* (Revelations of an SS Panzer General), Yauza-Press publ, Moscow. (In Russ.)
19. Melletin, FV 1957, *Tankovyye srazheniya. Boevoye primeneniye tankov vo Vtoroy mirovoy voyne. 1939–1945 gg* (Tank battles. Combat use of tanks in World War II. 1939–1945), Inostr. lit. publ, Moscow. (In Russ.)

20. Plenkov, OYu 2017, *Gosudarstvo I obshchestvo v Tretyem reykh. Realnost diktatury* (State and Society in the Third Reich. The Reality of Dictatorship), Vladimir Dal publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
21. Plenkov, OYu 2019, *Chto ostalos ot Gitlera? Istoricheskaya vina I politicheskoye pokayaniye Germanii* (What's Left of Hitler? Germany's Historical Guilt and Political Repentance), Vladimir Dal publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
22. Praun, A 2018, *Ot soldata do generala. Vospominaniya ofitsera-svyazista ob upravlenii voyskami v voennykh kompaniyakh Tretyego reykh. 1939–1945* (From Soldier to General. Memories of a Signal Officer about Commanding Troops in Military Campaigns of the Third Reich. 1939–1945), trans. V. S. Mukhin, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
23. Reder, E 2004, *Gross-admiral. Vospominaniya komanduyushchego VMF Tretyego reykh. 1935–1943* (Grossadmiral. Memories of the Commander-in-Chief of the Navy of the Third Reich. 1935–1943), trans. V. D. Kaidalova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
24. Miroshnichenko, SI (trans., ed.) 2022, *Stenogramma Nyurnbergskogo protsessa*. (The transcript of the Nuremberg process), vol. 14, Militera publ, Moscow, viewed 10 December 2024, URL: http://militera.org/books/pdf/docs/sb_nurnberg-steno14.pdf (In Russ.)
25. Terentyev, VO 2024, 'Posledstviya pokusheniya na Gitlera 20 iyulya 1944 g. dlya vnutrenney politiki Tretyego reykh' (Consequences of the assassination attempt on Hitler on July 20, 1944 for the internal politics of the Third Reich), *Klio* (Klio), no. 5 (209), pp. 58–65. (In Russ.)
26. Hartlaub, F 2021, *V osobookhranyaemoy zone. Dnevnik soldata stavki Gitlera. 1939–1945* (In a specially protected zone. Diary of a soldier at Hitler's headquarters. 1939–1945), trans. S. Yu. Chuprova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
27. Heilman, V 2006, *Posledniye boi lyuftvaffe. 54-ya istrebitelnaya eskadra na Zapadnom fronte. 1944–1945* (The last battles of the Luftwaffe. 54th Fighter Squadron on the Western Front. 1944–1945), trans. M. V. Zefirova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
28. Choltitz, D 2015, *Soldatskiy dolg: vospominaniya generala vermakhta o voyne na zapade I vostokey Evropy, 1939–1945* (A Soldier's Duty: A Wehrmacht General's Memories of the War in Western and Eastern Europe, 1939–1945), trans. V. E. Klimanova, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
29. Shibel, G 2019, *Voyna na Vostoke. Dnevnik komandira motorizovannoy rot. 1941–1945* (War in the East. Diary of a Motorized Company Commander. 1941–1945), trans. S. Yu. Chuprov, Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
30. Striedter, J 2012, *Mgnoveniya. Iz stalinskoy Sovetskoy Rossii v «Velikogermanskiy reykh» Gitlera. Vospominaniya o detstve I yunosti* (Moments. From Stalin's Soviet Russia to Hitler's "Great German Reich". Memories of Childhood and Youth), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
31. Junger, E 2002, *Izlucheniya (fevral 1941-aprel 1945)* (Radiation (February 1941–April 1945)), trans. N. O. Guchinskaya, V. G. Notkina, Vladimir Dal publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
32. 'Adalbert Huber an seine Ehefrau am 20.7.1944 (3.2002.7130)', *Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation*, viewed 10 December 2024, https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=688&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (In Germ.)
33. 'Alfred Luchs an seine Ehefrau am 25.7.1944 (3.2002.7567)', *Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation*, viewed 10 December 2024, https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=734&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (In Germ.)
34. Balack, H 2015, *Order in Chaos. The Memories of General of Panzer Troops*, The University Press of Kentucky publ, Kentucky.
35. Bessel, R 1987, *Life in the Third Reich*, Oxford University Press publ, Oxford.
36. Broszat, M 1987, *Alltag und Widerstand-Bayern im Nationalsozialismus*, Piper publ, Munich. (In Germ.)

37. 'Feldpost aus dem Zweiten Weltkrieg', *Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation*, viewed 10 December 2024, <https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/> (In Germ.)
38. 'Feldpost des Zweiten Weltkriegs', *Editionen zur Geschichte*, viewed 10 December 2024, <https://jugend1918-1945.de/feldpost/default.aspx> (In Germ.)
39. Grundberger, R 1972, *The 12-year Reich: a social history of Nazi Germany, 1933–1945*, Ballantine Books publ, New York.
40. 'Günther Roos an Mutter Elisabeth, 22. Juli 1944', *Editionen zur Geschichte*, viewed 10 December 2024, <https://jugend1918-1945.de/feldpost/default.aspx?id=30486&aid=18230&brief=30486> (In Germ.)
41. 'Günter Wolf an seine Ehefrau am 24.7.1944 (3.2002.1357)', *Editionen zur Geschichte*, viewed 10 December 2024, https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=547&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (In Germ.)
42. Hoogenboezem, MJ 2023, 'Myths of innocence: General Walter Warlimont's war', *Militaire Spectator*, vol. 192, no. 4, pp. 188–197.
43. 'Horst Boehm an seine Mutter am 23.07.1944 (3.2002.1289)', *Die Briefsammlungen der Museumsstiftung Post und Telekommunikation*, viewed 10 December 2024, https://www.briefsammlung.de/feldpost-zweiter-weltkrieg/brief.html?action=detail&what=letter&id=1507&date_from_mn_name=05&date_from_yr_name=1944&date_to_mn_name=08&date_to_yr_name=1944 (In Germ.)
44. Marko, K 1987, 'Felix Hartlaubs Zeugenschaft wider den Missbrauch der Vergangenheit. Mehr als 40 Jahre danach', *Zeitschrift für Politik*, vol. 34, no. 3, pp. 280–291. (In Germ.)
45. Steinert, M 1977, *Hitler's war and the Germans: public mood and attitude during the Second World War*, Ohio University Press publ.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 23.04.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 36–49.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 36–49.

Научная статья

УДК 303.446

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-36-49>

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП: ИНФОРМАЦИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПРОСТРАНСТВЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ

**Марина Сергеевна
Носова**

Омский государственный
технический университет
Омск, Россия, mari93_1993@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1508-4254>

Аннотация. Виртуальная среда стала основным источником информации для современного обывателя, студента и исследователя. Для получения данных о Великой Отечественной войне значительно чаще обращаются в юбилейный год Победы. В сети Интернет информация о событиях войны распространяется не только через официальные сайты научных институтов, музеев и исторических центров, но и через страницы и каналы в социальных сетях. Созданные для бытового общения они предоставляют возможность любителям транслировать собственное мнение на неограниченную аудиторию. Целью публикации является показать, как информация о событиях Великой Отечественной войны «живет» в пространстве мессенджеров. Основываясь на статистических данных об использовании площадок, автор статьи рассматривает попытки репрезентации темы на второй по популярности у российской аудитории платформе – Telegram. Анализ публикаций проводился как в официальных каналах, так и в любительских. Выявлены определенные отличия в представлении данных и в формах публикаций, и в качестве информации. Отдельно анализируются специфические для данной платформы каналы – чат-боты (автоматические собеседники, с заданным алгоритмом) посвященные Великой Отечественной войне. На основе анализа массива публикаций за первый квартал 2025 г. авторы показывают, как в юбилейный год репрезентуется память о войне в виртуальном пространстве социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, историческая память, популяризация, Великая Отечественная война, современные коммеморативные практики, Telegram, репрезентация.

Для цитирования: Носова М. С. Открытый доступ: информация о Великой Отечественной войне в пространстве Telegram-каналов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 36–49. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-36-49>

Сведения об авторе: Носова М. С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет, 644050, Россия, Омская область, г. Омск, проспект Мира, 11.

© Носова М. С., 2025

Scientific Article

UDC 303.446

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-36-49>

OPEN ACCESS: INFORMATION ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SPACE OF TELEGRAM CHANNELS

Marina S. Nosova

Omsk State Technical University

Omsk, Russia, mari93_1993@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1508-4254>

Abstract. The virtual environment has become the main source of information for the modern average person, student and researcher. In order to obtain data on the Great Patriotic War, one turns to the anniversary year of the Victory much more often. On the Internet, information about the events of the war is disseminated not only through the official websites of scientific institutions, museums and historical centres, but also through pages and channels in social networks. Created for everyday communication, they provide an opportunity for amateurs to broadcast their own opinions to an unlimited audience. The aim of the publication is to show how information about the events of the Great Patriotic War “lives” in the space of messengers. Based on statistical data on the use of platforms, the author of the article examines attempts to represent the topic on Telegram, the second most popular platform among the Russian audience. Publications were analysed both in official channels and in amateur channels. Certain differences in the presentation of data, both in the forms of publications and in the quality of information are revealed. The channels specific to this platform - chatbots (automatic interlocutors with a given algorithm) dedicated to the Great Patriotic War – are analysed separately. Based on the analysis of the array of publications for the first quarter of 2025, the authors show how the memory of the war in the virtual space of social networks is represented in the anniversary year.

Keywords: social networks, historical memory, popularization, Great Patriotic War, modern commemorative practices, Telegram, representation.

For citation: Nosova, MS 2025, ‘Open Access: Information about the Great Patriotic War in the Space of Telegram Channels’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 36–49, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-36-49> (in Russ.)

Information about the Author: Marina S. Nosova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University, Mira Prospekt Str., 11, Omsk, 644050, Russia.

События Великой Отечественной войны оставили колоссальный след в памяти русского народа. И сегодня в России нет ни одного человека, кто хотя бы раз не слышал о событиях той войны. О ней рассказывают дома, рассказывают в школах, показывают фильмы и до настоящего момента пишут книги, но для современного поколения эти источники не всегда являются первичными или авторитетными. В ХХI в. каналы распространения информации и популяризации научных знаний изменились. Почти все научно-популярные журналы и платформы имеют сейчас свой канал или площадку в сети Интернет, и только такие журналы, как «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Вокруг света» и другие продолжают делать ставку на печатную копию, создавая при этом, электронные версии номеров или официальные каналы в социальных сетях, где частично публикуется информация из журналов.

Каналом распространителем знаний стала виртуальная среда и практически полностью изменилась циркуляция информационных потоков. Онлайн-платформы, мессенджеры, социальные сети, созданные для общения и ориентированные на трансляцию часто субъективного мнения, заменили большинство каналов распространения достоверной информации. Молодежная и студенческая аудитория на которых когда-то ориентировались научно-популярные журналы, все больше перестает пользоваться традиционными каналами (новостные сайты, телевидение) и печатными СМИ. Откуда же они получают данные?

В 2024 г. в медиасреде России за первое место в обращениях пользователей боролись две площадки: ВКонтакте и Telegram. По данным Mediascope первая сеть уверенно лидирует, а вторая стремительно набирает популярность [7]. Средняя месячная аудитория (MAU) в Telegram в четвертом квартале 2023 г. составляла 68 % населения России, а в 2024 это уже 72 %. Известно, что ежедневное обращение к указанной платформе с 2021 г. выросло практически в три раза и как мы видим продолжает расти.

Пользователями Telegram являются представители всех возрастных категорий. Совсем немного преобладает более взрослая аудитория от 30 до 50 лет, это позволяет предположить, что контент публикуется авторами для самых разных целевых групп и сама представляемая информация крайне разнообразна и находит «своего» читателя (см. рис. 1).

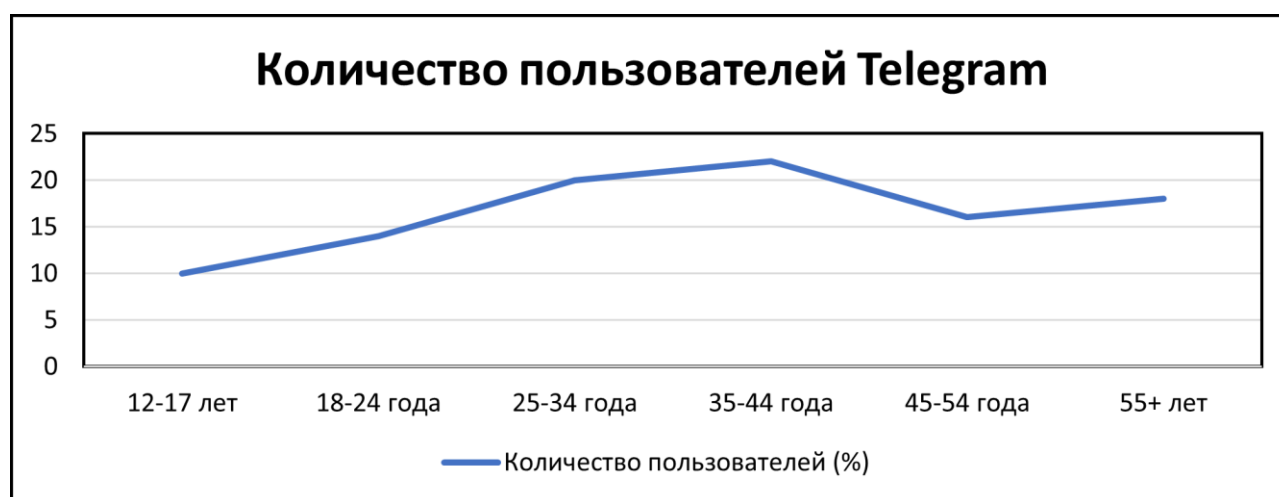

Рис. 1. Пользовательская аудитория в Telegram по возрастным категориям (год).

Подтверждает факт исключительного влияния интернет-среды и исследование, проведенное в ноябре 2019 г. среди студентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Участниками опроса стали люди от 18 до 40

лет и 100 % его участников – постоянные пользователи социальных сетей. «Более того, 96,7 % всех респондентов неоднократно в течение дня обращаются к платформам социальных медиа» [4]. Отметим, что данное исследование проводилось в 2019 г., еще до момента, когда дистанционные технологии на длительный период оказались единственным средством взаимодействия и окончательно закрепили за собой статус удобного и привычного рабочего инструмента.

Таким образом, в ситуации, когда популярность интернет-площадок активно возрастает, а рассматриваемая нами платформа переходит из разряда обычных мессенджеров в статус социальной сети, активно транслирующей информацию. Изучение данных публикуемой в Telegram-каналах становится всё более актуальным [2; 3; 16], хотя знакомство с исследованиями показало, что эта площадка пока и остается за гранью внимания исследователей-историков [7; 4].

Для определения специфики представления информации в сети Telegram, особенностей работы с ней и проблемах, мы взяли события Великой Отечественной войны. Данная тема пользуется большим вниманием историков и историографов, не остаются в стороне от изучения событий специалисты других отраслей науки. В 2025 г. внимание к этой теме дополнительно увеличивается в связи с юбилеем Великой Победы. По определению Л. П. Репиной «Историческая память – одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти, это память об историческом прошлом или, вернее, его символическая репрезентация». Она позволяет передавать опыт и сведения о прошлом и формировать самоидентификацию не только индивида, но и общества в целом [14].

Целью нашей статьи является представить, как демонстрируется информация о событиях Великой Отечественной войны в юбилейный год в пространстве Telegram.

Информация в мессенджере публикуется свободно и при поиске каналов для анализа мы выбрали именно тематические каналы, посвящённые Великой Отечественной войне, поскольку именно там собирается заинтересованное сообщество. Поиск тематических каналов проводился по нескольким ключевым словам и словосочетаниям «Великая Отечественная война», «Великая Победа», «1941», «Победа». Всего, по ключевым словам, и тематическим ссылкам было выявлено около 70 каналов (включая чат-ботов), содержащих информацию о событиях войны. Для анализа были выбраны 15 из них. Отбирались по количеству подписчиков, а, следовательно, по степени популярности. Так же для сравнения были выбраны несколько каналов с количеством подписчиков до 100 человек.

Таблица 1

Каналы, в Telegram посвященные Великой Отечественной войне

№	Название канала	Кол-во подписчиков	Описание (дается автором канала)
1	80 лет Великой Победе https://t.me/may_9_ru	90 291	Приближается 80-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Вместе сохраним память о Победе!
2	ПОБЕДА https://t.me/pobeda75	10 119	В описании ссылки на страницы дублеры в других сетях

Таблица 1 (продолжение)

3	Поколение Победителей https://t.me/PokoleniePobediteley	2168	Никто не забыт! Ничто не забыто! Агрегатор событий Великой Отечественной войны
4	Фото войны (1939-1945) https://t.me/fotowar7	2455	Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). Посвящается одному из самых трагических периодов в истории человечества.
5	Великая Отечественная война (1941-1945) https://t.me/ww2ru	2797	Великая Отечественная война – война Союза Советских Социалистических Республик против осуществившей нападение на него нацистской Германии и её европейских союзников.
6	Блокада Ленинграда и Великая Отечественная. Экскурсии. https://t.me/blokada_ekskursii	1799	Канал экскурсовода из Санкт-Петербурга Александра Шмидке. Коллажи военных фотографий Ленинграда и других городов, воспоминания военных лет и рассказы о героях Великой Отечественной. Военные и обзорные экскурсии по Петербургу и пригородам.
7	Великая Отечественная https://t.me/voinaww2	1617	Добро пожаловать на канал Великая Отечественная. Великая Отечественная война без цензуры.
8	80 лет нашей Великой Победе https://t.me/pobeda80mp/3	1475	Новости с фронта Великой Отечественной войны. Какие сводки получали жители СССР за 80 дней до Победы? Как СССР победил в ВОВ? Проект Молодежного парламента при Государственной Думе и Молодежного совета при

Таблица 1 (продолжение)

			Национальном Собрании Республики Беларусь.
9	Военные песни (1941-1945) и др. https://t.me/pobeda090519452020	1332	Песни военных лет
10	Фильмы про Великую Отечественную войну 1941-1945 годов. https://t.me/film_pro_voinu	590	Я Помню! Я Горжусь!!!
11	Великая Отечественная война https://t.me/historygvardiya	348	Здесь будет только тема Великой Отечественной войны
12	80 лет Великой Победе. Год Защитника Отечества. https://t.me/pobeda80_z	56	нет
13	80 лет Великой Победе: как празднует Казахстан https://t.me/pobeda80KZ	54	нет
14	Великая Победа 9 мая https://t.me/pobeda_9_may	44	Все о подвиге народа, о жизни страны в суровые годы Великой Отечественной войны в нашем telegram-канале.
15	ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА! анимированная память поколений https://t.me/IzumiTimeFoto	36	Восстановите историю своей семьи вместе с нами! Выкладываете фотографии ваших предков-ветеранов из семейного архива, и мы превратим их в живые анимационные образы. Передайте гордость за их подвиг во Второй Мировой Войне следующим поколениям!

Самые многочисленные каналы по количеству подписчиков: «80 лет Великой Победе» и «Победа» созданы к юбилейным датам (в 2025 и 2020 гг.). Это классические информационные Telegram-каналы, на которых публикуется самый разный контент – тексты, фото, видео.

Обратимся к характеристике содержания самых популярных площадок.

Канал «80 лет Великой Победе» создан осенью 2024 г. Среднесуточное количество публикуемых записей 4–5, иногда больше (анализ проводился за первый квартал 2025 г.). Существует неявное деление информации по рубрикам: викторины (опросы и картинки с зашифрованными словами), рассказы о фильмах (художественные фильмы о войне), рассказы о героях (офицеры), рассказы о военной технике, публикации к юбилейным датам, серия фильмов о городах-героях (см. рис 2).

Помимо фотографий и картинок для иллюстрации к текстам прилагаются видеозаписи (отрывки фильмов, ссылки на сторонние ресурсы).

Рис. 2. Публикация в канале «80 лет Великой Победе» от 30 марта 2025 г. [12]

Авторы регулярно «репостят» тематические заметки из других каналов – об акциях возложения цветов к мемориалам, воспоминания фронтовиков, отчеты с результатами научных конференций (используемые источники: Министерство иностранных дел, РИА Новости, Российское историческое общество, Китайская железная дорога, Министерство транспорта, музеи и др.) (см рис. № 3). Для оформления постов используется официальная юбилейная символика [5]. Ссылки на источники информации в текстах постов присутствуют в записях крайне редко, указывается автор строк, если используется цитата из мемуаров, переписки или художественных произведений, указываются источники, из которых брались иллюстрации для публикаций.

Канал «Победа» (ранее носил название «75 лет Победе») создан в 2019 г. к празднованию 75-летнего юбилея Великой Победы. Среднесуточное количество публикуемых записей 6–7 (анализ проводился за первый квартал 2025 г.). Деления на рубрики, даже интуитивного, нет, что характерно для мессенджеров и социальных сетей. Но информация структурирована: первой новостью публикуется сводка Совинформбюро этого дня, за разные годы, а в конце дня обязательно публикуется отрывок из фильма (2–5 минут), посвященного событиям войны. Размещаются рассказы о героях войны, присылаемые подписчиками (см. рис. 4).

Рис. 3. Публикация в канале «80 лет Великой Победе» от 20 марта 2025 г. [11]

Рис. 4. Публикация в канале «Победа» от 14 марта 2025 г. [9]

Много публикаций, положительно оценивающих вклад И. В. Сталина и Л. П. Берия в победу СССР, однако постов с упоминанием других фамилий полководцев и членов ГКО (Государственный комитет обороны) за указанный период не встречается. Высказывание оценочное и субъективное, показывает эмоциональный настрой авторов канала, и это еще одна особенность мессенджеров и социальных сетей. Так, запись от 16 марта дает понять, что это неслучайная выборка: «Каждый день здесь мы пишем о двух Великих людях – Сталине и Берия ... мы стараемся писать одни неопровержимые факты об этих истинных сынах Советской империи. ... Сегодня мы кратки, как никогда: именно эти два человека, которых ненавидят на Западе, а внутри России – западники и либералы, желающие быть частью западного мира, и спасли страну и народ от гибели» [10]. Ссылок на источники информации под постами нет. Иногда появляется упоминание автора строк при цитировании какого-нибудь текста.

Каналы, посвященные одной теме или конкретному виду контента, менее многочисленны, но разнообразны и выступают интересным объектом для анализа. Для статьи по видам представляемой информации (фото, аудио, видео) были отобраны несколько небольших каналов: «Фото войны (1939–1945)», «Военные песни (1941–1945) и др.», «Фильмы про Великую Отечественную войну 1941–1945 годов» и «Блокада Ленинграда и Великая Отечественная. Экскурсии». Аудитория указанных источников от 500 до 2000 подписчиков. Частота публикаций 1–2 поста в сутки и реже.

Авторы канала «Фото войны» подходят несколько более скрупулёзно к представлению информации, фотографии подписаны и указана дата съемки (см. рис. 5).

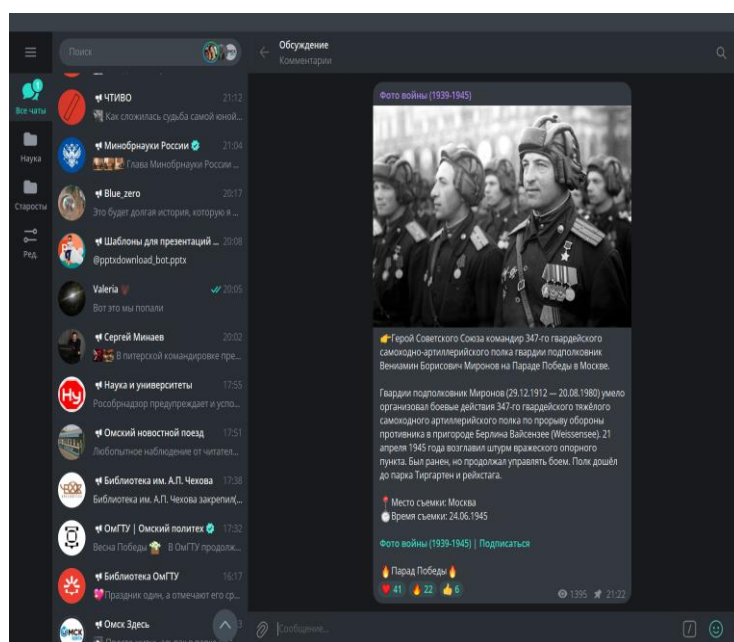

Рис. 5. Публикация в канале «Фото войны» от 1 апреля 2025 г. [13]

Автор экскурсионного канала «Блокада Ленинграда и Великая Отечественная. Экскурсии» говорит о вопросах, которые являются частью его профессии. Помимо объявлений об экскурсиях содержание канала составляют результаты исследований экскурсовода, освещаются вопросы, которые интересны автору лично. В текстах обязательно приводятся ссылки на архивные документы. Определенной целью ведения подобного канала может быть желание привлечь внимание аудитории к экскурсиям, которые проводит автор.

Для ряда материалов верификация не требуется – речь идет о каналах, содержащих фильмы и музыку о Великой Отечественной войне. Однако возникают вопросы о правомерности размещения данного контента с точки зрения соблюдения закона об авторском праве, поскольку зачастую в подобных каналах размещаются нелегальные видео- и аудиоматериалы.

Отдельную группу рассматриваемых площадок представляют так называемые чат-боты. Чат-бот в Telegram – это автоматический собеседник, который помогает пользователю с простыми автоматическими операциями: найти информацию, рассчитать стоимость, запросить предложение и так далее. Их отличие от Telegram-каналов в том, что стороннему пользователю невозможно узнать количество обращений к конкретному чат-боту и сообщения направляются только одному пользователю, который может сам регулировать запрос. Основная часть чат-ботов, посвященных Великой Отечественной войне, оказалось нерабочими (запрос не отправляется), либо их функционал очень ограничен (5–10 фактов или событий).

Таблица 2

**Чат-боты, посвященные Великой Отечественной войне
в Telegram**

№	Название	Описание (дается автором)
1	Путь к Великой Победе! https://t.me/Ru_story_bot	Я расскажу Вам о каждом дне на пути к Великой Победе!
2	Великая победа: Оружия войны https://t.me/FactGPV_VW_Bot	Наша команда "Радуга" г. Остров, с вниманием подготовила для вас уникальную подборку интересных и познавательных фактов о военной технике Советского Союза, которая сыграла ключевую роль в годы Великой Отечественной войны. Вы узнаете о легендарных танках, мощных самолётах, боевых кораблях и другом вооружении, помогавшем Красной Армии противостоять врагу.
3	Помним Великую Победу! @Velikaya_Pobedabot	ГБОУ №1420, 4 Л Проект, посвящённый сохранению памяти о Великой Отечественной Войне
4	Великая Отечественная война @Schkola88_bot	Привет! Я расскажу тебе о городах – героях. Первый город – Москва. (Далее нажимай кнопку внизу и переходи к следующему городу).
5	От Советского информбюро @sov_inform_buro_bot	Добро пожаловать в чат-бот "От Советского информбюро", посвящённый Победе в Великой Отечественной войне! Здесь вы можете познакомиться с историей Великой Отечественной войны, её ключевыми событиями, пройти тесты, узнать о мероприятиях и акциях, приуроченных к 80-летию Победы, а также оформить тематические фотографии.

Для анализа отбирались рабочие чат-боты, разные по тематическому наполнению (факты, даты города). Четыре отобранных чат-бота ограничиваются рассказом о каком-то одном виде информации – городах-героях, видах вооружения, сводках с фронта, интересных фактах и т.д. Они созданы, в основном, либо в рамках студенческих и школьных работ, либо энтузиастами. Исключение составляет чат-бот, созданный создателями канала «80 лет Великой Победе» – «От Советского информбюро». На нем остановимся подробнее.

Возможности бота делятся на 5 разделов. Первый раздел, одноименный боту, предлагает прослушать записи Ю. Левитана последних месяцев войны, когда советские войска и союзники активно продвигались в направлении Берлина. Доступны записи за каждый день с февраля по май 1945 г.

Второй раздел – «Акции». Представляет информацию обо всех общероссийских мероприятиях, которые помогают сохранять память о Великой Отечественной войне (Георгиевская лента, «Ура Победе!», Бессмертный полк, Память народа, Чтения Победы, «Символы Победы», Диктант Победы, Поезд Победы). Кроме рассказа об акции предлагаются все ссылки для участия.

Следующий раздел – «Наша Победа» самый информативный и содержит в себе ряд пунктов, позволяющих узнать подробнее о событиях войны, получить доступ к известным фильмам и книгам и опубликовать фотографии родственников-военных или сохранившиеся фронтовые письма.

Заключительный раздел – «Активности» предлагает проверить свои знания о событиях и героях Великой Отечественной войны, использовать функцию дополненной реальности, чтобы сделать уникальные фотографии и скачать тематические стикеры и открытки. Также всем предлагается возможность «Подписаться на рассылку», чтобы не пропустить новую информацию.

Подобные возможности обеспечиваются серьезной работой разработчиков, и доступно только большим финансируемым проектам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационное поле Telegram в 2025 г. находится по количеству и качеству публикуемой информации на уровне социальной сети ВКонтакте в 2018 г. Преобладают небольшие любительские каналы с недостоверной или не совсем проверенной информацией. Авторы зачастую скрыты и никакой персональной ответственности за публикацию сообщений не несут. В тезисах, напечатанных нами 2019 г. [8], в которых обыденный уровень знания рассматривался в рамках формирования исторического знания в виртуальной среде в контексте социальных сетей, ориентированных на популяризацию информации о Великой Отечественной войне, была представлена проблема невозможности проверить информацию в огромном объеме данных, которые публикуются в социальных сетях. На сегодняшний день эта проблема остается актуальной, применительно уже к другой социальной сети. Это дает возможность повторить исследование еще через какой-то период и проследить динамику вопроса.

Многоаспектный поиск показал, что на 2025 г. в Telegram практически нет официальных тематических каналов. Учитывая интерес пользователей к рассмотренной платформе, требуется создание официальных каналов, посвященных популяризации научных знаний о Великой Отечественной войне для того, чтобы ученые, обладающие достоверной информацией, получили доступ к интересующейся аудитории в пространстве ее информационного поля.

Список источников и литературы

1. Байкова К. Д., Медведева Т. А. Анализ и разработка функционального Telegram-бота // Молодой исследователь Дона. 2021. № 6 (33). С. 15–20.

2. Ваганова И. В. Telegram как «новое медиа»: попытка сравнительного анализа с печатными СМИ // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2024. Т. 15, № 2 (64). С. 58–64.
3. Денисов Ю. П. Социальные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9922>. Дата публикации: 21.08.2013.
4. Каминченко Д. И., Шмелева О. Ю. Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212–218.
5. 80 Победа! : офиц. сайт оргкомитета по подготовке и проведению празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. [М., 2025]. URL: <https://mau9.ru/> (дата обращения: 02.05.2025).
6. Коробицына Л. В. Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей // История: факты и символы. 2022. № 2 (31). С. 108–114.
7. Лысова А. Аудитория девяти крупнейших социальных сетей в России в 2025 году: исследования и цифры // rps.world : [медиа о продвижении бизнеса в интернете] / гл. ред. А. Сокульская. СПб., 2025. URL: <https://rps.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/>. Дата публикации: 27.01.2025.
8. Носова М. С. История Великой Отечественной войны на уровне академической науки и обывденного знания: сравнение в методологическом аспекте // Россия и мировые тенденции развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Омск, 13–15 мая 2019 г. / науч. ред. П. Г. Макухин. Омск: Омский гос. техн. ун-т, 2019. С. 352–361.
9. Из сводки Совинформбюро за 14 марта 1943 года Великой Отечественной войны // Победа : Telegram-канал. URL: <https://t.me/pobeda75/12931>. Дата публикации: 14.03.2025.
10. Каждый день мы здесь пишем о двух Великих людях ... // Победа.чат : чат Telegram-канала. URL: <https://t.me/pobedachat75/36339>. Дата публикации: 16.03.2025.
11. Символ Победы: вклад женщин в транспортную отрасль обсудили на заседании Российского общества историков транспорта // 80 лет Великой Победе : Telegram-канал. URL: https://t.me/mau_9_ru/786. Дата публикации: 20.03.2025.
12. Смерть врагу – сорокопятка // 80 лет Великой Победе : Telegram-канал. URL: https://t.me/mau_9_ru/863. Дата публикации: 30.03.2025.
13. Герой Советского Союза 347-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка гвардии подполковник Вениамин Борисович Миронов на Параде Победы в Москве // Фото войны (1939-1945) : Telegram-канал. URL: <https://t.me/fotowar7/2559>. Дата публикации: 01.04.2025.
14. Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 8–15.
15. Быков И. А., Градюшко А. А. Влияние мессенджера Telegram на развитие медиапространств России и Беларуси: сравнительный анализ // Вестник Казахского национального университета. Серия журналистики. 2020. Т. 58, № 4. С. 4–12.
16. Хрупина Е. М. Платформа Telegram как коммуникативный инструмент продвижения музейных услуг // Научная палитра. 2024. № 4 (46). URL: <https://culture.esrae.ru/73-1453> (дата обращения: 02.05.2025).

References

1. Baykova, KD & Medvedeva, TA 2021, 'Analiz i razrabotka funktsionalnogo Telegram-bota' (Analysis and development of a functional Telegram bot) *Molodoy issledovatel Dona*, no. 6(33), pp. 15-20. (In Russ.)

2. Vaganova, IV 2024, 'Telegram kak «novoye media»: popytka sravnitel'nogo analiza s pechatnymi SMI' (Telegram as a "new media": an attempt at comparative analysis with print media), *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS*, vol. 15, no. 2(64), pp. 58–64. (In Russ.)
3. Denisov, YuP 2013, 'Sotsialnye seti russkoyazychnogo interneta kak istochnik formirovaniya obraza Velikoy Otechestvennoy voyny v sotsialnoy pamyati rossiyan' (Social networks of the Russian-language Internet as a source of formation of the image of the Great Patriotic War in the social memory of Russians), *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 5, pp. 507. (In Russ.)
4. Kaminchenko, DI & Shmeleva, OYu 2020, 'Sotsial'nye media kak instrument formirovaniya politicheskoy kartiny mira sovremennoy molodezhi (na materialakh Nizhegorodskogo regiona)' (Social media as a tool for shaping the political worldview of modern youth (based on materials from the Nizhny Novgorod region)), *Izvestiya Saratovskogo universiteta: Seriya Sociologiya. Politologiya*. no. 2, pp. 212–218, viewed 20 March 2025.
5. '80 Pobeda! : ofits. sayt orgkomiteta po podgotovke i provedeniyu prazdnovaniya 80-y godovshchiny Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov', May9, viewed 02 May 2025, <https://may9.ru/> (In Russ.)
6. Korobitsyna, LV 2022, 'Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne v internet-prostranstve rossiyskikh sotsialnykh setey' (The memory of the Great Patriotic War in the Internet space of Russian social networks), *Istoriya: fakty i simvoly*. no. 2(31). pp. 108–114, doi 10.24888/2410-4205-2022-31-2-108-114. (In Russ.)
7. Lysova, A 2025, 'Auditoriya devyati krupneyshikh sotsialnykh setey v Rossii v 2025 godu: issledovaniya i tsifry' (The audience of the nine largest social networks in Russia in 2025: research and figures), *ppc.world*. viewed 20 March 2025, <https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/>. (In Russ.)
8. Nosova, MS 2019, 'Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny na urovne akademicheskoy nauki i obyden'nogo znaniya: sravneniye v metodologicheskom aspekte Rossiya i mirovye tendentsii razvitiya' (The history of the Great Patriotic War at the level of academic science and everyday knowledge: a methodological comparison), in Makuhin PG *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*, 2019, Omsk, Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, Omsk, pp. 352–361. (In Russ.)
9. 'Publikatsiya v kanale «Pobeda» ot 14.03.2025' (Publication in the 'Pobeda' channel dated 03/14/2025), *Telegram*, viewed 20 March 2025, <https://t.me/pobedachat75/36308>. (In Russ.)
10. 'Publikatsiya v kanale «Pobeda» ot 16.03.2025' (Publication in the 'Pobeda' channel dated 03/16/2025), *Telegram*, viewed 20 March 2025, <https://t.me/pobedachat75/36339>. (In Russ.)
11. 'Publikatsiya v kanale «80 let Velikoy Pobede» ot 20.03.2025' (Publication in the channel '80 years of the Great Victory' from 03/20/2025), *Telegram*, viewed 20 March 2025, <https://t.me/c/2322639317/11202>. (In Russ.)
12. 'Publikatsiya v kanale «80 let Velikoy Pobede» ot 30.03.2025' (Publication in the channel '80 years of the Great Victory' from 30.03.2025), *Telegram*, viewed 20 March 2025, <https://t.me/c/2322639317/12618>. (In Russ.)
13. 'Publikatsiya v kanale «Foto voyny» ot 01.04.2025' (Publication in the channel 'War Photos' dated 04/01/2025), *Telegram*, viewed 20 March 2025, <https://t.me/c/2021345118/1302>. (In Russ.)
14. Repina, LP 2003, 'Obrazy proshlogo v pamyati i v istorii' (Images of the past in memory and in history), *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*, Krug, Moscow, pp. 8–15. (In Russ.)
15. Bykov, IA, & Gradyushko AA 2020, 'Vliyaniye messendzhera Telegram na razvitiye mediapros-transtv Rossii i Belarusi: sravnitel'nyy analiz' (The influence of Telegram messenger on the development of media spaces in Russia and Belarus: a comparative analysis), *Vestnik Kazakh-skogo natsionalnogo universiteta. Seriya zhurnalistiki*, vol. 58, no. 4. pp. 4–12, doi 10.26577/HJ.2020.v58.i4.01. (In Russ.)
16. Khrupina, EM 2024, 'Platforma Telegram kak kommunikativnyy instrument prodvizheniya muzeynykh uslug' (Telegram platform as a communication tool for promoting museum ser-

vices), *Nauchnaya palitra*, no. 4(46), viewed 02 May 2025, <https://culture.esrae.ru/73-1453>
(In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 26.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 50–67.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 50–67.

Научная статья

УДК 94(73).091.7

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-50-67>

ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО СПОРТА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США. 1930–1950-Е ГГ.

**Мария Витальевна
Гилева**

Институт российской истории РАН
Москва, Россия, gilevamar75@gmail.com

Аннотация. Статья исследует эволюцию восприятия советского спорта в американской прессе в период с 1930-х по начало 1950-х гг., охватывая ключевые этапы его развития – от инструмента социальной трансформации до включения в международное олимпийское движение. Основное внимание уделено влиянию политического контекста (межвоенный период, Вторая мировая война, холодная война) на репрезентацию спорта в СССР в американских СМИ. В 1930-е годы американская пресса акцентировала масштабы советского спортивного движения, отмечая его массовость, вовлеченность женщин и национальных меньшинств, а также военно-прикладной характер (система ГТО, парашютный спорт). В годы Второй мировой войны тон публикаций стал более позитивным: спорт в СССР воспринимался как символ стойкости советского народа. Американские журналисты восхищались тем, что, несмотря на войну, в стране продолжались спортивные соревнования, что трактовалось как признак высокой мобилизации общества. После войны, с началом холодной войны, тон американской прессы резко изменился. Участие СССР в Олимпийских играх (с 1952 г.) рассматривалось как элемент «спортивной дипломатии» и инструмент пропаганды. Достижения советских спортсменов ставились под сомнение, а их любительский статус оспаривался. Критике подвергалась и политизация спорта в СССР, особенно в сравнении с западной моделью, основанной на коммерческих принципах. В исследовании использованы материалы ведущих американских газет, что позволяет проследить, как менялось отношение к советскому спорту – от интереса и восхищения в 1930-е до идеологического противостояния в 1950-е. Статья демонстрирует, что спорт в СССР стал не только отражением внутренней политики, но и важным элементом международного имиджа страны.

Ключевые слова: история спорта, СССР, американская пресса, холодная война, Олимпийские игры, Великая Отечественная война.

Благодарности: Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-01390 «Спорт в СССР: институты, практики, репрезентации. 1930–1950-е гг.».

Для цитирования: Гилева М. В. Восприятие советского спорта в периодической печати США. 1930–1950-е гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 50–67. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-50-67>

Сведения об авторе: М. В. Гилева – исследователь по гранту, Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Scientific Article
UDC 94(73).091.7
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-50-67>

PERCEPTION OF SOVIET SPORTS IN THE US PERIODICAL PRESS. 1930–1950S

Mariya V. Gileva

Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia, gilevamar75@gmail.com

Abstract. The article examines the evolution of the perception of Soviet sports in the American press from the 1930s to the early 1950s, covering the key stages of its development – from a tool of social transformation to inclusion in the international Olympic movement. The main focus is on the influence of the political context (the interwar period, World War II, the Cold War) on the representation of sports in the USSR in the American media. In the 1930s, the American press emphasizes the scale of the Soviet sports movement, noting its massive participation, the involvement of women and national minorities, as well as its military-applied nature (the ‘Ready for Labor and Defense’ system, parachuting).

During the World War II, the tone of publications becomes more positive, emphasizing that sport in the USSR is a symbol of the Soviet people’s resilience. American journalists admired the fact that, despite the war, the country continued to hold sports competitions, showing the high level of social mobilization.

With the onset of the Cold War, the tone of the American press changed dramatically. Now, according to American journalists, the USSR’s participation in the Olympic Games (since 1952) is an element of ‘sports diplomacy’ and a propaganda tool. It is also worth noting doubts about the achievements of Soviet athletes, challenging their amateur status, and criticizing the politicization of sport in the USSR, especially in comparison with the Western model based on commercial principles.

The author uses materials from leading American newspapers to trace how attitudes toward Soviet sports changed from interest and admiration in the 1930s to ideological confrontation in the 1950s. The article demonstrates that sports in the USSR became not only a reflection of domestic policy, but also an important element of the country’s international image.

Keywords: History of sports, USSR, American press, Cold War, Olympic Games, Great Patriotic War.

Acknowledgements: The article was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01390 "Sport in the USSR: institutions, practices, representations. The 1930s and 1950s."

For citation: Gileva, MV 2025, ‘Perception of Soviet Sports in the US Periodical Press. 1930–1950s’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 50–67, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-50-67> (in Russ.)

Information about the Author: *Mariya V. Gileva* – Contractor for the Grant, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitriya Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia.

История спорта в СССР привлекает внимание исследователей [1, с. 14; 2, с. 150–154; 7, с. 143–159; 8, с. 356–365; 9; 10; 11] в последние 10–15 лет, что в целом укладывается в логику тренда историографического исследования спорта в исторической науке. В случае с СССР феномен спорта вызывает особый интерес, так как за короткий исторический период 1920–1950-х гг. произошла колоссальная перестройка понимания роли спорта внутри страны, а, следовательно, и восприятие этого феномена внешними наблюдателями.

Переход от международного спортивного пролетарского движения, активно поддерживаемого СССР в 1920 – начале 1930-х гг., к встраиванию в международные спортивные организации и международное олимпийское движение после Второй мировой войны по-разному оценивается зарубежными авторами. Феномен массового спорта в стране рабочих и крестьян изучался западными авторами в довоенный период [63] и на начальных этапах холодной войны в рамках советской политики в целом в данный период [42, с. 160–192]. Развитие спорта в 20-х гг. XX в. рассматривается в контексте социального эксперимента, целью которого было воспитание нового человека [5, с. 102–116; 13, с. 541–550; 14; 24, с. 349–369].

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала становления системы профессионального спортивного движения в Советском Союзе (1936 г.) до начала участия СССР в международном олимпийском движении (Олимпиада в Хельсинки в 1952 г.).

В статье представлена попытка сделать обзор и проанализировать восприятие развития советского спорта в 1930–1950-е гг. в американской прессе. В историографии этот аспект не становился предметом отдельного изучения. Интерес к теме связан со значительной ролью, которую государства Европы и США отводили «спортивной дипломатии» в своей внешней политике [3, с. 183–206]. Показательно, что участие СССР [30] и США [26, с. 165–196] в международных спортивных состязаниях зачастую рассматривается как своего рода культурная экспансия, разновидность мягкой силы, которая служит реализации внешнеполитических планов.

В то же время в литературе отмечается, что советский спорт вплоть до 1980-х гг. [6, с. 8] не носил характер коммерческого, чем существенно отличался от спортивной индустрии в западных странах: в Европе (например, в ФРГ [17, с. 77]) и США. Центральными основаниями для развития физкультуры и спорта в СССР были оборона, здоровье и интеграция общества через массовые спортивно-культурные праздники и мероприятия [28, с. 225–233]. Пионер академического изучения спорта в Советском Союзе британский писатель Джеймс Риордан указывал на квазирелигиозный характер спортивных праздников и маршей 20–30-х гг. XX в. в СССР. Спортивные мероприятия выступали не только в качестве праздника культа здоровья и гигиены, но и играли роль одной из форм массового проявления лояльности и высокой степени организованности общества [35, с. 22–36].

Спорт на международной арене эпохи межвоенного периода являлся объединяющим началом для национальных государств, стремящихся избежать повторения глобального военного конфликта. Участие в международных спортивных мероприятиях расценивалось в качестве декларации приверженности того или иного государства к принципам, провозглашенным Пьером де Кубертенем [56, с. 761–774]. Государства в своей официальной пропаганде уже в те годы использовали достижения спорта для доказательства верности избранной ими идеологии и строя [29, с. 1176–1197].

Образы спортсменов в массовой культуре и активная работа пропагандистов по распространению необходимых режиму нарративных и визуальных материалов обеспечивали информационное пространство авторитарных государств идеальными представлениями о физическом здоровье, повышая тем самым уровень мобилиза-

ции общества [21]. Схожим образом дело обстояло и в СССР, где роль низовых спортивных организаций, наличие спортивных команд у большинства производственных коллективов превращало спорт в значимую часть повседневной жизни.

Источниками для данной исследовательской работы являются материалы периодической печати США, опубликованные в 1930–1950-х гг. В первую очередь к ним относятся материалы, посвященные советскому спорту в таких крупных федеральных и региональных медиа, как «The New York Times», «Detroit Evening Times», «The Daily Alaska Empire», «The Delaware's Largest Weekly», «The Detroit Sunday Times», «The Evening Star» (ныне «The Washington Star»), «The Indianapolis Times», «The Ohio Daily Express», «Wilmington Morning Star». Кроме того, использованы материалы изданий «Dirva»¹, «Montana Labor News»², «The Camas Hot Spring Exchange»³, «The Key West Citizen»⁴, «The McDowell Times»⁵, «Twin City Herald»⁶, «Waterbury Evening Democrat»⁷.

Кроме газет, советский спорт и его связь с политикой были отражены на страницах журнала «Foreign Affairs», где, в частности, декларировались базовые принципы восприятия советского спорта общественным мнением США. Попытки осмысления феномена массового советского спорта предпринимались и в рамках исторических штудий, опубликованных в журнале «Current History» – старейшем в США профессиональном издании, посвященном анализу современных мировых событий.

Американские представления о системе становления и развития спорта в СССР необходимо анализировать во взаимосвязи с социокультурным контекстом США, а также их внутри- и внешнеполитической «повесткой дня», обуславливавшей акцентированность внимания прессы на той или иной проблеме. Это становится возможным благодаря многообразию источников, отражающих различные политические, социальные и культурные проблемы на федеральном и региональном уровнях. Такой подход позволяет учитывать многоаспектность изучаемого явления при выявлении значимых особенностей.

В качестве основного инструмента анализа используется кросс-темпоральное исследование, которое позволяет сопоставить предмет изучения на разных хронологических отрезках.

На репрезентацию спортивных новостей в течение всего периода оказывало непосредственное влияние развитие межгосударственных отношений, а также изменение геополитической ситуации в мире. Можно выделить три основных этапа: 1930-е гг., Вторая мировая война и ситуация холодной войны.

На первом этапе в американской прессе отмечали важную роль спортивных мероприятий и спортивного досуга среди советских граждан как основу для социальной трансформации [25, с. 413–434]. Феномен организации массового спортивного активизма за относительно короткий период времени не имел прецедентов в мировой спортивной истории, именно поэтому явление привлекло внимание многих авторов.

Важным сюжетом для американских авторов, описывавших становление спортивной системы в СССР, стал размах и темпы, с которыми неспортивная в массе своей страна за два десятилетия после завершения Гражданской войны смогла развить всю необходимую инфраструктуру. Представление об этом нередко было преувеличено: «**Каждый крупный город** имеет стадионы, вмещающие по 75 000 зрителей, а в Москве сооружается стадион для 100 000 зрителей» [43, с. 81–85]. Сообщалось также о строительстве грандиозного спортивного комплекса в Киеве, способного принимать 2 000 атлетов самых разнообразных видов спорта [49, с. 7], о количестве спортивных изданий (15 на 1937 г.) [55, с. 18]. Система профессионального спорта, организованная и централизованно управляемая органами власти, быстро

приняла характер национального движения, став дополнением к официальным каналам социальной стратификации [67, с. 191–210]. Советские спортсмены – это особый слой населения, которые демонстрацией личных достижений подчеркивали превосходство советской политической системы и системы хозяйствования.

В своей статье для «CurrentHistory» Сэмюэль Шипман положительно отзывался о развитии спорта в Стране Советов. Перечисляя многочисленные рекорды, которыми за короткое время отличились советские атлеты, автор подчеркивает, что многие из них (например, забег от Улан-Удэ до Москвы) не может иметь прецедентов [43, с. 81–85].

Шипман отмечал, что спортивными кружками и организациями охвачены все слои советского населения: в городах, сёлах, среди национальных меньшинств были организованы кружки, создана инфраструктура. Автор упоминает 4,5 млн граждан, сдавших нормы ГТО. Изменения в спортивной жизни, по мнению Шипмана, создало в СССР новое здоровое поколение людей.

Известный американский спортивный журналист Джон Тюнис отметил, что первыми сдавшими нормы ГТО были офицеры Красной армии, а набор сдаваемых дисциплин трудно отнести к чисто спортивным дисциплинам (метание гранаты, стрельба из боевого оружия). Он же указывает на общие черты в развитии спорта в тех европейских странах, где в 1920–1930-е гг. установилась авторитарная модель управления [59, с. 606–617]. Он приводит выдержки из официальных документов и речей лидеров Италии, Германии и СССР, в которых подчеркивается связь спорта и обороноспособности страны. Итальянские фашисты подчеркивали: «Спорт не замыкается на себе. Это больше не предмет личного выбора. Организации выстроены безотносительно личных вкусов, но вдоль военных линий. В этой трансформации мы видим одну из интереснейших фаз фашизма. Фашизм использует многие групповые виды спорта как национальную школу для юношества» [59, с. 606–617]. Тюнис подводит к идее, что спорт и политика в диктатурах неразделимы, поэтому неважно, превосходство какой именно идеологии доказывают своими достижениями атлеты.

Д. Грахам утверждал, что в США создана передовая система оплачиваемых тренеров, которая позволяет молодежи получить доступ к занятиям спортом, а обилие спортивных площадок и доступного спортивного инвентаря поддерживается правительством через системы специальных агентств на общегосударственном и региональном уровнях. По мнению автора, СССР, нацистская Германия и Италия использовали опыт США для выстраивания своих национальных моделей организации массовых занятий спортом [22, с. 1].

В конце 1930-х гг. из-под пера московского корреспондента газеты «Twin City Herald» О. Ворты вышла комплементарная статья, прославляющая достижения демократии в СССР, следствием чего является огромное представительство национальных меньшинств в среде советских спортсменов. «То, что физическая культура, как было очевидно для всех наблюдателей, не знает и не признает ни цвета кожи, ни национальной границы в Советской России, было ясно продемонстрировано энтузиазмом, единством и братством, с которыми молодые мужчины и женщины разных национальностей и цветов кожи демонстрировали демократию в своих спортивных занятиях» [68].

Ворт констатирует, что в СССР в спортивные организации вовлечены 10 млн человек, 20 % из них – женщины. Дети, по мнению автора, ежедневно занимаются спортом в школе. Автор приходит к выводу, что в СССР создана система спортивной подготовки, главной целью которой выступает не развитие конкретных групп граждан, а «воспитание здорового тела для здорового духа» [68] нации в целом.

Американское издание «The McDowell Times» обратило внимание на реакцию советской прессы на победу темнокожего боксера Джо Луиса над немецким «арийцем» Максом Шмеллингом в поединке за звание чемпиона: многие газеты в СССР вышли с броскими заголовками о крушении нацистской расовой теории. Подчеркивался не только сам факт победы, но и его публичность. «Сотни тысяч людей в США и весь мир понял и прекрасно почувствовал политическое значение поединка между Луисом и общепризнанным представителем германского фашизма» [36, с. 1]. Антикоминтерновский пакт, оформившийся в 1937 г., обострил восприятие в Советском Союзе неудачи Шмеллинга в матч-реванше с Луисом 1938 г. как поражения нацистской Германии. Данная реакция вызвала закономерный интерес и со стороны американской прессы, так как демонстрировала результат работы советской пропагандистской машины, а не спортивной журналистики как таковой.

Отдельное внимание пресса США уделяла спортивным дисциплинам «двойного назначения». В 1936 г. появилась короткая заметка о развитии парашютного спорта в СССР, где 18 000 женщин и мужчин сдали экзамены, а вокруг летных полей сооружены сотни вышек для прыжков с парашютом [44]. В статье уже упомянутого Д. Грахама подчеркивался в том числе и размах парашютного спорта в СССР: «Дельтапланеризм и парашютный спорт являются двумя видами спорта, которые развиваются⁸ быстрее, чем в других странах, так как в прошлом году прыжки с парашютом совершили 800 000 человек. Одну треть составляют девушки» [22, с. 1].

Таким образом, внимание к советскому спорту в 1920–1930-е гг. во многом объясняется интересом американских интеллектуалов к Советскому Союзу в целом в этот период – подробно изученному американским историком и социологом Полом Холландером. Характерным для них в этот период является «колебание их убеждений между отчуждением и поклонением» [12, с. 61]. Этим также объясняется политизация в освещении спортивных сюжетов, попытки рассматривать их в контексте успешности «советского проекта» в целом.

По этой причине основное внимание уделяется развитию спортивной инфраструктуры (зачастую с большими преувеличениями), делается акцент на взаимосвязи развития спортивного движения и обеспечения обороноспособности в молодом советском государстве. Подчеркивается военная направленность ряда спортивных дисциплин, которые, по мнению американских журналистов, неразрывно связываются с общим ростом милитаризма как в СССР, так и в ряде европейских стран. Важно отметить, что на данном этапе в материалах американской прессы в основном прослеживается внимание к деталям социального и экономического характера, таких, как система построения спортивной инфраструктуры на основе государственной поддержки, массовое вовлечение граждан в спортивные состязания, их общедоступность (пусть даже на любительском уровне) для граждан вне зависимости от материального статуса и национальной принадлежности. Впрочем, стоит подчеркнуть, что так называемые «национальные» аспекты в основном находили отражение на страницах изданий, в фокусе внимания которых были проблемы афроамериканского населения и расовой сегрегации. Несомненно, все это вызывало большой интерес американских авторов, освещавших феномен становления спортивного движения в Советском Союзе.

Следующей важной вехой, оказавшей влияние на восприятие спорта в СССР, стало вступление Советского Союза во Вторую мировую войну. Уже в начале июля 1941 г. вышла статья корреспондента службы новостей «Detroit Evening Times» Ли Карсона о готовности женщин СССР стать десантниками на полях сражений. Представитель посольства СССР в США Всеволод Пастоев заявил, «что парашютный спорт стал любимым видом спорта советских женщин» [19, с. 2].

Сохранение массовости спортивной жизни в СССР в разгар Второй мировой войны повышало внутреннюю мобилизацию, а также являлось инструментом демонстрации союзникам качества мобилизационного потенциала. Так, в феврале 1942 г. в газете «Wilmington Morning Star» вышла заметка с сообщением: «Крупнейшее спортивное событие Советского Союза военного времени – лыжные гонки в честь Красной армии – началось сегодня во всех заснеженных уголках страны, где гражданские спортсмены соревновались в военных условиях». Автор публикации обращает внимание на возрастающую массовость спортивных событий в СССР: «Ожидалось, что число участников превысит прошлогодний рекорд, когда было 5 000 000 участников» [45, с. 3].

Не остался без внимания американской прессы и антифашистский съезд советских спортсменов, прошедший в августе 1942 г. в Москве во Дворце профсоюзов. В статье о съезде цитируется Николай Королев, чемпион СССР по боксу, который на протяжении нескольких месяцев воевал в оперативно-разведывательном отряде НКВД «Митя» и был награжден за отвагу орденом Красного Знамени: «Молодежь должна стать точными снайперами, умелыми танкистами, летчиками и артиллеристами, чтобы уничтожить как можно больше фашистов» [37, с. 17]. Утверждается также, что около 10 000 югославских спортсменов участвует в боях против оккупантов. Участники митинга призывали спортсменов других стран присоединиться к их борьбе. Эксплуатируя миф о США как самой спортивной нации в мире, Гарри Грэйсон, спортивный редактор Ассоциации газетных предприятий (NEA), утверждал, что «американская нация откликнется на эти пламенные призывы» [37, с. 17].

Разные мотивации общественной функции спорта в США и СССР обусловили различные поведенческие модели спортсменов во время войны. Несмотря на массовое восприятие профессиональных спортсменов как привилегированного слоя, многие атлеты так же, как и их советские коллеги, вступили в армию после начала войны [15]. Подчеркнутая советская массовость одновременно демонстрировала и различия, указывая на непохожесть как главный ярлык относительно всего советского, несмотря на очевидное сближение в данный период.

В январе 1945 г. в «The Wilmington Morning Star» была опубликована заметка о продолжающемся восстановлении спортивной жизни в СССР. В ней отмечается, что в Москву вернулись соревнования по баскетболу, а в плане зимних соревнований намечены лыжные гонки, товарищеские хоккейные матчи, соревнования по конькобежному спорту. Множество спортивных низовых инициатив на уровне матчей между клубами различных коллективов демонстрировали здоровую атмосферу в обществе, находящемся в условиях войны на протяжении последних четырех лет [46, с. 7].

В этом же месяце в заметке, озаглавленной «Россия уже потратила \$100 000 000 на спортивные программы», подчеркивается, что финансовые затраты на спорт не только привели к появлению «650 стадионов, 3 500 спортивных залов и 10 000 игровых полей, но также вдохновили 35 000 000 мужчин и женщин почти всех возрастов принять участие в спортивных соревнованиях» [38, с. 3]. Заметка завершается подчеркиванием к подходу к организации спортивной жизни: «в СССР никто не наживается на спорте» [38, с. 3].

В феврале 1945 г. в газете «Dirva» вышел дайджест, полностью посвященный вещательной сетке вильнюсского радио [47, с. 5], в котором освещению организации спортивной жизни уделялось значительное внимание. Автор подчеркнул, что подавляющее большинство упомянутых в эфирах фамилий партийных функционеров, общественников и спортсменов были русскими.

На завершающем этапе Второй мировой войны спортивная жизнь в СССР подавалась и рассматривалась как сфера пусть только и декларируемого, но сближения на основании общих ценностей физического здоровья и спорта. В статье «Спорт в

России удивителен» У. Байерс кроме 100 000 зрительской аудитории на футбольных матчах, выступлений лучшей баскетбольной команды Европы, отмечает «игроков зарождающегося бейсбола» [18, с. 3]. В статье автор ссылается на авторитетного тренера, выпускника Гарварда, Э. Старбака, который утверждал: «Большая часть атлетических знаний в СССР имеет под собой основы из нашей страны. Американские методы установили стандарты, на которые нацелены советские атлеты. А они отлично целятся» [18, с. 3].

В издании «Montana Labor News» автор ссылается на «Evening Star», упоминая о 70 000–80 000 зрителей (заметка о поединке ЦДКА–Динамо сообщает даже о 100 000 зрителей) [39, с. 1] на футбольных матчах в Москве в октябре 1945 г. Среди прочих видов спорта ряд заметок приветствует возвращение баскетбола, «в который русские играли и раньше, но не интенсивно», в последний военный спортивный сезон [57, с. 5] и выражает надежду, что «Россия может ввести у себя многие другие виды спорта, такие, как бейсбол, которые никогда ранее не были представлены» [58, с. 11].

Можно сделать вывод о влиянии союзнических отношениях США и СССР на восприятие в том числе спортивного движения в СССР в военный период. Именно это время характеризуется максимально позитивным обоюдным интересом двух стран в отношении друг друга. В фокусе внимания американских журналистов – акцент на выражении нескрываемого восхищения мужеством советских граждан, для которых война не стала преградой для участия в спортивных состязаниях. Все эти примеры позиционировались в том числе как духовное сопротивление советского народа агрессии нацистов, что, безусловно, позволило подчеркнуть разницу между политическими режимами СССР и нацистской Германии, которые в предвоенный период воспринимались в американском обществе как схожие. Политизация спорта в СССР на данном этапе, несомненно, имевшая место, оказалась неразрывно связана с выражением поддержки и солидарности. Характерные на завершающем этапе войны надежды на развитие в СССР спортивных дисциплин, наиболее близких американцам, указывают на большие надежды к дальнейшему сотрудничеству и в будущей новой, уже мирной, жизни.

После завершения войны иллюзия возможного сближения США и СССР и преодоление взаимного отторжения различных мировоззрений на основании общих интересов, в том числе в сфере спорта, длилась недолго. Реалии холодной войны заставят сформулировать отношение к советскому спорту как к социально-политическому явлению, столь нехарактерному для США.

С развитием холодной войны спорт в СССР стал все больше освещаться в традициях 1930-х, с подчеркиванием различия между профессиональным спортом капиталистической и социалистической традиции. У некоторых авторов приверженность Советского Союза олимпийским идеалам стала вызывать глубокое недоверие. Эта тематика становится актуальной после вступления СССР в 1951 г. в международное олимпийское движение. Так, Дж. Вашбёрн привел аргументы, свидетельствующие о неолимпийском, политизированном отношении к спорту в СССР. Появление термина «физкультура» автор рассматривает как свидетельство утилитарного, экономико-социального отношения к спорту. Развитие спортивных движений в довоенный период рассматривается **исключительно** как средство повышения оборонного потенциала государства. Присоединение СССР к международному спортивному обмену после 1951 г. расценивается как очередной канал воздействия советской пропаганды на развивающиеся страны. В частности, перед выступлением футбольной команды «Локомотив» в Калькутте состоялся массовый митинг, прославляющий советских вождей Булганина и Хрущева.

Вашбёрн подчеркивает, что в СССР закреплена оценка спорта в буржуазных странах как механизма по подготовке «пушечного мяса». Эта оценка многократно повторялась в советской прессе во времена Корейской войны. По мнению журналиста, внутри страны спорт существует, чтобы подчеркнуть соревновательность между различными структурами, прежде всего, силовыми. В частности, наличия футбольных клубов у МВД и КГБ. Дух спортивного движения в СССР признается автором «антикубертеновским» [65, с. 490–499].

В СССР положение спортивных клубов во многом определялось ведомственной расстановкой сил. Характерный случай имел место в 1951 г., когда футбольный матч между ЦСКА и спортивным клубом города Калинина в финале Кубка страны был переигран по решению Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту. Эта ситуация в американской прессе сравнивалась с гипотетическим стечением обстоятельств: «Похоже на то, что произошло бы, если бы судья приказал переиграть финальный матч в мировой серии между “Янки” и “Джайентс”» [34, с. 14].

Методы контроля, которые советские силовые структуры распространяли над средствами массовой информации в странах Европы, оказавшихся в сфере влияния СССР после Второй мировой войны, вызывали закономерное сопротивление журналистов и редакторов, вплоть до отказа от работы. В 1950 г. в американскую прессу попала новость об отставке коллектива спортивной редакции (трех редакторов и секретаря) газеты «National Zeitung» в Восточном Берлине – органа Национально-демократической партии Германии. Со ссылкой на «Associated Press» в вашингтонской газете «The Evening Star» причиной отказа от работы в условиях просоветского политического режима и отказа от профессии журналиста называется требование к редакциям «освещать спортивные события с политической точки зрения» [31, с. 5]. Такие события ожидаемо вызвали неприятие на страницах американской прессы, позиционирующей себя свободной.

В странах Восточной Европы для некоторых игроков частных спортивных клубов, которые пытались возобновить деятельность после завершения войны, оказались неприемлемыми новые условия (организационно-правовой статус клубов и необходимость представлять тот или иной национализированный промышленный гигант) [60, с. 4]. Реальность холодной войны трансформировала привычные для европейского общества спортивные институты, вытесняя прежние смыслы и насаждая новые через символику и идеологию, что не могло пройти без внимания американской прессы.

Участие в международных спортивных соревнованиях для атлетов из СССР требовало формального включения страны в международные спортивные институты, в частности, в МОК. Американская пресса отмечает «странное» поведение советских представителей на зимних Олимпийских играх в Санкт-Морице (Швейцария) в 1948 г. в качестве наблюдателей. Они дали комментарий, что СССР обязательно бы участвовал, если бы советская сторона была приглашена [32, с. 4]. Показательно, что в конце 1940-х гг. обострение «германского вопроса», приход к власти в Китае коммунистов, подготовка войны в Корее и другие обстоятельства первого витка холодной войны превращали участие спортсменов из СССР в спортивных мероприятиях (даже в качестве наблюдателей) в политическое высказывание.

С точки зрения президента Олимпийского комитета США (1928–1952) Э. Брендеджа, в 1948 г. существовали два блокирующих фактора для участия команд из СССР в международных спортивных соревнованиях. Первый из них звучит так: «Русское правительство субсидирует ведущих атлетов, что поднимает вопрос об их профессионализме». Второй фактор объясняет глава комитета: «В России не организован спортивный комитет, с которым международный Олимпийский комитет может иметь дело» [48, с. 3].

Намерение СССР в начале 1950-х гг. принять участие в Олимпийских играх подогрело интерес к феномену советского спорта, вызвав поток публикаций журналов. Л. Карвер не видит разницы между участием команды из России в 1912 г. и советскими атлетами [20, с. 2]: «Они отсутствовали на играх с 1912 г., которые были до того, как они стали большевиками»⁹. Эта цитата подчеркивает, что смена политического режима в Российской империи на советский строй для многих в американском обществе не изменила восприятие условных «русских» (как граждан) на что-то глубоко «инаковое». Тем не менее автор упоминает, что из 1 300 установленных советскими спортсменами рекордов 68 бьют мировые [20, с. 2].

Однако достижения советских спортсменов вызывали и сомнения у американских журналистов. У. Халлетт писал, что «даже самые ярые коммунисты могут скептически отнестись к 1 300 советским и 64 мировым рекордам, установленным русскими спортсменами за этот период» [23, с. 2]. По мнению автора, западным спортсменам придётся пробиваться по «мертвым русским» к заветному олимпийскому титулу.

Автор уделяет внимание и объективным показателям сборной СССР на Европейском чемпионате по лёгкой атлетике 1950 г., где советские спортсмены заняли II место из 15 стран-участников, уступив только Великобритании в командном медальном зачете. В статье подчеркивается конкуренция между советскими отраслями промышленности за звездных спортсменов, которая была настолько мощной, что было инициировано расследование. По его результатам «Комитет по физической культуре и спорту установил, что ряд ведомств в ущерб производству создал первоклассные футбольные команды сомнительными методами, официально названными “буржуазными” и чуждыми советским идеалам» [23, с. 2]. В конце Халлетт делает вывод: «Игрокам, по-видимому, дали номинальные рабочие места, чтобы сохранить их любительский статус» [23, с. 2]. Приводя все эти факты, автор, вероятно, пытался подчеркнуть разницу между системами организации и поддержки спорта в СССР и США.

Для американской прессы в данный период важным аспектом становится реакция на ряд материалов, которые появлялись на страницах газеты «Советский спорт» и касались в том числе прав афроамериканского населения в спортивной сфере. Но уже – в фокусе внимания крупного столичного издания (в отличие от предвоенного периода). В 1946 г. под заголовком «Спорт в США заполнен расовой дискриминацией – утверждают русские» вышла заметка, описывающая реакцию советской прессы на заключение официального договора баскетбольного клуба Монреаля с Дж. Робинсоном. Приводится цитата из «Советского спорта», в которой говорится о «30 миллионах негров, отделенных от прав на занятие спортом. При этом США считается моделью демократического устройства» [62, с. 5]. Едва ли стоит это считать интересом американцев к теме прав афроамериканских граждан. Скорее, лишь подчеркивает внимание в американской прессе ко всему «советскому». Тематика спорта в данном случае выглядит как одна из наиболее симптоматичных.

Важной чертой американской прессы этого периода стоит назвать реактивность по отношению к материалам газеты «Советский спорт», воспринимаемым как пропагандистские. При этом вся «контрпропаганда» сводилась лишь к пересказу материалов советского издания. Заголовки «Британские футболисты рабы – утверждают Советы» [16], «Спорт США заполнен дискриминацией, утверждают русские» [62, с. 5], «Красная газета критикует награду за американские танцы на льду» [33], «Советы признают лозунг “спорт ради спорта” вредным для народа» [52] звучат так, будто нарочито однозначно, чтобы убеждать читателя в ироничном отношении издателя к предмету новости.

Американский читатель имел возможность ознакомиться с мнением советской прессы о развитии спорта в США. «Редакция¹⁰ приходит к выводу, что американский спорт стал лидирующей отраслью коммерческого досуга. Целью всех видов американского спорта является возбуждение низменных инстинктов аудитории, они воспитывают американскую молодежь в духе садизма и звериной жестокости» [66], приводит цитату из радиоэфира редактор «Evening Star».

«Советский спорт» с началом холодной войны вел линию на дискредитацию американских массовых движений школьников и молодежи. В частности, движение скаутов характеризовалось как инструмент воспитания милитаристского духа «штрейкбрехеров и шпионов буржуазии» [27, с. 1]. Любопытно, что деятельности скаутов уделяется такое внимание и, очевидно, трактуется как один из видов спорта или что-то близкое к этому, несмотря на то что это скорее смесь спортивного и туристического досуга (по сути схожих с деятельностью пионерских отрядов в СССР).

Идеологическое разграничение затронуло и конкретные виды спорта. Неприятие американского футбола в СССР, выраженное на страницах «Советского спорта» в следующей максиме: «Футбол¹¹ уродует молодежь духовно и физически, и поэтому широко распространен на стадионах американских университетов и колледжей» [53, с. 1]. Все аргументы «Советского спорта» в заметке называются «странными», а в качестве примера приводится цитата о новых видах спорта в американских кампусах – таких, как, например, «борьба в яме с тухлой рыбой, бег на четвереньках, бег задом наперед» [53, с. 1].

Статья, посвященная достижениям советского легкоатлета (эстонца) Х. Липпа, подчеркивает, что, несмотря на факты поощрения рекордов и новых спортивных достижений в СССР, развитие спорта в Стране Советов носит приоритетно массовый характер [54, с. 5].

Решение об участии СССР в Олимпиаде в Хельсинки в 1952 г. вызвало разнообразную реакцию в американских СМИ [64, с. 57–74]. С одной стороны, пресса отмечала высокие достижения советских спортсменов, которые по достигнутым результатам превосходили своих коллег-мужчин [50]. С другой стороны, звучали сомнения относительно готовности СССР присоединиться к международному Олимпийскому движению, которые расценивались лишь как декларативный стимул сохранения мира в начале 1950-х. («Это могло бы значить, что Кремль решил, что войны в 1952 г. не будет» [51]). Все эти заявления связаны, безусловно, с войной в Корее.

Вскоре после начала Олимпийских игр 28 июля 1952 г. «The New York Times» публикует на своих страницах заметку «Международная федерация отклонила российское предложение о введении олимпийского командного титула», в которой речь идет о том, что «Конгресс Международной любительской легкоатлетической федерации сегодня отклонил российское предложение об изменении правил с целью обеспечения официального командного зачета в мужских и женских видах спорта на будущих Олимпийских играх и чемпионатах Европы» [40, с. 24].

Участие СССР в международных спортивных соревнованиях также актуализировало вопрос о подготовке американских спортсменов, для которых вплоть до Олимпийских игр в Хельсинки не было возможности на официальном уровне сойтись с советскими коллегами, утверждает в «The Daily Alaska Empire» [41, с. 3]. Как и в приведенной выше цитате, автор также связывает участие СССР в Олимпиаде с малой вероятностью новой мировой войны.

Однако ситуация холодной войны актуализировала скандалы, связанные со спортивными мероприятиями на территории СССР. В 1951 г. журналисты уделили внимание инциденту, произошедшему в Костроме, где местные руководители спорта в целях повышения показателей сфальсифицировали результаты бегуна на 100 метров на две секунды, а атлета, пришедшего вторым, попросту выдумали [51].

«The New York Times» в дни завершения Олимпийских игр 1952 г. выпускает целую полосу под общим заголовком «США выигрывают финал баскетбольного турнира с Россией и лидируют в олимпийских соревнованиях по плаванию» [61, с. 10], в которой немалое внимание уделяется результатам советских спортсменов на Олимпиаде. Кроме того, в самом же ее начале приводится заметка «Россия дала гарантию своего участия в Играх 1956 года» [61, с. 10], что само по себе намекает на азарт в продолжении соперничества именно с СССР в дальнейших спортивных состязаниях.

Таким образом, на этапе послевоенного периода идеологические противопоставления в американской спортивной прессе также послужили симптоматической чертой начального этапа холодной войны. Спортивная сфера не избежала идеологизации, что вылилось даже на уровне прессы в проявление противостояния советской и «западной» систем. Послевоенная популярность способствовала формированию интереса Советского Союза к общественным практикам, которые могли бы создавать пример позитивного образа массовых движений не в качестве протеста, а как гражданской солидарности. Однако это не было реализовано в силу многих причин.

В то же время можно отметить, что в американской прессе на данном этапе укрепляется и развивается тенденция восприятия советского спорта, начавшая формироваться еще в предвоенный период. Высказанные ранее предположения о развитии спорта в СССР в тесной взаимосвязи с проблематикой обороноспособности страны обретают формы уже уверенных риторических приемов. Можно констатировать, что именно с нарастанием холодной войны в американской прессе спортивное движение в СССР начинает освещаться уже в контексте реальной «угрозы» спортсменам США. Именно в этот период спортивные достижения в СССР начинают оцениваться как «профессиональные».

Подводя итоги, стоит отметить, что материалы американской прессы позволяют сделать определенные выводы о восприятии советского спорта в США в рассматриваемый период. Интерес к развитию спортивного движения в СССР сохранялся в течение всего периода со второй половины 1930-х гг. до начального этапа холодной войны в конце 1940 – начале 1950-х.

Для 1930-х гг. характерно наличие различных оценок и ракурсов в описании спортивного движения в СССР. Большинство авторов приводят колоссальные статистические показатели граждан и гражданок СССР, вовлеченных в спортивную деятельность. Отмечался характер многонациональности спортивного движения в СССР, уделялось внимание вовлеченности женщин. При этом общий вектор политической динамики европейских автократий распространялся и на сферу спорта, на первый план в освещении выходил военно-спортивный аспект, в частности, наличие системы ГТО, уделялось повышенное внимание спортивным дисциплинам, влиявшим косвенно или прямо на обороноспособность Страны Советов.

В период Второй мировой войны репрезентацию спортивных новостей из СССР можно разделить на две группы. Первая освещала спортивные мероприятия внутри СССР как символ несломленности советского народа в условиях войны. На этом был сделан наибольший акцент, что вполне объяснимо общим контекстом союзнических отношений, когда интерес друг к другу проявлялся во многих сферах. Очевидно, наибольшим интересом американского общества на начальном периоде войны представляли собой «ставки» на то, как долго сможет выдержать советский народ. Этим отчасти можно объяснить, почему ко второй группе относятся материалы, посвященные актуальности спортивной подготовки на полях сражений. Хронологически не всегда совпадающие, но все более нарастающие после перелома советских сил над нацистским натиском.

С началом холодной войны восторжествовал идеологизированный подход 1930-х, когда спортивные достижения и международные соревнования рассматрива-

лись обеими сторонами как доказательство превосходства того или иного строя. Вовлеченность СССР в международное олимпийское движение в начале 1950-х подавалась как гарантия сохранения мира, при этом формат отражения информации американской и советской прессой тех или иных событий обрели характер максимальной политизации, что стало прямым продолжением логики холодной войны.

Восприятие советского спортивного движения в американской прессе трансформировалось под воздействием политических процессов на протяжении всех периодов. Феномен массового спортивного движения в советском обществе использовался как для прославления политического строя СССР, так и для его критики – отчасти потому, что именно этот сегмент общественной жизни является наиболее близким «зеркалом» для любого общества.

Наконец, важной чертой восприятия спорта в СССР в американской прессе на каждом этапе является наличие за советскими спортсменами и формами организации массового спорта в СССР роли *другого*, непонятного, наследующего предшествующие периоды [4]. Прославление массового спорта в совокупности с ассоциацией профессиональных спортсменов с клубами государственных ведомственных организаций добавляли различий, превращая общие точки в исключения из правил.

Примечания

1. Литовская газета в Кливленде.
2. Лейбористская газета, провозглашенная официальным органом Федерации труда штата Монтана.
3. Самопровозглашенная официальная газета округа Сандерс, штат Монтана.
4. Ежедневная газета Ки-Уэста, штат Флорида, тяготеющая к демократическому крылу.
5. Еженедельно выходившая в Западной Вирджинии газета, в основном освещавшая проблемы афроамериканского сообщества региона.
6. Еженедельная афроамериканская газета в Миннеаполисе, штат Миннесота.
7. Газета, основанная в Уотерберри, штат Коннектикут, ирландцем К. Мэлони, представителем Демократической партии в Генеральной Ассамблее Коннектикута в 1887–1888 гг.
8. В СССР.
9. Автор использует термин «Bolshies».
10. Газеты «Советский спорт».
11. Американский.

Список источников и литературы

1. Алексеев К. А. Трансформация роли спорта в общественно-политической жизни СССР (на материале газеты «Красный спорт» в 1940-е гг.) // Медиаскоп. 2015. № 4. С. 14.
2. Баишев Н. И. Спортивная повседневность в СССР как историографическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 150–154.
3. Глушич А. М. Открывая молодое государство: приём зарубежных спортивных делегаций в СССР в 1920-е годы // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 16, № 6. С. 183–206.
4. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.
5. Копысов Н. Б. Советская политика в области «спорта высоких достижений» в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 1. С. 102–116.
6. Куприянов А. И., Зубкова Е. Ю., Мухаматулин Т. А., Прокуменищikov М. Ю. Советский спорт в контекстах холодной войны. М.: Весь мир, 2023. 488 с.
7. Куприянов А. И., Зубкова Е. Ю. Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны // Российская история. 2020. № 1. С. 143–159.

8. Мухаматулин Т. А. «Серьезная забава»: Советский спорт в современной историографии // Историческая экспертиза. 2020. № 1. С. 356–365.
9. О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура : пер. с англ. М.: НЛЮ, 2010. 293 с.
10. Толстой С. С. Власть и массовый спорт в СССР (на примере истории советского футбола в 1930–1950-е годы) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Толстой Станислав Сергеевич. М., 2009. 238 с.
11. Футбол. Война. Холокост : документы, свидетельства, фотографии / под ред. И. А. Альтмана, А. Е. Гербер; сост. А. И. Альтман [и др.]. М.: НЛЮ, 2024. 152 с.
12. Холландер П. Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978 : пер. с англ. СПб.: Лань, 2001. 592 с.
13. Хорошева А. В. Физическая культура в советской повседневности в 1920–1930-е годы // Культура и власть в СССР, 1920–1950-е годы : материалы IX междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г. М.: Полит. энцикл., 2017. С. 541–550.
14. Эдельман Р. Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт, 2008. 398 с.
15. Algeo M. Last Team Standing: How the Steelers and the Eagles – «The Steagles» – Saved Pro Football During World War II. Chicago: Review Press, 2013. 296 p.
16. British Football Players Are Slaves, Soviets Say // The Evening Star. 1952. February 14.
17. Buss W. Die westdeutsche Sportwissenschaft in der Nachkriegszeit 1945–1970 // Jahrbuch 2017 der Deutschen Gesellschaft für Geschichte der Sportwissenschaft. Vol. 2018, Bd. 21. S. 77–130.
18. Byers W. Russian Sports Are Amazing // The Detroit Sunday Times. 1945. February 25. P. 3.
19. Carson L. It will be Raining Red Girls // Detroit Evening Times. 1941. July 9. P. 2.
20. Carver L. Fair or Foul // The Ohio Daily Express. 1951. December 31. P. 2.
21. Edgecomb S. Inharmonious Pursuits: Performing Racism at the Olympic Games // Popular Entertainment Studies. 2011. Vol. 2, Issue 2. P. 5–20.
22. Graham D. Yankee Land Tops All in Facilities // The Evening Star. 1937. January 23. P. 1.
23. Hullett W. Russian Athletes «Must» Win Olympics – Or Else // The Ohio Daily Express. 1952. January 24. P. 2.
24. Katzer N. «Neue Menschen» in Bewegung: Zum Verhältnis von Sport und Moderne in Russland im 20. Jahrhundert // Sport zwischen Ost und West: Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. und 20. Jahrhundert / A. Malz, S. Rohdewald, S. Wiederkehr (Hrsg.). Osnabrück, 2007. P. 349–369.
25. Keys B. Soviet sport and transnational mass culture in the 1930s // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38, no. 3. P. 413–434.
26. Keys B. Spreading peace, democracy, and Coca-Cola®: Sport and American cultural expansion in the 1930s // Diplomatic History. 2004. Vol. 28, no. 2. P. 165–196.
27. Men in Elevators // The Evening Star. 1949. May 3. P. 1.
28. Mertin E. Participation is not enough. The Soviet Union in the Olympic Movement // Cahiers de l'INSEP. 2010. Vol. 46, no. 1. P. 225–233.
29. Mirabet R., Pujadas X. Intellectuals and Warriors: The Ideological and Political Basis of Francoist University Sport, 1933–1946 // The International Journal of the History of Sport. 2018. Vol. 35, no. 11. P. 1176–1197.
30. Parks J. Red sport, red tape: The Olympic Games, the Soviet sports bureaucracy, and the Cold War, 1952–1980 : dissertation ... Ph.D. / Parks Jenifer. Chapel Hill, 2009. 410 p.
31. Red Sports Writers Quit, Rejecting Political Slant // The Evening Star. 1950. June 19. P. 5.
32. Reds Lack Board for Olympic Action // The Delaware's Largest Weekly. 1948. April 2. P. 4.
33. Red Paper Hits Award for American Ice Dance // The Evening Star. 1949. February 12.
34. Replay of Cup Game Ordered to Settle Russian Rhubarb // The Evening Star. 1951. October 16. P. 14.
35. Riordan J. Sowjetischer Sport als Ritual und Zeremonie // Osteuropa. 1979. Vol. 29, no. 1. P. 22–36.
36. Russian Papers Acclaim Joe Louis' Victory as Slap at Nazi «Super Man» // The McDowell Times. 1938. July 22. P. 1.

37. Russian Show Vital Role of Sports in War; Leading Soviet Athletes Meet in Moscow and Resolve to Smash Fascist Aggressors // *Waterbury Evening Democrat*. 1942. August 14. P. 17.
38. Russia Spent \$100 000 000 Yearly on Sports Program // *The Camas Hot Spring Exchange*. 1945. January 18. P. 3.
39. Russians View Tilt // *Montana labor news*. 1945. October 16. P. 1.
40. Russian Proposal for Olympic Team Title Voted Down by International Federation // *The New York Times*. 1952. July 29. P. 24.
41. Russians May Enter Olympics // *The Daily Alaska Empire*. 1951. April 25. P. 3.
42. *Shaw T., Youngblood D. J.* Cold War sport, film, and propaganda: A comparative analysis of the superpowers // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, no. 1. P. 160–192.
43. *Shipman, Samuel S.* «Sports in the Soviet Union» // *Current History* (1916–1940). 1937. Vol. 47, no. 3. P. 81–85.
44. Soviets Train Jumpers // *The Indianapolis Times*. 1936. January 11.
45. Soviet Cross Country Ski Races Get Underway // *Wilmington Morning Star*. 1942. February 2. P. 3.
46. Soviet Sport Shows the Greatest Increase Since Start of War // *The Wilmington Morning Star*. 1945. January 10. P. 7.
47. Soviet Broadcasts in Lithuanian from Vilnius in February // *Dirva*. 1945. February. P. 5.
48. Soviet Likely Sideliner For 1948 Olympics // *The Daily Alaska Empire*. 1946. February 22. P. 3.
49. Soviets Erect Big Sport Building // *The Evening Star*. 1936. March 12. P. 7.
50. Soviet Moves Toward Entering Olympic Games for First Time // *The Evening Star*. 1951. April 24.
51. Soviet Sports Paper Charges Whole List of Faked Records // *The Evening Star*. 1951. December 18.
52. Soviet Bars «Sport for Sport's Sake» as Harmful to Nation // *The Evening Star*. 1946. August 28.
53. Soviet Kicks American «Futbol», Says Its Goal Is to Cripple Youth // *The Evening Star*. 1952. November 18. P. 1.
54. Soviet Scores in Decathlon // *The Key West citizen*. 1949. March 9. P. 5.
55. Soviet Has 15 Sports Newspaper // *Waterbury Evening Democrat*. 1937. December 27. P. 18.
56. *Spaaij R.* Olympic rings of peace? The Olympic movement, peacemaking and intercultural understanding // *Sport in Society*. 2012. Vol. 15, no. 6. P. 761–774.
57. Sports to Make Comeback This Year in Russia // *The Daily Alaska Empire*. 1945. January 10. P. 5.
58. Sports Boom Sweeps Russia with Soccer Arawing Throngs // *The Evening Star*. 1945. October 16. P. 11.
59. *Tunis John R.* The Dictators Discover Sport // *Foreign Affairs*. 1936. Vol. 14, no. 4. P. 606–617. Electronic version. URL: <https://www.jstor.org/stable/20030762> (date of request: 19.04.2025).
60. Two Football Teams Join Flight from East Germany // *The Evening Star*. 1950. June 6. P. 4.
61. U. S. Gains Basketball Final with Russia and Paces Olympic Swimming Trials // *The New York Times*. 1952. August 1. P. 10.
62. US Sport Filled with Racial Discrimination, Russians say // *The Evening Star*. 1946. December 18. P. 5.
63. *Wagg S., Andrews D. L.* (ed.). *East plays west: Sport and the Cold War*. London; New York: Routledge, 2007. 352 p.
64. *Walsdorf H.* Reviving Folklore, Moving Ideology: Social (istic) Dance in the German Democratic Republic // *Folklore Revival Movements in Europe post 1950*. Prague: Institute of Ethnology of the Czech Academy of Sciences, 2018. P. 57–74.
65. *Washburn John N.* Sport as a Soviet Tool // *Foreign Affairs*. 1956. Vol. 34, no. 3. P. 490–499. Electronic version. URL: <https://www.jstor.org/stable/20031180> (date of request: 19.04.2025).
66. What the Russians are Saying about us? // *The Evening Star*. 1948. April 23.
67. *Wheeler R. F.* Organized sport and organized labour: the workers' sports movement // *Journal of Contemporary History*. 1978. Vol. 13, no. 2. P. 191–210.

68. Worth A. Minority Groups Given Place of Honor in Huge Soviet Sports Parade // Twin City Herald. 1939. August 19.

References

1. Alekseyev, KA 2015, 'Transformatsiya roli sporta v obshchestvenno-politicheskoy zhizni SSSR (na material gazety "Krasnyy sport" v 1940-e gg.)' (Transformation of the role of sports in the socio-political life of the USSR (based on the newspaper "Krasnyy sport" in the 1940s)), *Mediascop*, no. 4, p. 14. (In Russ.)
2. Baishev, NI 2015, 'Sportivnaya povsednevnost v SSSR kak istoriograficheskaya problema' (Sports routine in the USSR as a historiographical issue), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), no. 10, pp. 150–154. (In Russ.)
3. Glushich, AM 2024, 'Otkryvaya molodoye gosudarstvo: priyom zarubezhnykh sportivnykh delegatsiy v SSSR v 1920-e gody' (Discovering a Young State: Foreign Sports Delegations in the USSR during the 1920s), *Vestnik MGIMO-Universiteta* (MGIMO Review of International Relations), vol. 16, no. 6, pp. 183–206. (In Russ.)
4. Zhuravleva, VI 2012, *Ponimaniye Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914* (Understanding Russia in the USA: images and myths. 1881–1914), RGGU publ., Moscow. (In Russ.)
5. Kopysov, NB 2024, 'Sovetskaya politika v oblasti "sporta vysokikh dostizheniy" v 1920–1930-kh gg.' (Soviet policy on "high-performance sports" in the 1920s and 1930s), *Vestnik RGGU. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyeotnosheniya* (RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"), no. 1, pp. 102–116. (In Russ.)
6. Kupriyanov, AI, Zubkova, EYu, Mukhamatulin, TA & Prozumenshchikov, MYu 2023, *Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny* (Soviet sport in the contexts of the Cold War), Ves mir publ., Moscow. (In Russ.)
7. Kupriyanov, AI & Zubkova, EYu 2020, 'Professionalizatsiya sovetskogo sporta v usloviyakh kholodnoy voyny' (Professionalization of Soviet sports during the Cold War), *Rossiyskaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history), no. 1, pp. 143–159. (In Russ.)
8. Mukhamatulin, TA 2020, 'Seryeznaya zabava': Sovetskiy sport v sovremennoy istoriografii' ("Serious fun": Soviet sport in contemporary historiography), *Istoricheskaya ekspertiza* (Historical expertise), no. 1, pp. 356–365. (In Russ.)
9. O'Mahony, M 2010, *Sport v SSSR* (Sports in the USSR), NLO publ., Moscow. (In Russ.)
10. Tolstoy, SS 2009, *Vlast i massovyy sport v SSSR (na primere istorii sovetskogo futbola v 1930–1950-e gody)* (Power and mass sport in the USSR (on the example of the history of Soviet football in the 1930–1950s)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
11. Altman, IA & Gerber, AE (eds) 2024, *Futbol. Voyna. Kholokost: dokumenty, svidetelstva, fotografii* (Football. War. Holocaust: documents, testimonies, photographs), NLO publ., Moscow. (In Russ.)
12. Hollander, P 2001, *Politicheskiye pilgrimy: puteshestviya zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayui Kube, 1928–1978* (Political pilgrims: travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba, 1928–1978), Lan publ., St. Petersburg. (In Russ.)
13. Khorosheva, AV 2017, 'Fizicheskaya kultura v sovetskoy povsednevnosti v 1920–1930-e gody' (Physical culture in Soviet everyday life in the 1920–1930s), *Kultura i vlast v SSSR. 1920–1950-e gody: Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Culture and power in the USSR, 1920–1950s. Proceedings of the 9th International Scientific Conf.), 24–26 October, Polit. entsikl. publ., Moscow, pp. 541–550. (In Russ.)
14. Edelman, R 2008, *Seryoznaya zabava: Istoriya zrelishchnogo sporta v SSSR* (Serious fun: A history of spectator sport in the USSR), Sovetskiy sport publ., Moscow. (In Russ.)
15. Algeo, M 2013, *Last Team Standing: How the Steelers and the Eagles - "The Steagles" - Saved Pro Football During World War II*, Review Press publ, Chicago.
16. 'British Football Players Are Slaves, Soviets Say' 1952, *The Evening Star*, 14 February.
17. Buss, W 2018, 'Die westdeutsche Sportwissenschaft in der Nachkriegszeit 1945–1970' (West German sports science in the postwar period 1945–1970), *Jahrbuch 2017 der Deutschen Gesellschaft für Geschichte der Sportwissenschaften*, vol. 21, pp. 77–130. (In Germ.)
18. Byers, W 1945, 'Russian Sports Are Amazing', *The Detroit Sunday Times*, 25 February, p. 3.

19. Carson, L 1941, 'It will be Raining Red Girls', *Detroit Evening Times*, 9 July, p. 2.
20. Carver, L 1951, 'Fair or Foul', *The Ohio Daily Express*, 31 December, p. 2.
21. Edgecomb, S 2011, 'Inharmonious Pursuits: Performing Racism at the Olympic Games', *Popular Entertainment Studies*, vol. 2, issue 2, pp. 5–20, viewed 19 April 2025, https://www.academia.edu/779374/Inharmonious_Pursuits_Performing_Racism_in_the_Olympic_Games.
22. Graham, D 1937, 'Yankeeland Tops All in Facilities', *The Evening Star*, Washington D.C., 23 January, p. 1.
23. Hullett, W 1952, 'Russian Athletes "Must" Win Olympics - Or Else', *The Ohio Daily Express*, 24 January, p. 2.
24. Katzer, N 2007, 'Neue Menschen' in Bewegung: Zum Verhältnis von Sport und Moderne in Russland im 20. Jahrhundert ('New People' in Motion: On the Relationship Between Sport and Modernity in 20th Century Russia), *Sport zwischen Ost und West: Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. und 20. Jahrhundert*, ed. A. Malz, S. Rohdewald, S. Wiederkehr, pp. 349–369. (In Germ.)
25. Keys, B 2003, 'Soviet sport and transnational mass culture in the 1930s', *Journal of Contemporary History*, vol. 38, no. 3, pp. 413–434.
26. Keys, B 2004, 'Spreading peace, democracy, and Coca-Cola®: Sport and American cultural expansion in the 1930s', *Diplomatic History*, vol. 28, no. 2, pp. 165–196.
27. 'Men in Elevators' 1949, *The Evening Star*, 3 May, p. 1.
28. Mertin, E 2010, 'Participation is not enough: The Soviet Union in the Olympic Movement', *Cahiers de l'INSEP*, vol. 46, no. 1, pp. 225–233.
29. Mirabet, R & Pujadas, X 2018, 'Intellectuals and Warriors: The Ideological and Political Basis of Francoist University Sport, 1933–1946', *The International Journal of the History of Sport*, vol. 35, no. 11, pp. 1176–1197.
30. Parks, J 2009, Red sport, red tape: The Olympic Games, the Soviet sports bureaucracy, and the Cold War, 1952–1980, PhD thesis, The University of North Carolina at Chapel Hill, Chapel Hill.
31. 'Red Sports Writers Quit, Rejecting Political Slant' 1950, *The Evening Star*, 19 June, p. 5.
32. 'Reds Lack Board for Olympic Action' 1948, *The Delaware's Largest Weekly*, 2 April, p. 4.
33. 'Red Paper Hits Award for American Ice Dance' 1949, *The Evening Star*, 12 February.
34. 'Replay of Cup Game Ordered to Settle Russian Rhubarb' 1951, *The Evening Star*, 16 October, p. 14.
35. Riordan, J 1979, 'Sowjetischer Sport als Ritual und Zeremonie' (Soviet Sport as Ritual and Ceremony), *Osteuropa*, vol. 29, no. 1, pp. 22–36. (In Germ.)
36. 'Russian Papers Acclaim Joe Louis' Victory as Slap at Nazi "Super Man" 1938, *The McDowell Times*, 22 July, p. 1.
37. 'Russian Show Vital Role of Sports in War; Leading Soviet Athletes Meet in Moscow and Resolve to Smash Fascist Aggressors' 1942, *Waterbury Evening Democrat*, 14 August, p. 17.
38. 'Russia Spent \$100 000 000 Yearly on Sports Program' 1945, *The Camas Hot Spring Exchange*, 18 January, p. 3.
39. 'Russians View Tilt' 1945, *Montana labor news*, 16 October, p. 1.
40. 'Russian Proposal for Olympic Team Title Voted Down by International Federation' 1952, *The New York Times*, 29 July, p. 24.
41. 'Russians May Enter Olympics' 1951, *The Daily Alaska Empire*, 25 April, p. 3.
42. Shaw, T & Youngblood, DJ 2017, 'Cold War sport, film, and propaganda: A comparative analysis of the superpowers', *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 160–192.
43. Shipman, SS 1937, 'Sports in the Soviet Union', *Current History (1916–1940)*, vol. 47, no. 3, pp. 81–85, viewed 19 April 2025, <https://www.jstor.org/stable/45338725>.
44. 'Soviets Train Jumpers' 1936, *The Indianapolis Times*, 11 January.
45. 'Soviet Cross Country Ski Races Get Underway' 1942, *Wilmington Morning Star*, Wilmington, N.C., 2 February, p. 3.
46. 'Soviet Sport Shows the Greatest Increase Since Start of War' 1945, *The Wilmington Morning Star*, 10 January, p. 7.
47. 'Soviet Broadcasts in Lithuanian from Vilnius in February' 1945, *Dirva*, February, p. 5.

48. 'Soviet Likely Sideliner For 1948 Olympics' 1946, *The Daily Alaska Empire*, 22 February, p. 3.
49. 'Soviets Erect Big Sport Building' 1936, *The Evening Star*, 12 March, p. 7.
50. 'Soviet Moves Toward Entering Olympic Games for First Time' 1951, *The Evening Star*, 24 April.
51. 'Soviet Sports Paper Charges Whole List of Faked Records' 1951, *The Evening Star*, 18 December.
52. 'Soviet Bars "Sport for Sport's Sake" as Harmful to Nation' 1946, *The Evening Star*, 28 August.
53. 'Soviet Kicks American "Futbol", Says Its Goal Is to Cripple Youth' 1952, *The Evening Star*, 18 November, p. 1.
54. 'Soviet Scores in Decathlon' 1949, *The Key West Citizen*, 9 March, p. 5.
55. 'Soviet Has 15 Sports Newspaper' 1937, *Waterbury Evening Democrat*, 27 December, p. 18.
56. Spaaij, R 2012, 'Olympic rings of peace? The Olympic movement, peacemaking and intercultural understanding', *Sport in Society*, vol. 15, no. 6, pp. 761-774.
57. 'Sports to Make Comeback This Year in Russia' 1945, *The Daily Alaska Empire*, 10 January, p. 5.
58. 'Sports Boom Sweeps Russia with Soccer Arawing Throngs' 1945, *The Evening Star*, 16 October, p. 11.
59. Tunis, JR 1936, 'The Dictators Discover Sport', *Foreign Affairs*, vol. 14, no. 4, pp. 606–617, viewed 19 April 2025, <https://www.jstor.org/stable/20030762>.
60. 'Two Football Teams Join Flight from East Germany' 1950, *The Evening Star*, 6 June, p. 4.
61. 'U.S. Gains Basketball Final with Russia and Paces Olympic Swimming Trials' 1952, *The New York Times*, 1 August, p. 10.
62. 'US Sport Filled with Racial Discrimination, Russians say' 1946, *The Evening Star*, 18 December, p. 5.
63. Wagg, S & Andrews, DL (eds) 2007, *East plays west: Sport and the Cold War*, Routledge publ., New York.
64. Walsdorf, H 2018, 'Reviving Folklore, Moving Ideology: Social(istic) Dance in the German Democratic Republic', *Folklore Revival Movements in Europe post 1950*, pp. 57–74.
65. Washburn, JN 1956, 'Sport as a Soviet Tool', *Foreign Affairs*, vol. 34, no. 3, pp. 490–499, viewed 19 April 2025, <https://www.jstor.org/stable/20031180>.
66. 'What the Russians are Saying about us?' 1948, *The Evening Star*, 23 April.
67. Wheeler, RF 1978, 'Organized sport and organized labour: the workers' sports movement', *Journal of Contemporary History*, vol. 13, no. 2, pp. 191–210.
68. Worth, A 1939, 'Minority Groups Given Place of Honor in Huge Soviet Sports Parade', *Twin City Herald*, 19 August.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 17.06.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 94(470.55)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЕЛКА «БЕРЕЗКИ» В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

**Надежда Николаевна
Макарова**

Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
Магнитогорск, Россия, makarovanadia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Аннотация. Город Магнитогорск традиционно в советское время представлял собой территорию по реализации эксперимента под названием «Новый город». Соответственно в Магнитогорске на практике реализовали новые архитектурные решения, строили новый социалистический быт, воспитывали нового человека, повседневная жизнь которого не связана со старыми традициями, религией и, конечно, неравенством. История градостроительства Советского Союза отражена в исторических исследованиях широко, но основное внимание ученые концентрировали на изучении «больших» вопросов истории градостроительства, не уделяя должного внимания отдельным интересным аспектам. В частности, так называемому элитному жилью. Последнее само по себе, казалось, не могло существовать в СССР. В данной статье на основе разнообразных источников (делопроизводственная документация, источники личного происхождения, материалы периодической печати) предпринимается попытка рассмотреть процесс создания на территории Магнитогорска элитного поселка «Березки», в котором проживало руководство города, партии и металлургического комбината, а также советские и иностранные специалисты. В результате исследования удалось определить, что в Магнитогорске, возникшем практически «с нуля» и преподносившемся советской пропагандой как новый город, в котором живет и трудится советский человек, где нет места порокам прошлого, существовало элитное жилье, получение которого зависело от места в иерархии власти на локальном уровне. Поселок представлял замкнутый мир со своей социально-бытовой инфраструктурой, уникальными архитектурными решениями и особой повседневной жизнью его обитателей. Данное исследование, несомненно, вносит вклад в решение задачи изучения повседневности отдельных социальных групп, а также восполняет лакуны в сфере исторических архитектуроведческих исследований.

Ключевые слова: история повседневности, история градостроительства, индустриализация, Урал, Магнитогорск, жилищный вопрос, градостроительство, элитное жилье.

Для цитирования: Макарова Н. Н. Повседневная жизнь поселка «Березки» в период форсированной индустриализации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 68–79. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

Сведения об авторе: Н. Н. Макарова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38.

Scientific Article
UDC 94(470.55)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79>

EVERYDAY LIFE IN THE SETTLEMENT OF «BEREZKI» DURING THE PERIOD OF ACCELERATED INDUSTRIALIZATION

Nadezhda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia, makarovanadia@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Abstract. The city of Magnitogorsk, in the Soviet era, was the location for the execution of an experiment known as the "New City" project. Consequently, in Magnitogorsk, innovative architectural solutions were implemented, a new socialist way of life was established, and a new type of individual was cultivated, whose everyday life was devoid of traditional values, religion, and, of course, inequality. The history of urban development in the Soviet Union has been extensively documented in historical studies; however, scholars have predominantly focused on the "big" issues of urban development, often overlooking certain interesting aspects. This is especially evident in the context of so-called elite housing. The latter in itself appeared to be an impossibility within the Soviet Union. This article, drawing upon a range of sources including office documentation, personal sources and periodicals, seeks to examine the process of establishing the elite village of "Beryozki" within the confines of Magnitogorsk. This village served as a residence for the city's leadership, the party, the metallurgical plant, as well as Soviet and foreign specialists. The study revealed that in Magnitogorsk, which arose practically "from scratch" and was presented by Soviet propaganda as a new city where Soviet people lived and worked, where there was no place for the vices of the past, there was elite housing, the receipt of which depended on the place in the hierarchy of power at the local level. The village constituted a self-contained entity, characterised by its distinct social and everyday infrastructure, unique architectural solutions, and the distinctive everyday life of its inhabitants. This study contributes to the existing body of knowledge on the subject of the everyday life of individual social groups, and also fills the gaps in the field of historical architectural research.

Keywords: History of everyday life, History of urban development, industrialization, Urals, Magnitogorsk, housing issue, urban development, elite housing.

For citation: Makarova, NN 2025, 'Everyday Life in the Settlement of «Berezki» During the Period of Accelerated Industrialization', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 68–79, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-68-79> (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda N. Makarova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russia.

Введение

Особая категория зданий эпохи индустриализации – элитные коттеджные поселки (отдельные дома), выдающиеся своей архитектурой, по заявлениям ряда советских авторов, являлись частью массового жилого фонда и предназначались для обычных рабочих. В реальности эти дома возводили исключительно для местной элиты. Советской архитектуре приходилось учитывать существование особой категории жилых объектов, поскольку подобные проекты разрабатывались систематически. Когда ситуация предоставляла возможность, высокопоставленные лица имели право перенаправлять выделяемые государством ресурсы, изначально предназначенные для массовой застройки, на создание личных обособленных жилищ [22]. Официальная идеология Советского Союза исключала публичное обсуждение подобной ситуации. Открытое признание наличия особого элитного жилого фонда могло привести к дискуссиям о социальном неравенстве в стране, что вступало в прямое противоречие с декларируемым принципом равноправия в советском обществе. Поэтому различия в уровне комфорта жилья и территориальная сегрегация населённых пунктов оставались скрытыми от широкой общественности, не находя отражения ни в нормативных документах, ни в профессиональной литературе, ни даже в мемуарах самих архитекторов и ученых. Магнитогорск оказался одним из городов, в котором существовало подобное элитное жилье. Пропагандистская машина Советского Союза преподносила его как образец массового жилого фонда для рабочих: «В поселке “Березки” его обитателям – металлургам Магнитки – предоставлены все бытовые удобства...» [23, с. 176; 41, с. 24]. В этой связи изучение повседневной стороны прошлого на территории «Березок» является крайне интересным и перспективным исследовательским полем.

Материалы и методы

Историография проблемы весьма обширна. Все исследования условно группируются в два блока: первый – труды по истории повседневности; второй – работы по истории градостроительства. Проблематика социальной истории в течение последних десятилетий стала особенно актуальной как в международной, так и в российской исторической науке. Усиление интереса к социальным аспектам жизни, изучению повседневной культуры и образа мыслей обычных людей заметно укрепляет свою позицию среди отечественных исследований. Это подтверждают многочисленные публикации книг и научных статей, посвящённых именно истории повседневности [13; 14; 40]. Крайне интересно изучение повседневной жизни отдельных социальных групп, ограниченных неким «общим» [9] или жизнью на закрытой территории [18].

В настоящее время историки внимательно изучают градостроительные практики эпохи СССР. Наиболее яркие исследования принадлежат М. Г. Мееровичу [24–26] и Е. В. Конышевой, которая исследует участие иностранцев в советском градостроительстве [11; 12]. В коллективном исследовании М. Г. Мееровича, Е. В. Конышевой и Д. С. Хмельницкого проанализирован ранний период форсированной индустриализации, в том числе типы массового жилья и планировка соцгородов [23].

Еще в 1930-е годы по предложению А. М. Горького стартовал масштабный проект «История фабрик и заводов», целью которого стало освещение истории грандиозного промышленного строительства эпохи индустриализации. Проект, несмотря на некоторые препятствия, способствовал формированию устойчивой исторической традиции изучения промышленных городов: созданные объекты промышленности неизменно ассоциируются с преодоленными трудностями и достигнутым успехом. В рамках данной тенденции в 1930-е гг. публиковались материалы преимущественно публицистического характера. Лишь значительно позже, в период с 1950-х по 1980-е гг., появились серьезные научные труды, посвящённые

развитию Магнитогорска, причём большинство исследований той поры уделяли внимание позитивным аспектам развития города, упуская проблемы градостроительной практики. Важное исключение составляет исследование архитекторов В. И. Казариновой и В. В. Павлюченкова, детально рассмотревших вопросы районирования и озеленения города [10]. На протяжении последних двадцати лет исследования по истории Магнитогорска касаются различных тем и характеризуются разнообразием методологических подходов [16; 17; 19–21]. В целом тема соответствия типологии жилища социальной структуре населения специально не исследовалась.

Историографическая ситуация определила цель исследования как анализ специфики повседневной жизни различных категорий населения поселка «Березки» в 1930-е гг. Хронологические рамки исследования объясняются тем, что в это время поселок представлял собой жилье для местной элиты и развивался как закрытая зона на территории города. Позднее «Березки» утратили свой уникальный статус.

Широкая источниковая база исследования включает следующие группы материалов: делопроизводственная документация; материалы местных газет; эгоистичники, в том числе воспоминания жителей поселка «Березки». Комплекс разнообразных источников, использованных в исследовании, определил необходимость комплексного подхода в их использовании. Исследование базируется на интеграции общенаучных подходов – анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также общепрофессиональных методов – историко-сравнительного и историко-системного. Использование методов устной истории способствует расширению источниковедческой базы и углубляет интерпретацию свидетельств участников процессов градостроительства рассматриваемого периода.

Результаты

Первоначально элитный поселок назывался «Американский городок» («Американский поселок», «Американка») так как основную массу жителей в начале 1930-х гг. составляли американские специалисты, прибывшие в город для осуществления контроля за монтажными работами оборудования компании «Мак-Ки» [2, с. 67]. Весной 1930 г. в город приехали инженеры из США, которые кроме профессиональных целей оценили социально-бытовые условия в Магнитогорске и решили перевезти сюда свои семьи [2, с. 123].

Посёлок разместился на западной стороне горы Магнитной, где геологические исследования не выявили залежей железной руды. Кроме того, поселок располагался недалеко от возводимых объектов металлургического производства, и поселение удачно вписывалось в розу ветров региона. Архитектурно-градостроительный облик «Березок» складывался постепенно. Посёлок представлял собой образец идеального садово-поселкового комплекса, соответствующего западноевропейскому стандарту градостроительства. Каждый участок обладал одинаковой площадью и был окружён металлическим забором с воротами. Принципы комплексного строительства, свободной планировки и размещения жилого района вокруг зеленого массива и зон для спорта и прогулок были основополагающими при создании «Березок» [10, с. 51]. Высотность зданий колебалась от одного до трех этажей, а ориентация окон и улиц – на юго-восточную и северо-западную стороны [10, с. 88]. В поселке были возведены дома сборной щитовой конструкции и коттеджи. В двух домах гостиничного типа были спроектированы двух-, трех- и пятикомнатные квартиры площадью от 8 до 15 кв. м. В коттеджах на первом этаже располагались гостиная, кабинет, столовая, кухня, санузел, кладовая и закрытая летняя веранда; на втором этаже – три спальни, еще одна ванная, гардеробная и открытая терраса с зоной отдыха, которую использовали для утреннего и вечернего чаепития в хорошую погоду. Прогулочные аллеи поселка были замощены [39, с. 46]. В поселке возвели два капитальных многоквартирных дома, квартиры в которых были полностью меблированы [1, с. 8]. В одном из них

проживала семья Краузе: «Это хороший каменный дом городского типа, на 8 квартир. Наша на втором этаже. В ней 4 комнаты, проходная, ванная, комната для работницы. Отопление центральное. Квартира удобная и красивая. И новая мебель... Как всегда не хватает одной комнаты – кабинета для Фридриха Оскаровича...» [1, с. 8].

Населения поселка «Березки» на протяжении 1930-х гг. не было некой постоянной величиной. Так, в 1930–1933 гг. элитное жилье занимали иностранные специалисты. После завершения срока их договоров, они постепенно покидали город, а квартиры стали распределять среди местного руководства партии, металлургического завода, силовых структур и проч. Впрочем, в 1937–1938 гг. произошла очередная волна перераспределения жилого фонда в поселке. Численность иностранной колонии в Магнитогорске постоянно колебалась. Из всех иностранных подданных, работавших на Магнитострое в 1929–1935 гг., около двух третей были квалифицированные рабочие, приблизительно треть работавших состояли в компартиях различных государств [18, с. 478]. Контингент иностранных рабочих в городе состоял из немцев, американцев, чехов, бельгийцев, испанцев, болгар и проч. Таким образом, точно определить число работавших в Магнитогорске иностранцев не представляется возможным.

В соответствии с квалификацией и причинами прибытия в Магнитогорск всех иностранцев Магнитогорска можно разделить на две группы. Первая представляла специалистов высокого уровня, руководящее звено на производственных объектах комбината; вторая – рядовые и квалифицированные рабочие. Естественно, что и причины приезда в город были различными. Одни ехали, спасаясь безработицы, охватившей США и Европу, другие – по коммерческим соображениям, на заработки, третьи – по соглашениям в качестве консультантов от американских и европейских компаний. Советская пропаганда подчеркивала идеологические факторы приезда иностранных рабочих в город. Например, немецкий рабочий Мейер писал: «Беззаветная любовь к стране Советов, желание помочь социалистической стройке заставили меня приехать на Магнитострой» [33, л. 15]. Уровень жизни рядовых зарубежных специалистов был ниже, проживали они в бараках комнатного типа. В коттеджах «Березок» расселили руководящее звено иностранных специалистов, иные значимые работники из-за границы были размещены в благоустроенных щитовых домах поселка [30; 31; 33]. Хотя расстояние от заводууправления до «Березок» было незначительное, для доставки специалистов на производство организовали транспорт: «...подавать по 1 автомашине в 11.00, 14.00 и 20.00 к Заводууправлению» [19, с. 105–106]. Остальные советские рабочие добирались на работу пешком.

Условия жизни населения поселка существенно отличались от жизни остального города. «Березки» функционировали как обособленный мир со своей собственной инфраструктурой и социальной средой. Здесь находились детские учреждения – ясли и санаторий, общеобразовательная школа, продуктовый магазин и культурный центр – Клуб горняков. Для обычных советских рабочих повседневность обитателей «Берёзок» выглядела воплощением идеальной жизни, однако сами иностранцы так не считали. Вполне естественно, что инокультурная среда, нормы поведения и особенности быта воспринимались заграничными гостями недоброжелательно [32, л. 5]. Иностранные подданные подавали коллективные жалобы в местные газеты: «Мы живем в отвратительных условиях. Вот уже два месяца не работают водопровод, канализация, отопление, совершенно лишились кипятка. Автобус ходит не регулярно... В нашей гостинице оплата за пользование номером слишком огромна...» [15]. Многочисленные жалобы иностранцев предопределили формирование в Магнитогорске особой структуры – спецсектора ММК [15]. Однако встречаются в источниках восторженные оценки жизни в «Березках». Так, представитель «Мак-Ки» инженер Бендт рассказывал, что жил в «оазисе западного комфорта» – в домах на 4–7 комнат

с отоплением, водоснабжением, электричеством, тиром и теннисным кортом [3, с. 16]. В целом о роскоши «Березок» ходили легенды среди местного населения.

На территории «Березок» действовал миниатюрный коммунальный комбинат с баней, прачечной, парикмахерской, ледником, столовой и раздаткой. В поселке существовал инспекторский участок по группе американских домов, в штате которого были должности уполномоченного по благоустройству поселка [18] и коменданта, отвечавшего за вселение и выселение жителей и их прописку [27, л. 334; 28, л. 62; 37, с. 63]. На территории поселка работало почтовое отделение.

Самое существенно недовольство со стороны иностранцев жизнью в городе было связано с качеством торговой сети и организации питания. По мнению иностранных поданных, Инснаб в «Березках» работал плохо, там нельзя было приобрести желаемые товары: «Там почти ничего нельзя купить кроме хлеба, папирос, спирта. Муки не было несколько недель и очень редко имеются овощи...» [29, л. 9]. Местные власти, напротив, оценивали общественное питание, организованное в поселке, высоко: наличие специализированной столовой, в которой комплексный обед из трех блюд стоил 1 руб. 30 коп. [2, с. 78], а стандартный завтрак включал в себя омлет, кофе на цельном молоке, мясное горячее блюдо и горку хлеба – очевидные аргументы [5, л. 10, 29; 35, л. 2].

Вопрос оказания медицинских услуг иностранным гражданам в Магнитогорске был рассмотрен на заседании бюро городского комитета партии 25 июля 1932 г. Поскольку принятое тогда решение оказалось недостаточно четким, спустя два месяца тему снова поднял сотрудник агитационно-массового отдела Горкома ВКП(б), ответственный за работу среди иностранных специалистов, – Глейзер. В своем конфиденциальном обращении к руководителю отдела здравоохранения города он указал на неудовлетворительное состояние медобслуживания иностранцев, случаи игнорирования врачами вызовов к больным пациентам. Предложения инструктора включали закрепление за иностранцами специалиста доктора Чоо, свободно владеющего несколькими языками, расширение сети лечебных учреждений, увеличение количества мест в стационарах и улучшение качества питания пациентов посредством организации поставок через Инснаб.

Согласно рассказу Т. К. Пацины, территория поселка была отделена ограждением [4], которое, однако, не отличалось высоким качеством исполнения [41, с. 24]. Это создавало физическую изоляцию поселка от остального пространства города. Внутри посёлка отсутствовало собственное отделение полиции, но безопасность обеспечивали регулярные обходы улиц участковым сотрудником милиции и добровольцами из местного населения. Начальник стройки доменного городка Райзер отмечал особое требование иностранцев относительно полной изоляции района «Берёзки»: местные не допускались туда [8, л. 164]. Пересечение границы территории поселения воспринималось местными жителями негативно, сопровождалось недовольством и рекомендациями работников правоохранительных органов покинуть территорию [6, л. 17].

Досуг иностранной колонии «Березок» любопытно описан в воспоминаниях американского рабочего Дж. Скотта: «Жизнь, которую вели иностранцы в Березках, была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западно-европейским стандартам. Итальянские специалисты угощали инснабовскими леденцами девушек из местных колхозов, летом ходили в степь за цветами, пели песни и пили имевшиеся в наличии грузинские вина. Американцы играли в покер, читали “Сертеди Ивнинг Пост”...» [38, с. 107]. В воспоминаниях участников строительства и советских обитателей поселка неоднократно отмечается, что вечерами из коттеджей «неслись звуки патефонов, наигрывающих все те же фокстроты...» [7, л. 14].

Социальный статус и профессиональная квалификация были определяющими факторами при распределении жилого фонда в поселке среди советских граждан. Одних вселяли в коттеджи, других – в щитовые дома. Основное различие качества жизни между обитателями поселка и остальным населением города состояло именно в уровне комфортности жилищных условий, степени благоустройства жилых помещений и развитости инфраструктуры.

Яркое представление о бытовых сложностях руководящего состава Магнитогорска даёт серия ранее неизданных писем руководителя планового отдела строительства Б. Г. Козелёва. После прибытия в Магнитогорск Б. Г. Козелёву пришлось проживать на диване в доме начальника строительства Я. П. Шмидта. Впоследствии ему удалось добиться предоставления номера в местной гостинице [36, л. 3], а к приезду семьи в город Б. Г. Козелеву предоставили трёхкомнатную квартиру в элитном поселке. Несмотря на высокий статус и доступ к особым условиям проживания, даже руководство сталкивалось с трудностью приобретения необходимых бытовых товаров и медикаментов в городе [36, л. 2]. «Отец ездил в этом месяце в Челябинск... он привез лишь две банки орехового варенья и 10 “кусков” детского мыла, набрав их постепенно по кусочку», – писала В. Ф. Берсенева о том, что дефицит охватил даже «Березки» в конце 1930-х гг. В случае болезни местное население пользовались услугами знакомых врачей. Например, знаменитый педиатр Ф. О. Краузе регулярно выезжал на частные вызовы к высокопоставленным лицам. Супруга писала о работе Ф. О. Краузе: «Отец худеет, но уверяет, что чувствует себя хорошо. Правда, вечером после длинного рабочего дня он бывает пьяный от усталости. Да и не ест он днем почти ничего» [37, с. 31].

Для детей «Березок» обучение проводили в школе № 41, считавшейся лучшей в городе благодаря высокому уровню успеваемости. Тем не менее в 1938 г. вследствие реформ образовательной системы Магнитогорска учебное заведение преобразовали в восьмилетнюю школу. Вследствие этого ученики старших классов были вынуждены продолжить обучение в иных школах города. Сообщение о предстоящем поиске новой школы и дальних поездках вызвало тревогу среди родителей «Березок»: «Насколько уютнее я себя чувствую в 41-й школе против 5-й. Плохо, что Каря будет заниматься в первую смену, а Лена во вторую» [37, с. 12]. Б. Г. Козелев также выражал серьёзную озабоченность перспективой долгих поездок дочери в школу. Рассматривался вариант найма частного преподавателя, однако впоследствии эта необходимость отпала, поскольку детей Б. Г. Козелева, Я. Гугеля и К. Д. Валериуса стали доставлять в учебное заведение на автомобиле либо конным транспортом [36, л. 9]. Учеба ребят была насыщенной: помимо занятий они активно занимались спортом, выполняли общественную нагрузку и участвовали в субботниках. В письмах В. Ф. Берсеновой красочно описаны повседневные заботы ее семилетнего сына: «Основной школой Каря в общем доволен, хотя, конечно, и в половину не увлекается ей так, как Лена. Он уже имел там неприятность – нарушение дисциплины... <...> То и дело возвращается домой в весьма потрепанном виде: пальто без пуговиц, руки в ссадинах, ноги в синяках. Связывается с мальчишками старше себя и всегда оказывается, что они плакали, а он смеялся...» [37, с. 29, 46]. Детвора из «Березок» принимала участие в субботниках, оказывая посильную помощь родителям: «Застала их играющими около нашего дома и грязными, как кочегары. Они, оказывается, разгружали уголь с подводы. Лена купила квасу и накормила их всех хлебом и квасом вместо завтрака...» [37, с. 23]. Между детьми элитного поселка и мальчишками из бараков случались драки [37, с. 14]. По просьбам жителей поселка на его территории открыли филиал музыкальной школы.

Часто в «Березках» нанимали прислугу и даже гувернанток. Впрочем, содержание помощницы по хозяйству представляло собой непростое дело: следовало вы-

плачивать ей зарплату, выделять комнату [36, с. 15, 17, 27]. В. Ф. Берсенева в письмах старшему сыну писала о частой смене «домашнего министерства», имея в виду прислугу: «У нас внезапно испарилась два дня тому назад наша старушка Клавдия Капитоновна: прожив ровно месяц, она сложила свой узелок и уехала под проливным дождем в Куйбышев... Я разыскала нашу старую Ефимовну и привела сюда... Если Ефимовна останется, я буду счастлива. Дети ей очень рады. Они по-прежнему ее любят. Она уже угостила их своими “калачами”, гуляла с Карькой и ведет с ним длинные разговоры» [37, с. 15]. В особняках, принадлежавших руководству предприятия и городским партфункционерам высшего звена, также держали прислугу, чаще всего приглашая бывших сельских жительниц. Так, Л. Скворцова, спецпереселенка, многодетная мать, в 1931 г. получила должность служанки в одном из домов посёлка «Березки» [4].

Большинство обитателей «Березок» имели высшее образование, часто полученное еще до революции, ценили искусство и культуру. Это, несомненно, предопределяло специфику досуговых практик. В. Ф. Берсенева писала: «Мы с ней играли в четыре руки несколько страниц из седьмой симфонии Бетховена» [37, с. 28]. Некоторые коллекционировали пластинки или собирали библиотеку классической литературы: «Он купил вторую симфонию Чайковского полностью (очень хорошие пластинки)» [37, с. 20]. Со второй половины 1930-х гг. в среде интеллигенции распространение получило прослушивание патефона в домашних условиях, игра на музыкальных инструментах и чтение вслух: «Отец купил здесь много новых хороших пластинок и испытывает звучание патефона... Отец читает детям “Одиссею”» [37, с. 15, 16, 18].

Заключение

Несмотря на острый жилищный кризис и дефицит товаров широкого потребления – постоянных спутников жизни Магнитогорска в годы индустриализации, в городе был создан закрытый благоустроенный жилой район «Березки». Изначально поселок строили для размещения иностранной колонии (преимущественно технических специалистов), но вскоре его заселили самыми достойными и значимыми советскими горожанами (на практике – начальство города, партии и комбината). В то время как обычные жители города ютились в примитивных барачных постройках и землянках, переживая пик жилищного кризиса, жителям «Березок» были доступны такие удобства, как водопровод, электричество и отопление. После того, как иностранные обитатели поселка покинули Магнитогорск, миф советской пропаганды о благоустроенном жилье строителей Магнитки, так и не был реализован. Элитное жилье было распределено между советскими привилегированными категориями горожан, исключая рабочий класс. Поэтому мечта «маленького человека» о достойном жилище осталась нереализованной, а «Березки» – зона комфорта за высоким забором предстала скорее символом недоступной роскоши, нежели примером успехов социалистического строительства.

Список источников и литературы

1. Андреева И. В. Тайны дома на ул. Бибишева // Наследие. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2012. С. 7–8.
2. Баканов В. П. Испытание Магниткой. Магнитогорск: МиниТип, 2001. 338 с.
3. Богданов А. В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2010. Вып. 15, № 28 (204). С. 15–18.
4. Воспоминания Т. К. Пацины / записано Н. Н. Макаровой. [Б. м.], 2008.

5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 334.
6. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 342.
7. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 362.
8. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 312.
9. Журавлев С. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
10. Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М.: Госстройиздат, 1961. 248 с.
11. Коньшева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование социалистических городов в годы первых пятилеток: (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2012. 224 с.
12. Коньшева Е. В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток : документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. 424 с.
13. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
14. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
15. Магнитогорск: письма // Магнитогорский рабочий. 1930. 1 дек.
16. Макаров А. Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 113–125.
17. Макарова А. Н. «Такому человеку нужен телефон»: быт Магнитогорска в фотохронике 1930-х годов // Родина. 2011. № 11. С. 108–111.
18. Макарова Н. Н. «Американская мечта» и ее воплощение в СССР: элитный поселок «Березки» в условиях мобилизационной модели 1930-х гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 476–486.
19. Макарова Н. Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2021. 532 с.
20. Макарова Н. Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации : сб. материалов Междунар. конф. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 52–74.
21. Макарова Н. Н. Из повседневной жизни магнитогорцев: система здравоохранения в 1929–1935 гг. // Проблемы российской истории. 2009. № 9. С. 251–262.
22. Меерович М. Г. Жилой фонд соцгородов-новостроек первых пятилеток. Ч. 2: Двухэтажные деревянные 8- и 16-квартирные дома – жилье для специалистов и руководителей среднего звена // Региональные архитектурно-художественные школы. 2016. № 1. С. 436–445.
23. Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.
24. Меерович М. Г. Биография профессии. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.) : очерки истории. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 217 с.
25. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917–1937 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
26. Меерович М. Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2007. С. 84–118.
27. МКУ «ГА» г. Магнитогорск (МКУ «Городской архив» города Магнитогорска). Ф. 99. Оп. 4. Д. 2.
28. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 4. Д. 3.
29. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 134.
30. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 230.
31. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 230 а.

32. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 36.
33. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 8. Д. 361.
34. МКУ «ГА» г. Магнитогорск. Ф. 99. Оп. 4. Д. 2.
35. МКУ Музей истории «Магнитостроя». Д. 1218 / 1. 12 л.
36. МКУ Музей истории «Магнитостроя». Д. 1218 / 2. 7 л.
37. Пришла война в Березки : письма матери. Череповец, 2010. 143 с.
38. Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М.: Изд-во МГУ ; Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 304 с.
39. Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 1999. 168 с.
40. Фицпатрик III. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
41. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. [Ч. 1]: Поселковое строительство 1918 – 1948 годов. М.: Госстройиздат, 1951. 200 с.

References

1. Andreeva, IV 2012, 'Tayny doma na ul. Bibisheva' (Secrets of the house on Bibisheva street) in *Naslediye*, 12–15 April 2012, Magnitogorsk, Izd-vo MaGU Publ, Magnitogorsk, pp. 7–8. (In Russ.)
2. Bakanov, VP 2001, *Ispytaniye Magnitkoy* (Testing by Magnitka), PMP «Mini Type» Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
3. Bogdanov, AV 2010, 'Sotsial'no-bytovye usloviya i organizatsiya pitaniya inostrannykh spetsialistov na zavodakh Urala v gody pervoy pyatiletki' (Social and living conditions and organization of food for foreign specialists at Ural factories during the first five-year plan), *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social and Humanitarian Sciences"*, vol 15, no 28 (204), pp. 15–18. (In Russ.)
4. *Vospomenaniya T. K. Patsina* (Memories of T.K. Patsina) 2008, recorded by N.N. Makarova. S.l. (In Russ.)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (State Archives of the Russian Federation), fund P-7952, inventory 5, file 334 (In Russ.)
6. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 342. (In Russ.)
7. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 362. (In Russ.)
8. GARF. fund. P-7952. inventory. 5. file. 312. (In Russ.)
9. Zhuravlev, S 2000, «Malen'kiye lyudi» i «bol'shaya istoriya». *Inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-kh gg.* («Little People» and «Big History». Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet Society in the 1920s–1930s), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kazarinova, VI & Pavlichenkov, VI 1961, *Magnitogorsk* (Magnitogorsk), Gosstroyizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
11. Konysheva, EV & Meerovich MG 2012, *Ernst May i proyektirovaniye sotsialisticheskikh gorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska)* (Ernst May and the Design of Socialist Cities during the First Five-Year Plans (using Magnitogorsk as an Example), LENAND Publ, Moscow. (In Russ.)
12. Konysheva, EV 2017, *Evropeyskiye arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok. Dokumenty i materialy* (European architects in Soviet urban development during the first five-year plans. Documents and materials), BuksMart Publ, Moscow. (In Russ.)
13. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2011, *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy* (Everyday world of the Soviet person of the 1920–1940s: life in the conditions of social transformations), SSC RAS Publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
14. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2013, *Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voyennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–*

- 1945) (The private life of a Soviet person in wartime conditions: space, boundaries and mechanisms of implementation (1941–1945), SSC RAS Publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
15. 'Magnitogorsk: pis'ma' (Magnitogorsk: letters) 1930, *Magnitogorskiy rabochiy*, 1 December, p. 4. (In Russ.)
16. Makarov, AN 2011, 'Industrializatsiya i formirovaniye «novogo» cheloveka v izobrazhenii foto- i kinokhroniki 1930-kh gg. (po materialam Magnitogorska)' (Industrialization and the formation of the "new" person in the image of photo and newsreel footage of the 1930s (based on materials from Magnitogorsk), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no 1, pp. 113–125. (In Russ.)
17. Makarov, AN 2011, '«Takomu cheloveku nuzhen telefon»: byt Magnitogorska v fotokhronike 1930-kh godov' ("Such a person needs a telephone": Magnitogorsk life in photo chronicles of the 1930s), *Rodina*, no 11, pp. 108–111. (In Russ.)
18. Makarova, NN 2012, '«Amerikanskaya mechta» i ee voploshcheniye v SSSR: elitnyy poselok «Bereзки» v usloviyakh mobilizatsionnoj modeli 1930-kh gg.' ("American Dream" and its implementation in the USSR: elite *Beryozki* formation in the context of the mobilization model of the 1930s) in Borodkin LI, *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* (Mobilization model of economy: historical experience of Russia in the 20th century), 23–24 November 2012, Chelyabinsk, Encyclopedia, Chelyabinsk, pp. 476–486. (In Russ.)
19. Makarova, NN 2021, *Magnitogorsk kak sotsiokul'turnyy proyekt sovetskoy vlasti* (Magnitogorsk as a socio-cultural project of the Soviet government), Magnitogorskiy dom pechati Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
20. Makarova, NN 2010, '«Pervyy v SSSR chisto sovetskiy gorod...»: Magnitogorsk v usloviyakh realizatsii idei novogo sotsialisticheskogo goroda (1929–1935)' ("The first purely Soviet city in the USSR...": Magnitogorsk in the context of the implementation of the idea of a new socialist city (1929–1935)), in Makarova NN, *Sotsialisticheskiy gorod i sotsiokul'turnyye aspekty urbanizatsii* (Socialist city and socio-cultural aspects of urbanization), 10–11 December 2010, Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, pp. 5–274. (In Russ.)
21. Makarova, NN 2009, 'Iz povsednevnoy zhizni magnitogortsev: sistema zdravookhraneniya v 1929–1935 gg.' (From the everyday life of Magnitogorsk residents: the health care system in 1929–1935), *Problems of Russian history*, vol. 9, pp. 251–262. (In Russ.)
22. Meerovich, MG 2016, 'Zhiloy fond sotsgorodov-novostroyek pervykh pyatiletok. chast' 2. dvukhetazhnyye derevyannyye 8- i 16-kvartirnyye doma – zhil'ye dlya spetsialistov i rukovoditeley srednego zvena' (Housing stock of new buildings of socialist cities dated to the first five-year plans period. Part 2. Two-story wooden 8-and 16-apartment buildings – housing for specialists and middle managers), *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennyye shkoly*, no 1, pp. 436–445. (In Russ.)
23. Meerovich, MG, Konysheva, EV & Khmelnitsky, DS 2011, *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* (Cemetery of socialist cities: urban development policy in the USSR (1928–1932), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
24. Meerovich, MG 2003, *Biografiya professii. Zhilishchnaya politika v SSSR i ee realizatsiya v arkhitekturnom proektirovanii (1917–1941 gg.). Ocherki istorii* (Biography of the profession. Housing policy in the USSR and its implementation in architectural design (1917–1941). Essays on history), Irkutsk State Technical University Publishing House, Irkutsk. (In Russ.)
25. Meerovich, MG 2008, *Nakazaniye zhilishchem. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi* (Punishment by Housing. Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People), ROSSPEN Publ, Moscow. (In Russ.)
26. Meerovich, MG 2007, 'Sotsialisticheskiy gorod: formirovaniye gorodskikh obshchnostey i so-vetskaya zhilishchnaya politika v 1930-ye gody' (Socialist city: formation of urban communities and Soviet housing policy in the 1930s) in Romanov R & Yarskaya-Smirnova E, *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* (Soviet social policy of the 1920–1930s: ideology and everyday life), «Variant» Publ, Moscow, pp. 84–118. (In Russ.)
27. *Munitsipal'noye kazennoye uchrezhdeniye «Gorodskoy arkhiv» goroda Magnitogorska (MKU «GA» g. Magnitogorsk)* (Municipal state institution "City Archive" of the city of Magnitogorsk), fund 99, inventory 4, file 2. (In Russ.)

28. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 4. file, 3. (In Russ.)
29. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 8. file, 134. (In Russ.)
30. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 8. file, 230. (In Russ.)
31. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 8. file, 230a. (In Russ.)
32. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 8. file, 36. (In Russ.)
33. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 8. file, 361. (In Russ.)
34. MKU «GA» g. Magnitogorsk, fund 99, inventory, 4. file, 2. (In Russ.)
35. *Munitsipal'noye kazennoye uchrezhdeniye Muzei istorii «Magnitostroya» (MKU Muzei istorii «Magnitostroya»)* (Municipal state institution Museum of the History of Magnitostroy), file 1218, sheet 1, 12. (In Russ.)
36. MKU Muzei istorii «Magnitostroya», file 1218, sheet 2, 7. (In Russ.)
37. *Prishla vojna v Berezki : pis'ma materi* (War Came to Berezki: Mother's Letters) 2010, S.I., Cherepovets (In Russ.)
38. Scott, J 1991, *Beyond the Urals. American Worker in a Russian Steel City*, MSU – Ufa State University Publ, Moscow – Sverdlovsk.
39. Fedoshikhin, VS & Khoroshansky, VV 1999, *Magnitogorsk – klassika sovetskoy sotsialisticheskoy arkhitektury* (Magnitogorsk – a classic of Soviet socialist architecture). Nosov State Technical University Publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
40. Fitzpatrick, S 2009, *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: city*, ROSSPEN Publ, Moscow.
41. Shass, Yu 1951, 'Arkhitektura zhilogo doma. Poselkovoye stroitel'stvo 1918–1948' (Architecture of a residential building. Village construction 1918–1948), Gosstroyizdat Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 19.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 80–93.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 80–93.

Научная статья

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-80-93>

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗНАНИЙ В АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

**Георгий Владимирович
Шпак^{1,2}**

¹ Институт всеобщей истории РАН

² Российский государственный
гуманитарный университет

Москва, Россия, geo.shpak@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7669-078X>

Аннотация. В статье проанализирована взаимосвязь между развитием научного знания и трансформацией литературной традиции. На протяжении XVI–XVII вв. английские мыслители разрабатывают новые формы нарративизации своих научных представлений, стремясь сделать их доступными для максимально широкой аудитории. В середине XVI в. такие авторы как, Т. Элиот, У. Каннингем, Р. Рекорд и прочие, начинают писать труды на национальном языке, упрощая тексты античных авторов, используя форму диалога и стихотворные вставки, а также иллюстрируя сложные для понимания понятия. В начале XVII в. для облегчения восприятия сложных терминов начинают создаваться специальные словари, структурирующие мир в алфавитном порядке, трансформировавшиеся к концу XVII в. в первые научно-технические энциклопедии. Опираясь на теоретические установки Френсиса Бэкона, авторы задействуют разнообразие жанров как для преодоления схоластической традиции, так и для упрощения подачи сложного материала. Для этой цели могли использоваться формы афоризмов, фантастических путешествий, карточных игр и др. В статье сделан вывод о необходимости комплексного рассмотрения истории развития научного знания в контексте становления репрезентативных и коммуникативных стратегий раннего Нового времени.

Ключевые слова: репрезентация научного знания, «Научная революция», дискурсы науки, Англия Нового времени, популяризация знания.

Для цитирования: Шпак Г. В. Нарративные стратегии распространения знаний в Англии раннего Нового времени // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 80–93. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-80-93>

Сведения об авторе: Г. В. Шпак – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр., 32а; преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

Scientific Article
UDC 94(410)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-80-93>

NARRATIVE STRATEGIES OF KNOWLEDGE DIFFUSION IN EARLY MODERN ENGLAND

Georgiy V. Shpak ^{1,2}

¹ Institute of World History of the RAS
² Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, geo.shpak@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7669-078X>

Abstract. The article deals with the synergies between the development of scientific knowledge and the transformation of literary tradition. During the 16th – 17th centuries English intellectuals work out new forms of narrativization of their scientific ideas, trying to make them accessible to the widest possible audience. In the middle of the 16th century, authors such as T. Eliot, W. Cunningham, R. Record and others began to write works in the national language, simplifying the texts of ancient authors, using the form of dialogues and poetic inserts, as well as illustrating difficult to understand concepts. At the beginning of the 17th century, to facilitate the perception of difficult terms, special dictionaries structuring the world in alphabetical order began to be created, which transformed into the first scientific and technical encyclopedias by the end of the 17th century. Based on the theoretical framework of Francis Bacon, authors used a variety of genres to overcome scholastic tradition and to simplify the presentation of complex material. For this purpose, the forms of aphorisms, fantastic journeys, card games, etc. could be used. The article concludes that it is necessary to comprehensively consider the history of scientific knowledge development in the context of the formation of the early modern period representational and communicative strategies.

Keywords: representation of scientific knowledge, “Scientific Revolution”, discourses of science, Modern England, popularization of knowledge.

For citation: Shpak, GV 2025, ‘Narrative Strategies of Knowledge Diffusion in Early Modern England’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 80–93, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-80-93> (in Russ.)

Information about the Author: *Georgiy V. Shpak* – PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia.; Lecturer, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia.

Достижения в научной мысли в Англии раннего Нового времени не могут рассматриваться отдельно от изменений в литературной традиции и вне изучения репрезентативных стратегий. Развитие научного знания в виде накопления сведений об окружающем мире и разработка новых методологических парадигм требовали поиска соответствующих средств языковой выразительности. Проблема «соотносимости» языка с окружающим миром занимает видное место в пространстве современной истории науки [25]. Уже не кажется сомнительным утверждение о тесной связи научного знания, культурного контекста и литературной традиции.

Проблема фиксации объектов окружающего мира на национальном языке становится особенно актуальной в Англии во второй трети XVI в. Классическая латынь, на которой были написаны научные и религиозные трактаты и на которой преподавали в Кембридже и Оксфорде, была недоступной для большей части англичан. При этом с развитием грамматических школ количество обученных чтению людей неуклонно росло. Именно для них начинают составляться первые учебные пособия на английском языке.

Целью этих трудов было распространение знаний по медицине, космографии, математике и проч. среди всех людей, владеющих английским языком. Как сообщает Томас Элиот, автор первого печатного англоязычного трактата по медицине «Замок здоровья» (ок. 1536 г.), благодаря его труду «любой человек мог узнать о состоянии своего тела, как сохранить здоровье и как точно рассказать о своей болезни медику, не вводя его в заблуждение» [16].

Но как было поступать в случае отсутствия в национальном языке понятий, эквивалентных латинским? Элиот сообщает, что несмотря на его стремление к полноте сведений из книг античных авторов, ему приходилось отказываться от раскрытия некоторых тем, «ибо существует столько различных вещей, для которых мы еще не нашли названия на английском языке» [Ibid., p. 89.].

В Англии середины XVI в. знание все еще являлось *causaprivata* отдельных групп населения. В первую очередь владеющих латынью выпускников университетов. Не случайно первые переводы на английский язык подвергаются критике. У. Тернер, автор первого «Травника» на английском языке (1551 г.), сообщает о том, что незнание латыни не может быть препятствием для распространения знаний: «Что лучше, если многие пострадают или если будет выпущен “Травник” на английском языке?» [28]. Филипп Мур, автор трактата «Надежда на здоровье, включающего описание здорового образа жизни, правильного питания и полезные свойства трав» также рассчитывает, что сведения, способствующие сохранению здоровья, будут востребованы всеми желающими, но оговаривается, что нисколько не хотел бросать вызов «ученым и искусным» (*thelearnedandskilfull*) [19].

Авторы не просто «переводили» классические тексты, но адаптировали их для удобства читательской аудитории. Традиция катехизической литературы, представленной в виде вопросов и ответов, нашла отражение в диалоговой форме многих «научных» текстов. К примеру, доктор медицины У. Буллейн составляет трактат «Управление здоровьем» (ок. 1558 г.) в виде диалога «для лучшего понимания необразованными (*unlearned*) читателями» [6].

В форме диалога представлены и работы других авторов середины XVI в. В 1559 г. У. Каннингем публикует трактат «Космографическое стекло». О целесообразности использования диалоговой формы он сообщает, что избрал ее, «чтобы правила были более простыми и доступными» [14].

Не менее характерны работы Роберта Рекорда, написавшего целую серию книг («Основа искусств», «Тропа познания», «Замок знаний» и «Осенок остроумия») в диалоговой форме. Сам он поясняет свой выбор риторической стратегии так: «Эту книгу я написал в форме диалога, поскольку считаю, что это самый простой способ

обучения, когда учащийся (*Scholer*) может последовательно задать вопросы, а учитель (*maister*) ясно на них ответить» [26]. «Живой дискурс» давал возможность вовлечь читателя в образовательный процесс, вынуждая эмоционально реагировать как на вопросы учителя, так и на ответы ученика: «Хотя эта книга будет малополезна образованным людям, однако для невежд (*thesimpleignorant*), которым нужна наибольшая помощь, она может стать хорошим подспорьем и инструментом познания» [Ibid.].

Диалоговая форма была не единственным инструментом упрощения восприятия информации. Авторы активно разрабатывают различные техники усвоения сведений, представляя их в виде списков, таблиц, стихотворений, песен и т.д. К примеру, для заучивания четырех комплекций У. Буллейн приводит песню, которую исполняет один из участников диалога. Его собеседник обещает выучить ее, поскольку она очень полезна. Стихотворные строфы используют и другие авторы.

Существенной является и проблема визуализации абстрактных понятий. У. Буллейн и У. Каннингем встраивают в диалог изображения, позволяющие «материализовать» абстрактные категории. В диалоге у Каннингема ученик для понимания различия между географией, хорографией и космографией просит привести их изображения: «ибо верно сказано, вещи увиденные производят более продолжительное впечатление, чем только услышанные» [14, fol. 8]. Использует изображения и У. Буллейн, включая в диалог анатомическую фигуру с зодиакальными знаками и «заимствованную» у А. Везалия фигуру скелета. В обращении к «Бастиону» Буллейн подчеркивает, что написал свой труд «не для того, чтобы наставлять ученых (*the-learned*), но, чтобы помогать невеждам (*ignorant*), чтобы они могли прибегнуть к защите сего небольшого бастиона» [7].

Однако проблема перевода латинских и греческих понятий на английский язык никуда не исчезла. В «Управляющем здоровьем» Буллейна приводится список лекарственных средств на латинском языке. Один из собеседников замечает, что ему сложно разобрать эти понятия: «Теперь вы закончили свою таблицу с названиями соединений. Есть некоторые слова, которые мне очень трудно понять, например, когда вы называете *Apophlegmatismus*, *Dropax*, *Liniment* и т.д. Я не могу понять, что означают их названия. Я прошу вас, объясните мне их значения» [Ibid.].

Схожая проблема стоит и перед автором математических трудов Р. Рекордом. Ему не просто приходится переводить латинские термины, но придумывать свои обозначения для новых абстрактных категорий. В трактате «Тропа познания» он замечает, что в английском языке интересно то, что только возникло «и это должно возбудить интерес всех, кто желает понять необычные вещи» [27].

Вместе с ростом числа переводов и ускорения «ассимиляции» иноязычной терминологии в английском языке назревала потребность в фиксации «трудных» слов. Отразилось это и на учебниках английского языка.

Один из первых школьных учебников для изучения трудных понятий был опубликован в 1596 г. Эдмундом Кутом. Во введении он заверяет, что даже неопытный (*unskilful*) читатель сможет с помощью его книги «понять любые трудные слова, которые встретятся в Священном писании, проповедях и т.д. и использовать их в дальнейшем» [13]. Его учебник нацелен не только на детскую аудиторию, но на всех интересующихся, «особенно на тех, кто невежественен (*ignorant*) в английском языке» [Ibid.].

Он обещает читателям, что его книга избавит от лишних расходов на обучение в школах и принесет финансовое благополучие в будущем. Знание, таким образом, выходит за пределы учебных стен. Книга заменяет собой учителя, возможно, поэтому она и называется «Учитель английского языка». Учебная литература начинает работать сама на себя. Как полагает Кут, благодаря его учебнику «в стране появится

больше знаний, и будет куплено больше книг, чем могло бы быть в противном случае» [Ibid.].

Учебник включал в себя и таблицу с «трудными понятиями», заимствованными из других языков, и их кратким пояснением на английском языке. По словам автора, «дети, таким образом, будут подготовлены к пониманию тысячи латинских слов еще до поступления в грамматическую школу» [Ibid.]. Количество грамотного населения росло, что требовало и разработки новых стратегий нарративизации знания. Вслед за «Школьным учителем» Кута последовала целая серия работ, посвященных «трудным» английским словам.

В 1623 г. в заголовке работы Генри Кокерэма впервые было употреблено слово «*Dictionary*». Третья часть его словаря являлась справочником, содержащим сведения о различных животных, рыбах, травах, греческих богах, известных капитанах и проч. Фактически это была первая английская мини-энциклопедия, из которой читатель мог получить информацию об окружающем мире. Сами сведения были взяты из «авторитетных» источников прошлого, поэтому читатель узнавал, что гиены по ночам выманивают пастухов из их домов, крокодилы льют слезы над недоеденными телами людей, а помет ящерицы особенно полезен для зрения.

Словарная форма репрезентации знания о мире получила распространение в последней трети XVII в. в виде технических словарей. Одной из первых подобных работ была «Простая математика...» Джозефа Моксона (1679 г.). В ней были приведены «трудные понятия из арифметики, геометрии, астрономии, астрологии и других математических наук» [20]. Словарь создавался с целью прояснения сложных терминов для начинающих и был «адаптирован к самым скромным способностям» [Ibid.]. Математический словарь Моксона фактически являлся первым самостоятельным сводом научных терминов на английском языке.

Сам автор утверждал, что на создание труда его побудило отсутствие в Англии научно-технического словаря, который был необходим. Он не отрицает, что прежде уже создавались схожие работы на других языках, но его труд более объемный и полный. Его задача – преодолеть трудность в понимании иноязычных терминов, чтобы приблизиться к постижению божественных тайн, совершенствованию ремесел и т.д. Для облегчения восприятия некоторых математических понятий Моксон использует схемы и фигуры, поскольку, по его словам, его труд предназначен не для специалистов, а «для читателей самых скромных способностей» [Ibid.].

Не только наполнение языка иноязычной терминологией, но и конфигурация нарратива представляли для авторов XVII в. существенную проблему. Если одни авторы полагали, что необходимо следовать авторитетным образцам и композиционной форме текстов прошлого, то другие бросали вызов традиции, полагая, что в первую очередь текст должен быть доступен и понятен для читателя.

Одним из первых этот подход на практике начал применять Френсис Бэкон, заметивший в эссе «О знании» (*Of Studies*) (1-е изд. 1597 г.), что знание должно служить для удовольствия, совершенствования и для развития способностей. В своих трудах он совмещал различные жанры, стремясь сделать текст запоминающимся и легким для чтения. В его произведениях встречаются жанровые формы притчи, афоризма, мифа и фантастического путешествия. К примеру, главный теоретический труд «Новый Органон» составлен в виде афоризмов, а «Новая Атлантида» – в виде фантастического травелога.

Текст «Новой Атлантиды» являлся дополнением к трактату «*Sylva Sylvarum*. Десять веков естественной истории», представляющим собой список научных экспериментов и пояснений к ним. По словам У. Роули, опубликовавшего этот трактат, добавления были сделаны не случайно, благодаря им «человеческий разум (который так торопится выяснить причины вещей) не помыслит, что он совершенно за-

блудился в бескрайнем лесу опыта, а останется на этих основаниях (как они есть), пока не будут открыты истинные аксиомы» [4].

Для облегчения понимания его концепций к трактату была добавлена история фантастического путешествия в Новую Атлантиду. Научное сообщество на острове, реализуя на практике экспериментальный подход Ф. Бэкона, смогло достичь значительных успехов не только в технологиях, но и в социально-политической жизни. Совмещая различные жанры, Бэкон стремился донести до широкой публики свою эпистемологическую программу. Его подход оказался успешен, и вскоре формат фантастического путешествия (утопии) становится распространенным среди научного сообщества.

«Дописыванием» Новой Атлантиды занимались многие авторы. Первая известная попытка была предпринята анонимным автором в 1660 г. В предисловии сообщалось, что он вдохновлялся «вымыслом лорда Бэкона (который, будучи мудрым человеком великого закона и учености, поддержал и создал свою Атлантиду под монархическим правлением). И хотя этот монарх разума и суждения не был законодателем, тем не менее он дал такие законы в науке и естественной философии и оставил такие политические очерки, что последующие века легко подчинятся господству его империи» [24].

Он не только описывает политическое устройство Атлантиды, но и дополняет его своими моделями научного знания. Рассказывая о гигантских магнитах, дающих возможность передавать информацию на расстоянии; вечных лампах; симпатическом порошке и т.д., автор в доступной форме закладывает в умы читателей представление о преимуществе научного знания и его возможностях. Еще одну попытку «повторить» «Новую Атлантиду» Бэкона предпринял в 1676 г. член Лондонского королевского общества Д. Гленвилл. По его словам, в «Сумме Новой Атлантиды» он заимствовал «вид и цвет истории» Френсиса Бэкона [17]. Показательно, что это эссе Гленвилла было опубликовано в виде дополнения к его научному труду «Очерки по нескольким важным предметам философии и религии».

Причину, по которой авторы выбирали для изложения своих концепций форму фантастического путешествия, можно попытаться объяснить, обратившись к произведению Маргарет Кавендиш «Пылающий мир», опубликованному в виде дополнения к ее «Философским запискам» в 1666 г. Сама Кавендиш утверждает, что руководствовалась целью распространения знаний, никоим образом не покушаясь на авторитет философии: «Если вам интересно, почему я присоединяю плод моей фантазии к своим серьезным философским размышлениям, не думайте, что я таким образом пренебрегаю философией или считаю это благородное исследование всего лишь выдумкой. Хотя философы и могут ошибаться в поисках и в выявлении причин естественных явлений, принимая ложь за истину, тем не менее это не доказывает, что основа философии есть лишь выдумка» [1, с. 223].

На протяжении своей литературной жизни М. Кавендиш стремилась разнообразить письмо, используя различные жанры (пьесы, панегирики, письма, стихи и проч.) и смешивая вымысел и личный опыт. В первом сборнике стихов (1653 г.) Кавендиш признается, что стихотворная форма дает куда большую свободу для изложения своих концепций. А такие ее сочинения, как «Картины природы» или «Олио мира», мозаично собраны из самых разных форм репрезентации. М. Кавендиш объясняет это так: «Хотя моя работа состоит из комических, трагических, поэтических, философских, романтических, исторических и моральных дискурсов, я не могу распределить их равномерно, как хотелось бы, в несколько книг или частей, но вынуждена смешивать друг с другом» [18, р. 281].

Отказ от традиционных литературных форм тесно сопряжен с традицией пересмотра научного наследия прошлого. Закоснелость традиционных форм обучения,

все еще сохраняющаяся в университетах, вызывала у М. Кавендиш желание бросить вызов традиционной схоластике и ее адептам. Поэзия и фантазия позволяют переосмотреть традицию и в духе бэкониянского прагматизма способствовать открытию новых истин: «Великие схоласты (*greatscholars*) подстраиваются и принимают столько обличей, сколько прочитают авторов, что делает их чудовищами, а их головы есть ни что иное, как сундуки, забитые старьем, поэтому хуже быть ученым поэтом, чем поэтом-неучем» [8]. Истинным поэтом можно стать, только положившись на «наблюдение и опыт, полученные от времени и общения» [Ibid.].

В сборниках «Общественные письма» и «Философские письма», имитирующих переписку с подругой, М. Кавендиш поднимает вопросы социально-политического и естественно-научного характера. Эпистолярная форма была выбрана не случайно, о чем прямо говорит автор, сообщая, что она уже «написала двадцать пьес, число которых сочла достаточным», но заметила, что «разнообразие форм больше всего привлекает читателей», и что «читатели будут более увлечены краткими письмами, чем сценами и целыми пьесами, части и сюжеты которых нельзя понять, пока не прочитана вся пьеса» [10, р. 9].

Доступность произведения для широкой аудитории – один из главных принципов, которому следует М. Кавендиш. В своих научных трактатах «Наблюдения за экспериментальной философией» (1666 г.) и «Основы натуральной философии» (1668 г.) она стремилась к облегчению восприятия языка, стараясь очистить его от трудных терминов и слов, поскольку «натурфилософия является самым трудным из всех человеческих знаний» [9, р. 11]. Она напоминает, что в силу своего пола может быть ограничена в каких-то сведениях, но и осуждает авторов, которые вместо того, чтобы упростить свой текст, заполняют его трудными для понимания словами и выражениями: «Я не вижу для этого никакой причины, кроме того, что они рассчитывают быть прославленными теми, кто восхищается всем, чего не понимает, хотя бы это было вздором» [Ibid., р. 12].

Перед собой она ставит цель распространения знаний, используя любые возможные для этого средства. Последующие работы проясняют и дополняют неясные или ошибочные места в ее более ранних текстах. Сама она советует знакомиться со всем комплексом своих произведений, не разделяя их на более значимые и второстепенные: «Особенно рекомендую вам мои “Философские Мнения”, которые содержат основания и принципы моей философии, но, так как они были опубликованы прежде, чем я разобралась в работах других авторов, я желаю, чтобы вы присоединили к ним мои “Философские Письма”, а к ним “Наблюдения”, которые послужат комментариями для понимания того, что может показаться неясным в упомянутых “Мнениях”» [9, р. 13].

Как уже было сказано, в 1666 г. М. Кавендиш издает фантастическое путешествие «Пылающий мир», в котором описывает идеальный мир «утопию», устроенный согласно ее натурфилософским воззрениям. Доступная форма изложения, большей частью состоящая из диалогов, позволяет в простой форме изложить представления об эмпирическом знании. В отдельном издании 1668 г. имеет место предисловие «Обращение к благородным и достойным дамам», указывающее на потенциальную аудиторию произведения. Нельзя сказать, что она заигрывает перед читателями, по крайней мере ее слова звучат довольно иронично: «По причине того, что большинство дам не находят удовольствия в философских рассуждениях, я отделила их от упомянутых замечаний, позволив им выйти в виде отдельного издания. Так я выражаю свое почтение дамам, представив им фантазии, на которые оказалась способна» [1, с. 225].

Иной существенной проблемой, помимо фактора терминологической точности и жанровой формы, стала необходимость использования иллюстраций, ставших

важным инструментом репрезентации знаний. Теоретики образовательных практик призывали использовать для обучения наглядные пособия, задеиствовавшие в обучении различные органы чувств. Знаковыми в этой области были труды чешского педагога Яна Амоса Коменского, который посещал Англию и был известен в кругах английских просветителей. В 1659 г. почти одновременно с оригинальным немецко-латинским изданием выходит английский перевод его учебника латинского языка «*Orbissensualium pictus. Видимый мир*», выполненный преподавателем частной грамматической школы Чарльзом Хоулом. Особенность этого произведения – наличие множества иллюстраций с двуязычными комментариями, позволяющими запомнить названия предметов. В предисловии Я. А. Коменский замечает, что ребенку необходимо знакомиться с предметами окружающего мира с помощью органов чувств: «если усердно упражнять чувства в правильном восприятии различий между вещами, это станет основанием для мудрости, вдумчивого рассуждения и благоразумного действия в течение жизни» [12]. Интерес детей к картинкам, по его мнению, должен быть использован в школах, чтобы пребывание там стало приятным и основанным на «играх и веселом времяпрепровождении» (*bysport, andmerrypastime*). Такой подход позволил бы обучить языкам – как латинскому, так и национальному, и привить любовь к чтению.

Он рекомендовал отдавать детям учебник в личное пользование, чтобы они разглядывали картинки, где и как им заблагорассудится – и дома, и в школе. Дети также должны запоминать слова и знать, как выглядят предметы, «чтобы они не видели ничего, что не могли бы назвать, и не могли назвать ничего, что не могли бы показать» [Ibid.]; предметы следует показывать не только на картинках, но и в реальной жизни; детям следует разрешить самим рисовать предметы для лучшего их запоминания и проч.

Я. А. Коменский понимал, что есть большое количество понятий, изображение которых в учебнике весьма затруднительно, например, цвета и ароматы, поэтому призывал держать в школе наборы редких предметов «чтобы можно было показать их учащимся, как только о них будет сказано» [Ibid.].

Практика необходимой визуализации была очевидной не только для детского обучения, но и для взрослой аудитории. Активно в своих произведениях применял ее уже упомянутый нами издатель Джозеф Моксон.

Его первой самостоятельной работой было издание анонимного перевода с латыни «*Institutio Astronomica*» голландского картографа Уильяма Блау (1654 г.), озаглавленной как «Учебник по астрономии и географии, быстрый и легкий способ освоить использование обоих глобусов, небесного и земного, изложенный настолько просто, что даже человек средних способностей сможет понять его с первого прочтения и после небольшой практики станет экспертом в этих божественных науках». В обращении Дж. Моксон замечает, что книга Блау – лучшее, что было написано об использовании глобуса, но так как она была на латыни, то и доступ к ней имели только учащиеся школ (*Scholars*). Его же задача – сделать ее общедоступной и представить перевод для широких масс «не только выдающихся, но и средних интеллектуальных способностей» [11].

Замечания Моксона наводят на мысль, что он лично участвовал в составлении перевода: «Если автор писал на изящном языке, то переводчик использовал упрощенный и более привычный стиль нашего народного языка, и, надеюсь, ни автор, ни покупатели не будут задеты этим» [Ibid.].

Издание Блау является не только переводом, но и адаптацией текста. В конце книги будет добавлено «небольшое собрание из Д. Худа, где изложены причины, по которым странные фигуры и формы помещены на небеса вместе с поэтическими историями созвездий» [Ibid.]. В будущем Дж. Моксон еще не раз будет обращаться к

описанию астрономических объектов и даже выпустит в 1676 г. колоду карт и буклет «Использование астрономических игральных карт вне зависимости от умственных способностей для ознакомления со всеми звездами на небе: их месте, цвете, природе и величине. С добавлением поэтических описаний каждого созвездия» [3].

В деятельности Дж. Моксона сочетались картезианский рационализм и бэконская нацеленность на распространение знаний. Важной целью «означивания» созвездий для него являлась популяризация астрономии. Поэты, по его словам, «сообщая об этом искусстве через вымысел (*Art under Fictions*)», побуждали людей любить астрономию. С этой целью и сам Дж. Моксон помещает стихотворение, сообщающее о сорока восьми древних и двенадцати новых созвездиях: «поскольку их названия, изложенные в простых английских стихах, будут приятнее для чтения и гораздо полезнее для памяти» [22, р. 6].

В рекламном объявлении, размещенном в «Простой математике» Моксона (1679 г.), упоминаются три изготовленные им карточные игры – географическая, астрономическая и кулинарная [20]. Может показаться странным, что изготовитель глобусов и карт, гидрограф короля и с 1678 г. член Лондонского королевского общества, издает игры для домовладельцев, но, если обратиться к тексту, видно, что и здесь математика, а точнее навыки соблюдения пропорций, играли существенную роль.

«Развлечение благородного домоправителя, или Способ нарезки к столу, представленный в виде колоды игральных карт» (1-е изд. 1677 г.) давало возможность «любому человеку средних способностей» освоить навыки разделки мяса и сервировки мясных блюд [21]. Разделка для Дж. Моксона была не просто средством украшения стола. Он видел в ней древнюю математическую практику, ведь еще Иисус преломлял хлеба, а Моисея наставлял сам Господь в том, «какие части брать для приношений и служб, какие для левитов, а какие для народа» [Ibid., р. 3].

Формат карт для Моксона удобнее книжных иллюстраций, «поскольку, читая правила, вы можете держать карту в руке, не беспокоясь о необходимости перелистывать к рисунку», а разнообразие картинок при игре принесет радость «вашему совместному и безобидному отдыху» [Ibidem.]. Схематическое изображение правил разделки в виде игральных карт служило не только удобству их изучения, но годилось и для развлечения.

После смерти Джозефа в 1691 г. его дело продолжил его сын, издатель и гравировальщик Джеймс Моксон. В 1697 г. Джеймс издал трактат «Использование геометрических игральных карт, или Описание механических сил. Переведено с личной копии рукописи монсеньера Декарта» [15]. В трактат были включены переводы писем Декарта к Марену Мерсенну и Робберала к Ферма. Неясно, сам ли Джеймс участвовал в его составлении или опубликовал подготовленные отцом материалы.

Буклет напоминает по своему устройству инструкцию, сопровождающую «Кулинарные карты». Читатель узнавал о значениях геометрических фигур, мог попрактиковаться в решении задач и узнать о свойствах рычага и иных устройств. Правильные ответы, а также изображения фигур и устройств приводились на картах, и читатель в любое время мог с ними свериться. Геометрические изображения на картах, очевидно, были созданы позже, так как отсылки к ним включены в переводы писем. Например, в письме к Марену Мерсенну после сообщения о влиянии блоков на силу тяжести следует пометка «Здесь заканчивается двойка треф».

Формат карточной игры для распространения знаний становится достаточно популярным в последний трети XVII в. К примеру, изобретатель Генри Уинстенли на рубеже 1675–1676 гг. публикует географическую карточную колоду. Уинстенли предполагает, что колода может использоваться для обучения молодежи и рекомендует следующий способ их использования: «чтобы сделать их полезными для заин-

тересованного юношества (*a youth*), я бы давал их по одной, чтобы этим путем последовательно запоминать их» [2].

Примерно о том же сообщает и автор арифметической колоды У. Уортер. Предполагалось, что за полтора шиллинга любой получит возможность освоить азы арифметики, так как карты должны были быть понятны даже «человеку самых скромных способностей» (*a person of y meanest Capacity*), причем подобный способ обучения обозначался как уникальный и никогда прежде не применяемый. Афоризм Горация, приведенный на заглавной карте, дает ключ к пониманию того, почему образовательные карточные игры в этот период становятся столь популярны: «*Omnetulit punctum, quimiscuit utiledulci*», что значит «Всякого одобрения достоин тот, кто соединил полезное с приятным» [23].

Совмещение серьезных сюжетов с развлекательным форматом встречается в этот период в самых разных жанрах – фантастических путешествиях, стихах, пьесах, инфографиках и проч. Показательным является монументальный компилятивный труд Ричарда Блума «Досуг джентльмена», опубликованный в 1686 г. Это своеобразная энциклопедия, в которой собраны как переводы французских авторов, так и заметки англичан о том, что подобает знать джентльмену. Первая часть касается разнообразных наук и ремесел. Необходимость познания наук для джентльменов объясняется тем, что «в познании люди стремятся к высотам добродетели и мудрости, и, что еще важнее, к пониманию божественных творений, учение делает их достойными благосклонности королей и принцев, а литература не только прославляет и делает достойными похвалы при жизни, но и сохраняет славу о них для потомков» [5].

Вторая часть энциклопедии посвящена более типичным для знати занятиям – охоте, петушиным боям и проч., но именно сочетание под одной обложкой сведений о натуральной философии, математических науках, истории, конной езде, подборе охотничьих псов и советов по приготовлению добычи кажется не просто символическим, но закономерным. Неспроста многие авторы образовательных карточных игр находились на различных королевских службах. В сочетании познания и развлечения мог видеться некий идеал утонченности джентльмена, а визуальная составляющая отражала тенденцию к созданию «популярных» форм репрезентации знания.

Как мы видим, на протяжении раннего Нового времени знание переходило из области привилегии университетского сообщества к необходимой составляющей образования любого джентльмена. Охват различных групп населения был обеспечен растущим разнообразием репрезентативных практик – от фантастических путешествий или утопий до игральных карт. Это необходимо учитывать, исследуя пути развития научного знания, которое, конечно, нельзя изучать в отрыве от культурных и литературных практик эпохи.

Список источников и литературы

1. Шпак Г. В. Воображаемые миры Маргарет Кавендиш. Наука и утопия в Англии XVII века. С переводом утопии «Пылающий мир» : монография. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2023. 320 с.
2. “Travelling Cards” also “Winstanley Geographical” and Lenthall II. London, 1715 // Worshipful Company of Makers of Playing Cards : website. URL: <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0223.html> (date of request: 10.05.2025).
3. Lenthall J. Astronomical cards. London: John Lenthall, at the Talbot against St. Dunstan's Church, [1717]. 52 cards. Electronic copy of the printed publication. URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/11531884> (date of request: 15.05.2025). Available on the website Yale Library.

4. *Bacon F.* Sylva Sylvarum; or, A Natural History, in Ten Centuries. Whereunto is Newly added the History Natural and Experimental of Life and Death, or of the Prolongation of Life. London: J. R., 1670. 394 p.
5. *Bloom R.* The Gentlemans Recreation... London: S. Rotcroft, 1686. 4 p. Microfilm URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_the-gentlemens-recreatio_blome-richard_1686/mode/2up?q=cards (date of request: 05.05.2025). Available on the website Internet Archive.
6. *Bulley W.* A Newe Booke Entituled the Gouvernement of Healthe Wherein is Vttered Manye Notable Rules for Mannes Preseruacion, with Sondry Symples and Other Matters, no Lesse Fruiteful then Profitable: Colect Out of Many Approued Authours. Reduced into the Forme of a Dialogue, for the Better Vnderstanding of Thunlearned. Wherunto is Added a Sufferain Regiment Against the Pestilence. Londo[n]: Iohn Day, 1558. [289 p.]. Electronic copy of printed edition. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A17162.0001.001?rgn=main;view=fulltext#backDLPS37> (date of request: 11.05.2025). Available on the website University of Michigan Library.
7. *Bulley W.* Bulleins Bulwarke of Defence Against all Sicknesse, Soarenesse, and Woundes that Doe Dayly Assaulte Mankinde: Which Bulwarke is Kept with Hilarius the Gardener, & Health the Phisicion, with the Chirurgian, to helpe the Wounded Souldiours. Gathered and Practised from the Most Worthy Learned, Both Olde and New. London : Thomas Marshe, 1579. [511 p.]. Microfilm. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_bulleins-bulwarke-of-def_bullein-william_1562/page/n2/mode/1up?view=theater (date of request: 05.05.2025). Available on the website Internet Archive.
8. *Cavendish M.* Great Schollars are not Excellent Poets // The Worlds Olio / M. Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. Electronic version of printed edition. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (date of request: 10.05.2025). Available on the website Digital Cavendish.
9. *Cavendish M.* Observations upon Experimental Philosophy / ed. E. O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 289 p.
10. *Cavendish M.* Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingdon, NY: Routledge, 2012. 229 p.
11. *Comenius J.* Amos. Orbis sensualium pictus. London: for J. Kirton, 1659. 309 p.
12. *Blaeu W.* A tutor to astronomy and geography / ed. Joseph Moxen. London: Printed for Joseph Moxen, 1654. 184 p.
13. *Coote E.* The English school-master. London: Printed by E. Janeway, for the Company of Stationers, 1596. 1174 p. Microfilm. URL: <https://archive.org/details/englishschoolmasoocoot/page/n9/mode/2up> (date of request: 05.05.2025). Available on the website Internet Archive.
14. *Cunningham W.* The Cosmographical Glasse, Conteyning the Pleasant Principles of Cosmographie, Geographie, Hydrographie, or Nauigation. Londini: in officinal Ioan. Daij, typographi, 1559. [209 p.]. Microfilm. URL: <https://archive.org/details/cosmographicalgloocuni/page/4/mode/thumb> (date of request: 05.05.2025). Available on the website Internet Archive.
15. *Descartes R.* The Use of the Geometrical Playing-Cards, as Also a Discourse of the Mechanick Powers / ed. J. Moxon. London: Printed and sold by J. Moxon, 1697. 85 p.
16. *Elyot T.* The Castel of Helth Gathered and Made by Syr Thomas Elyot Knyghte, out of the Chiefe Authors of Physyke, Wherby Euery Manne May Knowe the State of His Owne Body, the Preseruatio[n] of Helthe, and How to Instructe Welle His Physytion in Syckeness That He be not Deceyued. Electronic version of the printed publication. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21308.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (date of request: 10.04.2025). Available on the website University of Michigan Library.
17. *Glanvill J.* The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis // Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion. London: Printed by J. D. for John Baker and Henry Mortlock, 1676. 58 p.
18. Margaret Cavendish's Natures Pictures. Vol. 1 / ed. R. Dorman. The University of Sheffield, 2018. 338 p.

19. *Moore P.* The Hope of Health: Wherein is Contained a Goodlie Regiment of Life: as Medicine, Good Diet and the Goodly Vertues of Sondrie Herbes. London: By Ilon Kyngston, [1564]. [160 p.]. Electronic version of the printed publication. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07669.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (date of request: 06.04.2025). Available on the website University of Michigan Library.
20. *Moxon J.* Mathematicks made easy... London: Printed for J. Moxon, 1679. 199 p. Electronic copy of printed edition. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51541.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (date of request: 06.05.2025). Available on the website University of Michigan Library.
21. *Moxon J.* The Genteel house-keepers pastime. London: Printed for J. Moxon, 1693. 46 p.
22. *Moxon J.* The use of the astronomical playing-cards. London, 1676. 56 p. Microfilm. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_the-use-of-the-astronomi_moxon-joseph_1676 (date of request: 20.05.2025). Available on the website Internet Archive.
23. Playing cards : Pack of cards and counters in a box, pack of arithmetic cards. 1800. Accession Number NWHCM : 1956.191 // Norfolk Museums Collections : website. URL: <https://www.museumscollections.norfolk.gov.uk/collections-object-page?id=NWHCM%20:201956.191> (date of request: 10.05.2025).
24. New Atlantis Begun by the Lord Verulam, Viscount St. Albans: and Continued by R. H. Esquire. Wherein is Set forth A Platform of Monarhial Government. With A Pleasant intermixture of divers rare Inventions, and wholesome Customs, fit to be introduced into all kingdoms, states, and Common-wealths. London: Printed for John Crooke, 1660. 101 p.
25. *Rauch A.* Useful knowledge. The victorians, morality, and the march of intellect. Durham ; London: Duke University press, 2001. 292 p.
26. *Record R.* The Ground of Artes: Teaching the Worke and Practise of Arithmetike, ... London: Printed for John Harison, 1607. [570 p.]. Microfilm. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-ground-of-artes-tea-record-robert_1558/page/n261/mode/1up (date of request: 08.05.2025). Available on the website Internet Archive.
27. *Record R.* The Pathway to Knowledge, Containing the First Principles of Geometrie, ... 1551. [184 p.]. Microfilm. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-pathway-to-knowledg-record-robert_1551/mode/2up (date of request: 15.05.2025). Available on the website Internet Archive.
28. *Turner W.* A New Herball, Wherin are Conteined the Names of Herbes in Greke, Latin, Englysh, Duch, Frenche, and in the Potecaries and Herbaries Latin, with the Properties Degrees, and Naturall Places of the same. London: By Steven Myerdman, 1551. [574 p.]. Electronic copy of printed edition. URL: https://archive.org/details/b30342053_0002/page/n27/mode/1up?view=theater (date of request: 20.05.2025). Available on the website Internet Archive.

References

1. Shpak, GV 2023, *Voobrazaemye miry Margaret Kavendish. Nauka i utopiya v Anglii XVII veka. S perevodom utopii "Pylayushchiy mir"* (The imaginary worlds of Margaret Cavendish. Science and Utopia in 17th century England. With a translation of "The Blazing World"), In-t vseobshchey istorii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
2. "Travelling Cards" also "Winstanley Geographical" and Lenthall II. London' 1715, *Worshipful Company of Makers of Playing Cards*, viewed 10 May 2025, <https://card-collection.makersofplayingcards.org/Cardhtml/W0223.html>
3. Lenthall, J 1717, *Astronomical cards*, John Lenthall, at the Talbot against St. Dunstan's Church publ, London, viewed 15 May 2025, <https://collections.library.yale.edu/catalog/11531884>
4. Bacon, F 1670, *Sylva Sylvarum; or, A Natural History, in Ten Centuries. Whereunto is Newly added the History Natural and Experimental of Life and Death, or of the Prolongation of Life*, J. R. publ, London.

5. Bloom, R 1686, *The Gentlemans Recreation...*, S. Rotcroft publ, London, viewed 5 May 2025, https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_the-gentlemens-recreatio_blome-richard_1686/mode/2up?q=cards
6. Bulleyn, WA 1558, *Neue Booke Entituled the Gouvernement of Healthe Wherein is Vttered Manye Notable Rules for Mannes Preseruacion, with Sondry Symples and Other Matters, no Lesse Fruiteful then Profitable: Colect Out of Many Approued Authours. Reduced into the Forme of a Dialogue, for the Better Vnderstanding of Thunlearned*, Iohn Day publ, Londo[n], viewed 11 May 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A17162.0001.001?rgn=main;view=fulltext#backDLPS37>
7. Bulleyn, W 1579, *Bulleins Bulwarke of Defence Against all Sicknesse, Soarenesse, and Woundes that Doe Dayly Assaulte Mankinde: Which Bulwarke is Kept with Hilarius the Gardener, & Health the Phisicion, with the Chirurgian, to helpe the Wounded Souldiours*, Thomas Marshe publ, London, viewed 05 May 2025, https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_bulleins-bulwarke-of-def_bullein-william_1562/page/n2/mode/1up?view=theater
8. Cavendish, M 1655, 'Great Schollars are not Excellent Poets', *The Worlds Olio*, Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard publ, London, viewed 10 May 2025, <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/>
9. Cavendish, M 2001, *Observations upon Experimental Philosophy*, ed. E. O'Neill, Cambridge University Press publ, Cambridge.
10. Cavendish, M 2012, *Sociable Letters*, ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice, Routledge publ, Abingon, New York.
11. Comenius, JA 1659, *Orbis sensualium pictus*, London.
12. Blaeu, W 1654, *A tutor to astronomy and geography*, ed. Joseph Moxen, London.
13. Coote, E 1596, *The English school-master*, E. Janeway publ, London, viewed 6 May 2025, <https://archive.org/details/englishschoolmasoocoot/page/n9/mode/2up>
14. Cuningham, W 1559, *The Cosmographical Glasse, Conteinyng the Pleasant Principles of Cosmographie, Geographie, Hydrographie, or Nauigation*, Daij publ, Londini, viewed 11 May 2025, <https://archive.org/details/cosmographicalgloocuni/page/4/mode/thumb>
15. Descartes, R 1697, *The Use of the Geometrical Playing-Cards, as Also a Discourse of the Mechanick Powers*, ed. J. Moxon, J. Moxon publ, London.
16. Elyot, T, *The Castel of Helth Gathered and Made by Syr Thomas Elyot Knyghte, out of the Chiefe Authors of Physyke, Wherby Euery Manne May Knowe the State of His Owne Body, the Preseruatio[n] of Helthe, and How to InstructeWelle His Physytion in Syckenes That He be not Deceyued*, viewed 10 May 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21308.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>
17. Glanvill, J 1676, 'The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis', *Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion*, J. D. publ, London.
18. Dorman, R (ed.) 2018, *Margaret Cavendish's Natures Pictures*, The University of Sheffield publ, Sheffield.
19. Moore, P 1564, *The Hope of Health: Wherein is Contained a Goodlie Regiment of Life: as Medicine, Good Diet and the Goodly Vertues of Sondrie Herbes*, Ilon Kyngston publ, London, viewed 25 May 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07669.0001.001?rgn=main;view=fulltext>
20. Moxon, J 1679, *Mathematicks made easy...* London, viewed 15 May 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51541.0001.001?rgn=main;view=fulltext>
21. Moxon J 1693, *The Genteel house-keepers pastime*, London.
22. Moxon J. 1676, *The use of the astronomical playing-cards*, London, viewed 20 May 2025, https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_the-use-of-the-astronomi_moxon-joseph_1676
23. 'Playing cards : Pack of cards and counters in a box, pack of arithmetic cards' 1956, *Norfolk Museums Collections*, viewed 10 May 2025, <https://www.museumscollections.norfolk.gov.uk/collections-object-page?id=NWHCM%20:%201956.191>
24. Bacon, F 1660, *New Atlantis Begun by the Lord Verulam, Viscount St. Albans: and Continued by R. H. Esquire. Wherein is Set forth A Platform of Monarhial Government. With A*

Pleasant intermixture of divers rare Inventions, and wholesome Customs, fit to be introduced into all kingdoms, states, and Common-wealths, London.

25. Rauch, A 2001, *Useful knowledge. The victorians, morality, and the march of intellect*, Duke University press publ, Durham, London.
26. Record, R 1558, *The Ground of Artes: Teaching the Worke and Practise of Arithmetike*, ..., London, viewed 8 May 2025, https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-ground-of-artes-tea_record-robert_1558/page/n261/mode/1up
27. Record, R 1551, *The Pathway to Knowledge, Containing the First Principles of Geometrie*, viewed 15 May 2025, https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-pathway-to-knowledg-_record-robert_1551/mode/2up
28. Turner, W 1551, *A New Herball, Wherin are Conteyned the Names of Herbes in Greke, Latin, Englysh, Duch, Frenche, and in the Potecaries and Herbaries Latin, with the Properties Degrees, and Naturall Places of the same*, Steven Myerdman publ, London, viewed 20 May 2025, https://archive.org/details/b30342053_0002/page/n27/mode/1up?view=theater

Статья поступила в редакцию: 26.05.2025

Одобрена после рецензирования: 23.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 26.05.2025

Approved after reviewing: 23.06.2025

Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 94–101.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 94–101.

Научная статья

УДК 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-94-101>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. ШВАРЦА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XVIII В.

**Антон Максимович
Демченко**

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова
Москва, Россия, antonio062000@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что деятельность масонских орденов в России овеяна рядом нелестных мифов. В массовом сознании масонство воспринимается как отрицательное явление в российской истории. Целью написания данной статьи было развенчание негативного образа масонского движения и освещение позитивных сторон деятельности его членов. В работе освещается деятельность лидера ордена розенкрейцеров Иоганна Шварца в области просвещения в Московском университете в конце XVIII в. В фокусе внимания был вопрос развития Московского университета благодаря преподавательской деятельности профессора Шварца. Данный вопрос является относительно малоизученным в российской исторической науке. При написании работы использовались научные работы В. С. Брачёва, С. П. Мельгунова, М. Н. Логинова, В. О. Ключевского, а также воспоминания студентов Московского университета. В процессе исследования было выяснено, что благодаря Иоганну Шварцу в университете появились новые учебные заведения: переводческая и педагогическая гимназии, было основано «Дружеское учёное общество», из которого вышло множество профессоров и ректоров Московского университета. Благодаря лекциям Шварца формировалась будущая русская интеллигенция, так как на своих занятиях он формировал у студентов цельное мировоззрение и знакомил их с достижениями мировой культуры. На основании приведённых данных автор пришёл к выводу, что просветительская деятельность Иоганна Шварца в Московском университете носила положительный характер, благодаря ему университетская наука активно развивалась, и корни многих будущих учёных достижений были заложены именно благодаря его деяниям.

Ключевые слова: масоны, розенкрейцеры, университет, Москва, просвещение, лекции.

Для цитирования: Демченко А. М. Деятельность И. Шварца в Московском университете в конце XVIII в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 94–101. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-94-101>

Сведения об авторе: А. М. Демченко – аспирант, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

© Демченко А. М., 2025

Scientific Article
UDC 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-94-101>

ACTIVITY OF JOHANN SCHWARZ AT MOSCOW UNIVERSITY AT THE END OF THE 18th CENTURY

Anton M. Demchenko

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, antonio062000@mail.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that there are many unflattering myths about the activities of Masonic Orders in Russia. In the mass consciousness, Freemasonry is an adverse phenomenon in Russian history. The purpose of the article is to debunk the negative image of the Masonic movement and highlight the positive aspects of its members' activities. The author focuses on the activities of Professor Johann Schwartz, the Rosicrucian Order leader, in the field of education at Moscow University at the end of the 18th century. The author pays special attention to the influence of his pedagogical activities on the development of the university. This issue is relatively understudied in Russian historical science. When writing the work, the author uses the scientific works of V. S. Brachyov, S. P. Melgunov, M. N. Loginov, V. O. Klyuchevsky, as well as the memoirs of Moscow University students. As a result of the study, the author comes to the following conclusions: thanks to Johann Schwartz, new educational institutions such as translation and pedagogical secondary schools, and 'Friendly Academic Society' (many of whose members later became professors and rectors of Moscow University) appeared at the university. Schwartz's lectures shaped the future Russian intelligentsia as in his classes the professor formed students' integral worldview and introduce them with the achievements of world culture. As a result, Johann Schwartz's educational activity at Moscow University was of a significant positive nature: it contributed to the active development of university science and laid the foundations of many scientific achievements.

Keywords: Freemasons, Rosicrucian Order, university, Moscow, enlightenment, lectures.

For citation: Demchenko, AM 2025, 'Activity of Johann Schwarz at Moscow University at the End of the 18th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 94–101, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-94-101> (in Russ.)

Information about the Author: *Anton M. Demchenko* – Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной исторической науке к масонскому движению до сих пор относятся в большинстве своём негативно. Некоторые авторы даже обвиняют масонский орден в совершении революции 1917 г., а характеристика исторического деятеля как масона формирует негативный облик. В то же время масонское движение внесло значительный вклад в просвещение российского общества, благодаря масонам развивалось книгопечатание и различные науки. Иоганн Георг Шварц был одним из создателей и лидеров масонского ордена розенкрейцеров, а также профессором Московского университета, преподавал там немецкий язык, философию и эстетику. Его вкладу в развитие просвещения в Москве в конце XVIII в. и в научную деятельность Московского университета посвящено данное исследование.

Методы

Во время написания данной работы автором были использованы следующие методы: аналитический – для изучения взглядов и идей профессора, сравнительный – для того, чтобы показать разницу в методике преподавания Иоганна Шварца в Московском университете и других преподавателей,

Результаты

К началу 1780-х гг. центр российского масонства переместился из Санкт-Петербурга в Москву. Это было связано с тем, что в Москве была более свободная религиозная атмосфера по сравнению со столицей. Московская атмосфера вдохнула в масонские ложи новую жизнь. Московские масоны называли себя розенкрейцерами, или мартинистами. Главной целью своей деятельностью они считали познание Бога через изучение самого себя и природы согласно христианскому вероучению [3, с. 475]. По словам Николая Новикова, «истинное масонство в том просвещении, к которому можно придти, идя по стезям христианского мироучения» [10, с. 183]. Специалист по истории русской философии В. Зеньковский отмечал, что в русском масонстве сформировались основные черты будущей «передовой» интеллигенции – на первом плане стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм» [4, с. 107].

Одним из лидеров ложи был профессор Московского университета немецкого происхождения Иоганн Шварц, родившийся в Трансильвании [14, с. 621]. В Россию он приехал благодаря покровительству князя Ивана Гагарина [13, с. 61]. Узнав, что он масон, тот пригласил его в 1776 г. в Россию в качестве гувернера для своего друга А. М. Рахманова. Через три года Шварц переехал в Москву и благодаря масонским связям получил пост лектора немецкого языка при Московском университете. Благодаря ему был дан толчок в развитии образовательной деятельности университета и просвещения московского студенчества.

13 ноября 1779 г. он основал при университете педагогическую семинарию, где готовились учителя для народных училищ, и сам стал её инспектором. Семинария стала первым в Российской империи частным учебным заведением по подготовке педагогических кадров. Располагалась она в специально купленном доме из кирпича около Меньшиковой башни. Финансировалась из частных средств московских масонов (например, Никита Демидов пожертвовал на нее 20 тысяч рублей) [7, с. 128]. Семинария предназначалась для подготовки будущих масонов в среде духовенства. С помощью архиереев Московской епархии учебное заведение набирало учеников из духовных семинарий с целью обучить их преподавательской деятельности. В 1782 г. число учащихся семинарии составляло около тридцати человек [2, с. 207]. Среди её выпускников было множество духовных деятелей церкви вроде митрополита Серафима (Глаголевского) или митрополита Михаила (Десницкого). Именно во время своего обучения в семинарии вышеперечисленные духовные деятели прошли по-

священие в масоны и стали членами ордена розенкрейцеров. С этой целью Иоганном Шварцем было основано это заведение.

В 1781 г. по инициативе Иоганна Шварца в Московском университете было создано «Собрание университетских питомцев – первое научно-литературное студенческое общество в России. Целью этого научного клуба студентов было «развитие ума и вкуса». На его заседаниях студенты обсуждали свои литературные произведения, издавали журнал «Утренний свет», редакцию которого возглавлял сам Иоганн Шварц. В его редколлегия входили известные масоны граф Михаил Муравьев, Иван Петрович Тургенев. Публиковались в нём такие деятели масонского движения, как Фёдор Ключарев, Михаил Багрянский. В журнале печатались в основном либо переводы работ европейских масонов, либо собственные работы студентов на темы религии и мистики.

В июне 1782 г. масоны открыли ещё одну гимназию при Московском университете, которая занималась подготовкой переводчиков. Она была нужна масонам для того, чтобы квалифицированные кадры занимались переводами западноевропейской литературы. Ведь Иоганн Шварц совместно с Николаем Новиковым занимались публикациями в Москве работ зарубежных авторов и поэтому нуждались в квалифицированных переводческих кадрах. Располагалась переводческая семинария в том же здании, где жил сам Иоганн Шварц со своей семьёй. Первый набор студентов составил 16 человек.

6 ноября 1782 г. в доме Петра Татищева Шварцем было открыто «Дружеское ученое общество». Целью общества было просвещение населения посредством печатания книг, а также распространение исторических, философских, естественнонаучных знаний и т.д. [8, с. 16]. По словам масона Ивана Лопухина, «цель нашего общества была издавать книги духовные и наставляющие в нравственности истинно евангельской, переводе глубочайших о сем писателей на иностранных языках и содействовать хорошему воспитанию, помогая особенно готовящимся на проповедь слова Божия» [12, с. 21]. Стоит отметить, что московская элита симпатизировала данному объединению. На его открытии присутствовал Московский главнокомандующий граф Чернышев, а митрополит Московский Платон объявил, что берёт общество под свое покровительство. Членами учёного общества были пятьдесят человек, среди которых было множество аристократов: князя Гагарины, князь Андрей Вяземский, князя Трубецкие, Родион Кошелев, Сергей Плещеев, князь Константин Енгальчев, издатель Николай Новиков и другие. Шварц особенно близко сошёлся с Николаем Новиковым. В своих воспоминаниях Новиков говорил: «Однажды, пришел ко мне немчик, с которым я поговоря, сделался на всю жизнь до самой его смерти неразлучным» [9, с. 323].

Благодаря указу Екатерины Великой от 15 января 1783 г. «Дружеское учёное общество» открыло две дополнительные типографии в дополнение к университетской, которую возглавлял Новиков. Одной владел Новиков, а второй – Иоганн Шварц. Кроме того, была создана тайная типография, где нелегально печаталась масонская литература.

Кроме просветительской деятельности Иоганна Шварца в Московском университете стоит рассмотреть также его преподавательскую деятельность. В феврале 1780 г. Иоганн Шварц стал профессором кафедры философии Московского университета. Также он был преподавателем курса эстетической критики. Свою деятельность он направил на пропаганду идей масонства среди студентов. По мнению профессора, истина не может быть достигнута исключительно разумом, для этого человеку необходимо узнать Божественное откровение. Для того чтобы его достигнуть, необходимо изучать такие науки, как магия, алхимия, каббала. Сам Шварц считал, что человек является гнилым сосудом, который собрал в себе всякую мер-

зость. Только члены ордена розенкрейцеров способны его очистить, так как сохранили знания со времен сотворения человека, которые достались им от сект иудеев. Один из его студентов отмечал, что, несмотря на недостаточный уровень владения русским языком, тезисы Шварца представляли значительный интерес, и чем древнее был процитированный источник, тем новее была информация для обучающихся. Шварц придерживался философских идей Иммануила Канта в своих лекциях по философии. «Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже, безрассудная дерзость), с которой он, невзирая ни на что бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны. И не раз боялся я, что ему начнет мстить духовенство, и в особенности монашествующие, которых он при всяком удобном случае выставлял самым безжалостным образом» [1, с. 73]. Несмотря на то что Шварц жёстко критиковал православное духовенство, рассказывая на лекциях о церковных злоупотреблениях, он мог не опасаться ответных действий со стороны Русской православной церкви, так как масоны в Москве имели значительное влияние.

Преподавательская деятельность Шварца в Московском университете закончилась из-за конфликта с куратором университета Иваном Мелиссино. Тот завидовал влиянию Шварца в среде московского масонства и университете. После открытия «Дружеского учёного общества» Мелиссино предложил ему произвести объединение с «Вольным российским собранием», которое он возглавлял, но Шварц отказался. Поэтому Мелиссино вынудил Шварца подать добровольное прошение об отставке в конце 1782 г. Поводом послужило то, что Шварц не подал вовремя в университет отчёт о своей поездке в Германию.

Теперь стоит подробно рассмотреть, что преподавал в своих лекциях студентам Иоганн Шварц. В своём курсе «Эстетической критики» он рассказывал философские идеи как философов античного периода, так и его современников. Благодаря лекциям Шварца студенты Московского университета впервые узнали о многих современных философах. Профессор для повышения уровня культурной грамотности студентов, приводил примеры из разных областей искусства. Шварц рассуждал о возможностях разума и границах познания. По воспоминаниям студентов, «показал нам отношение чудес одной науки к другой, впери́л в нас то под иероглифами, то на яснейших своих опытах, сколь удивительна связь материи и духовности, какой нерушимый узел между Богом и человеком, и какие мы и вся природа имеем пределы и ограничения» [11, с. 157]. Иоганн Шварц был первым преподавателем в Московском университете, который формировал у своих студентов целостную картину мира, что позволяло вырастить будущую русскую интеллигенцию.

Профессор также читал курс лекций, посвящённый вопросам современной философии [5, с. 29]. Какие философские идеи излагал Шварц в своих лекциях? В них распространялись масонские идеи Якова Бёме, учителя Шварца, которые были схожи с идеями Сен-Мартена. Познание мира только разумом недостаточно, разум может позволить человеку изучить внешнюю картину мира, но не позволит проникнуть в духовную. Духовный мир существует, так как в окружающем нас мире существует много неизвестного, а также потому, что каждый человек обладает своим внутренним «я» и это внутреннее «я» является человеческой душой. Шварц восторгался человеком, который стремится к духовному саморазвитию и обладает волей, свободной от любого внешнего воздействия. Разум даёт возможность познать человеку мир материальный и себя телесного, но если человек использует только разум, то он выступает против воли Бога и отходит от духовного. Человек никогда не сможет познать истину, если будет использовать только разум, ибо тогда он познаёт только телесную сторону мира. А увлечение разумом ведёт человека к сомнению.

По мнению Шварца, много систем познания мира противоречат друг другу. Современная философия включает в себя и идеи Жан-Жака Руссо, и идеи Дени Дид-

ро, хотя Дидро утверждает, что Бога не существует, а Руссо – что в каждом творении видит его, и если современные философы не пришли к окончательному выводу, существует ли высший разум, то как они могут объяснить существование вселенной [10, с. 208]? Поэтому Шварц считал, что надо обратиться к Библии, к её объяснению мира. Но чтобы понять её, нужно развивать в себе обе стороны – и телесную и духовную, надо развивать и разум, и духовное сознание, чтобы приблизиться к пониманию божественного откровения. Шварц в своих лекциях говорил о том, что человек может мистически соединиться с Богом, проникнуть в тайны его творения. Человек может достичь этого состояния, так как в нём кроме души и разума ещё есть дух. Нравственное совершенствование является путём, который ведёт человека к развитию духовных сил и достижению благодати Святого Духа.

Не будем подробно рассматривать философское мировоззрение Иоганна Шварца, а рассмотрим, как его деятельность оценивали историки. В своей работе «Исторические портреты» великий русский историк Василий Ключевский с позитивом оценивал деятельность Иоганна Шварца для Московского университета. Уместным будет процитировать отрывок, посвящённый деятельности «Собрания университетских питомцев» для лучшего понимания заслуг этого человека в сфере просвещения: «Это студенческое общество имело целью образование ума и вкуса своих членов, их нравственное усовершенствование, упражнение в человеколюбивых подвигах. Студенты на заседаниях читали и обсуждали свои литературные опыты, произносили речи на моральные темы, задумывали издания с благотворительною целью. Все это, конечно, было молодо, суеливо, немножко нервно; молодежь больше чувствовала, чем познавала науку. Но по-тогдашнему и это разве было мало? В штатных лампах науки, прежде больше декорировавших, чем освещавших университетские стены, что-то затеплилось: дайте срок – они разгорятся. Среди студентов стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, склонность к размышлению, некоторый навык самонаблюдения и та способность загораться от идей, которая, как фонарь впотьмах, предшествует исканию истины. Трудно проследить поприща, по которым рассыпались питомцы “Дружеского общества”, как трудно уследить, куда попадали книги, которые оно рассеивало. Известно, что оно дало Московскому университету одного директора (т.е. ректора) и пять профессоров» [6, с. 391].

Несмотря на их мистицизм, консерватизм и частые расхождения между декларируемым и сделанным нельзя не отметить положительные вещи, которые сделали розенкрейцеры для развития просвещения в Москве, повышения нравственного и интеллектуального уровня населения. Именно благодаря им началось широкое книгопечатание в городе. Московские розенкрейцеры сделали больше других масонских лож, так как перешли от морального развития членов братства на развитие нравственного и духовного всего русского общества благодаря своим типографиям и университетским братствам.

Значительную роль в этом сыграла деятельность Иоганна Шварца, его лидерские и моральные качества способствовали развитию просвещения и образования в Московском университете в конце XVIII в. Благодаря ему появилось множество новых учебных заведений для подготовки научных и масонских кадров вроде педагогической семинарии и переводческой гимназии. На своих лекциях Шварц закладывал основы для формирования будущей национальной российской интеллигенции, формируя в студентах Московского университета цельное мировоззрение, знакомил их с достижениями мировой культуры. Благодаря его лекциям студенты впервые слышали имена многих современных философов. Несмотря на то что в своём философском курсе он жёстко критиковал РПЦ и рассказывал о церковных злоупотреблениях, сам Шварц был глубоко верующим человеком и в своих философских взгля-

дах выступал против материализма и философии рационализма, считая, что только благодаря Библии и божественному откровению можно познать этот мир и устройство вселенной. Кроме этого, благодаря Иоганну Шварцу появились «Собрание университетских питомцев» и «Дружеское учёное общество», которые способствовали развитию науки в Московском университете и самом городе. Учёное общество пользовалось покровительством московских властей, а его членами были многие аристократы города.

Заключение

Таким образом, приходим к выводу, что Иоганн Шварц был выдающимся деятелем в области российского просвещения и сделал многое для развития образования в Московском университете. Его по праву можно назвать одним из лучших профессоров Москвы своего времени, так как его лекции были уникальны и способствовали формированию целостной философской картины мира у студентов.

Список источников и литературы

1. *Брачев В. С.* Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. 401 с.
2. *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. 576 с.
3. Допрос Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и его современники. М.: изд-во АН СССР, 1961.
4. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л.: Эго, 1991. 220 с.
5. *Карпачев С.* Тайны масонских орденов. М.: Яуза-Пресс, 2007. 384 с.
6. *Ключевский В. О.* Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени // Исторические портреты. М.: Правда, 1990, 626 с.
7. *Лонгинов М. Н.* Н. И. Новиков и московские мартилисты. М.: тип. Грачева и К°, 1868. 568 с.
8. *Лонгинов М. Н.* Новиков и Шварц: материалы для истории русской литературы в конце XVIII века. М.: в тип. Каткова и К°, 1857. 60 с.
9. Материалы для биографии Н. И. Новикова // Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып. 1. СПб.: Тип. II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 321–325.
10. Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. Репр. воспроизведение изд. 1914 г. М.: ИКПА, 1991. Т. 1. М.: ИКПА, 1991. 256 с.
11. *Пытин А. Н.* Русское масонство XVIII и первой половины XIX веков. Петроград: Огни, 1916. 571 с.
12. *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. М.: университет. тип., 1858. 122 с.
13. *Тихонравов Н. С.* Профессор И.-Г. Шварц // Сочинения. Т. 3, ч. 1. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1898. 704 с.
14. *Фурсенко В. В.* Шварц Иван Георгиевич (Егорович) // Русский биографический словарь. Т. 22. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1905. С. 621–629.

References

1. Brachev, VS 2000, *Masonry v Rossii: ot Petra I do nashikh dney* (Masons in Russia: from Peter I to the present day), Stomma publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Vernadskiy, GV 2001, *Russkoye masonstvo v tsarstvovaniye Yekateriny II* (Russian Freemasonry in the reign of Catherine the Great), Izd-vo im. N. I. Novikova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Dopros N.I.Novikova (The interrogation of N.I.Novikov) 1961, *N. I. Novikov i ego sovremenniki* (N.I.Novikov and his contemporaries), izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zenkovskiy, VV 1991, *Istoriya russkoy filosofii* (History of Russian philosophy), vol. 1, part 1, Ego publ, Leningrad. (In Russ.)

5. Karpachev, S 2007, *Tayny masonskikh ordenov* (Secrets of the Masonic Orders), Yauza-Press publ, Moscow. (In Russ.)
6. Klyuchevskiy, VO 1990, 'Vospominaniye o N.I. Novikove i yego vremeni' (The memory of N. I. Novikov and his time), *Istoricheskiye portrety* (Historical portraits), Pravda publ, Moscow. (In Russ.)
7. Longinov, MN 1868, *N.I. Novikov i moskovskiy martinisty* (N. I. Novikov and the Moscow Martinists), tip. Gracheva i K° publ, Moscow. (In Russ.)
8. Longinov, MN 1857, *Novikov i Shvarts : materialy dlya istorii russkoy literatury v kontse XVIII veka* (Novikov and Schwartz: materials for the history of Russian literature at the end of the 18th century), tip. Katkova i K° publ, Moscow. (In Russ.)
9. 'Materialy dlya biografii N.I. Novikova' (Materials for the biography of N.I. Novikov) 1857, *Sbornik, izdavayemyy studentami Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Collection published by students of the Imperial Saint Petersburg University), no.1, Tip. II-go Otd. Sob. Ye. I. V. Kantselyarii publ, St. Petersburg, pp. 321–325. (In Russ.)
10. Melgunov, SP & Sidorov, NP 1990, *Masonstvo v proshlom i nastoyashchem* (Freemasonry in its past and present), IKPA publ, Moscow. (In Russ.)
11. Pypin, AN 1916, *Russkoye masonstvo XVIII i pervoy poloviny XIX vekov* (Russian Freemasonry of the 18th and the first half of the 19th centuries), Ogni publ, Moscow. (In Russ.)
12. Sushkov, NV 1858, *Moskovskiy universitetskiy blagorodnyy pansion* (Moscow University Noble Boarding School), universitet.tip. publ., Moscow. (In Russ.)
13. Tikhonravov, NS 1898, 'Professor I.-G. Shvarts' (Professor I.-G. Schwartz), *Sochineniya* (Works), vol. 3, part 1, Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh publ, Moscow. (In Russ.)
14. Fursenko, VV 1905, 'Shvarts Ivan Georgiyevich (Yergorovich)' (Schwartz Ivan Georgiyevich (Yergorovich)), *Russkiy biograficheskiy slovar* (Russian biographical dictionary), vol.22, tip. I. N. Skorokhodova publ., St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.12.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 06.12.2024
Approved after reviewing: 18.05.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

К ПРЕДЫСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

**Константин Владимирович
Иванов**

Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН
Москва, Россия, konstantine@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2227-7134>

Аннотация. В статье излагаются обстоятельства, предшествующие постройке Пулковской обсерватории; обсуждаются как политический, так и собственно научный контексты начала XIX в., что позволяет лучше понять целесообразность основания в этот исторический период астрономических обсерваторий нового типа. Перечисляются проекты строительства новых обсерваторий, в ходе составления которых формулируется стратегия проведения астрономических наблюдений, полностью меняющая представление об архитектуре астрономических строений. Открытый горизонт начинает обеспечиваться не возведением высоких башен внутри городского пространства, что было типично для всего XVIII в., а постройкой прочного, невысокого здания на естественном возвышении, либо на искусственной террасе, вне пределов городской черты. Измерения начинают сниматься не с переносных, а со стационарных инструментов, размещенных на каменных столбах, не соприкасающихся со зданием обсерватории. Это удачно совпадает с общеевропейским переходом от архитектурного стиля позднего барокко к неоклассицизму. В числе непосредственных предшественников Пулковской обсерватории упоминается Хельсинкская обсерватория – факт, по какой-то причине игнорируемый в историографии отечественной истории астрономии. Обосновывается усиленное внимание правительств европейских государств первой трети XIX в. к развитию точной позиционной астрономии в связи с практической потребностью в осуществлении многочисленных демаркаций по итогам Наполеоновских войн. Приводятся примеры сближения интересов государственных чиновников и академических астрономов посредством выработки риторики государственной пользы. Указывается на то, что существенно увеличившаяся точность астрономических измерений позволила решить не только практические, но и фундаментальные научные вопросы, к числу которых относятся: определение собственных скоростей звезд, измерение годичных параллаксов, определение координат апекса и уточнение астрономических постоянных.

Ключевые слова: Пулковская обсерватория, Хельсинкская обсерватория, принципы строительства обсерваторий, позиционная астрономия, практическая астрономия.

Для цитирования: Иванов К. В. К предыстории основания Пулковской обсерватории // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 102–112. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-102-112>

Сведения об авторе: К. В. Иванов – доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, 125315, Россия, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14.

Scientific Article
UDC 94(47).072
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-102-112>

THE FOUNDING OF THE PULKOVO OBSERVATORY: BACKSTORY

Konstantin V. Ivanov

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and
Technology of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, konstantine@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2227-7134>

Abstract. The article presents the circumstances preceding the construction of the Pulkovo Observatory; it takes into account and discusses both the political and scientific contexts of the early 19th century, which allows us to better understand the usefulness of establishing a new type of astronomical observatory during that particular historical period. The author lists the projects for the construction of new observatories and shows as an advanced strategy for conducting astronomical observations makes its way, completely changing the idea of the architecture of astronomical buildings. The open horizon began to be provided not by the construction of high towers within the urban space, which was typical for the entire 18th century, but by the construction of a solid, low building on a natural elevation, or on an artificial terrace, outside the city limits. Measurements began to be taken not from portable instruments, but from stationary instruments placed on stone pillars that do not touch the walls of the observatory building. This rather coincides with the all-European transition from the late Baroque architectural style to neoclassicism. Among the immediate predecessors of the Pulkovo Observatory, the Helsinki Observatory is mentioned – a fact that for some reason is ignored in the historiography of the Russian history of astronomy. The paper substantiates the increased attention of the governments of European states in the first third of the 19th century to the development of precise positional astronomy in connection with the practical need to carry out numerous demarcations following the Napoleonic Wars. The author gives some examples of the convergence of interests between government officials and academic astronomers through the development of a rhetoric of public benefit. It is pointed out that the significantly increased accuracy of astronomical measurements has made it possible to solve not only practical but also fundamental scientific issues, which include: determining the proper velocities of stars, measuring annual parallaxes, determining the coordinates of the apex and refining astronomical constants.

Keywords: Pulkovo Observatory, Helsinki Observatory, principles of observatory construction, positional astronomy, practical astronomy.

For citation: Ivanov, KV 2025, 'The Founding of the Pulkovo Observatory: Backstory', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 102–112, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-102-112> (in Russ.)

Information about the Author: Konstantin V. Ivanov – Doctor of Science (History), PhD in Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher, Head of the History of Physical and Mathematical Sciences Department, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, 14, Baltiyskaya ul., Moscow, 125315, Russia.

Когда В. Я. Струве, родоначальник знаменитой российской астрономической династии, продумывал устав не менее знаменитой Пулковской обсерватории, он считал нужным посвятить два из трех приоритетных направлений ее научной работы решению вопросов, напрямую связанных с картографией и геодезией, а именно: «§ 2. Цель учреждения Главной Обсерватории состоит в производстве <...> b) соответствующих наблюдений, необходимых для географических предприятий в Империи и для совершаемых ученых путешествий. Сверх того c) она должна содействовать всеми мерами усовершенствованию практической Астрономии, в приспособлении ее к Географии¹ и мореходству, и доставлять возможность к практическим упражнениям в Географическом определении мест»².

Безусловно, такая сосредоточенность на целях, имеющих, казалось бы, лишь косвенное отношение к астрономии, не была изобретением самого Струве. Он лишь следовал общеевропейской тенденции, наметившейся к концу XVIII в. и громко заявившей о себе в начале века XIX, особенно в ходе пересмотра границ между европейскими государствами по итогам Наполеоновских войн. Корректные демаркации были возможны только при условии знания точного положения геодезических звезд. Непременный секретарь Академии наук П. Н. Фусс писал в своем ходатайстве-панегирике министру просвещения графу С. С. Уварову о необходимости создания вблизи столицы новой обсерватории: «Русское правительство, в Вашу бытность Министром, не останется позади в то время, когда, по странному соревнованию, почти все правительства Европы спешат наперегонки придать своим столицам новые храмы, посвященные служению Урании [9, с. 407].

Основание в 1839 г. Пулковской обсерватории, действительно, принято считать поворотной точкой в истории российской астрономии. Начиная с этого времени российские астрономы занимают прочное место в международном научном сообществе, а сама Пулковская обсерватория получает неформальный титул «астрономической столицы мира»³. Однако есть все основания полагать, что постройка на Пулковском холме большой астрометрической обсерватории была не столько точкой разрыва, сколько резюмирующим жестом, подводящим черту под некоторыми менее радикальными и все же существенными смещениями в организации астрономических исследований, кумулятивно накапливавшимися в течение всего XVIII в. как в России, так и в мире [5, с. 40].

При более внимательном рассмотрении цепи событий, предшествовавших основанию Пулковской обсерватории, мы сталкиваемся с непрерывностью, в которой трудно выделить решающее событие, позволившее этому проекту приобрести репутацию насущного мероприятия. Струве пишет, что решающее значение для постройки Пулковской обсерватории играла его личная встреча с императором Николаем I [6, с. 48]. Однако научная потребность постройки новой обсерватории начинает проявлять себя задолго до периода правления Николая I. Сначала она не вызывает почти никакого административного резонанса. Уже во второй половине XVIII в. начинают высказываться мнения о том, что шаткая высокая башня Кунсткамеры, на четвертом этаже которой (на расстоянии 16 м над уровнем почвы, которые преодолевались с помощью 120 ступеней винтовой лестницы) были расположены астрономические инструменты, не может обеспечить высокой точности позиционных наблюдений. Н. И. Попов, прошедший в этой обсерватории долгий двадцатилетний путь от ученика до профессора, отмечал, что «стены башен и полы их, как бы оне крепки не были, положение свое не всегда одно и то же имеют, но от разных внешних приключений оное переменяют» [10, с. 12]. По наблюдению основателя Зеебергской обсерватории барона Франца Ксавера фон Цаха, в Петербурге великолепный 8-футовый настенный квадрант Бёрда пролежал без дела в коробке 30 лет, поскольку никто не хотел устанавливать этот тяжелый инструмент на четвер-

том этаже обсерватории. Однако, когда специально нанятый для этого французский астроном-практик М. Анри осмелился это сделать, Л. Эйлер вскоре обнаружил, что этот прекрасный стационарный инструмент в том виде, в котором он был установлен, был не более полезен, чем обычный переносной квадрант [11, s. 58].

К концу XVIII в. убеждение в том, что башенные обсерватории внутри пространства крупного города являются вчерашним днем астрономической науки, становится повсеместным. Первый архитектор Гёттингенской обсерватории Георг Генрих Борхек, попытавшийся в 1805 г. сформулировать новые принципы строительства обсерваторий, писал в своем рукописном трактате «Принципы строительства новых обсерваторий на примере обсерватории Гёттингенского университета» (трактат был опубликован только в 2005 г.): «В прежние времена, когда еще не были известны огромные преимущества настенных приборов, обсерватории строились в крупных, густонаселенных городах; и чтобы получить ясный обзор, нужно было подняться выше крыш окружающих домов: и таким образом были построены наблюдательные башни в Париже, Вене, Берлине, Мангейме, Петербурге, Копенгагене и т. д. Но в последнее время, когда англичане, и прежде всего барон фон Цах, очевидно, убедили астрономическую общественность в способах наиболее практичного строительства обсерваторий, вряд ли простительно, что такие сооружения все еще строятся на башнях, как это было сделано несколько лет назад в Лейпциге на высокой башне Плассенбурга [11, s. 53].

Архитектурная стилистика позднего барокко, мыслившая астрономические обсерватории в образе высоких башен, возвышающихся над густонаселенным городским пространством, перестала быть пригодной для астрономии сугубо по техническим соображениям. Амплитуда колебаний этих тесных и высоких построек стала существенно превышать ошибку измерений, снимаемых со стремительно совершенствующихся шкал меридианных инструментов⁴, главными из которых были пассажный инструмент и меридианный круг⁵. Проблема стояла настолько остро, что парижские астрономы вовсе перестали использовать высокие этажи роскошной башни обсерватории, подаренной Людовиком XIV, предпочитая размещать стационарные инструменты в наземных зданиях с небольшим возвышением над почвой.

Первым, кто начал серьезно заниматься проблемой реконструкции академической обсерватории в России, был А. Н. Гришов. В 1760-х гг. Петербургская обсерватория обладала двумя прекрасными меридианными инструментами, правильная установка которых могла бы вывести российскую астрономию на передовые рубежи вровень с лидером в области позиционных наблюдений того времени – Гринвичской обсерваторией. Это были уже упоминавшийся 8-футовый квадрант и пассажный инструмент с фокусным расстоянием в 5 футов английского мастера Бёрда. Согласно проектам Гришова (их было два), обсерватория, ее окна и люки должны были быть ориентированы строго по полуденной линии. Она должна была представлять собой двухэтажное здание с пристройками из двух флигелей. Инструменты, находящиеся на втором этаже, предполагалось крепить на каменных столбах, не связанных со зданием, так, чтобы изменение положения последнего не могло привести к смещению инструмента [10, с. 22]. Это изобретение принадлежало астрономам Гринвичской обсерватории, о чем справедливо упомянул В. Я. Струве в историческом введении к описанию Пулковской обсерватории⁶.

Но, как уже говорилось, архитектура стиля барокко не могла настроить свою оптику на изменившиеся требования к постройке обсерваторий. Аналогичные сложности испытывали все крупные европейские государства. Это была в том числе проблема самопрезентации империй, стремящихся выглядеть привлекательно для своих подданных. До начала XIX в. «естественное» место астрономии в комплексе других городских построек тяготело к Кунсткамере, что, впрочем, можно отнести и

ко всей Академии, возвращенной в экзотичной атмосфере сеньориального патроната и кабинетов редкостей. Астрономии еще предстояло отыскать свои аргументы в только начинавшей формироваться риторике государственной пользы. К тому же городское пространство было местом конкуренции многих других ведомств и частных лиц, авторитет и влияние которых зачастую значительно превосходили относительно скромные административные возможности Академии. Несмотря на неоднократные просьбы канцелярии Академии выделить указанный Гришовым участок земли под постройку обсерватории, Сенат распорядился передать его под строительство частных домов [10, с. 27]. Другое подысканное Гришовым место было отведено «под запасной каменный магазин и дровяной двор», так как там находились «Ведомства Коммерц-коллегии и Берг-конторы караульные избы для караула казенных материалов» [10, с. 38]. С точки зрения городской и государственной администрации участки земли, пригодные для строительства астрономической обсерватории, могли быть использованы лучшим и уж во всяком случае более рентабельным образом [5, с. 59].

Гришов, хотя и говорил об обособленном здании обсерватории, но еще не решился выносить его за пределы городского пространства. С точки зрения большинства астрономов того времени, обсерватория должна быть предназначена не только для производства наблюдений, но и для обучения этому искусству студентов и молодых специалистов. Как писал тот же Борхек, «...студенты должны получать как теоретическое, так и практическое обучение астрономическим наукам; эта цель была бы достигнута лишь в очень несовершенной степени, если бы обсерватория располагалась на значительном расстоянии от других академических учреждений. Поэтому необходимо принять за принцип, что академическая обсерватория должна располагаться в самом городе или, если это затруднительно из-за местоположения, по крайней мере, недалеко от города, чтобы ее можно было считать связанной с другими учреждениями» [11, р. 57].

Это правило было счастливым образом нарушено в Готе, куда герцог Саксен-Гота-Альтенбургский Эрнст II, увлекавшийся астрономией, пригласил в качестве королевского астронома уже упоминавшегося барона фон Цаха. Астрономия была индивидуальным пристрастием герцога и его жены Шарлоты, их руки не были связаны академическими интересами. В этих обстоятельствах фон Цах предложил построить обсерваторию на горе Зееберг в значительном отдалении от города (примерно в одном часе езды), что очень воодушевило герцога [4, с. 7]. Насколько известно, это был первый прецедент выноса обсерватории далеко за пределы городской черты. Обсерватория была открыта осенью 1791 г.; естественно, что ее первым директором стал фон Цах. Он оснастил ее великолепными инструментами: северным и южным настенными квадрантами Сиссона, 8-футовым пассажным инструментом Рамсдена, зенитным сектором Кэри и 8-футовым вертикальным кругом Рамсдена [11, р. 84]. Все стационарные инструменты располагались на столбах, прочно вмурованных в скальные породы горы, и были автономны от стен обсерватории.

Кипучая деятельность фон Цаха и щедрая финансовая поддержка Эрнста II привели к тому, что Зеебергская обсерватория быстро превратилась в один из важнейших европейских астрономических центров. Как выразился один из современных авторов, «организационные услуги Цаха, которые он оказал своей науке, были эквивалентны большому научному достижению» [13, s. 9]. Он много путешествовал и обладал широкой сетью научных связей, которые поддерживал и развивал посредством издания нескольких астрономических журналов. Уже в 1798 г. в Готе состоялся первый европейский астрономический конгресс, на который съехались 15 астрономов [4, с. 9].

Обсерватория просуществовала недолго. Она была фактически заброшена после смерти Эрнста II в 1804 г., поскольку сын герцога не унаследовал его интереса к

астрономии и лишил обсерваторию финансовой поддержки (при Эрнсте II обсерватория получала порядка 40 тыс. талеров ежегодно). Однако короткого периода с 1791 по 1806 г. (год отъезда фон Цаха из Готы) хватило, чтобы все ведущие астрономы мира познакомились с архитектурным нововведением фон Цаха и по достоинству его оценили. Почти все обсерватории, построенные в первой трети XIX в., использовали Зеебергскую (Готскую) обсерваторию в качестве образца. Обязательное для обсерваторий условие открытого горизонта достигалось отныне не достройкой дополнительных этажей, что увеличивало шаткость строения, а размещением приземистого и прочного здания на холме; желательно, в достаточном отдалении от города, чтобы избавиться «от разных внешних приключений», дыма печных труб, а заодно, как писал Борхек в своем рукописном трактате, и «от наплыва непрошенных и любопытных зевак» [11, s. 57].

Здесь же произошла важная зодческая метаморфоза, удачно совпавшая с общеевропейской архитектурной тенденцией того времени: барочная вертикаль сменилась классицистической горизонталью. Невысокое пропорционально выстроенное здание было вытянуто в направлении с востока на запад; центральный корпус с Меридианным залом содержал проемы, открывавшие вид на южную и северную части горизонта; из Меридианного зала можно было войти в наблюдательную башню, которая замыкалась поворотным куполом; в боковых пристройках (с востока и запада) размещались жилые и хозяйственные помещения. Этим задавался новый архитектурный стандарт обсерваторий, повторенный впоследствии в Гёттингене, Дерпте (Тарту), Турку, Берлине и в других городах. Параллельно стали постепенно обозначаться архитектурные преимущества подобных строений, диктуемые функциональными особенностями астрономических наблюдений и нашедшие достойное воплощение в классицистической эстетике. В частности, техническая устойчивость таких зданий достигалась за счет тщательно выровненного террасирования. Террасная платформа должна была быть достаточно широкой, чтобы с нее можно было в случае необходимости также производить наблюдения с помощью переносных инструментов. Это обстоятельство придавало зданию обособленный вид, даже если оно находилось в пределах городской черты, что, безусловно, действовало ободряюще на архитектурное воображение. Как писал Борхек в своем трактате по новой астрономической архитектуре, «никто не посмеет отрицать, что местоположение, соответствующее назначению здания, производит сильное впечатление на наши чувства, и что здание, расположенное на возвышенности, привлекает внимание прохожих гораздо больше, чем здание, расположенное в низине. Поэтому холм – самое подходящее место для здания, призванного производить впечатление: особенно это касается обсерватории, которая всегда ассоциируется с идеей широкого, ничем не ограниченного обзора. Чем выше могла бы быть расположена обсерватория, тем большее впечатление она производила бы на наши чувства... Отдельно стоящее здание, даже не расположенное на значительном холме, всегда производит приятное впечатление, если только оно не окружено слишком ограниченным пространством» [11, s. 72].

Существенным отличием Пулковской обсерватории от ее предшественниц является то, что в Пулкове здание обсерватории увенчано не одним, а тремя куполами. Более того, купола используются как архитектурные элементы. Однако и этот принцип был впервые адаптирован в Российской империи тоже не в Пулкове, а в Гельсингфорсе (Хельсинки). Финляндия вошла в состав Российской империи в 1809 г. по итогам войны со Швецией 1808–1809 гг. на правах автономного княжества. В феврале 1811 г. император Александр I анонсировал поддержку и расширение деятельности финской Королевской академии Або, а в августе 1812 г. лично посетил Турку, где в то время располагалась Академия. Наследный принц Николай Павлович (бу-

душый император Николай I) стал канцлером Академии. При содействии российско-го правительства в Турку была учреждена должность астронома, и в 1819 г. построенная обсерватория. Архитектором был прибывший из Санкт-Петербурга куратор общественных зданий в Финляндии Карл Людвиг Энгель, а консультантом по астрономическим вопросам – местный физик и астроном Густав Габриэль Хельстрём. Из-за великого пожара, случившегося в Турку в 1828 г., Академия переехала в Хельсинки, где вскоре также была построена обсерватория. Она-то и стала почти полным архитектурным двойником Пулковской. Ее архитектором был также К. Л. Энгель, а консультантом по астрономическим вопросам выступил выдающийся астроном Фридрих Вильгельм Август Аргеландер, не уступающий по своим заслугам В. Я. Струве.

Энгель понимал, что обсерватория, которую он строит, не имеет аналогов в мире. В марте 1831 г. он писал своему другу Херрлиху: «Эта обсерватория будет совершенно отличаться от той, которую я построил в Турку несколько лет назад, и она будет отличаться от всех остальных по форме и интерьеру. Так что у нее, помимо прочего, будут три передвижные башни, в то время как у обсерваторий в Тарту и Кенигсберге только одна» [14, р. 173–174].

Хельсинкская обсерватория была введена в эксплуатацию в 1834 г., то есть за пять лет до открытия Пулковской обсерватории. Нам не удалось отыскать у В. Я. Струве какого-либо упоминания о Хельсинкской обсерватории, хотя достоверно известно, что он знакомился с ее чертежом, во всяком случае, посылал запрос К. Л. Энгелю с просьбой прислать ему чертеж [14, р. 55]. Не удалось нам найти упоминания о каком-либо влиянии опыта постройки обсерватории в Хельсинки на строительство Пулковской обсерватории ни в обширном труде М. К. Вентцеля [2], ни у З. К. Новокшановой [6], ни у А. Н. Дадаева [3], ни у А. В. Бугаевского [1] – самых авторитетных авторов в области отечественной истории астрометрии и геодезии. Похоже, этот факт полностью выпал из поля зрения историков практической астрономии в России. В настоящей статье мы восполняем этот пробел.

Между тем, финские авторы Т. Маркканен, С. Линналуото и М. Поутанен прямо утверждают в своей книге, что «Пулковская обсерватория была создана по образцу Хельсинкской обсерватории. Планировка смотровых и рабочих помещений в вытянутом с востока на запад здании в стиле ампира во многом соответствует хельсинкской модели. Три вращающихся цилиндрических купола, меридианные залы и зал первого вертикала спроектированы по тем же принципам [14, р. 55]. И сложно не согласиться с этим утверждением.

Авторы нашли документ – письмо К. Л. Энгеля к Э. Якобу от 11 декабря 1833 г., в котором тот пишет: «...Новая обсерватория готова, за исключением нескольких небольших механизмов, необходимых для открытия и закрытия люков меридианных проемов. Сильный дождь, случившийся этим летом, был большой помехой для этих работ. Теперь также должна быть построена новая обсерватория в Петербурге, и поэтому профессор Струве из Тарту был приглашен в Петербург, и по его просьбе я послал туда чертеж обсерватории [14, р. 173].

В это же время – в первые десятилетия XIX в. – формулируется стандартная аргументация, обосновывающая целесообразность постройки обсерваторий нового типа. Она основывается на понятной для чиновников риторике государственной пользы. Авторы проектов обсерваторий пытались убедить правительственных чиновников в том, что без точной позиционной астрономии невозможны ни полноценная картография, ни успешная навигация. Барон фон Цах выражал это в следующих словах: «Я рассматриваю... обсерваторию Гёттингенского университета <...> как учебное заведение, в котором не только молодые студенты вообще, но и молодые люди, посвятившие себя навигации, или инженеры или геодезисты, желающие по-

лучить квалификацию для крупномасштабных тригонометрических и астрономических съемок, могут получить не столько теоретические, сколько практические знания, которых до сих пор не хватало повсюду. Насколько мне известно, во всей Германии, а может быть, и во всей Европе, до сих пор нет подобного учреждения, где молодые люди получали бы научное образование в области практической астрономии, обучались бы искусству наблюдения и обучались бы астрономическим расчетам практического астронома в соответствии с определенным методом и новейшим состоянием этой науки. Искусству астрономических наблюдений не всегда можно научиться по книгам, как и акушерству и хирургическим операциям; этому нужно научиться, наблюдая и демонстрируя. Поэтому у нас есть хорошо оборудованные университеты, больницы и анатомические театры; В аналогичном отношении необходимо иметь и астрономические обсерватории» [11, s. 61].

Аналогично консистерия финской Академии всякий раз, подготавливая ходатайство о постройке обсерватории, категорично подчеркивала ее практическую выгоду: «...Но поскольку астрономическая обсерватория, созданная при Академии, не только значительно облегчила бы образование будущих офицеров и чиновников нынешнего флота и морского штаба Его Императорского Величества, но и в особенности оказала бы помощь Навигационным школам, созданным Его Величеством Императором для содействия кооперативному судоходству в Турку, а также в Хельсинки и Васе, так что будущие моряки и мореплаватели, а также их учителя и руководители могли бы здесь получить практические навыки в правильном использовании астрономических инструментов для искусства навигации, в силу чего создание данной обсерватории принесло бы большую пользу внешней торговле и судоходству страны, то *Consistorium Academicum*, милостью своего Великого и Благородного Монарха, осмеливается надеяться на эту Доктрину... [14, s. 173]. Аналогичной была и риторика В. Я. Струве, пример которой уже цитировался в начале статьи.

Резюмируя, следует сказать, что в начале XIX в. возникла ситуация обоюдной потребности в постройке крупных астрономических обсерваторий как со стороны академической астрономии, так и со стороны правительств европейских государств. После окончания Наполеоновских войн и выработки решений Венского конгресса 1814–1815 гг. утвердилось представление о государстве как о суверенной территории, заключенной в пределах строго обозначенных границ, признанных другими государствами. Граница, которая до этого была преимущественно фактом графической репрезентации, обрела зримые вещественные признаки на поверхности земли, сопровождаемые в ходе демаркаций. В отличие от весьма произвольного отображения границ на картах раннего Нового времени [12, p. 85], была сформулирована строго регламентированная процедура разграничений, используемая по сегодняшний день.

Внедрение картографических и топографических изображений в документацию, составляемую по результатам достигнутых международных соглашений, существенным образом упростило процедуру международно-признанного закрепления за тем или иным государством его владений. Вместо перечисления многочисленных населенных пунктов, отходящих договаривающимся сторонам, достаточно было очертить линией на карте *территорию*, на которой расположены эти населенные пункты, а затем придать этой линии зримый вид на поверхности земли, поставив пограничные знаки с соответствующей меткой. Перечисления, даже если они где-то встречались, обретали новый порядок. Вместо характерного для договоров позднего Средневековья и раннего Нового времени более или менее беспорядочного перечня, регулируемого в лучшем случае степенью влияния того или иного города или поселения, возникает строгий геометрический порядок их следования вдоль пограничной черты.

Карты стали использоваться как важный и полезный *инструмент* переговорной практики; однако для того чтобы действительно помочь, а не навредить (что случалось), карты должны были быть *точными*, чего было невозможно достичь без привлечения астрономического знания и астрономических инструментов. Для точного обозначения границ на местности и на карте необходимо было использовать методы позиционной астрономии и геодезии с опорой на уточненные положения звезд. Точные координаты звезд можно было получить только с помощью стационарных инструментов крупных обсерваторий. Во всех европейских империях начала XIX в. происходит пересмотр программ государственной поддержки крупных обсерваторий и постройка новых, либо реконструкция старых зданий обсерваторий.

В завершение уместно будет отметить, что определение точных положений звезд позволило не только точно провести границы, но и определить собственные скорости звезд, найти координаты апекса (направления движения Солнца в Галактике), определить параллаксы звезд и уточнить важнейшие астрономические поправки (нутаия, лучевая абберрация, рефракция и т. д.), то есть решить ряд не только практических, но и фундаментальных научных задач.

Примечания

1. Под «географией» здесь, как следует из контекста цитируемого параграфа, следует понимать точное определение положений пунктов земной поверхности, чему, собственно, только и может помочь позиционная астрономия; поэтому, по сути, речь здесь идет не о «географии» в современном ее понимании, а о математической картографии.
2. В пункте «а» значилось короткое, но емкое: «...в производстве а) постоянных и, сколь можно, совершеннейших наблюдений, клонящихся к преуспеянию астрономии» [8, с. 1].
3. Примечательно, что этот титул был присвоен ей не российским, а американским астрономом Бенджамином Гулдом. Невозможно понять, где и когда он это сказал или написал, но это свидетельство звучит в каждой второй публикации об истории Пулковской обсерватории.
4. Как писал об этом старший Струве: «Астрономические наблюдения изменили свой характер вследствие неожиданных успехов, достигнутых инструментальной механикой благодаря произведениям Троутона, Рейхенбаха, Фраунгофера и Репсоляда» [7, с. 139].
5. Стенные квадранты еще применялись, но они все чаще заменялись более удобным меридианным кругом, который мог один заместить три инструмента (квадрант для наблюдения с южной стороны, квадрант для наблюдения с северной стороны и зенитный сектор), что существенно сэкономило финансовые фонды обсерваторий.
6. «Гринвич имеет еще то выдающееся преимущество, что это первая обсерватория, построенная по правильным принципам и поэтому послужившая до наших дней образцом для наиболее совершенных строителей, предусматривающих установку меридианных инструментов, как в Гринвиче, на фундаментах, изолированных от внешних стен, и на небольшой высоте над почвой, чтобы обеспечить инструментам наибольшую неизменность положения» [7, с. 122].

Список источников и литературы

1. Бугаевский А. В. Выбор места двух старинных русских обсерваторий // Историко-астрономические исследования. 1984. Вып. 17. С. 185–210.
2. Вентцель М. К. Краткий очерк истории практической астрономии в России и в СССР (развитие методов определения времени и широты) // Историко-астрономические исследования. 1956. Вып. 2. С. 7–137.
3. Дадаев А. Н. Пулковская обсерватория: Очерк истории и научной деятельности. Л.: Наука, 1972. 148 с.
4. Железнов Н. Б. Открытие Цереры: как это было. М.: Рос. акад. наук, 2017. 35 с.
5. Иванов К. В. Небо в земном отражении. История астрономии в России в XIX – начале XX века. М.: Территория будущего, 2008. 478 с.
6. Новокшанова З. К. Василий Яковлевич Струве. М.: Наука, 1964. 295 с.

7. Струве В. Я. Описание Главной астрономической обсерватории в Пулковско. Введение и исторический очерк // Василий Яковлевич Струве : сб. ст. и материалов к 100-летию со дня смерти. М.: Наука, 1964. С. 117–140.
8. Устав и штат Главной астрономической обсерватории (на Пулковской горе). 19 июня 1838 г. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1838. 273 с.
9. Фусс П. Н. Письмо Президенту Академии наук С. С. Уварову о необходимости создания новой обсерватории, от 28 октября 1833 г. // Историко-астрономические исследования. 1960. Вып. 6. С. 406–407.
10. Ченакал В. Л. Два неизвестных проекта обсерватории Петербургской академии наук, относящихся к середине XVIII в. // Историко-астрономические исследования. 1955. Вып. 1. С. 9–48.
11. Borheck G. H. Grundsätze über die Anlage neuer Sternwarten mit Beziehung auf die Sternwarte der Universität Göttingen // Grundsätze über die Anlage neuer Sternwarten unter Beziehung auf die Sternwarte der Universität Göttingen von Georg Heinrich Borheck / K. Beuermann (hg.). Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2005. S. 51–100.
12. Branch J. The Cartographic State. Maps, Territory and the Origins of Sovereignty. New York: Cambridge University Press, 2014. 219 p.
13. Brosche P. Der Astronom der Herzogin. Leben und Werk von Franz Xaver von Zach 1754–1832. Frankfurt am Main: Verlag Harri Deutsch, 2001. 305 s.
14. Markkanen T., Linnaluoto S., Poutanen M. Tähtitieteen vaiheita Helsingin yliopistossa Observatorio 150 vuotta. Helsinki: Helsingin yliopisto, Observatorio, 1984. 204 s.
15. Wolfschmidt G. Zach's instruments and their characteristics // Acta Historica Astronomiae. 2004. Vol. 24. P. 83–96.

References

1. Bugayevskiy, AV 1984, 'Vybor mesta dvukh starinnykh russkikh observatoriy' (Siting of two old Russian observatories), *Studies in the History of Astronomy*, iss. XVII, pp. 185–210. (in Russ.)
2. Venttsel', MK 1956, 'Kratkiy ocherk istorii prakticheskoy astronomii v Rossii i v SSSR (razvitiye metodov opredeleniya vremeni i shirot)' (Brief outline of the history of practical astronomy in Russia and the USSR (development of methods for determining time and latitude)), *Studies in the History of Astronomy*, iss. II, pp. 7–137. (in Russ.)
3. Dadayev, AN 1972, *Pulkovskaya observatoriya: Ocherk istorii i nauchnoy deyatel'nosti* (Pulkovo Observatory: An Essay on History and Scientific Activity), Nauka. Leningradskoye otdeleniye publ, Leningrad. (in Russ.)
4. Zheleznov, NB 2017, *Otkrytiye Tserery: kak eto bylo* (Discovery of Ceres: How it was). Rossiyskaya akademiya nauk publ, Moscow. (in Russ.)
5. Ivanov, KV 2008, *Nebo v zemnom otazhenii. Istoriya astronomii v Rossii v XIX – nachale XX veka* (Sky in Earthly Reflection. History of Astronomy in Russia in the 19th – Early 20th Century), Territoriya budushchego publ, Moscow. (in Russ.)
6. Novokshanova, ZK 1964, *Vasily Yakovlevich Struve* (Vasily Yakovlevich Struve), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)
7. Struve, VYa 1964, 'Opisaniye Glavnoy astronomicheskoy observatorii v Pulkovo. Vvedeniye i istoricheskiy ocherk' (Description of the Chief Astronomical Observatory in Pulkovo. Introduction and Historical Essay), in AA Mikhaylov (ed.) *Vasiliy Yakovlevich Struve: sbornik statey i materialov k 100-letiyu so dnya smerti* (Vasily Yakovlevich Struve: collection of articles and materials for the 100th anniversary of his death), Nauka publ, Moscow, pp. 117–140. (in Russ.)
8. *Ustav i shtat Glavnoy astronomicheskoy observatorii (na Pulkovskoy gore). 19 iyunya 1838 g.* (Charter and staff of the Main Astronomical Observatory (on Pulkovskaya Hill). June 19, 1838) 1838, Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk publ, Saint-Petersburg. (in Russ.)
9. Fuss, PN 1960, 'Pis'mo Prezidentu Akademii nauk S. S. Uvarovu o neobkhodimosti sozdaniya novoy observatorii, ot 28 oktyabrya 1833 g.' (Letter to the President of the Academy of Sci-

- ences S. S. Uvarov on the necessity to build a new observatory, dated October 28, 1833), *Studies in the History of Astronomy*, iss. VI, pp. 406–407. (in Russ.)
10. Chenakal, VL 1955, 'Dva neizvestnykh proyekta observatorii Peterburgskoy akademii nauk, odnosyashchikhsya k seredine XVIII v.' (Two unknown projects of the observatory of the St. Petersburg Academy of Sciences, dating back to the mid-18th century), *Studies in the History of Astronomy*, iss. I, pp. 9–48. (in Russ.)
 11. Borheck, GH 2005, 'Grundsätze über die Anlage neuer Sternwarten mit Beziehung auf die Sternwarte der Universität Göttingen' (Principles for the construction of new observatories with reference to the observatory of the University of Göttingen), in K Beuermann (ed.) *Grundsätze über die Anlage neuer Sternwarten unter Beziehung auf die Sternwarte der Universität Göttingen von Georg Heinrich Borheck* (Principles for the construction of new observatories with reference to the Observatory of the University of Göttingen by Georg Heinrich Borheck), Universitätsverlag Göttingen publ, Göttingen, pp. 51–100. (in Germ.)
 12. Branch, J 2014, *The Cartographic State. Maps, Territory, and the Origins of Sovereignty*, Cambridge University Press, New York.
 13. Brosche, P 2001, *Der Astronom der Herzogin. Leben und Werk von Franz Xaver von Zach 1754–1832* (The Duchess's Astronomer: Life and Work of Franz Xaver von Zach 1754–1832), Verlag Harri Deutsch publ, Frankfurt am Main. (in Germ.)
 14. Markkanen, T, Linnaluoto, S & Poutanen, M 1984, *Tähtitieteen vaiheita Helsingin yliopistossa Observatorio 150 vuotta* (Stages of astronomy development at the University of Helsinki Observatory during 150 years), Helsingin yliopisto, Observatorio publ, Helsinki. (in Finn.)
 15. Wolfschmidt, G 2004, 'Zach's instruments and their characteristics', *Acta Historica Astronomiae*, vol. 24, pp. 83–96.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 28.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 94(47).072+001(091)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-113-122>

СОЗДАТЬ ПОЛНУЮ ТЕОРИЮ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЖИДКОСТЕЙ: КОНКУРС АКАДЕМИИ НАУК И МОРСКОГО ВЕДОМСТВА 1804–1806 ГГ.

**Алина Эдуардовна
Меркулова**

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
amerkulova.spb@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9954-7054>

Аннотация. В статье рассматривается процесс организации и проведения конкурса научных работ по теории сопротивления жидкостей, объявленного в 1804 г. морским ведомством и Академией наук. Целью исследования является определение характера и результатов взаимодействия двух учреждений. Показано, что инициатива организации конкурса исходила от академика, преподавателя Училища корабельной архитектуры С. Е. Гурьева и была поддержана лично товарищем министра военно-морских сил вице-адмиралом П. В. Чичаговым, поскольку решение одной из важных проблем гидродинамики было необходимо для развития кораблестроительных технологий. Однако сотрудничество Академии с морским ведомством оказалось под угрозой срыва уже на стадии подготовки конкурсной задачи. Оно продолжилось благодаря академику Л. Ю. Крафту, считавшему важным взаимодействие Академии с органами центрального государственного управления. Всего на конкурс поступили три научных работы, которые прошли экспертизу сначала в Государственном адмиралтейском департаменте, затем в Академии наук. Победителем единогласно был избран шведский ученый, профессор Уппсальского университета З. Нордмарк. Главную задачу – создать новую полную теорию сопротивления жидкостей ни одному из конкурсантов не удалось, однако она едва ли была выполнима на той стадии развития, на которой находилась гидродинамика в начале XIX в. Тем не менее опыт совместного проведения конкурса был значим, он продемонстрировал понимание морским руководством необходимости развития науки для решения практических задач военно-морского флота Российской империи.

Ключевые слова: Академия наук, Морское министерство, научный конкурс, С. Е. Гурьев, З. Нордмарк, гидродинамика, теория сопротивления жидкости, военно-морской флот, Российская империя.

Для цитирования: Меркулова А. Э. Создать полную теорию сопротивления жидкостей: конкурс Академии наук и морского ведомства 1804–1806 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 113–122. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-113-122>

Сведения об авторе: А. Э. Меркулова – младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, литера Б.

Scientific Article

UDC 94(47).072+001(091)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-113-122>

TO CREATE A COMPREHENSIVE FLUID DRAG THEORY: ACADEMY OF SCIENCES AND THE ADMIRALTY COMPETITION OF 1804–1806

Alina E. Merkulova

Saint Petersburg Branch of S. I. Vavilov
Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia, amerkulova.spb@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9954-7054>

Abstract. The article analyzes the organization and execution of a scientific competition on the fluid drag theory, announced in 1804 by the Admiralty and the Academy of Sciences. The research aims to determine the nature and results of the interaction between these two institutions. It demonstrates that the initiative for the competition originated with S. E. Guryev, an academician and instructor at the Naval Architecture School, and received support from Vice-Admiral P. V. Chichagov, an associate of the Minister of the Navy, as resolving a key problem in hydrodynamics was crucial for the advancement of shipbuilding technologies. However, collaboration between the Academy and the Admiralty was threatened with failure even during the preparation of the competition's task. It continued thanks to academician L. Yu. Kraft, who considered the Academy's interaction with central government bodies essential. Three submissions were received, undergoing expert review first at the State Admiralty Department and then at the Academy of Sciences. Z. Nordmark, a Swedish scientist and professor at Uppsala University, was unanimously selected as the winner. None of the contestants succeeded in the main objective – creating a new, comprehensive fluid drag theory – a task hardly feasible given the state of hydrodynamics at the beginning of the 19th century. Nevertheless, the experience of the joint competition was significant, demonstrating the naval leadership's understanding of the need for scientific development to address the practical challenges of the Imperial Russian Navy.

Keywords: Academy of Sciences, Admiralty, scientific competition, S. E. Guryev, Z. Nordmark, hydrodynamics, fluid drag theory, the Navy, Russian Empire.

For citation: Merkulova, AE 2025, 'To Create a Comprehensive Fluid Drag Theory: Academy of Sciences and the Admiralty Competition of 1804–1806', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 113–122, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-113-122> (in Russ.)

Information about the Author: *Alina E. Merkulova* – Junior Research Fellow, Saint Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, 5 service letter B., Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia.

© Merkulova A. E., 2025

Проблема определения сопротивления воды движению твердого тела по сей день является одним из актуальных научных вопросов, связанным не только с теорией гидродинамики, но и с практикой судостроения. Ее решение издавна имеет особую важность для военно-морского флота, заинтересованного в улучшении ходовых качеств кораблей. Первые попытки определения сопротивления жидкости были предприняты европейскими учеными во второй половине XVII в. [19, р. 45; 6, с. 7–8], однако определенные успехи были достигнуты только в следующем столетии. Весомый вклад в изучение теоретических аспектов проблемы внесли академики Петербургской Академии наук Д. Бернулли и Л. Эйлер [6, с. 20], французские ученые Ж.-Л. д'Аламбер, Ж.-Л. Лагранж [8, с. 10]. Значимые результаты в ходе экспериментальных исследований получили Ж. Борда и Ш. Боссю [1, с. 23–25]. Тем не менее полученное к концу XVIII в. теоретическое знание еще не отвечало в полной мере потребностям практики и не всегда входило в соответствие с результатами экспериментов [20, р. VI].

В начале XIX в. проблема определения сопротивления жидкости привлекла внимание академика Семена Емельяновича Гурьева (1766–1813). Его научные интересы лежали преимущественно в области математики, и к вопросам гидродинамики он обратился, видимо, потому что преподавал ее в Училище корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге [11, л. 24]. В мае 1804 г. Гурьев представил на заседании Конференции Академии наук статью «О нынешнем состоянии вопроса о сопротивлении жидких тел» [18, с. 230], в которой проанализировал теории французского ученого Н.-Ш. Ромма, испанского военного моряка и ученого Х. Хуана ди Сантасилья, австрийского ученого Ф. В. Герлаха, а также формулы французских исследователей Боссю и Г. Прони, выведенные в результате экспериментальных исследований. В заключение Гурьев отметил, что необходимо решить, какая из теорий «есть справедливейшая, которой наипаче последовать должно в разрешении вопросов до корабельной архитектуры относящихся; или если некоторой из них в сем важном предмете употребить не можно, то как одну которую ни есть из них, например, теорию г. Дон Жуана [Х. Хуана ди Сантасилья – А. М.], исправить и довести до совершенства, или совсем основать новую теорию сопротивления жидких тел, сходственную с опытами». Не будучи удовлетворен формулами, выведенными Боссю и Прони, академик утверждал, что следует «умножить опыты и учинить оные в гораздо большем виде» [4, с. 124–126]. Для реализации вышеуказанных задач, по мнению Гурьева, следовало провести конкурс научных работ по примеру Парижской академии наук, которая в 1787 г. объявляла конкурс на создание теории сопротивления жидкости, призванной объяснить результаты экспериментальных исследований [4, с. 113–114]. Прекрасно сознавая, что проведение конкурса потребует финансовых затрат, Гурьев предложил обратиться в военно-морское ведомство, чтобы оно как учреждение, наиболее заинтересованное в развитии теории и практики кораблестроения, организовало конкурс «с присовокуплением пристойного награждения» победителю. Получив согласие Академии, Гурьев направил представление товарищу министра военно-морских сил вице-адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову¹ (1767–1849) [4, с. 126].

Следует отметить, что Гурьев имел давнее личное знакомство с Чичаговым: в 1780-х гг. он давал ему частные уроки высшей математики и физики. Сам Чичагов вспоминал об этом так: «По счастью, в Петербурге я встретил молодого артиллерийского офицера Гурьева, который, будучи наделен необыкновенными способностями к точным наукам, занимал должность профессора математики в Артиллерийском кадетском корпусе. Он по дружбе ко мне взял на себя труд давать мне уроки высшей математики. Обучил меня дифференциальному и интегральному исчислению, механике, гидростатике и дал возможность понимать творения Эйлера, Буге, Шаймана,

Ромма и др., относящихся до морского дела». В 1792 г. Гурьев руководил учебными занятиями Павла Васильевича и его брата Петра, сопровождая их в поездке в Англию, куда будущий академик отправился для изучения «гидравлических работ» [17, с. 165, 545, 700].

К идее Гурьева Чичагов отнесся одобрительно. В письме к нему он отмечал, что «приведение <...> различных теорий в надлежащее совершенство, сближающее их с опытами, было бы дело величайшей важности и особенной пользы не только для науки кораблестроения, но и для самого судоходства» [10, л. 3]. Чичагов передал Гурьеву текст конкурсной задачи, составленный в морском ведомстве, и поручил представить его в Академию наук с предложением добавить то, что та сочтет «полезным». Кроме того, товарищ министра распорядился, чтобы она опубликовала задачу, а затем принимала конкурсные работы и рассматривала их вместе с морским ведомством [4, с. 127–129]. Кто должен был выступать в роли экспертов от министерства военных морских сил, Чичагов не уточнял.

Конкурсная задача повторяла те положения, которые Гурьев сформулировал в заключении представленной им статьи. Так, предлагалось или усовершенствовать теории сопротивления жидкостей Хуана ди Сантасилья и Ромма, или разработать новую теорию, или же, основываясь на экспериментах, вывести более точную формулу, чем у Боссю и Прони. При этом подчеркивалось, что теоретические выкладки должны максимально соответствовать результатам опытных исследований и «быть приложимы» к кораблестроению. Сочинения положено было принимать на трех языках: английском, французском и русском. За решение задачи назначалась внушительная премия — 1 000 голландских червонцев², которую предполагалось выделить из средств Адмиралтейств-коллегии. Срок проведения конкурса ограничивался двумя годами: с 1 июля 1804 г. до 1 июля 1806 г. [15, л. 4–5].

Академики рассмотрели текст задачи на заседании Конференции 4 июля 1804 г. и решили направить Чичагову свои предложения, касавшиеся организационных вопросов и условий конкурса. Во-первых, они предложили передать премиальную сумму на хранение в Академию, чтобы та могла «без каких-либо задержек и дополнительных формальностей» отправить награду победителю. Во-вторых, академики сочли важным разработать градацию премиальных выплат. Так, если бы в работе содержалась лучшая новая теория сопротивления жидкостей, автор получил бы всю сумму полностью, если усовершенствование одной из прежних теорий — 600 червонцев, а если в ней была бы выведена формула, коррелирующая с результатами экспериментальных исследований, — 300 червонцев. В-третьих, они указали, что в перечне языков, на которых могут быть написаны сочинения, отсутствовал немецкий язык, и таким образом, из участия в конкурсе заранее исключались германские ученые. Наконец, академики предложили скорректировать срок проведения конкурса и последний день подачи работ назначить на 1 мая 1806 г., чтобы осталось время на изучение присланных трудов и проверку результатов экспериментов [14, л. 84 об.—85 об.].

Когда Чичагов ознакомился с замечаниями, он категорически отказался их принять. По словам Гурьева, выступившего на заседании Конференции 18 июля, вице-адмирал заявил, что программа конкурса должна быть опубликована в первоначальном виде, аргументируя свою позицию тем, что он уже представил ее императору, а это значило, что никакие изменения не могли быть внесены. Отказ Чичагова исправить программу вызвал недовольство членов Академии наук. Показательно, что в следующем заседании Конференции 22 августа принял участие президент Академии Н. Н. Новосильцев, которому зачитали протокол от 18 июля. Новосильцев высказался достаточно резко, заявив, что он «не может согласиться на то, чтобы Академия приняла какое-либо участие в издании программы, которая, обещая

одинаковое вознаграждение автору новой и полной теории сопротивления и автору простой чисто эмпирической формулы, дала бы основание думать, что Академия не умеет различать достоинства этих двух бесконечно разных задач, и что она придает одинаковое значение и одной, и другой работе». Президент заключил, что если программа останется в прежнем виде и если задача Академии состоит только в том, чтобы получить конкурсные работы и передать их в морское ведомство, то последнему лучше самостоятельно опубликовать программу, не привлекая Академию. Ранее речи о снятии с академиков полномочий по оценке конкурсных сочинений и определению победителя не шло, но в протоколе записано, что так «дал понять» Гурьев. Позиция Новосильцева встретила поддержку Конференции, и выписка из протокола заседания была направлена Чичагову [14, л. 91 об., 93 об.].

Чичагов в ответ напомнил Академии, что право проводить экспертизу конкурсных работ и присуждать награду предоставлено ей совместно с морским ведомством, и заявил, что в отношении внесения правок в программу его позиция осталась неизменной [14, л. 102]. Главным камнем преткновения между академиками и вице-адмиралом являлось установление градации премиальных выплат, на которое Чичагов соглашаться не хотел. Такая градация обязала бы морское ведомство выделить из общего премиального фонда строго определенную сумму, в то время как ее отсутствие позволяло распоряжаться деньгами гораздо более свободно. Показательно, что в дальнейшем, подведя итоги конкурса, из 1 000 червонцев победителю присудили лишь 100, что в три раза меньше самой скромной награды, предложенной Академией.

Гурьев попросил Конференцию вернуть программу в том случае, если академики продолжают настаивать на введении градации премиальных выплат. Такой шаг означал отказ от участия в организации конкурса. На заседании 1 сентября большинство академиков высказалось за возвращение программы [14, л. 102]. Сотрудничество с морским ведомством грозило прерваться, едва начавшись, и академик Л. Ю. Крафт предпринял попытку исправить сложившуюся ситуацию. Следует отметить, что Крафт с 1802 г. состоял членом ученого подразделения при Адмиралтейств-коллегии – Комитета для издания собраний, касающихся кораблестроения и прочего [13, л. 30]. В 1804 г. это учреждение фактически прекратило существование, однако формально распущено не было, и академик продолжал в нем числиться [2, с. 24]. Крафт решил попробовать урегулировать конфликт между Академией и Чичаговым. Он подал в Конференцию записку, в которой аргументировал необходимость продолжения сотрудничества: «1) Сие сочинение [работа по теории сопротивления жидкости — А. М.] приносит честь Государству, Морскому департаменту³ и Академии, а посему и заслуживает произведено быть в действие. 2) Оно может доставить знатную пользу, следовательно, жалко, ежели оно по имеющимся затруднениям останется без действия. 3) Сожалительно и то, если Академия не примет в оном участия. 4) Желательно между одним из первых государственных департаментов и Академией видеть таковое совокупное стремление к полезным делам. 5) Сей первый пример может произвести многие другие, толико же спасительные, как напротив остановление оно может иметь совсем противное действие» [14, л. 107].

Крафт считал важным сотрудничество Академии наук с центральными органами государственного управления и опасался, что отказ от участия в организации конкурса приведет к тому, что Академию не станут привлекать к решению государственных задач в дальнейшем. Он предложил указать в объявлении о конкурсе, что задача напечатана в точно том виде, в каком ее представило морское ведомство, и опубликовать подпись министра военных морских сил. Таким образом, Академию нельзя было бы обвинить в непрофессионализме, о котором говорил Новосильцев. Предложение Крафта встретило поддержку Конференции, а затем и Чичагова.

13 сентября в Академии наук был утвержден текст введения и заключения к программе [14, л. 102, 106, 110], Чичагов внес в него редакторские правки, и впоследствии он был напечатан в газете «Санкт-Петербургские ведомости» [15, л. 8–8 об.], объявление о конкурсе было также помещено в одной из немецких газет [12, л. 188].

Спустя всего три месяца в Академию наук поступила первая работа, автором которой являлся некий Фердинанд Смит из г. Витебск. Впрочем, оказалось, что к науке его сочинение не имело ни малейшего отношения, поскольку состояло «из стихов из Священного Писания». К конкурсу работа допущена не была [14, л. 169]. Первый собственно научный труд Академия получила в июне 1806 г. [12, л. 133]. К этому времени в морском ведомстве произошли важные организационные изменения. В апреле 1805 г. было учреждено новое ученое подразделение – Государственный адмиралтейский департамент (далее – Адмиралтейский департамент). Именно он стал курировать вопросы, связанные с проведением конкурса научных работ. Важным обстоятельством явилось то, что по указу императора в число почетных членов департамента⁴ вошли сразу три академика – С. Е. Гурьев, Л. Ю. Крафт и С. Я. Румовский [5, с. 441].

Всего на конкурс было прислано три научных труда: «О действии воды на твердые тела, в ней плавающие», «*Principes d'une nouvelle Théorie de la resistance des fluides*» («Основания новой теории сопротивления жидкостей» – фр.) и работа под девизом «*Sit modus lasso maris et viarum militiaeque*» («Пусть будет целью утомленному морем, походами и военной службой» – лат.). Экспертами от Адмиралтейского департамента выступили неперенный член капитан-командор П. Я. Гамалея и почетные члены академики Гурьев и Крафт. В октябре 1806 г. они представили ученому собранию департамента заключения по конкурсным сочинениям. Работа под девизом была признана ими не соответствующей вопросу, а рукопись «О действии воды...», которую решено было вовсе исключить из конкурса, поскольку она поступила по истечении назначенного срока, – не содержащей научной новизны. «Основания новой теории...», с точки зрения экспертов, в большей степени удовлетворяли конкурсной задаче. Они отметили, что автор этой работы действительно разработал теорию, превосходящую теории Ромма и Хуана ди Сантасилья, хотя его выводы не были подкреплены ни эмпирической базой, ни «умозрительными доводами», и по его теории было бы трудно сделать «надлежащее приложение к корабельной архитектуре». Ученое собрание решило, что несмотря на высказанные замечания работа заслуживает награды за то, что изложенная теория «не слишком сложна и несравненно точнее обыкновенной и что при составлении оной надлежало ему [автору – А. М.] преодолевать великие трудности». В ноябре конкурсные работы и заключения экспертов были отправлены в Академию наук [12, л. 141–141 об., 171].

Спустя несколько месяцев, в феврале 1807 г., Академия прислала свое заключение. Она объявила, что не рассматривала труд «О действии воды...», поскольку тот уже был отклонен Адмиралтейским департаментом. Что касается остальных, то работа под девизом была названа ей «сочинением старого мореходца, который не имеет даже понятие о том, что называется теория вообще, ниже о том, что разумеют под теорией сопротивления жидких тел в особенности». В отношении «Оснований новой теории...» академики заключили, что работа являлась «превосходной» и, хотя поставленная задача в ней в полной мере не была решена, автору удалось внести вклад в дальнейшее развитие более совершенной теории. Так же, как и члены Адмиралтейского департамента, они отметили, что некоторые вычисления, представленные в этом сочинении, не соотносятся с результатами экспериментальных исследований, сама теория нуждается в более прочной доказательной базе, а применение ее при проектировании кораблей является «затруднительным». Тем не менее Академия наук сочла содержание работы «большим шагом к усовершенствованию» теории со-

противления жидкостей и, соглашаясь с ученым собранием Адмиралтейского департамента, признала сочинение заслуживающим награды [12, л. 172–173].

Заключение Академии наук было заслушано на заседании ученого собрания, после чего была распечатана записка с именем автора победившей работы. Им оказался шведский физик, математик и астроном Захариас Нордмарк (1751–1828), профессор физики Уппсальского университета [22, р. 1345–1346]. Авторы других двух работ остались неизвестными: по конкурсным правилам в качестве подписи они поставили не имена, а девизы. Информация об их личностях содержалась в запечатанных записках [15, л. 8 об.], которые были сожжены после определения победителя [12, л. 182 об.]. Поскольку Нордмарку не удалось выполнить главную конкурсную задачу, встал вопрос о том, какую награду он заслужил. Департамент назначил сумму премиальной выплаты в 100 голландских червонцев, причем почетному члену графу Ф.-К. де Местру было поручено связаться с Нордмарком, сообщить о награде и узнать, в каком виде он желал бы ее получить: «деньгами или *золотой медалью* (курсив — А. М.) в равную им сумму» [12, л. 174 об.]. К сожалению, в документах не содержится сведений о том, кому принадлежала удивительная идея выдать премию медалью. Удивительная по той причине, что никаких премиальных медалей у департамента не было.

Нордмарк пожелал получить в награду именно медаль, и департамент, «исходя из того, что впредь, может статься, придется награждать медалями за принятые проекты или одобренные сочинения», решил заказать штемпель «с отличительными знаками морского искусства». Он обратился к одному из лучших мастеров того времени — главному медальеру Санкт-Петербургского монетного двора, члену Академии художеств К. А. Леберехту. Леберехт согласился выполнить заказ в годичный срок [9, л. 1 об.–2], однако департамент получил штемпели лишь спустя два года. В декабре 1809 г. изготовленная персонально для Нордмарка золотая медаль, содержащая «51 червонец с лишком», была готова. На реверсе были изображены «знаки морского искусства» — женские фигуры Астрономии с небесным глобусом и Навигации с развевающимся парусом, а также нос и корма античного корабля, на аверсе — портрет императора Александра I [10, л. 6]. Словесные описания заказанной департаментом медали, сохранившиеся в архивных документах, совпадают с изображениями аверса и реверса серебряной медали, находящейся в постоянной экспозиции Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа и имеющей название «Медаль за успехи в кораблестроении и кораблевождении» [3].

Кроме того, Адмиралтейский департамент в 1808 г. издал «Основания новой теории...» Нордмарка на языке оригинала тиражом в 300 экземпляров [12, л. 176; 21]. В марте 1810 г. медаль, оставшиеся 49 червонцев и 10 экземпляров книги были отправлены победителю конкурса [12, 219–219 об.]. Спустя шесть лет с момента объявления конкурса научных работ в его истории, наконец, была поставлена точка. Впрочем, она чуть было не превратилась в многоточие: в 1820 г. капитан-командор И. Ф. Крузенштерн представил Адмиралтейскому департаменту рукопись бывшего морского офицера Вернебурга, посвященную теории сопротивления жидкостей. Вернебург претендовал на получение приза несмотря на то, что конкурс был давно завершен. Почетные члены академик Ф. И. Шуберт и профессор Училища корабельной архитектуры И. Н. Гроздов, выступившие рецензентами, сочинение не одобрили. Ученое собрание департамента признало труд Вернебурга «несколько не подходящим к тому разряду, к каковому, по достоинству своему, отнесено было поступившее прежде сего сочинение г. Нордмарка» [7, с. XIII].

Подводя итог, следует сказать, что результаты конкурса на лучший труд по теории сопротивления жидкостей не оказались вполне удовлетворительными. Труд Нордмарка, несмотря на одобрительные отзывы Академии наук и Адмиралтейского

департамента, по всей видимости, не сыграл значимой роли в развитии данной теории. Примечательно, что Адмиралтейский департамент даже не стал переводить сочинение победителя на русский язык и ограничился выпуском небольшого тиража, что сделало «Основания новой теории...» библиографической редкостью. Однако в скромных результатах не было вины участников конкурса. Сама его задача едва ли являлась в принципе выполнимой в начале XIX в. Потребовалось еще около ста лет, чтобы в решении проблемы определения сопротивления жидкостей движению твердого тела были достигнуты серьезные успехи. Тем не менее представляется важным сам факт сотрудничества Академии наук и морского ведомства. Он демонстрирует, с одной стороны, готовность Академии взаимодействовать с органами центрального государственного управления, с другой стороны, понимание морским руководством необходимости развития науки для решения важных практических задач флота. Наконец, неожиданным результатом явилось создание памятника отечественного медальерного искусства.

Примечания

1. С декабря 1802 г. П. В. Чичагов фактически руководил морским ведомством, официально был назначен министром военных морских сил в 1807 г.
2. Золотая монета русской чеканки, на которой повторялось изображение утрехтского дуката. Выпускалась тайно, без согласования с правительством Нидерландов с XVIII в., с перерывами, вплоть до 1868 г. Использовалась для финансирования зарубежных экспедиций, зарубежных платежей, выплаты жалованья в приграничных войсках [16, с. 386].
3. В 1804 г. морское ведомство состояло из Военной по флоту канцелярии, Департамента министра (в документах его часто называли Морским департаментом) и Адмиралтейств-коллегии.
4. Адмиралтейский департамент являлся коллегиальным органом, в котором решение принимало ученое (общее) собрание, состоявшее из непреременных членов, входивших в штат и получавших жалование, и почетных членов, в штате не числившихся.

Список источников и литературы

1. Боголюбов А. Н. Механика второй половины XVIII в. // Механика и физика второй половины XVIII в. М.: Наука, 1978. С. 9–46.
2. Боленко К. Г. Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804) // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2007. Т. 4. С. 7–30.
3. Государственный Эрмитаж. Инв. № РМ–2093 (Медаль за успехи в кораблестроении и кораблевождении).
4. Гурьев С. Е. О нынешнем состоянии вопроса о сопротивлении жидких тел // Технологический журнал. 1804. Ч. 4. С. 113–131.
5. Меркулова А. Э. Формирование научного сообщества в военно-морском ведомстве Российской империи (1805–1827) // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 3. 437–446.
6. Михайлов Г. К. Становление гидравлики и гидродинамики в трудах петербургских академиков (XVIII в.) // Известия Академии наук. Механика жидкости и газа. 1999. № 6. С. 7–25.
7. Никольский А. А. Записка о занятиях Государственного адмиралтейского департамента по ученой части // Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. СПб.: Морская Тип., 1823. Ч. 5. С. I–LCVIII.
8. Погребысский И. Б. От Лагранжа к Эйнштейну: Классическая механика XIX в. М.: Наука, 1966. 327 с.
9. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота). Ф. 166. Оп. 1. Д. 2469.
10. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 2424.

11. РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1061.
12. РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1116.
13. СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук). Р. V. Оп. 1-К. Ед. хр. 59.
14. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Ед. хр. 15.
15. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 105. 1804.
16. Уздеников В. В. Монеты России 1900–1917 гг. М.: Финансы и статистика, 1986. 504 с.
17. Чичагов П. В. Записки. М.: Рос. Фонд культуры, 2002. 800 с.
18. Юшкевич А. П. Академик С. Е. Гурьев и его роль в развитии русской науки // Труды Института истории естествознания. 1947. Т. 1. С. 219–268.
19. Calero J. S. The Genesis of Fluid Mechanics, 1640–1780. Dordrecht: Springer, 2008. 518 p.
20. Darrigol O. World of Flow: A History of Hydrodynamics from Bernoulli to Prandtl. New York: Oxford University Press, 2005. 356 p.
21. Nordmark Z. Principes d'une nouvelle theorie de la resistance des fluides: Memoire qui a remporte un prix du Departement Imperial de la marine de Russie. St. Petersburg: De l'Imprimerie de la marine, 1808. 154 s.
22. Sakarias Nordmark // Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi / ed. Th. Westrin. Stockholm, 1913. S. 1345–1346.

References

1. Bogolyubov, AN 1978, *Mekhanika vtoroy poloviny XVIII v.* (The mechanics of the second half of the 18th century), *Mekhanika i fizika vtoroy poloviny XVIII v.*, Nauka publ, Moscow, pp. 9–46. (In Russ.)
2. Bolenko, KG 2007, *Komitet dlya izdaniya sobraniy, kasayushchikhsya do korablestroeniya i prochego (1799–1804)* (The Committee for the publication of collections relating to ship-building and other things (1799–1804)), *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii*, Modest Kolerov publ, Moscow, vol. IV, pp. 7–30. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy Ermitazh* (The State Hermitage Museum). Accession number PM–2093 (Medal' za uspekhi v korablestroyenii i korablevozhdenii (Medal for achievements in ship-building and navigation)). (In Russ.)
4. Guryev, SE 1804, *O nyneshnem sostoyanii voprosa o soprotivlenii zhidkikh tel* (On the current state of the question of the resistance of liquid bodies), *Technologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 113–131. (In Russ.)
5. Merkulova, AE 2023, *Formirovaniye nauchnogo soobshchestva v voenno-morskom vedomstve Rossiyskoy imperii (1805–1827)* (Formation of the Scientific Community at the Naval Department of the Russian Empire (1805–1827)), *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki (Issues of the history of natural science and technology)*, vol. 44, no. 3, pp. 437–446, doi: 10.31857/So20596060027744-0 (In Russ.)
6. Mikhaylov, GK 1999, *Stanovleniye gidravliki i gidrodinamiki v trudakh peterburgskikh akademikov (XVIII v.)* (The formation of hydraulics and hydrodynamics in the works of St. Petersburg academicians (18th century)), *Izvestiya Akademii nauk. Mekhanika zhidkosti i gaza*, no. 6, pp. 7–25. (In Russ.)
7. Nikolsky, AA (1823), *Zapiska o zanyatiyakh Gosudarstvennogo admiralteyskogo departamenta po uchenoy chasti* (Report on the State Admiralty Department activities in the field of science), *Zapiski, izdavayemyye Gosudarstvennym admiralteyskim departamentom, otnosyashchiesya k moreplavaniyu, naukam i slovesnosti (1807–1827)*, Moskaya Tipografiya publ, St. Petersburg, vol. 5, pp. I–LCVIII. (In Russ.)
8. Pogrebysky, IB (1966), *Ot Lagranzha k Eynshteynu: Klassicheskaya mekhanika XIX v.* (From Lagrange to Einstein: Classical mechanics of the 19th century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. *RGA VMF (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voyenno-Morskogo Flota)* (Russian State Naval Archives (RSNA)), fund 166, inventory 1, file 2469. (In Russ.)
10. *RGA VMF (RSNA)*, fund 166, inventory 2, file 2424. (In Russ.)
11. *RGA VMF (RSNA)*, fund 215, inventory 1, file 1061. (In Russ.)

12. RGA VMF (RSNA), fund 215, inventory 1, file 1116. (In Russ.)
13. SPbF ARAN (*Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Akademii nauk*) (St. Petersburg Branch of the Federal State Government-financed Institution of Science of the Archive of Russian Academy of sciences (SPbB ARAS)), fund V, inventory 1-K, file 59. (In Russ.)
14. SPbF ARAN (SPbB ARAS), fund 1, inventory 1 a, file 15. (In Russ.)
15. SPbF ARAN (SPbB ARAS), fund 2, inventory 5, file 105. 1804. (In Russ.)
16. Uzdrenikov, VV 1986, *Monety Rossii 1900–1917 gg. (Coins of Russia 1900–1917)*, Finansy i statistika publ, Moscow. (In Russ.)
17. Chichagov, PV 2002, *Zapiski (Memoirs)*, Redaktsiya almanakha «Rossiyskiy arkhiv» publ, Moscow. (In Russ.)
18. Yushkevich, AP 1947, Akademik S. E. Guryev i ego rol v razvitii russkoy nauki (Academician S. E. Guryev and his role in the development of Russian science), *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya*, vol. I, pp. 219–268. (In Russ.)
19. Calero, JS 2008, *The Genesis of Fluid Mechanics, 1640–1780*, Springer, Dordrecht.
20. Darrigol, O 2005, *World of Flow: A History of Hydrodynamics from Bernoulli to Prandtl*, Oxford University Press, New York.
21. Nordmark, Z 1808, *Principes d'une nouvelle theorie de la resistance des fluides: Memoire qui a remporte un prix du Departement Imperial de la marine de Russie* (Principles of a New Theory of Fluid Resistance: A Paper Which Won a Prize from the Imperial Department of the Russian Navy), De l'Imprimerie de la marine publ, St. Petersburg. (In French)
22. Sakarias Nordmark (1913), *Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi*, Stockholm. (In Swedish)

Статья поступила в редакцию: 28.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 28.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 930.2+050.1/.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-123-134>

О МЕТОДАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ГОРНОГО ЖУРНАЛА» В 1825–1917 ГГ. (К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ)

**Полина Александровна
Захарчук**

Институт истории естествознания и техники

им. С. И. Вавилова РАН

Москва, Россия, polina_zah@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2790-8556>

Аннотация. В статье представлен анализ методов распространения «Горного журнала» с первого выпуска в 1825 по 1917 гг. На основе архивных документов из фонда Горного департамента Российской империи (РГИА. Ф. 37), содержащих материалы Ученого горного комитета, непосредственно занимавшегося редакционной подготовкой «Горного журнала», исследованы ключевые стратегии, обеспечившие его доступность для профессионального сообщества горных инженеров. Целью исследования является оценка эффективности различных каналов распространения для передачи и применения научного и технического знания в Российской империи. Выделяются и описываются характерные особенности подписной политики издания, в частности, система льгот, разработанная для привлечения горных инженеров, а также попытки введения обязательной подписки. Анализируется эффективность государственного субсидирования издания. Особое внимание уделяется практике обмена периодическими изданиями с другими редакциями, что способствовало расширению информационного поля и налаживанию научной коммуникации. Рассматриваются условия безвозмездной передачи экземпляров «Горного журнала» и выделяются стратегии продвижения и популяризации издания посредством предоставления его в библиотеки, а также отправки отдельных номеров в исследовательских целях. Также проанализированы попытки распространения журнала за рубежом. Результаты исследования свидетельствуют о востребованности «Горного журнала» как в России, так и за рубежом. Налаженные научные связи и система обмена изданиями обеспечивали оперативное освещение нововведений и достижений в смежных отраслях. К началу XX в. «Горный журнал» занял позицию одного из ведущих отечественных научно-технических изданий, став важной платформой для обмена знаниями и развития горного дела.

Ключевые слова: история науки и техники, «Горный журнал», Ученый горный комитет, научно-техническая периодика, распространение научно-технических знаний, история периодической печати.

Для цитирования: Захарчук П. А. О методах распространения «Горного журнала» в 1825–1917 гг. (к 200-летию юбилею периодического издания) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 123–134. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-123-134>

Сведения об авторе: П. А. Захарчук – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, 125315, Россия, г. Москва, ул. Балтийская, 14.

Scientific Article

UDC 930.2+050.1/.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-123-134>

ON THE METHODS OF DISTRIBUTION OF THE «GORNYI ZHURNAL» IN 1825–1917 (ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE PERIODICAL)

Polina A. Zakharchuk

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and
Technology of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, polina_zah@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2790-8556>

Abstract. The article analyses the methods of distribution of the "Gornyi Zhurnal" from the first issue in 1825 up to 1917. Based on archival documents from the collection of the Mining Department of the Russian Empire (RSHA. F. 37), containing materials of the Learned Mining Committee, which was directly involved in the editorial preparation of the "Gornyi Zhurnal", the key strategies that ensured its availability to the professional community of mining engineers have been studied. The aim of the study is to assess the effectiveness of various distribution channels for the transfer and application of scientific and technical knowledge in the Russian Empire. The characteristic features of the subscription policy of the publication are identified and described, in particular, the system of benefits developed to attract mining engineers, as well as attempts to introduce a mandatory subscription. The effectiveness of state subsidies for the publication is analyzed. The author pays special attention to the practice of exchanging periodicals with other editorial offices, which contributed to the expansion of the information field and the establishment of scientific communication. The paper considers the conditions for the free transfer of copies of the "Gornyi Zhurnal" and highlights strategies for promoting and popularizing the publication by providing it to the libraries, as well as sending individual issues for research purposes. Attempts to distribute the journal abroad are also analyzed. The results of the study indicate the demand for the "Gornyi Zhurnal" both in Russia and abroad. Established scientific connections and a system of exchange of publications ensured prompt coverage of innovations and achievements in related industries. By the beginning of the 20th century, the "Gornyi Zhurnal" took the position of one of the leading domestic scientific and technical publications, becoming an important platform for knowledge exchange and mining development.

Keywords: history of science and technology, «Gornyi Zhurnal», The Learned Mining Committee, scientific and technical periodicals, dissemination of scientific and technical knowledge, history of periodicals.

For citation: Zakharchuk, PA 2025, 'On the Methods of Distribution of the «Gornyi Zhurnal» in 1825–1917 (on the 200th Anniversary of the Periodical)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 123–134, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-123-134> (in Russ.)

Information about the Author: Polina A. Zakharchuk – PhD in History, Senior Researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, 14, Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russia.

© Zakharchuk P. A., 2025

Введение

В 2025 г. отмечается 200-летний юбилей старейшего российского периодического издания в области горного дела и горных наук – «Горного журнала». Он был основан в 1825 г., основной целью его издания стало распространение новейших научно-технических знаний среди отечественных инженеров, работающих на горнодобывающих и металлургических предприятиях. Ответственным за издание стал Ученый горный комитет по горной и соляной части, созданный также в 1825 г. по инициативе императора Александра I. В дальнейшем данное научное подразделение несколько раз меняло название. Так, в 1834 г. Ученый горный комитет по горной и соляной части стал Ученым комитетом Корпуса горных инженеров. В 1867 г. Корпус горных инженеров был упразднен, а Ученый комитет переименовали в Горный ученый комитет, который просуществовал до 1917 года [16, л. 1]. Для удобства в дальнейшем мы будем в тексте использовать название – Ученый горный комитет.

«Горный журнал» выпускался с периодичностью 12 номеров в год и состоял из десяти разделов. Первый раздел был посвящен статьям, связанным с нормативной базой горнодобывающей промышленности и металлургии. Другие разделы содержали статьи по горному делу, металлургии и смежным наукам. Изначально у каждого раздела был свой редактор из членов Ученого горного комитета. До 1834 г. редколлегия работала бесплатно, но при этом получала жалование горных инженеров. В 1834–1867 гг., когда комитет был подчинен Корпусу горных инженеров, редактор получал содержание по чину, что составляло порядка 1536 руб. 76 коп. в год, и никаких других обязанностей не нес [17, л. 14 об.]. С увеличением функций Ученого горного комитета постепенно сокращался состав редколлегии. С 1867 г. редактор «Горного журнала», который также выполнял функции корректора, получал лишь добавочное жалование в 1000 рублей в год из общей суммы, ассигнованной на издание журнала [17, л. 14]. Вся работа фактически выполнялась одним человеком. Другие члены Ученого горного комитета, которые не получали дополнительного вознаграждения, выполняли иные функции научного подразделения [17, л. 15].

История «Горного журнала» на протяжении многих лет привлекает внимание отечественных исследователей. Первоначальное становление и последующее функционирование этого научно-технического издания получили освещение в многочисленных юбилейных статьях, историографический анализ которых представлен в работе С. Д. Батищева и Е. Г. Неклюдова «“Горный журнал” XIX – начала XX в. сквозь призму “юбилейных” статей» [3]. На современном этапе развития историографии также стали появляться статьи, изучающие специфику функционирования редакций дореволюционных периодических изданий. Так, С. Д. Батищев, опираясь на архивные материалы, включая переписку с авторами и рецензии, в статье «Дореволюционный “Горный журнал”: к элементам внутренней научной экспертизы» [2] выявил критерии отбора и принципы редакционной политики журнала. Другим направлением исследований стало изучение статей, опубликованных в «Горном журнале», в качестве исторических источников. Так, А. М. Пашков в своей монографии «Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века» [12, с. 69–109] анализировал публикации, посвященные истории Олонецких заводов, напечатанные на страницах «Горного журнала». И. Н. Быстрова исследовала материалы по химии, помещенные с 1825 по 1869 гг. [4] Е. Е. Каменева и Е. В. Каменев на примере публикаций из «Горного журнала» рассмотрели вопросы техники и технологии производства на Александровском пушечном заводе [6]. Статьи, посвященные социально-экономическим проблемам развития отечественной промышленности, анализировались в работах А. А. Бакшева [1], П. А. Орлова [9] и Е. Г. Неклюдова [8].

В настоящей работе на примере «Горного журнала» будут изучены механизмы и стратегии распространения научно-технических периодических изданий в Россий-

ской империи в период с 1825 по 1917 гг., выделены ключевые факторы обеспечения доступности научного и технического знания для профессионального сообщества горных инженеров. Хронологические рамки работы охватывают дореволюционный период издания: от 1825 г. – первого выпуска «Горного журнала» – до октября 1917 г. Источниковая база исследования представлена прежде всего делопроизводственными документами из фонда Горного департамента Российской империи (РГИА. Ф. 37), где отложились материалы Ученого горного комитета, непосредственно занимавшегося редакционной работой по изданию «Горного журнала». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые будет предпринята попытка выявить основные каналы распространения «Горного журнала», включая подписку, библиотеки, научные общества и горные учебные заведения, и определена их эффективность для распространения научного и технического знания в России.

Подписная политика «Горного журнала»: льготы, обязательства и финансовые аспекты

При подготовке первого выпуска «Горного журнала» в 1825 г. Ученый горный комитет получил единовременную субсидию в размере десяти тысяч рублей от правительства на публикацию этого периодического издания. Для всех должностных лиц горного ведомства цена подписки была снижена и составляла 6 руб. в год, а для остальных подписчиков – 9 руб. [18, л. 7]. Чтобы компенсировать Ученому горному комитету убытки за эти скидки, правительство ежегодно выплачивало порядка пяти тысяч рублей, хотя эта сумма могла отличаться год от года. Например, в 1895 г. сумма ассигнования, с учетом суммы, отпускаемой на жалование редактору, составила 5700 руб. [17, л. 16].

Несмотря на наличие льготной подписки, не все горные инженеры желали ее оформить. 13 мая 1867 г. вышел приказ Министерства финансов об уменьшении государственного ассигнования на издание «Горного журнала». Недостающие средства, согласно мнению Государственного совета, изложенному в журнале Департамента государственной экономии от 16 декабря 1866 г., 5 января и 10 февраля 1867 г. за № 68, предлагалось изыскать путем введения обязательной подписки для горных инженеров, при этом оставив льготную цену. В начале года, при первой выдаче жалования, изымались 7 руб., по пункту 2 статьи 43 доходной сметы Горного департамента. О данном решении были уведомлены начальники горных округов [18, л. 2–4]. Юридически обязательная подписка на журнал не была подкреплена приказом, что в дальнейшем создавало лазейку для ее обхода. Так, например, в рапорте начальника Воткинского завода, одного из передовых металлургических предприятий на рубеже XIX–XX вв., от 9 февраля 1911 г. в Горный департамент просили разъяснить, насколько обязательной является подписка на «Горный журнал» для горных инженеров и как от нее можно отказаться. При этом подчеркивалось, что «журнал высылается неаккуратно, а некоторым подписчикам не высылается совсем» [17, л. 30]. Отказ от подписки также объявили инженеры, находящиеся в подчинении у начальника Юго-Восточного горного управления Владимира Александровича Вагнера (1840–1914), о чем было сказано в его письме в Ученый горный комитет от 24 февраля 1911 г. [17, л. 31]. Ранее, в 1903 г., Департамент гражданской отчетности производил ревизию доходной отчетности Ученого горного комитета за 1900 г. При проведении проверки выяснилось, что из числа обязательных подписчиков на «Горный журнал» от 168 горных инженеров не поступило в казну подписной платы, при этом издание им высылалось ежемесячно. Сумма убытков составила 10 008 руб. [21, л. 12–12 об.]. При продолжении ревизии оказалось, что в 1901 г. уже 204 обязательных подписчика не внесли подписную сумму [21, л. 44]. Председатель Ученого горного комитета в 1900–1907 гг. горный инженер, тайный советник Николай Александрович Денисов (1843–1907) попросил Департамент гражданской отчетности предоста-

вить ему список должников для последующего требования с них возврата денежных сумм за подписку на «Горный журнал» [21, л. 137 об.].

Льготная подписка не распространялась на студентов, обучающихся на горных специальностях, что вызывало жалобы с их стороны. Так, директор Екатеринославского высшего горного училища, горный инженер С. Н. Сучков 25 января 1903 г. (в Татьянин день!) написал письмо в Ученый горный комитет с просьбой рассмотреть возможность введения для студентов льготной подписки ценою в 6 руб. в год. При этом он просил предоставлять учащимся рассрочку с внесением платы по 1 руб. или по 50 коп. [21, л. 6]. Отметим, что Екатеринославское высшее горное училище было основано в 1899 г. в целях подготовки специалистов для активно развивающейся угольной, железнорудной и металлургической промышленности Приднепровья. Экземпляр «Горного журнала» на постоянной основе поступал в фонд библиотеки учебного заведения, поэтому нельзя сказать, что у студентов не было доступа к необходимому для их образования изданию [20, л. 122].

Несмотря на описанные сложности, невозможно утверждать, что «Горный журнал» слабо распространялся по подписке. Так, уже в первый год публикации издание собрало 1093 подписчика. Это был довольно высокий показатель для первой половины XIX в. Для сравнения, в начале 1830-х гг. был опубликован еще один журнал, издаваемый Министерством финансов, «Журнал мануфактур и торговли», и у него было всего 120 подписчиков [7, с. 65–66].

Прием подписки и рассылка «Горного журнала» производились заведующим хозяйственной частью редакции. Подписные деньги вносились подписчиками лично, а также высылались по почте или вносились в местное казначейство [20, л. 237]. Информация о подписке распространялась как путем размещения объявлений в периодике, так и иными путями. Так, например, в октябре 1909 г. в Ученый горный комитет поступило письмо от правления Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса с просьбой прислать уведомление, на каких условиях принимается подписка на «Горный журнал» и взимается ли плата за пересылку, чтобы распространить данную информацию среди членов общества, в том числе находящихся в провинции [20, л. 181].

За период с 1882 по 1885 г. оборотный доход от подписки и продажи «Горного журнала» составил 7020 руб. [17, л. 16]. Однако этих денег все равно не хватало на поддержание продуктивной работы редакции. Недостаток финансирования сказывался на качестве издания. Так, в письме директор Горного департамента Константин Аполлонович Скальковский (1843–1906) от 2 августа 1891 г. обращал внимание председателя Ученого горного комитета Николая Александровича Кулибина (1831–1903) на небрежность издания «Горного журнала». Поводом для письма стало то, что номера за апрель, май и июнь в целях экономии средств были выпущены одной книгой, что, по мнению К. А. Скальковского, было неудобно для читателя и недопустимо для официального печатного органа [19, л. 12].

В дополнение к «Горному журналу» Ученый горный комитет издавал другие периодические издания. В 1862 г. и в 1863 г. были опубликованы два выпуска «Памятной книжки для русских горных людей» [10; 11]. В России памятная книжка была ежегодно издаваемым справочником, который включал официальную информацию. Памятные книжки, опубликованные Ученым горным комитетом, включали в себя статистику горнодобывающей промышленности и металлургии, а также технические и исторические статьи. С 1867 по 1885 гг. ежегодно выходил сборник «Горнозаводская производительность России», содержащий в себе статистическую информацию по отрасли за год. В 1886 г. он был переименован в «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России» и под этим названием выпускался ежегодно до 1918 г. Данные издания прикреплялись к подписке на «Горный жур-

нал» как за внесение отдельной платы, так и в качестве бесплатного приложения [20, л. 17]. Однако на данном этапе пока не удалось определить механизм принципа отбора подписчиков, кому данные издания выдавались на безвозмездной основе.

Обмен периодическими изданиями в практике «Горного журнала»

Еще одним способом расширения профессиональной читательской аудитории «Горного журнала» в дореволюционный период являлся взаимовыгодный обмен периодическими изданиями с другими редакциями, будь то печатные органы государственных структур или журналы научных обществ. Это сотрудничество могло длиться годами, принося обоюдную пользу. Примером служит обмен изданиями с Конторой «Правительственного вестника», продлившийся с 1869 по 1917 гг. и ежегодно подтверждавшийся соответствующими письмами [23, л. 1а.; л. 75]. «Правительственный вестник» – ежедневная газета при Главном управлении по делам печати – публиковал распоряжения и сообщения правительства, отчеты о заседаниях Совета министров и Государственного совета, внутренние и зарубежные известия, статьи и рецензии на книги, биржевые сводки, метеорологические данные и прочие материалы. Информация из «Правительственного вестника» нередко служила основой для статей в официальной части «Горного журнала», где освещались нововведения в законодательстве, касающиеся горного дела и смежных отраслей промышленности.

В архиве Ученого горного комитета сохранились входящие запросы с предложениями обмена изданиями. Как правило, в них оговаривались условия об обмене на текущий год с перспективой продления. Однако не вся сохранившаяся переписка позволяет однозначно судить об удовлетворении запросов Ученым горным комитетом. Предлагаемые для обмена периодические издания отличались разнообразием. Некоторые из них, например журнал «Поверхность и недра», издававшийся с 1916 по 1928 гг. под редакцией С. Ф. Малявина и горного инженера П. И. Пальчинского, имели схожую с «Горным журналом» тематику. Редакция «Поверхности и недр» в письме от 4 июня 1916 г. предлагала взаимный обмен всеми выпусками за год [23, л. 41 б.]. В конце 1916 г. с предложением об обмене экземплярами выступила редакция журнала «Портланд-цемент» – ежемесячного издания Общества для содействия развитию портландцементной промышленности, выпускавшегося с 1916 по 1918 г. и освещавшего вопросы технологии производства и применения цемента и бетона в промышленности [23, л. 74]. Более сомнительной представляется целесообразность обмена экземплярами с «Новым журналом для всех», литературно-художественным ежемесячником, посвященным современной литературе. Журнал существовал в 1908–1916 гг. и выходил под девизом «Самый дешевый, ежемесячный, доступный широкой массе читателей». Редакция «Нового журнала для всех» не только предлагала обмениваться экземплярами, но и размещать взаимную рекламу [23, л. 73].

Известны случаи, когда редакция «Горного журнала» сама инициировала обмен. Однако не все просьбы находили положительный отклик. Редакция периодических изданий Министерства финансов в ответ на предложение Ученого горного комитета от 16 мая 1916 г. об обмене «Горного журнала» на «Свод статистических данных по железодельной промышленности» ответила отказом, мотивируя это тем, что уже получает данное издание в обмен на «Торгово-промышленную газету» [23, л. 39]. Отметим, что эта газета являлась ежедневным изданием Министерства финансов и выпускалась с 1893 г. Возможно, обмен «Горного журнала», содержащего рубрику по горной статистике, на «Свод статистических данных по железодельной промышленности», издаваемый с 1908 по 1917 гг. на средства промышленников, мог быть для Ученого горного комитета более выгодным, чем обмен на газету. Редакция «Записок Московского отделения Императорского Русского технического общества» посчитала обмен изданиями с «Горным журналом» обремени-

тельным, о чем сообщила Горному ученому комитету 25 января 1917 г. [23, л. 17]. На страницах «Записок...», выпускавшихся в 1878–1879 гг. и 1886–1917 гг., по 10 номеров в год, публиковались статьи, посвященные широкому кругу проблем развития отечественной техники и промышленности. Журнал существовал за счет членских взносов регионального отделения общества.

Безвозмездное распространение «Горного журнала»

«Горный журнал» распространялся в том числе посредством безвозмездной передачи экземпляров в библиотеки, что делало его ценнейшие сведения о передовых технологиях доступными широкому кругу специалистов и заинтересованных читателей. Вопрос о предоставлении бесплатных экземпляров решался, как правило, через официальный запрос в Ученый горный комитет. Библиотеки, которые хотели иметь в своих фондах «Горный журнал», были как узкоспециальными, так и широкого профиля. Среди первых можно привести в пример библиотеку Иркутского Горного управления, куда журнал поступал регулярно. Однако ревизия 1910 г. выявила недостачу отдельных выпусков. Особую ценность для библиотеки представляли библиографические указатели статей «Горного журнала». За период с 1850 по 1914 гг. было издано восемь указателей, охватывающих материалы с 1825 по 1911 гг. Их составителями в разные годы были: библиотекарь Института корпуса горных инженеров Р. О. Кемпиньски, подпоручик И. Штильке, горный инженер и библиотекарь Горного института Д. И. Планер, редактор «Горного журнала» Д. Д. Лесенко, горный инженер В. А. Латынин, горный инженер А. О. Иванов, геолог, академик А. П. Карпинский и горный инженер Н. Я. Нестеровский¹. Понимая значимость этой литературы для библиотеки, начальник Иркутского Горного управления 1 апреля 1910 г. обратился в Ученый горный комитет с просьбой о пополнении фондов недостающими номерами «Горного журнала» (с приложением списка) и предоставлении «Указателей» статей [15, л. 3–3 об.].

Среди библиотек широкого профиля можно выделить Одесскую городскую публичную библиотеку. Она была открыта еще в 1829 г. по просьбе историка, географа, этнографа и публициста Алексея Ираклиевича Левшина (1797–1879). В документах редакции «Горного журнала» сохранились два письма с благодарностью от Управления Одесской городской библиотеки им. Императора Николая II от 12 января 1914 г. [22, л. 143] и от 23 февраля 1917 г. [23, л. 24] за бесплатное снабжение экземплярами, в которых выражалась надежда на продолжение данного сотрудничества. В обоих письмах подчеркивалось, что библиотека обслуживает своих читателей бесплатно и не имеет возможности оформить подписку на издание. При этом отмечался высокий спрос читателей на выпуски «Горного журнала».

Интересный запрос о безвозмездном снабжении экземплярами «Горного журнала» поступил 2 декабря 1913 г. от Совета Общества содействия литераторам, архитекторам, художникам и ученым. Хотя идея создания подобного общества возникла в ноябре 1911 г. на совещании представителей органов периодических изданий, официально оно было зарегистрировано только в июне 1914 г., то есть гораздо позже поступившего в Ученый горный комитет письма. При этом совет общества попросил редакцию присылать бесплатно книги «Горного журнала» в библиотеку и залы для чтения [22, л. 137].

Также имелись случаи запросов отдельных выпусков с необходимыми статьями. В редакцию «Горного журнала» 11 января 1913 г. поступило письмо от Пермской ученой архивной комиссии (1888–1919), с просьбой выслать им комплект книг с публикацией сочинения Георга Вильгельма де Геннина. Отметим, что уже на втором году издания «Горного журнала» была представлена выборочная публикация рукописи «Генералом-лейтенантом де Генниным собранная натуралия и минералии камер сибирских горных и заводских дистрактов, также чрез ево вновь строенных и старых

исправленных горных и заводских строениях и прочих курьезных вещах абрисы». Данное сочинение, по сути, являлось инструкцией по решению производственных задач, содержащей подробное описание техники и технологии производства. Выборочное издание «Абрисов» с биографией автора – генерал-лейтенанта Георга Вильгельма де Геннина (1676–1750) было подготовлено к печати морским инженером Василием Николаевичем Берхом (1781–1834/35). Публикация осуществлялась на протяжении семи номеров «Горного журнала» в период с 1826 по 1828 гг.². Полное издание данного сочинения состоялось только в советский период в 1937 г. [см. подробнее: 5]. Пермская учетная архивная комиссия просила рассмотреть возможность предоставления ей комплекта книг на безвозмездной основе, однако, в случае отказа, готова была приобрести его за назначенную сумму. В итоге Ученым горным комитетом было принято решение пожертвовать библиотеке комиссии комплект книг [22, л. 11–12 об.].

В июле 1916 года Комитет по делам металлургической промышленности обратился с просьбой о высылке двух экземпляров статьи горного инженера Константина Евгеньевича Пфаффиуса (1861–1930) «Николаевские чугуноплавильные, железоделательные и механические заводы Иркутской губернии» [14], опубликованной в 4–5-й книге «Горного журнала» за 1916 г. [23, л. 48]. Интерес к данной работе был обусловлен подробным описанием деятельности металлургических предприятий Сибири, включая характеристику лесного хозяйства, важную в условиях дефицита древесного топлива на Урале, и перспектив разработки рудных месторождений. К. Е. Пфаффиус описывал мартеновский способ производства стали, представлявший собой новую технологию для того времени. Он также отмечал наличие гидроэлектростанции на Николаевском заводе, что позволяло использовать электроэнергию в производственных процессах. Таким образом, опыт, описанный К. Е. Пфаффиусом, был важен для оценки перспектив развития металлургии не только в Сибири, но и в отрасли в целом. В том же 1916 г. статья была издана отдельной книгой [13].

В свою очередь в Ученый горный комитет также поступали бесплатно периодические издания. Так, с 1901 г. Санкт-Петербургский лесной институт регулярно по 1 или 2 номерам в год выпускал свои «Известия» и отправлял один экземпляр на безвозмездной основе в редакцию «Горного журнала» [20, л. 42, 123]. Если учесть, что отечественная металлургическая промышленность в большинстве случаев использовала в качестве топлива древесный уголь, статьи, посвященные лесному хозяйству, могли быть полезны для горных инженеров.

Распространение «Горного журнала» за рубежом

«Горный журнал» как авторитетное научное издание неизменно привлекал внимание иностранных специалистов. Для обеспечения выхода на международный уровень Ученый горный комитет предпринял попытку публикации избранных статей в переводе на французский язык. В течение 1840–1845 гг. были изданы пять томов «Annuaire du Journal des Mines de Russie»³, включившие в себя материалы из выпусков «Горного журнала» за 1835–1839 гг. Однако языковой барьер не являлся непреодолимым препятствием для распространения оригинального русского периодического издания. Например, в 1907 г. на уровне посольства Нидерландов в Российской империи рассматривался вопрос об установлении обмена между двумя странами официальными изданиями по вопросам торговли и промышленности, включая горную отрасль. В качестве одного из отечественных изданий, предлагаемых к обмену, фигурировал «Горный журнал» [24, л. 1–3].

Еще одной категорией зарубежных читателей стали русские подданные. В 1889 г. Общество студентов русских подданных Горного университета Леобена обратилось в Ученый горный комитет с просьбой о безвозмездной высылке «Горного

журнала». Следует отметить, что этот университет, основанный в 1840 г., являлся единственным в Австрии учебным заведением, осуществлявшим подготовку специалистов в области горной промышленности, металлургии и разработки ископаемых. Русские студенты жаловались на недостаток информации о развитии и особенностях горного дела в России, предоставляемой на лекциях. Для самостоятельного изучения данного предмета им был необходим «Горный журнал», однако общество не располагало средствами для оплаты подписки. Министр земледелия и государственных имуществ Михаил Николаевич Островский (1827–1901), в чьем ведении на тот момент находился Ученый горный комитет, одобрил безвозмездную отставку экземпляров журнала в Австрию [17, л. 9–9 об.].

Заключение

«Горный журнал» изначально был создан правительством для распространения новых технических знаний на горных заводах. Политика льготной подписки поощряла горных инженеров становиться читателями нового периодического издания. В короткий срок «Горный журнал» сумел занять важное место в профессиональной среде. Высокий показатель подписчиков в первые годы издания указывает на его востребованность у читательской аудитории. Однако авторитарные меры по введению обязательной подписки вызвали протест у части горных инженеров. Кроме того, необходимо отметить, что «Горный журнал» был менее доступен для студентов, обучавшихся горным специальностям. Лишенные права на льготную подписку, они могли либо покупать издание за полную стоимость, либо знакомиться с ним в библиотеке, что, безусловно, могло повлиять на качество их образования.

Проанализировав практику обмена периодическими изданиями, можно прийти к выводу, что она свидетельствовала не только о наличии научных связей с другими научными ведомственными подразделениями и научными обществами, но и поддерживала актуальность самого «Горного журнала» в профессиональной среде. Эта форма сотрудничества позволяла редакции на основе изучения обменных экземпляров оперативно получать информацию о законодательных нововведениях, статистических данных и достижениях в смежных областях промышленности, что напрямую влияло на качество публикуемых материалов. Как видно из сохранившихся запросов, редакция «Горного журнала» старалась идти навстречу заинтересованным читателям. Периодическое издание на безвозмездной основе поставлялось в библиотеки, если те не могли его приобрести. Также удовлетворялись запросы на предоставление отдельных статей, если они требовались читателям в исследовательских целях. Попытка издания избранных статей из «Горного журнала» на французском языке также может свидетельствовать о желании привлечь иностранную аудиторию к чтению журнала. При этом, как видно из случая обмена изданиями с посольством Нидерландов, языковой барьер не становился преградой для получения научно-технических знаний.

Таким образом, многообразие методов распространения «Горного журнала» обеспечивало доступ к актуальной информации для широкого круга специалистов и заинтересованных лиц, тем самым формировалось единое информационное пространство для специалистов горного дела и смежных отраслей.

Примечания

1. До 1917 г. были изданы следующие указатели:

Указатель статей Горного журнала с 1825 по 1849 год, состоящий из систематического указателя статей и алфавитного указателя авторов / сост. Р. О. Кемпиньски. СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1850. 350 с.

Указатель статей Горного журнала с 1849 по 1860 год / сост. И. Штильке. СПб.: тип. И. Огризко, 1861. 285 с.

Указатель статей Горного журнала с 1860 года по 1869 год включительно / сост. Д. Планер. СПб.: тип. В. Демакова, 1871. 239 с.

Указатель статей Горного журнала с 1870 года по 1879 год включительно / сост. Д. Лесенко. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 70 с.

Указатель статей Горного журнала с 1880 года по 1885 год включительно / сост. горн. инж. В. Латынин. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1887. 89 с.

Указатель статей Горного журнала с 1896 года по 1901 год включительно / сост. Алексей Карпинский. СПб.: тип. СПб. акц. о-ва печ. и писчебум. дела "Слово", 1902. 101 с.

Указатель статей Горного журнала с 1902 по 1911 год включительно / сост. Н. Я. Нестеровский. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1914. 168 с.

После революции 1917 г. издание указателей прекратилось, но традиция полностью не пресеклась. В 1940 г. был выпущен библиографический указатель статей «Горного журнала» за 1912–1939 гг., составленный старшим библиотекарем Ленинградского горного института О. А. Магнус (Указатель статей Горного журнала с 1912 по 1939 г. (включительно) / сост. О. А. Магнус. Л.: Гл. б-ка Ленингр. Горного Ин-та, 1940. 420 с.)

2. Публикация «Абрисов...» с биографией автора представлена в следующих номерах «Горного журнала»: Берх В. Н. Жизнеописание генерала-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 57–136; Кн. 2. С. 119–129; Кн. 3. С. 95–151; Кн. 4. С. 91–139; Кн. 9. С. 91–115; 1827. Кн. 5. С. 139–151.

3. Избранные статьи из «Горного журнала», переведенные на французский язык, издавались в следующем сборнике:

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1836. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1840. 344 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1837. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1840. 257 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1838. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1840. 380 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1839. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1842. 429 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1840. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1843. 472 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1841. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1844. 424 p.

Annuaire du journal des mines de Russie : annee 1842. Paris: Imprimerie de Fain et Thunot, 1845. 450 p.

Список источников и литературы

1. Бакишев А. А. Материалы «Горного журнала» как источник по истории казенной горнозаводской промышленности Урала первой половины XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 192–196.
2. Батищев С. Д. Дореволюционный «Горный журнал»: к элементам внутренней научной экспертизы // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10. С. 204–211.
3. Батищев С. Д., Неклюдов Е. Г. «Горный журнал» XIX – начала XX в. сквозь призму «юбилейных» статей // Горный журнал. 2023. № 12. С. 112–117.
4. Быстрова Н. И. «Горный Журнал» и история химии (К 180-летию издания журнала) // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 4. С. 74–92.
5. Захарчук П. А. Советское издание «Абрисов» Г. В. де Геннина: история одного археографического проекта // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2019. № 6. С. 135–143.
6. Каменева Е. Е., Каменев Е. В. История горнозаводского дела на Александровском Пушечном заводе (по материалам публикаций "Горного Журнала" за 1825–1845 гг.) // Горный журнал. 2022. № 7. С. 110–116.
7. Миронос А. А. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке: задачи, структура, эволюция. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2000. 255 с.
8. Неклюдов Е. Г. «Горный журнал» в контексте подготовки горной реформы в России в 1860-е гг. // Горный журнал. 2020. № 7. С. 6–10.
9. Орлов П. А. Система горнозаводских товариществ казенных горных заводов в оценках современников – авторов «Горного журнала» (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2013. Т. 56, № 18. С. 16–26.
10. Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб.: тип. И. Огризко, 1862. 374 с.

11. Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб.: тип. И. Огризко, 1863. 496 с.
12. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 303 с.
13. Пфаффиус К. Е. Николаевские чугуноплавильные, железоделательные и механические заводы Иркутской губ. (бывш. Восточно-Сибирское акционерное общество). Петроград: тип. П. П. Сойкина, 1916. 38 с.
14. Пфаффиус К. Е. Николаевские чугуноплавильные, железоделательные и механические заводы Иркутской губернии // Горный журнал. 1916. Кн. 4–5. С. 21–56.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 69. Д. 10.
16. РГИА. Ф. 37 Оп. 46. Д. 982.
17. РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 2.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 46. Д. 956.
19. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1083.
20. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1087.
21. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1088.
22. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1089.
23. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1090.
24. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1129.

References

1. Bakshaev, AA 2012, 'Materialy «Gornogo zhurnala» kak istochnik po istorii kazennoy gornozavodskoy promyshlennosti Urala pervoy poloviny XIX v.' (Materials of the "Mining Journal" as a source on the history of the state-owned mining industry of the Urals in the first half of the 19th century). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta publ, Ekaterinburg, pp. 192–196. (In Russ.)
2. Batishchev, SD 2024, 'Dorevolutsionnyy «Gornyi zhurnal»: k elementam vnutrenney nauchnoy ekspertizy' (Pre-Revolutionary "Gornyi zhurnal": Towards Elements of Internal Scientific Expertise), *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 10, pp. 204–211. (In Russ.)
3. Batishchev, SD & Neklyudov, EG 2023, '«Gornyi zhurnal» XIX – nachala XX v. skvoz' prizmu "yubilejnykh" statey' (Gornyi Zhurnal in the 19th – early 20th century through a limbeck of jubilee publications). *«Gornyi Zhurnal»*, no 12, pp. 112–117. (In Russ.)
4. Bystrova, NI 2005, '«Gornyi Zhurnal» i istoriya khimii (K 180-letiyu izdaniya zhurnala)' ("Gornyi Zhurnal" and the history of chemistry (180th anniversary of the journal's founding), *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, pp. 74–92. (In Russ.)
5. Zakharchuk, PA 2019, 'Sovetskoye izdaniye "Abriso" G.V. de Gennina: istoriya odnogo arkheograficheskogo proyekta' (Soviet edition of G.V. De Hennin's "Outlines": the history of one archaeographic project), *Bibliografiya. Nauchnyy zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu* (Bibliography. Scientific Journal on Bibliography, Book Science and Library Science), no. 6. pp. 135–143. (In Russ.)
6. Kameneva, EE & Kamenev, EV 2022, 'Istoriya gornozavodskogo dela na Aleksandrovskom Pushechnom zavode (Po materialam publikatsiy "Gornogo Zhurnala" za 1825–1845 gg.)' (The history of mining business at the Alexander Cannon Factory (Based on the materials of the publications of the "Gornyi Zhurnal" for 1825–1845)), *«Gornyi Zhurnal»*, no. 7, pp. 110–116. (In Russ.)
7. Mironos, AA 2000, *Uchenye komitety i sovety ministerstv i vedomstv v XIX veke: zadachi, struktura, evolyuciya* (Academic committees and councils of ministries and departments in the 19th century: tasks, structure, evolution), Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta publ, Nizhny Novgorod. (In Russ.)
8. Neklyudov, EG 2020, '«Gornyi zhurnal» v kontekste podgotovki gornoy reformy v Rossii v 1860-e gg.' ("Gornyi Zhurnal" in the context of mining reform in the 1860s in Russia), *«Gornyi Zhurnal»*, no. 7, pp. 6–10. (In Russ.)
9. Orlov, PA 2013, 'Sistema gornozavodskikh tovarishchestv kazennykh gornykh zavodov v otsenkakh sovremennikov – avto rov "Gornogo zhurnala" (vtoraya polovina XIX – nachalo

- XX v.)' (The system of mining partnerships of state-owned mining plants in the assessments of contemporaries – authors of the "Gornyi Zhurnal" (second half of the 19th – beginning of the 20th century), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* (Bulletin of Chelyabinsk State University. History), vol. 56, no. 18, pp. 16–26. (In Russ.)
10. Pamyatnaya knizhka dlya russkikh gornykh lyudey (Memorandum Books for the Russian Mining People) 1862, Tipografiya I. Ogrizko publ. Saint Petersburg. (In Russ.)
 11. Pamyatnaya knizhka dlya russkikh gornykh lyudey (Memorandum Books for the Russian Mining People) 1863, Tipografiya I. Ogrizko publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
 12. Pashkov, AM 2007, *Gornozavodskoye kraevedeniye Karelii kontsa XVIII – nachala XX veka* (Mining and local history of Karelia of the late 18th – early 20th century), Izd-vo KGPU publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
 13. Pfaffius, KE 1916, *Nikolaevskiye chugunoplavil'nye, zhelezodelatel'nye i mekhanicheskiye zavody Irkutskoy gubernii* (Nykolaiv iron-smelting, iron-making and mechanical plants of Irkutsk province), Tipografiya P. P. Soykina publ, Petrograd. (In Russ.)
 14. Pfaffius, KE 1916, 'Nikolaevskiye chugunoplavil'nye, zhelezodelatel'nye i mekhanicheskiye zavody Irkutskoy gubernii' (Nykolaiv iron-smelting, iron-making and mechanical plants of Irkutsk province), «*Gornyi Zhurnal*», no. 4–5, pp. 21–56. (In Russ.)
 15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (Russian State Historical Archive (RSHA))*. Fund 37. Inventory 69. File 10. (In Russ.)
 16. *RSHA*. Fund 37. Inventory 46. File 982. (In Russ.)
 17. *RSHA*. Fund 37. Inventory 2. File 2. (In Russ.)
 18. *RSHA*. Fund 37. Inventory 46. File 956. (In Russ.)
 19. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File 1083. (In Russ.)
 20. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File. 1087. (In Russ.)
 21. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File 1088. (In Russ.)
 22. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File 1089. (In Russ.)
 23. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File 1090. (In Russ.)
 24. *RSHA*. Fund 37. Inventory 77. File 1129. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 03.06.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 135–143.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 135–143.

Научная статья
УДК 94(47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-135-143>

ОМСКИЕ ВРАЧИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**Ксения Сергеевна
Барабанова**

Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия
barabanova13@gmail.com

Аннотация. Во второй половине XIX в. начинает свою работу Омское медицинское общество. В состав общества вошли не только врачи, работавшие в Омске, но и по всей Западной Сибири, и за ее пределами. За годы работы общество стало площадкой для обмена знаниями между врачами, работавшими в разных частях Российской империи. Благодаря протоколам заседаний Омского медицинского общества мы можем проследить за маршрутами распространения знаний в имперском пространстве. Врачи из Западной Сибири активно участвовали в трансфере знаний и обмене опытом борьбы с эпидемиями и в изучении новых способов лечения заболеваний. Они создавали связи с коллегами в других частях Российской империи и за границей. Для обмена знаниями омские врачи использовали несколько каналов. Одним из них и наиболее отлаженным был бюрократический канал, по которому распространялись официальные отчеты и рекомендации. В этом процессе Санкт-Петербург выступал в качестве административного центра, куда поступали отчеты и откуда приходили списки мероприятий. Важными оказались научные связи, которые формировались между медицинскими обществами Российской империи. Общества обменивались протоколами своих заседаний, монографиями своих членов и подборками научных журналов. Особый интерес представляет трансфер знаний через личные связи врачей. Омские врачи обладали широкой сетью корреспондентов, в том числе и за пределами империи. Благодаря тому, что омские врачи использовали несколько каналов трансфера знаний, они были знакомы с последними достижениями в медицинской науке и их практическом применении.

Ключевые слова: трансфер знаний, врач, Омск, холера, дифтерит.

Для цитирования: Барабанова К. С. Омские врачи на рубеже XIX–XX вв.: трансфер знаний в имперском пространстве // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 135–143. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-135-143>

Сведения об авторе: К. С. Барабанова – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

© Барабанова К. С., 2025

Scientific Article
UDC 94(47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-135-143>

OMSK DOCTORS AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES: KNOWLEDGE TRANSFER IN THE IMPERIAL CONTEXT

Kseniya S. Barabanova

Independent Researcher
St. Petersburg, Russia
barabanova13@gmail.com

Abstract. In the second half of the 19th century, the Omsk Medical Society began its work. The society included doctors who worked not only in Omsk, but also throughout Western Siberia and beyond. Over the years, the society became a platform for the exchange of knowledge between doctors working in different parts of the Russian Empire. Thanks to the minutes of the meetings of the Omsk Medical Society, we can trace the routes of spreading knowledge in the imperial context. Doctors from Western Siberia actively participated in the transfer of knowledge and the exchange of experience in epidemics control and in the study of new methods of disease treatment. They established contacts with colleagues in other parts of the Russian Empire and abroad. Omsk doctors used several channels to exchange knowledge. One of them, and the most well-established, was the bureaucratic channel through which official reports and recommendations were distributed. In this process, St. Petersburg was the administrative center that received reports and provided lists of events. The scientific ties formed between medical societies of the Russian Empire turned out to be important. The societies exchanged minutes of their meetings, monographs of their members and collections of scientific journals. The transfer of knowledge through personal connections of doctors is especially interesting. Omsk doctors had a wide network of correspondents, including those outside the empire. Due to the fact that Omsk doctors used several channels of knowledge transfer, they were familiar with the latest advances in medical science and their practical application.

Keywords: knowledge transfer, doctor, Omsk, cholera, diphtheria.

For citation: Barabanova, KS 2025, 'Omsk Doctors at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Knowledge Transfer in the Imperial Context', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 135–143, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-135-143> (in Russ.)

Information about the Author: *Kseniya S. Barabanova* – PhD in Historical Sciences, Independent Researcher, St. Petersburg, Russia.

© Barabanova K. S., 2025

Введение

Рубеж XIX и XX вв. является прекрасным временем для того, чтобы подробно исследовать трансфер знаний в имперском пространстве России. Этот сложный и крайне запутанный процесс хорошо виден через призму медицины.

Целью данного исследования является изучение трансфера знаний в Российской империи на материалах Омского медицинского общества.

В начале XIX в. в Российской империи были организованы первые медицинские общества, расцвет которых наступил во второй половине века. Эпидемии и противоэпидемические мероприятия были в центре внимания членов медицинских обществ, но со временем перед ними появились новые задачи по распространению медицинских знаний и практик [15; 1].

Одним из самых известных медицинских обществ было «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова», созданное в 1881 г. [1; 3]. Оно было основной площадкой для обмена знаниями, как для врачей, так и для медицинских обществ [2; 4]. Следует отметить, что региональные медицинские общества представляют большой интерес для исследователей [8]. Одним из важных направлений деятельности медицинских обществ была организация доступной бесплатной медицины, для чего открывались лечебницы (амбулатории) или, по примеру Общества орловских врачей, родильные приюты [22].

Омское медицинское общество начало свою работу в 1883 г. Необходимость в создании площадки для обмена знаниями и коллективного рассмотрения сложных случаев стала очевидна в 1882 г. во время эпидемии оспы. Врачи собирались у врача В. М. Хаскина, тогда же появилась идея организации местного медицинского общества, и был составлен устав, который тут же был отправлен на утверждение [9].

Омское медицинское общество стало первым в Сибири, его членами стали врачи, имевшие практику по Западной Сибири и Акмолинской области. Также в состав общества стали входить и медики из других частей Российской империи [24, с. 156]. Отметим, что множество докторов, работавших в Омске, было военными врачами или находилось в отставке. Они имели опыт работы не только в условиях Западной Сибири, но и в других частях Российской империи. На заседаниях они делились своим опытом работы, к примеру, во время эпидемий холеры, которые для Омска были в 1880-х гг. в новинку, а в Европейской части уже были частью жизни горожан [16].

Материалы и методы

Основным источником для данного исследования стали протоколы Омского медицинского общества. В них отражены сведения об обмене материалами между медицинскими обществами, дискуссии о новых противоэпидемических мероприятиях.

Результаты

Еще в начале работы Общества омских врачей (в 1886 г. переименовано в Омское медицинское общество) в другие медицинские общества было разослано предложение о взаимном обмене изданиями. Первым на это предложение в 1884 г. откликнулось Казанское общество врачей, которое «приветствовало вновь возникшее на далекой русской окраине Общество омских врачей» [13]. Омскому обществу были переданы «Протоколы Императорского Казанского медицинского общества», «Дневник Казанского общества врачей» и газеты «Сибирь» и «Восточное обозрение». К 1886 г. протоколы Омского медицинского общества рассылались Императорскому Виленскому медицинскому обществу, Императорскому Кавказскому медицинскому обществу, Казанскому обществу врачей, Ковенскому медицинскому обществу, Обществу Витебских врачей, Обществу военных врачей в Москве, Обществу врачей Восточной Сибири, Вятки, Киевских врачей, Орловских врачей, Подоль-

ских врачей и Обществу Русских врачей в Санкт-Петербурге, Харьковскому Медицинскому обществу. Также протоколы пересылались доктору Идельсону в Берн и всем иногородним членам общества [14].

Отметим, что члены Омского медицинского общества проживали по всей Российской империи, а не только в Западной Сибири и Акмолинской области. Это было связано в первую очередь с тем, что военных врачей достаточно часто переводили в другие части империи, а вышедшие в отставку медики старались перебраться в столичные города или ближе к своим родным. Немногие военные врачи оставались в Омске после отставки.

На заседаниях Омского медицинского общества рассматривались сообщения о работе Международного медицинского конгресса в Риме [11], Берлинского хирургического конгресса германских и австрийских хирургических и гинекологических клиник в 1894 году [10].

Омское медицинское общество стало первой площадкой для обмена опытом врачей Западной Сибири. Члены общества получили возможность делиться своими наблюдениями с коллегами по региону и обсуждать насущные проблемы, а также координировать противозидемические мероприятия. Вместе с этим общество стало проводником для обмена знаниями с врачами в других частях Российской империи и вне ее. Широкая корреспондентская сеть позволила региональному обществу стать активным участником трансфера медицинских знаний.

Среди вопросов, к которым чаще всего обращались омские врачи, можно выделить несколько. Во-первых, это проблема предотвращения распространения эпидемий и борьба с ними. Во-вторых, санитарное состояние города и рекомендации по оздоровлению городского пространства. Поэтому холера стала одной из наиболее важных тем в работе общества.

Летом 1892 г. в Омске началась одна из самых крупных эпидемий холеры в истории города. Вероятно, первым холерным больным следует считать мальчика Титова, прибывшего в город на пароходе 23 июля. Заразился он во время плавания от женщины, которая скончалась между Тобольском и Тарой [18]. Только с 24 июля по 18 августа 1892 г. в Омске было выявлено 1115 больных, из которых 571 человек скончался [23, с. 23]. В период с 1892 по 1896 гг. в Омске было выявлено более пяти тысяч больных холерой, половина из которых скончалась от этой страшной болезни.

Подготовку к началу эпидемии в городе начали еще за несколько лет до прихода холеры. Первая эпидемия холеры в Российской империи началась в далеком 1823 г. со вспышки заболевания в Астрахани, которую удалось погасить быстро. Через несколько лет, в 1829 г., в том же городе началась новая эпидемия, которая охватила более ста губерний; самыми известными ее эпизодами стали холерный бунт на Сенной площади в Санкт-Петербурге 22–23 июня 1831 г., усмирять который прибыл император Николай I, и холерные бунты военных поселян в Новгородской губернии. Следует отметить, что во время первых эпидемий холера не доходила до Сибири или дело ограничивалось несколькими случаями заражения, как в 1853 г. в Тюмени и Тобольске. В 1866 г. первые больные были выявлены в Томске, и только в 1871 г. холера была обнаружена в Омске. Болезнь распространялась арестантами. Отправной точкой служила Тюмень. Оттуда зараженные холерой разъезжались в разные уголки Сибири по суше и воде [12].

В 1885 г. на заседании Омского медицинского общества перед назначением Комиссии для указания необходимых санитарных мер на случай появления холеры в Омске был поднят вопрос об опыте борьбы с эпидемиями в Европейской России. Председатель общества М. Г. Соколов указывал, что во всех городах европейской части империи «начиная со столиц и кончая уездными городами» врачи и чиновники занимались обсуждением предохранительных мер от холеры, и призывал последо-

вать их примеру. Холера, которая появилась в границах Российской империи, еще в 1823 г., до Сибири добралась только в 1853 г., когда в Тюмени и Тобольске было обнаружено 4 случая. В Омске же первые больные были выявлены только в 1871 г. Соколов за 42 года службы несколько раз служил в местах, где свирепствовала холера. В 1848 г. он служил в Варшаве, в 1865 и 1868 гг. служил в Киеве, а в 1871 г. – в Гродно. Для того, чтобы познакомить коллег с опытом европейской части Российской империи, Соколов обратился к эпидемии холеры в июне-октябре 1852 г. в Царстве Польском. В своем докладе он осветил противоэпидемические мероприятия. Меры, которые были распространены на всю империю, были дополнены в Царстве Польском. К оказанию первой помощи были привлечены фельдшеры и цирюльники, которых снабдили медикаментами. Духовенство было обязано просвещать паству о характере болезни и ее способах лечения [12].

Во время эпидемии 1892 г. врачи постоянно собирались для обсуждения мероприятий по борьбе с холерой. Они продолжали делиться собственным опытом и приводили в пример опыт других городов и даже стран. В условиях эпидемии и после нее было проведено большое исследование санитарного состояния Омска, и в первую очередь проблемы нехватки чистой питьевой воды. Это исследование было положено в основу тезиса о необходимости строительства городского водопровода. Возвращаясь из командировок в Европу, врачи делились с коллегами впечатлениями об инженерных новинках и их влиянии на эпидемическую обстановку в крупных городах. П. А. Соломин сделал в 1901 г. доклад о канализации во Франкфурте-на-Майне. Это инженерная новинка показала свою пользу в борьбе с эпидемиями холеры и могла бы значительно улучшить санитарное состояние Омска.

В случае с дифтерией члены Омского общества также постарались собрать информацию о новых способах лечения болезни и применить их на практике. 19 ноября 1894 г. члены Омского медицинского общества выслушали доклад, основанный на письме И. Д. Куприянова, который находился в заграничной командировке, целью которой было изучение дифтерита. Дифтерит (современное название заболевания *дифтерия*) – это острое инфекционное заболевание, возбудителем которого является токсигенная коринебактерия. Чаще всего жертвами этого заболевания становились дети. В докладе были описаны опыты Э. фон Беринга и П. Ру. Особо подчеркивался тезис, что еще рано говорить об успешности этого метода, упоминались первые попытки Коха лечить чахотку туберкулином и то разочарование, которое постигло общество, когда стало ясно, что метод не работает [7]. После возвращения из командировки Куприянов выдвинул предложение о создании лаборатории по производству сыворотки в Омске, которое было поддержано высокими чинами. На выделенные средства доктор И. Д. Куприянов начал производство сыворотки в лаборатории Омского медицинского общества.

Благодаря барону М. А. Таубе Омское медицинское общество получило 22 флакона Беринговской противодифтеритной сыворотки, приобретённой в Императорском институте экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге. Куприянов попросил своих коллег обращаться к нему в случае появления больных дифтеритом. После подтверждения диагноза ребенку должна была быть введена сыворотка [6]. Пока проект новой лаборатории рассматривался в Министерстве внутренних дел, доктор Куприянов начал приготовление сыворотки в лаборатории при Омском медицинском обществе. Иммунизация лошади была начата в апреле 1895 г. [21, с. 194–195].

И. Д. Куприянов сделал доклад о лечении трех случаев дифтерита сывороткой Беринга. В июле 1895 г. в омский госпиталь, где было выделено 4 места для больных дифтеритом, поступил мальчик 7 лет из деревни Ивановской. Его состояние доктор описывал как тяжелое. Ему была введена сыворотка Беринга, но, к сожалению, па-

циент скончался через 6 часов. Второй и третий пациент были из Омска и поступили в госпиталь 10 сентября. Обоим больным было по 3 года. Один из них, В. А., был сыном служителя пожарной команды Омска, второй, А. С., – сыном омского мещанина. Первый больной, по словам родителей, болел третий день, а, по словам посторонних лиц – неделю. Ему дважды была введена сыворотка, но 11 сентября больной умер. Третий больной выжил. Куприянов считал, что первому больному уже нельзя было помочь, второму родители запретили делать операцию, которая бы дала ему возможность дожить до момента, когда сыворотка начнет действовать [19, с. 197–200].

На экстренном заседании омского медицинского общества 28 июня 1896 г. было зачитано извещение, полученное от барона Таубе. В нем он сообщал, что деятельность лаборатории общества получила отметку «Благотворительная мера» от императора Николая II [5, с. 173]. Но на заседании 9 мая 1898 г. было прочитано сообщение об отмене предложенного устройства центральной бактериологической и прививочной станции. Сделано это было в свете открытия лаборатории для приготовления противодифтеритной сыворотки и Пастеровской станции при Императорском Томском университете [20]. Лаборатория прекратила свою работу 1 декабря 1898 г.

Заключение

Омское медицинское общество было активно включено в трансфер знаний в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Проблема эпидемий и их предотвращения была ведущей темой в обмене знаниями, но не единственной.

Мы можем выделить несколько маршрутов трансфера знаний. Первый из них использовал бюрократические каналы, когда информация о новых наблюдениях шла из Омска в Санкт-Петербург в виде отчетов военных врачей, а обратная связь осуществлялась в формате предписаний. В Петербурге на основе сведений, полученных со всех концов империи, разрабатывались новые мероприятия и рекомендации по борьбе с эпидемиями. Так, наиболее удачные меры распространялись на всю империю, в том числе и на Омск. Санкт-Петербург выступал в качестве информационного хаба.

Другой маршрут был связан с обменом знаниями через медицинские общества. В данном случае мы можем наблюдать меньший уровень бюрократии и более широкий набор тем, материалами о которых обменивались общества. Обмен сведениями происходил через рассылку протоколов, монографий членов обществ и их статей.

Личные связи стали основой для поступления новых сведений не только из разных частей империи, но и за ее пределами. Этот канал позволял получать сведения, которые не попали в официальные отчеты или обсуждались на заседаниях медицинских обществ.

Список источников и литературы

1. Володин Н. Н., Лисицын Ю. П. Н. И. Пирогов и съезды российских врачей его имени // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2010. № 5. С. 11–14.
2. Гончарова С. Г. Вопросы детской смертности на съездах Пироговского общества (1885–1917) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. 2013. № 1. С. 120–124.
3. Гринёв М. В. Хирургическое общество Пирогова. От его истоков до сегодняшнего дня // Вестник хирургии. 2010. № 169 (5). С. 22–24.
4. Егорышева И. В., Поддубный М. В. Проблемы военной медицины на Пироговских съездах врачей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 6. С. 1624–1628.

5. Заявление председательствующего о получении извещения о Высочайшей Его Императорского Величества отметке по поводу деятельности лаборатории общества // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 13. 1895/1896. № 8 (28 июня 1896 г.). С. 173–175.
6. Заявление председателя о получении Беринговой сыворотки // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 12. 1894/1895. № 6 (6 февр. 1895 г.). С. 119–121.
7. Заявление Председателя по вопросу о лечении дифтерита сывороткой // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 12. 1894/1895. № 2 (19 нояб. 1894 г.). С. 32–38.
8. *Калиниченко В. П.* «Труд наш честен и бескорыстен». Общество врачей г. Вятки – Медицинское общество Вятской губернии // Вятский медицинский вестник. 2017. № 4 (56). С. 77–83.
9. Краткий обзор о деятельности Омского медицинского общества за 25 лет его существования : 1883–1908 г. / С. А. Антонов. Омск: Тип. Штаба Омского воен. округа, 1909. 111 с.
10. *Леоневский П. К.* Краткий обзор о посещениях международного Римского и хирургического Берлинского конгрессов Германских и Австрийских хирургических и гинекологических клиник в 1894 г. // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 11. 1893/1894. № 8 (12 авг. 1894 г.). С. 228–244.
11. *Лукомский В. В.* XIV секция военной медицины и хирургии на XI международном медицинском конгрессе в Риме с 29 марта по 5 апреля 1894 г. // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 11. 1893/1894. № 7 (29 июля 1894 г.). С. 179–224.
12. Меры против холеры // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 2. 1884/1885. № 7 (7 апр. 1885 г.). С. 133–137.
13. Протокол заседания Общества омских врачей : 23 февр. 1894 г. // Протоколы Общества омских врачей. Г. 1. 1883/1884. № 6. С. 79.
14. Протокол заседания Омского медицинского общества : 2 нояб. 1886 г. // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 4. 1886/1887. № 1. С. 41.
15. *Симонян Р. З.* Медицинские общества в Российской империи: научная и общественная деятельность (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 48–54.
16. *Соколов М. Г.* О лечении холеры // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 4. 1886/1887. № 10 (11 апр. 1887 г.). С. 128–137.
17. *Соломин П. А.* О водопроводе и канализации во Франкфурте на Майне // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 18. 1900/1901. № 9 (11 мая 1901 г.). С. 211–216.
18. *Соломин П. А.* О холерном больном // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 9. 1891/1892. № 7 (26 июля 1892 г.). С. 75.
19. Сообщение И. Д. Куприянова о лечении 3-х случаев дифтерита сывороткой Беринга // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 12. 1894/1895. № 10 (13 сентября 1895 г.). С. 197–200.
20. Сообщение об отмене предложенного устройства центральной бактериологической и прививочной станции // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 15. 1897/1898. № 5 (9 мая 1898 г.). С. 106.
21. Сообщение председателя о положении дел об устройстве лаборатории для приготовления противодифтерийной сыворотки // Протоколы Омского медицинского общества. Г. 12. 1894/1895. № 10 (13 сентября 1895 г.). С. 195–196.
22. *Сосновская И. А.* Медицинские общества в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере общества Орловских врачей) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 11 (67). С. 307–311.
23. *Федорова Г. В.* Роль Омского медицинского общества в профилактике эпидемий холеры // Вести МАНЭБ в Омской области. 2013. № 3. С. 23–25.
24. *Федорова Г. В., Ахтулова Л. А.* Общественная медицина в Омске (к 120-летию основания Омского медицинского общества) // Омский научный вестник. 2002. № 20. С. 155–159.
25. *Яковенко В. А., Вишленкова Е. А., Лисицына Е. А.* Медицинские общества // История медицины и медицинской географии в Российской империи. М.: Шико, 2021. С. 112–139.

References

1. Volodin, NN & Lisicyn, YuP 2010, 'N.I. Pirogov i syezdy rossiyskikh vrachey yego imeni' (N. I. Pirogov and Congresses of Russian physicians after his name), *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* (Bulletin of Russian State Medical University), no. 5, pp. 11–14. (In Russ.)
2. Goncharova S.G. 2013, 'Voprosy detskoj smernosti na syezdakh Pirogovskogo obshchestva (1885–1917)' (Issues of infant mortality at the congresses of the Pirogov Medical Society (1885–1917)), *Byulleten natsionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya im. N. A. Semashko*, no. 1, pp. 120–124. (In Russ.)
3. Grinov, MV 2010, 'Khirurgicheskoye obshchestvo Pirogova. Ot yego istokov do segodnyashnego dnya' (Pirogov Surgical Society. From its origins to the present day), *Vestnik khirurgii* (Grekov's Bulletin of Surgery), no. 169 (5), pp. 22–24. (In Russ.)
4. Yegorysheva, IV & Poddubnyy, MV 2021, 'Problemy voyennoy meditsiny na Pirogovskikh syezdakh vrachey v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.' (The Problems of Military Medicine at the Pirogov Congresses of Physicians During the First World War in 1914–1918), *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny* (Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine), vol. 29, no. 6, pp. 1624–1628. (In Russ.)
5. 'Zayavleniye predsedatelstvuyushchego o poluchenii izveshcheniya o Vysochayshey Yego Imperatorskogo Velichestva otmetke po povodu deyatelnosti laboratorii obshchestva' (Statement by the chairman on receipt of notification of His Imperial Majesty's Highest Mark regarding the activities of the society's laboratory) 1896, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch.13, 1895/1896, no. 8, pp. 173–175. (In Russ.)
6. 'Zayavleniye predsedatelya o poluchenii Beringovoy syvorotki' (Chairman's statement on receiving Behring's serum) 1895, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 12, 1894/1895, no. 6, pp. 119–121. (In Russ.)
7. 'Zayavleniye Predsedatelya po voprosu o lechenii difteriti syvorotkoy' (Chairman's statement on the treatment of diphtheria with serum) 1894, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 12, 1894/1895, no. 2, pp. 32–38. (In Russ.)
8. Kalinichenko, VP 2017, '«Trud nash chesten i beskorysten». Obshchestvo vrachey g. Vyatki – Meditsinskoye obshchestvo Vyatskoy gubernii' ("Our work is honest and unselfish". Vyatka medical society-medical society of Vyatka province), *Vyatskiy meditsinskiy vestnik*, no. 4 (56), pp. 77–83. (In Russ.)
9. Antonov, SA 1909, *Kratkiy obzor o deyatelnosti Omskogo meditsinskogo obshchestva za 25 let yego sushchestvovaniya: 1883–1908 g.* (Brief overview of the activities of the Omsk Medical Society over 25 years of its existence: 1883–1908), Tip. Shtaba Omskogo voyen. Okruga publ, Omsk (In Russ.)
10. Leonevskiy, PK 1894, 'Kratkiy obzor o poseshcheniyakh mezhdunarodnogo Rimskogo i khirurgicheskogo Berlinskogo kongressov Germanskikh i Avstriyskikh khirurgicheskikh i ginekologicheskikh klinik v 1894 g.' (Brief overview of visits to the international Rome and Berlin surgical congresses of German and Austrian surgical and gynecological clinics in 1894), *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 11, 1893/1894, no. 8, pp. 228–244. (In Russ.)
11. Lukomskiy, VV 1894, 'XIV sektsiya voyennoy meditsiny i khirurgii na XI mezhdunarodnom meditsinskom kongresse v Rime s 29 marta po 5 aprelya 1894 g.' (XIV Section of Military Medicine and Surgery at the XI International Medical Congress in Rome from March 29 to April 5, 1894), *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 11, 1893/1894, no. 7, pp. 179–224. (In Russ.)
12. 'Mery protiv kholery' (Measures against cholera) 1885, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 2, 1884/1885, no. 7, pp. 133–137. (In Russ.)
13. 'Protokol zasedaniya Obshchestva omskikh vrachey' (Minutes of the meeting of the Society of Omsk Physicians) 1894, *Protokoly Obshchestva omskikh vrachey* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 1, 1883/1884, no. 6, pp. 79. (In Russ.)

14. 'Protokol zasedaniya Omskogo meditsinskogo obshchestva (Minutes of the meeting of the Society of Omsk Physicians) 1886, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 4, 1886/1887, no. 1, pp. 41. (In Russ.)
15. Simonyan, RZ 2021, 'Meditsinskiye obshchestva v Rossiyskoy imperii: nauchnaya i obshchestvennaya deyatelnost (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)' (Medical societies in the Russian Empire: scientific and social activities (the second half of the 19th – early 20th centuries)), *Sovremennaya nauchnaya mysl* (Modern scientific thought), no. 5, pp. 48–54. (In Russ.)
16. Sokolov, MG 1887, 'O lechenii kholery' (On the treatment of cholera), *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 4, 1886/1887, no. 10, S. 128–137. (In Russ.)
17. Solomin, PA 1901, 'O vodoprovode i kanalizatsii vo Frankfurte na Mayne' (On the water supply and sewerage system in Frankfurt am Main), *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 18, 1900/1901, no. 9, pp. 211–216. (In Russ.)
18. Solomin, PA 1892, 'O kholernom bolnom' (On a cholera patient), *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 9, 1891/1892, no. 7, pp. 75. (In Russ.)
19. 'Soobshcheniye I. D. Kupriyanova o lechenii 3-kh sluchayev differita syvorotkoy Beringa' (Report by I. D. Kupriyanov on the treatment of 3 cases of diphtheria with Behring serum) 1895, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 12, 1894/1895, no. 10, pp. 197–200. (In Russ.)
20. 'Soobshcheniye ob otmene predlozhennogo ustroystva tsentral'noy bakteriologicheskoy i privivochnoy stantsii' (Notification on the cancellation of the proposed establishment of a central bacteriological and vaccination station) 1898, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 15, 1897/1898, no. 5, pp. 106. (In Russ.)
21. 'Soobshcheniye predsedatelya o polozenii del ob ustroystve laboratorii dlya prigotovleniya protivodifteriynoy syvorotki' (Notification of the chairman on the state of affairs regarding the establishment of a laboratory for the preparation of antidiphtheria serum) 1895, *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* (Minutes of the Omsk medical society), ch. 12, 1894/1895, no. 10, pp. 195–196. (In Russ.)
22. Sosnovskaya, IA 2008, 'Meditsinskiye obshchestva v Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX v. (na primere obshchestva Orlovskikh vrachey)' (Medical societies in Russia in the second half of the XIX - the beginning of the XX centuries (exemplified by the Society of the Oryol doctors)), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* (Tambov University Review. Series: Humanities) 2008, no. 11 (67), pp. 307–311. (In Russ.)
23. Fedorova, GV 2013, 'Rol Omskogo meditsinskogo obshchestva v profilaktike epidemiy kholery' (The role of the Omsk Medical Society in the prevention of cholera epidemics), *Vesti MANEB v Omskoy oblasti*, no. 3, pp. 23–25. (In Russ.)
24. Fedorova, GV & Akhtulova, LA 2002, 'Obshchestvennaya meditsina v Omske (k 120-letiyu osnovaniya Omskogo meditsinskogo obshchestva)' (Public medicine in Omsk (on the 120th anniversary of the founding of the Omsk Medical Society)), *Omskiy nauchnyy vestnik* (Omsk Scientific Bulletin), no. 20, pp. 155–159. (In Russ.)
25. Yakovenko, VA, Vishlenkova, YeA & Lisitsyna, YeA 2021, 'Meditsinskiye obshchestva' (Medical societies), *Istoriya meditsiny i meditsinskoy geografii v Rossiyskoy imperii* (History of Medicine and Medical Geography in the Russian Empire), Shiko publ, Moscow, pp. 112–139. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.06.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 06.06.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 144–153.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 144–153.

Научная статья

УДК 504.054(571.1):94(571.1)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-144-153>

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ РЕКИ ИРТЫШ В 1970-Е ГГ.

**Максим Stanisлавович
Мостовенко**

Сургутский государственный
педагогический университет
Сургут, Россия, reiseleiter@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0887-447X>

Аннотация. В статье автором рассматриваются основные проблемы, связанные с охраной водных ресурсов Иртыша в границах Омской области. Река Иртыш является крупной и важной водной артерией для всей территории Западной Сибири и входит в состав более крупной Обь-Иртышской водной системы. В период 1970-х гг. в СССР формируется система природоохранного законодательства. Принимаемые на самом высоком уровне нормативно-правовые документы затрагивали вопросы охраны водных ресурсов и реки Иртыш. Местные органы власти должны были контролировать выполнение природоохранного законодательства. Для этого при советах депутатов трудящихся всех уровней создавались постоянные комиссии по охране природы, проводившие постоянный мониторинг состояния природы. Кроме того, в 1970-е гг., время активного индустриального строительства Западной Сибири, появился один из первых сибирских городов-миллионников – Омск. Его промышленное развитие (в том числе создание крупных объектов нефтехимического производства) не могло не сказаться на экологическом состоянии, протекавшей через него реки Иртыш. В связи с этим основной целью данной статьи является комплексный анализ деятельности местных государственных органов власти по охране водных ресурсов реки Иртыш. Методологической основой исследования стала концепция экологической истории. Источниковой базой послужили материалы фондов Исторического архива Омской области (Экономический комитет Омской области, Омский облисполком, Омский горисполком, Омская областная санэпидстанция). Автором на основе ранее неопубликованных архивных источников проводится комплексный анализ деятельности местных государственных органов власти по охране водных ресурсов реки Иртыш и делается вывод о том, что воды Обь-Иртышского бассейна страдали от комплексного загрязнения (нефтепродукты, хозяйственно-бытовое), а также существовали проблемы с водоочисткой.

Ключевые слова: экологическая история, Западная Сибирь, Обь-Иртышский бассейн, река Иртыш, загрязнение водоемов, охрана водных ресурсов, постоянные комиссии по охране природы.

Для цитирования: Мостовенко М. С. Проблемы охраны водных ресурсов реки Иртыш в 1970-е гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 144–153. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-144-153>

Сведения об авторе: М. С. Мостовенко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Сургутский государственный педагогический университет, 628417, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2.

© Мостовенко М. С., 2025

Scientific Article

UDC 504.054(571.1):94(571.1)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-144-153>

CHALLENGES OF PROTECTING THE WATER RESOURCES OF THE IRTYSH RIVER IN THE 1970S

Maxim S. Mostovenko

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia, reiseleiter@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0887-447X>

Abstract. In this article, the author examines the main challenges associated with the protection of water resources of the Irtysh within the boundaries of the Omsk region. The Irtysh River itself is a large and important waterway for the entire territory of Western Siberia and is part of the larger Ob-Irtysh water system. In 1970s, a system of environmental legislation was formed in the USSR. Regulatory documents adopted at the highest level also touched upon the issues of protecting water resources and the Irtysh River. Local authorities had to monitor the implementation of environmental legislation. For this purpose, permanent commissions for environmental protection appeared under the councils of workers' deputies at all levels, which constantly monitored the state of nature. In addition, in the 1970s, during the active industrial construction of Western Siberia, one of the first Siberian cities with a population of over a million appeared – Omsk. Its industrial development (including the creation of large petrochemical production facilities) could not but affect the ecological state of the Irtysh River flowing through it. In this regard, the main purpose of this article is a comprehensive analysis of the activities of local state authorities to protect the water resources of the Irtysh River. The methodological basis of the study was the concept of environmental history. The source base of the study is the archival funds of the Historical Archive of the Omsk Region (Fund No. R-1088 Economic Committee of the Omsk Region, Fund No. R-437 Omsk Regional Executive Committee, Fund No. R-235 Omsk City Executive Committee, Fund No. R-1411 Omsk Regional Sanitary and Epidemiological Station). The author notes that the presented work has sufficient scientific novelty. The author, on the basis of previously unpublished archival sources, conducts a comprehensive analysis of the activities of local state authorities to protect the water resources of the Irtysh River. As a result, the author concludes that the waters of the Ob-Irtysh basin suffered from complex pollution (oil products, household), and there were also challenges with water purification.

Keywords: environmental history, Western Siberia, Ob-Irtysh basin, Irtysh River, water pollution, water resources protection, permanent nature protection commissions.

For citation: Mostovenko, MS 2025, 'Challenges of Protecting the Water Resources of the Irtysh River in the 1970s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 144–153, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-144-153> (in Russ.)

Information about the Author: Maxim S. Mostovenko – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Surgut State Pedagogical University, 10/2, 50 Let VLKSM Str., Surgut, 628417, Russia.

Введение

Активное индустриальное развитие Западной Сибири во второй половине 1960-х привело к появлению в регионе мощного промышленного комплекса, связанного с добычей и переработкой углеводородов, развитию нефтехимического производства, расширению сельскохозяйственной деятельности и судоходства, а также использованию обширных гидроресурсов сибирских рек. К 1970-м гг. активный рост городов, связанный с развитием промышленного производства, серьезным образом увеличил антропогенную нагрузку на ключевые реки – Обь и Иртыш. В Западной Сибири Обь-Иртышская водная система играет важную роль, выполняя функции не только транспортной артерии, но и служа источником рыбной продукции и водоснабжения (промышленного и питьевого). В особенности это касалось города Омска, ставшего во второй половине 1970-х гг. миллионником. Построенные на его территории нефтеперерабатывающий завод, завод синтетического каучука, шинный завод, различные предприятия оборонной промышленности, развитое сельское хозяйство не могли не сказаться на экологическом состоянии реки Иртыш, протекавший через город и область. В связи с этим основной целью данной статьи является комплексный анализ деятельности местных государственных органов власти по охране водных ресурсов реки Иртыш.

Материалы и методы

В качестве методологической основы была выбрана концепция экологической истории, рассматривающая историю взаимодействия человека и природы в историческом прошлом. Источниковой базой исследования послужили ранее неопубликованные материалы Исторического архива Омской области (Фонд № Р-1088 «Экономический комитет Омской области», Фонд № Р-437 «Омский облисполком», Фонд № Р-235 «Омский горисполком», Фонд № Р-1411 «Омская областная санэпидстанция»), связанные с проблематикой использования водных ресурсов и охраны реки Иртыш. Прежде всего, это материалы деятельности постоянной комиссии по охране природы при Омском областном исполнительном комитете, городском исполнительном комитете, плановом комитете Омской области, а также отчеты и материалы проверок предприятий, проводимых Омской областной санитарно-эпидемиологической службой. Введение в научный оборот этого корпуса источников позволило проанализировать основные проблемы, связанные с загрязнением реки Иртыш, а также принимаемых местными органами власти мер, по его предотвращению и снижению.

Следует отметить, что настоящая работа обладает научной новизной. В последние несколько лет в исследовательском поле российской экологической истории активно изучается проблематика использования и охраны водных ресурсов страны. В качестве ключевых работ в данном случае можно выделить исследования А. Б. Агафоновой [1, 25, 26], изучавшей проблемы использования водных ресурсов (загрязнение, городские водопроводы и т.д.) северо-западных регионов России в конце XIX – начале XX в. Одними из ключевых исследований для понимания советской водной политики служат работы самарского историка Е. Д. Макеевой, изучавшей деятельность региональных властей по охране водных ресурсов на примере Поволжского региона [16,17].

Проблемы водопользования Западно-Сибирского региона, в частности Обь-Иртышского бассейна, оказались в исследовательском фокусе сургутского историка Е. И. Гололобова, выделявшего основные проблемы водопользования в северной части этой речной системой в связи с промышленным развитием территории [5, 6].

Вопросы санитарного благополучия городов Западной Сибири в связи с их проблемами в обеспечении чистой водой оказались в проблемном поле санкт-петербургского историка К. С. Барабановой [2, 3]. Ею рассмотрены основные аспек-

ты деятельности региональных медицинских и санитарных служб по вопросам обеспечения городского населения водой. Особенности хозяйственного значения речного бассейна Оби и Иртыша, эволюции системы управления водными ресурсами Обь-Иртышья, а также последствия промышленного развития Верхнего Приобья рассмотрены в исследованиях калининградского историка А. В. Шмыглевой [24, 26]. Говоря об изученности экологических проблем Иртыша, ранее мы предпринимали попытку проследить отдельные аспекты его использования и охраны [18, 19, 20].

Таким образом, можно говорить о том, что вопросы государственной водной политики широко представлены в российской экологической истории. Предлагаемое исследование направлено на заполнение существующей проблемной лакуны и призвано реконструировать общую картину деятельности региональных государственных органов власти по охране водных ресурсов реки Иртыш в границах Омской области, а также выявить ключевых загрязнителей и проанализировать принимаемые меры.

Результаты

В 1970-е гг. Омская область являлась одним из крупных промышленных центров Западной Сибири. К 1979 г. население областного центра достигло отметки в 1 млн. человек [4]. Здесь были сосредоточены предприятия нефтехимического производства, различные заводы оборонного назначения, молочной и мясоперерабатывающий направленности. Кроме того, город Омск являлся крупным речным портом, через который осуществлялось речное сообщение с северными территориями Омской и Тюменской областей. Значительное количество промышленных предприятий усиливало антропогенную нагрузку на водную среду.

Высокий уровень загрязнения реки у Омского промышленного узла отмечался уже в 1960-е гг. Так, на одном из первых совещаний по охране водных источников, проходившем в начале в 1960-х в Новосибирске, отмечалось, что «на значительных расстояниях до 80–100 км загрязнена р. Обь ниже по течению у г. Барнаула, г. Новосибирска и р. Иртыш у г. Омска» [21, с.30]. К середине 1970-х гг., несмотря на развитие водоохранного законодательства, ситуация с состоянием водных источников оставалась напряженной. Так, в 1974 г. главным государственным санитарным врачом Омской области А. А. Шалыгиным в записке, направленной в Омский облисполком, отмечалось: «Областная санэпидстанция считает необходимым включить в пятилетний план <...> основные мероприятия по охране природы, по улучшению санитарного состояния» [15, с.17].

В данном перечне мероприятий в первую очередь фигурировало строительство очистных сооружений близ таких крупных населенных пунктов области, как Исилькуль, Тюкалинск, Калачинск. Кроме того, предполагалось дополнение систем фильтрации на промышленных объектах станциями биологической очистки стоков, а также внедрение фильтров, снижавших концентрацию особо опасных веществ, таких, как изопропилбензол и тетраэтилсвинец.

В рамках Омского промышленного узла можно выделить несколько групп предприятий и организаций, чья деятельность наиболее сильно загрязняла реку Иртыш. Прежде всего, это предприятия нефтехимического комплекса, пищевой промышленности, а также транспорта (железнодорожный и речной).

В рамках первой группы загрязнителей можно выделить такие предприятия, как Омский нефтеперерабатывающий завод, завод синтетического каучука (СК), завод пластмасс, завод технического углерода. Ключевой проблемой для этих предприятий было фенольное загрязнение водоемов. Например, в записке о выполнении народнохозяйственного плана за 1971 г. отмечалось, что «на нефтекомбинате отсутствует биологическая очистка сточных вод, в результате со сточными водами сбрасывается большое количество фенола. Содержание фенола в реке Иртыш в створе с.

Александровка на 15 км ниже города Омска в 700 раз превышает ПДК. Кварцевые фильтры требуют ремонта» [7, с. 30].

Не мог обеспечить сброс безопасных стоков в реку и завод СК. Существовавшие при нем очистные системы работали на пределе возможных показателей. О тревожной ситуации на этом предприятии сообщалось и в письме, направленном Омским облисполкомом в августе 1975 г. министру химической промышленности СССР Л. А. Костандову, где, в частности, говорилось: «Не решён вопрос очистки 23 тыс. кубометров в сутки химически загрязненных стоков первой очереди завода <...>. Пропуск этих вод через объединённые очистные сооружения завода синтетического каучука невозможен ввиду планируемого их пуска лишь в 1977–1978 гг. Действующие очистные сооружения завода СК для этого не могут быть использованы ввиду перегрузки и опасности выхода из строя агрессивными химическими соединениями» [8, с. 83]. Обращение в вышестоящие инстанции общую картину не изменило. Выделяемые министерством деньги осваивались крайне медленно.

Ко второй группе загрязнителей можно отнести организации пищевой промышленности. Так как Омская область являлась не только промышленным, но и аграрным регионом, загрязнителями выступали мясоперерабатывающий и молочный заводы. Так, например, проводимые в первой половине 1970-х гг. депутатами постоянной комиссии по охране природы проверки деятельности этих предприятий на предмет соблюдения природоохранного законодательства установили многочисленные факты его нарушения. Приведем несколько примеров. Одним из систематических нарушителей являлся Кировский мясокомбинат. В рамках проверки было установлено, что «действующие очистные сооружения работают крайне неудовлетворительно, о чем свидетельствуют лабораторные данные. Сточные воды содержат на выходе взвешенных веществ в 10–20 раз выше даже проектных данных. <...> За сутки в Иртыш с очистных сооружений сбрасывается от одной до трех тонн животного жира. Обеззараживание сточных вод перед сбросом в р. Иртыш осуществляется неудовлетворительно» [10, с. 420б]. В данном случае руководство области попыталось воздействовать на нарушителей через вышестоящие инстанции и для этого обратилось к министру мясомолочной промышленности РСФСР В. С. Конарыгину, в письме к которому отмечалось, что на Омском мясокомбинате «очистные сооружения работают с перегрузкой более чем в 3 раза, забиты взвешенными веществами, жирами. Со сточными вода в канализацию сбрасываются более 200 мг/л жиров, что приводит к частому засору канализационных коллекторов и выходу сточных вод на поверхность, загрязнению окружающей территории, грунтовых вод и р. Иртыш в центре города» [11, с. 9]. Обращение к министру также общую картину не изменило, и это, несмотря на тот факт, что жировые стоки, попадая в водоемы, загрязняли их, выводили из строя общегородскую систему канализации.

К третьей группе загрязнителей можно отнести предприятия транспортной отрасли. В первую очередь это касалось железнодорожной станции Омск-Пассажирский и судов Обь-Иртышского пароходства. Основная проблема здесь заключалась в сборе и утилизации отработанных технических жидкостей, поскольку в местах стоянки судов часто наблюдалась их утечка в затон Иртышского пароходства, а далее и в саму реку. Согласно архивным отчетам постоянной комиссии по охране природы, в результате проводимой в 1975 г. проверки Обь-Иртышского речного пароходства было установлено, что «все еще имеют место частые случаи загрязнения Иртыша нефтепродуктами по вине судовых команд, особенно по постановке судов на зимний отстой, и работников завода. Только врачами бассейновой санэпидстанции по этой причине наложено на виновных 29 штрафов. Руководство судоремонтного завода снисходительно относится к нарушителям закона “Об охране природы”. Не ведется серьезной систематической разъяснительной работы с экипажами судов и

рабочими завода по охране внешней среды от загрязнения» [9, с. 31]. Кроме того, вода после мойки транспортных вагонов на железной дороге также не проходила никакой очистки и просто сливалась в Иртыш [9, с. 26].

Рассмотрев общую ситуацию о состоянии р. Иртыш в районе Омского промышленного узла и выявив основных загрязнителей, обратимся к принимаемым региональными властями мерам по ее оздоровлению. В первую очередь это усиление государственного надзора за выполнением природоохранного законодательства. Для этого в Омске существовала комиссия по охране природы при Омском городском совете. Однако в конце 1970-х гг. возникает еще одна комиссия, но уже при Омском облисполкоме, которая, с одной стороны, несколько разгрузила деятельность первой комиссии, взяв на себя контроль предприятий области, но с другой – дублировала ее функционал и практически с городской не взаимодействовала.

По мере развития природоохранного законодательства активизируются и депутатские проверки, которые теперь проходят с привлечением санитарных служб, работников гидрохимических лабораторий, а также представителей органов прокурорского надзора и бассейновых инспекций.

Усиление надзора за деятельностью предприятий со стороны постоянных комиссий, в особенности с развитием природоохранного законодательства, давало не большой, но положительный эффект. На территории Омской области, благодаря активизации деятельности областной СЭС, в ряде крупных населенных пунктах удалось улучшить водоснабжение и обеспечить охрану и безопасности водных скважин [12, с. 3]. Кроме этого, согласно справке, подготовленной заместителем председателя областной плановой комиссии Я. Л. Коняевым, в 1982 г. на территории города и области «построены локальные очистные сооружения на заводах: технического углерода, подъемных машин, пластических масс. Введены в действие после реконструкции сооружения биологической очистки стоков в поселке Крутая Горка, ликвидирован выпуск неочищенных сточных вод в реку Омь на заводе КЖБИ треста КПД, увеличены мощности оборотного водоснабжения <...> На всех предприятиях и в портах Иртышского речного пароходства, расположенных в области, завершены работы по оборудованию судов закрытыми системами сбора и перекачки подсланевых вод. В границах Омской области функционируют две станции переработки подсланевых вод, 5 барж-амбаров. Бункеровка судов топливом и маслом осуществляется закрытым способом. Проводятся работы по оборудованию судов системами закрытого способа выкачки отработанного масла» [13, с. 26]. Также гидрохимлабораторией Минводхоза РСФСР совместно с областной плановой комиссией облисполкома разрабатывались графики по полному прекращению выпусков неочищенных сточных вод в водоемы области.

Еще одним направлением деятельности стала попытка региональных властей повлиять на негативную экологическую ситуацию путем принятия нормативных документов. В рамках различных постановлений с последующими отчетами предприятиям-нарушителям предписывалось снизить либо прекратить загрязнение реки. В качестве примера можно привести совместное постановление бюро Омского обкома КПСС и Облисполкома № 22-21 от 28.02.1975 «О неудовлетворительном выполнении постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по охране природы от загрязнения воздушной и водной среды и о дополнительных мероприятиях по оздоровлению воздушной и водной среды г. Омска» [14, с. 4]. В рамках данного документа отмечалось крайне негативное состояние окружающей среды в районе города Омска и предписывалось всем организациям и ведомствам принять незамедлительные меры по недопущению загрязнения природы, в том числе и водных источников. Принятие этого документа и усиленный надзор за его выполнением дали положительный эффект. На многих предприятиях была модернизирована система

фильтрации стоков, увеличилось количество лабораторных проверок, а также введена система оборотного водоснабжения [14, с.4–5].

Также можно отметить постановление бюро обкома КПСС и облисполкома от 17.07.1981 №91-70 «О мероприятиях по охране окружающей среды в области на 1981–1982 гг.» [13, с.124]. Этот нормативно-правовой акт содержал уже спланированный перечень мероприятий для существенного улучшения состояния окружающей среды в Омской области, в том числе и в отношении водных источников. Кроме того, предполагалось ускорение строительства очистных сооружений на предприятиях с целью уменьшения объема сбрасываемых неочищенных сточных вод.

Заключение

В заключение можно отметить несколько важных моментов. Во-первых, к 1970-м гг. река Иртыш, являющаяся одной из ключевых водных артерий Западной Сибири, столкнулась с масштабным антропогенным воздействием. Экономическое развитие Омской области было в первую очередь связано с развитием нефтехимического комплекса, который оказывал серьезное негативное влияние на состояние водных источников.

Во-вторых, среди ключевых экологических проблем реки Иртыш можно выделить нефтяное загрязнение, связанное с деятельностью предприятий по переработке нефтепродуктов, речного флота, с которого происходили утечки горючесмазочных материалов. Однако оно не было единственным. Серьезный урон наносился по причине неэффективной работы очистных установок либо их отсутствия на предприятиях. Несмотря на выделяемые объемы финансирования со стороны государства, их строительство велось медленными темпами (по несколько лет).

В-третьих, местными органами власти предпринимались различные попытки нормализовать экологическое состояние реки Иртыш. Так, одним из методов стало ужесточение контроля за выполнением природоохранного законодательства предприятиями. Данный механизм реализовывался путем депутатских проверок со стороны постоянной комиссии по охране природы.

Еще одним направлением деятельности стало принятие локальных нормативных актов в рамках общегосударственных постановлений по вопросам водоохраны. В рамках этих документов предполагались разработка и проведение различных мероприятий по охране водных ресурсов с учетом региональной специфики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение экологических проблем реки Иртыш могло быть осуществлено только комплексным путем, чего на практике не было сделано.

Список источников и литературы

1. Агафонова А. Б. Экологические и социальные последствия развития гидроэнергетики на Восточно-Европейской равнине в первой трети XX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 174–184.
2. Барабанова К. С. «Водопровод должен быть готов к 1914 году, но он оказался не готов и к 1915 году и может быть не готов также к 1916 году»: строительство первого водопровода в Омске // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 6 (93). С. 130–138.
3. Барабанова К. С. Эпидемии, врачи и водопровод: создание водной инфраструктуры в Западной Сибири во второй половине XIX – первой половине XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (87). С. 87–94.
4. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Рос. гос. архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5943–5951. Электрон. версия док. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 01.05.2025).

5. Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на водные ресурсы Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения (1960–1975 гг.): на примере Сургутского Приобья // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (26). С. 28–33;
6. Гололобов Е. И. Проблемы водопользования на Севере Западной Сибири по материалам фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (90). С. 140–150.
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 819 А.
8. ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 3067.
9. ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4025.
10. ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4085.
11. ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4101.
12. ИАОО. Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 2692.
13. ИАОО. Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 2815.
14. ИАОО. Ф. Р-437. Оп. 6 а. Д. 83.
15. ИАОО. Ф. Р-1088. Оп. 4. Д. 686.
16. Макеева Е. Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918–1950-х гг. (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 134–139.
17. Макеева Е. Д. Причины низкой эффективности природоохранной деятельности местных органов власти в 1960–1980-е гг. (на материалах Куйбышевского областного совета народных депутатов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 154–165.
18. Мостовенко М. С. Деятельность Омского областного отделения Всероссийского общества охраны природы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: становление и развитие // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 135–144.
19. Мостовенко М. С. Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов Западной Сибири в 1960-е – 1970-е годы (региональный опыт ХМАО и Омска) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 46–57.
20. Мостовенко М. С. Проект Омской ГЭС в экономической истории региона 1930–1980-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 1. С. 431–447.
21. Решения Совещания по комплексному использованию и охране водных ресурсов Западной Сибири, 12–16 декабря 1961 г. / Совет по проблемам водного хозяйства АН СССР; Новосиб. НТО энергет. пром-сти. Новосибирск, 1961. 31 с.
22. Шмыглева А. В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 180–190.
23. Шмыглева А. В. Рыбохозяйственные и гидробиологические исследования Обь-Иртышского речного бассейна (вторая половина XX в. – нач. XXI в.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 6 (93). С. 159–170.
24. Шмыглева А. В. Экологическая драма рек Обь-Иртышья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 108–114.
25. Agafonova A. B. Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870–1914 // *Historia Urbana*. 2020. Vol. 28. P. 225–247.
26. Agafonova A. B. Water Supply to the Small Cities in the Northern Region of the Russian Empire, 1890–1910s (Vologda, Staraya Russa and Cherepovets) // *Mesto a Dejiny*. 2020. Vol. 9, No. 1. P. 45–68.

References

1. Agafonova, AB 2024, 'Ekologicheskiye i sotsialnyye posledstviya razvitiya gidroenergetiki na Vostochno-Evropeyskoy ravnine v pervoy treti XX v' (Environmental and social impacts of

- hydropower development in the East European Plain in the first third of the 20th century), *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no 2(83), pp. 174–184. (In Russ.)
2. Barabanova, KS & Mukhyarova, AR 2024, '«Vodoprovod dolzhen byt gotov k 1914 godu, no on okazalsya ne gotov i k 1915 godu i mozhet byt ne gotov takzhe k 1916 godu»: stroitelstvo pervogo vodoprovoda v Omske' ('The water supply system should be ready by 1914, no, it was not ready by 1915 and may not be ready by 1916': the construction of the first water supply system in Omsk), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(93), pp. 130–138 (In Russ.)
 3. Barabanova, KS 2023, 'Epidemii, vrachi i vodoprovod: sozdaniye vodnoy infrastruktury v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX vv' (Epidemics, doctors and water supply: the creation of water infrastructure in Western Siberia in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(87), pp. 87–94 (In Russ.)
 4. 'Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1979 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, yeye territorial'nykh yedinit, gorodskikh poseleniy i gorodskikh rayonov po polu' (All-Union Population Census 1979. Urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban districts by gender), *Russian State Archive of Economics*, fund 1562, inventory 336, files 5943–5951, viewed 01 May 2025, https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (In Russ.)
 5. Gololobov, EI 2020, 'Antropogennoye vozdeystviye cheloveka na vodnye resursy Severa Zapadnoy Sibiri v period aktivnogo promyshlennogo osvoeniya (1960–1975 gg.): na primere Surgutskogo Priob'ya' (Anthropogenic impact of man on the water resources of the North of Western Siberia during the period of active industrial development (1960–1975): on the example of the Surgut region), *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1(26), pp. 28–33. (In Russ.)
 6. Gololobov, EI 2024, 'Problemy vodopol'zovaniya na Severe Zapadnoy Sibiri po materialam fonda № 51 «Surgutskiy gorodskoy komitet narodnogo kontrolya» munitsipalnogo arkhiva goroda Surguta' (Problems of water use in the North of Western Siberia according to the materials of the fund No. 51 "Surgut City Committee of National Control" of the municipal archive of the city of Surgut). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3(90), pp. 140–150. (In Russ.)
 7. *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO)* (Historical archive of Omsk region (HAOR)). Fund P-1411. Inventory 1. File 819A. (In Russ.)
 8. *IAOO* (HAOR). Fund P-235. Inventory 2. File 3067. (In Russ.)
 9. *IAOO* (HAOR). Fund P-235. Inventory 2. File 4025. (In Russ.)
 10. *IAOO* (HAOR). Fund P-235. Inventory 2. File 4085. (In Russ.)
 11. *IAOO* (HAOR). Fund P-235. Inventory 2. File 4101. (In Russ.)
 12. *IAOO* (HAOR). Fund P-437. Inventory 9. File 2692. (In Russ.)
 13. *IAOO* (HAOR). Fund P-437. Inventory 9. File 2815. (In Russ.)
 14. *IAOO* (HAOR). Fund P-437. Inventory 6 a. File 83. (In Russ.)
 15. *IAOO* (HAOR). Fund P-1088. Inventory 4. File 686. (In Russ.)
 16. Makeeva, ED 2016, 'Deyatelnost regionalnykh i mestnykh organov upravleniya v sfere okhrany prirody v 1918–1950-kh gg. (na materialakh arkhivov Srednego i Nizhnego Povolzhya)' (Activities of regional and local government bodies in the field of nature protection in the 1918–1950s (based on the archives of the Middle and Lower Volga)), *Samarskiy nauchnyy vestnik*, no 4(17), no. 134–139 (In Russ.)
 17. Makeeva, ED 2020, 'Prichiny nizkoy effektivnosti prirodookhrannoy deyatelnosti mestnykh organov vlasti v 1960–1980-e gg. (na materialakh Kuybyshevskogo oblastnogo soveta narodnykh deputatov)' (The reasons for the low efficiency of environmental protection activities of local authorities in the 1960–1980s (based on the materials of the Kuibyshev Regional Council of People's Deputies), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(69), pp. 154–165 (In Russ.)
 18. Mostovenko, MS 2021, 'Deyatelnost Omskogo oblastnogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany prirody vo vtoroy polovine 1950-kh – pervoy polovine 1960-kh gg.: stanovleniye i razvitiye' (Activities of the Omsk regional branch of the All-Russian Society for Nature Conservation in the second half of 1950 – the first half of 1960: formation and devel-

- opment), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(75), pp. 135–144 (In Russ.)
19. Mostovenko, MS 2022, 'Deyatel'nost' postoyannykh komissiy po okhrane prirody po zashchite vodnykh resursov Zapadnoy Sibiri v 1960-e – 1970-e gody (regional'nyy opyt KhMAO i Omska)' (The activities of the standing commissions for nature protection to protect the water resources of Western Siberia in the 1960s – 1970s (regional experience of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Omsk), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(81), pp. 46–57 (In Russ.)
 20. Mostovenko, MS 2024, 'Proyekt Omskoy GES v ekonomicheskoy istorii regiona 1930–1980-kh godov' (Omsk hydroelectric power station project in the economic history of the region of the 1930–1980s), *Nauchnyy dialog*, vol. 13, no. 1, pp. 431–447 (In Russ.)
 21. 'Resheniya Soveshchaniya po kompleksnomu ispol'zovaniyu i okhrane vodnykh resursov Zapadnoy Sibiri. 12–16 dekabrya 1961 g.' (Decisions of the Conference on the Integrated Use and Protection of Water Resources of Western Siberia, December 12–16, 1961) 1961, *Sovet po problemam vodnogo hozyaystva AN SSSR. Novosib. NTO energet. prom-sti* (Council on Water Management Problems of the USSR Academy of Sciences; Novosibirsk Scientific and Technical Organization of the Energy Industry). Novosibirsk. (In Russ.)
 22. Shmygleva, AV 2023, 'Upravleniye vodopol'zovaniyem vo vtoroy polovine XX v. (na primere Ob'-Irtyshskogo basseyna)' (Water management in the second half of the 20th century (using the example of the Ob-Irtysh basin), *Bulletin of Tomsk State University*, no. 496, pp. 180–190 (In Russ.)
 23. Shmygleva, AV 2024, 'Rybokhozyaystvennye i gidrobiologicheskiye issledovaniya Ob'-Irtyshskogo rechnogo basseyna (vtoraya polovina XX v. – nach. XXI v.)' (Fishery and hydrobiological studies of the Ob-Irtysh River basin (second half of the 20th century – early 21st century), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no 6(93), pp. 159–170. (In Russ.)
 24. Shmygleva, AV 2021, 'Ekologicheskaya drama rek Ob'-Irtysh'ya' (Ecological drama of the Ob-Irtysh rivers), *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6(75), pp. 108–114. (In Russ.)
 25. Agafonova, AB 2020, 'Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870–1914', *Historia Urbana*, vol. 28, pp. 225–247.
 26. Agafonova, AB 2020, 'Water Supply to the Small Cities in the Northern Region of the Russian Empire, 1890–1910s (Vologda, Staraya Russa and Cherepovets)', *Mesto a Dejiny*, vol. 9, no. 1, pp. 45–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 29.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 154–165.

Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 154–165.

Научная статья

УДК 94(4)«1492/1914»

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-154-165>

СВЕДЕНИЯ О ТРАНЗИТНЫХ ПУТЯХ НА ВОСТОК В ИТАЛЬЯНСКОЙ «РОССИКЕ» XVI В.

**Руслан Сергеевич
Асташкин**

Приволжский государственный университет
путей сообщения

Самара, Россия, biblio.min@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8435-3318>

Аннотация. В статье анализируются сообщения итальянских авторов XVI в., посвященные Московскому государству. Используемые материалы входят в состав так называемой европейской «россии», то есть совокупности западных произведений о «Московии». В качестве примера рассматриваются три источника: «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» Павла Иовия (Паоло Джовио) (1525 г.), «Донесение о Московии» Франческо Тьеполо (1560 г.) и «Отчет о Московии» Рафаэля Барберини (1564 г.). Содержание указанных текстов оценивается в контексте условной проблемы «русского транзита», составлявшей специфический аспект русско-европейских связей в эпоху раннего Нового времени. Под «русским транзитом» в данном случае понимается вопрос о возможном использовании территории Русского царства для развития контактов со странами Востока. Различные представители Запада (торговцы, дипломаты, деятели Римско-католической церкви) неоднократно проявляли интерес к транзитным дорогам, соединявшим Московское государство с Азией. Речь шла главным образом о Великом Волжском пути, а также о мифическом «Северо-Восточном проходе», будто бы позволявшем проникнуть в Китай. Вклад итальянских авторов XVI в. в накопление и популяризацию информации об указанных маршрутах ранее не получал специального освещения в историографии. Как показал анализ вышеназванных источников, в отдельных произведениях итальянской «россии» приводились достаточно интересные и оригинальные сведения по проблеме «русского транзита». Представляется целесообразным классифицировать эти сообщения в соответствии с их тематикой. Также ставится вопрос о практическом значении деятельности итальянских сочинителей в свете поисков альтернативных путей на Восток, осуществлявшихся европейцами в XVI–XVII вв.

Ключевые слова: история международных отношений, Россия, Московское царство, Волжско-Каспийский транзит, «Северо-Восточный проход», Поволжье, Сибирь, Италия.

Для цитирования: Асташкин Р. С. Сведения о транзитных путях на Восток в итальянской «россии» XVI в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 154–165. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-154-165>

Сведения об авторе: Р. С. Асташкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории науки, Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Свободы, 2В.

Scientific Article
UDC 94(4)«1492/1914»
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-154-165>

INFORMATION ON THE TRANSIT ROUTES TO THE EAST IN THE ITALIAN ROSSICA OF THE 16TH CENTURY

Ruslan S. Astashkin

Volga State Transport University
Samara, Russia, biblio.min@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8435-3318>

Abstract. The article analyzes the reports by Italian authors of the 16th century about the Muscovite state. The materials used are part of the European Rossica, which is the collection of the Western works on Muscovy. As an example, the author considers three sources: 'On the Embassy of Basil, Grand Prince of Muscovy, to Pope Clement VII' by Paulus Jovius (Paolo Giovio) (1525), 'Dispatch on Muscovy' by Francesco Tiepolo (1560) and 'Report on Muscovy' by Raphael Barberini (1564) and assesses the content of these texts in the context of the conditional problem of Russian transit, which formed a specific aspect of the Russian-European relations in the early modern era. Russian transit in this case implies the question of the possible Russian Empire territory use for the development of contacts with Oriental countries. Various representatives of the West (traders, diplomats and Roman Catholic figures) repeatedly expressed interest in transit routes that connected the Muscovite state with Asia. It was mainly about the Great Volga Route, as well as the mythical Northeast Passage that supposedly allowed entering China. There is no special coverage in historiography of the 16th century Italian authors' contribution to the accumulation and popularization of information about these routes. According to the analysis of the above-mentioned sources, some pieces of the Italian Rossica provided quite interesting and original information on the problem of Russian transit. It seems appropriate to classify these reports according to their subject matter. The author also raises the issue of the practical importance of the Italian writers' work in the light of Europeans' search for alternative routes to the East in the 16th–17th centuries.

Keywords: history of foreign affairs, Russia, the Muscovite state, the Volga-Caspian transit, Northeast Passage, Volga region, Siberia, Italy.

For citation: Astashkin, RS 2025, 'Information on the Transit Routes to the East in the Italian Rossica of the 16th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 154–165, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-154-165> (in Russ.)

Information about the Author: *Ruslan S. Astashkin* – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science, Volga State Transport University, 2B, Svobody Str., Samara, 443066, Russia.

Введение

Интерес европейцев к Русскому царству в XVI–XVII вв. частично объяснялся желанием установить связи с восточными странами. Так, представители Запада стремились получить доступ к Великому Волжскому пути, т.е. к сети коммуникаций от Москвы до Астрахани. Спуск по Волге до Каспия воспринимался как стартовый отрезок «Волжско-Каспийского транзита», соединявшего Европу с Персией, Средней Азией и даже Индией [4, с. 14]. Другой вектор поисков путей на Восток базировался на идее «Северо-Восточного прохода», согласно которой плавание вдоль побережья Сибири могло привести моряков напрямик в Китай. Эта географическая ошибка легла в основу многих неудачных экспедиций. Со временем ориентирами в отыскании «прохода» стали восточное пограничье «Московии» и устье Оби. Последняя, по версии С. Герберштейна, будто бы брала свое начало в водах «Китайского озера» [5, с. 63]. Можно утверждать, что вопрос о «русском транзите» составлял отдельный сюжет тогдашних русско-европейских отношений.

На наш взгляд, важную роль в сборе информации о путях в Азию играла знаменитая «россика», т. е. комплекс западных сочинений о «Московии». Эти тексты знакомили европейскую аудиторию с положением дел в русских регионах, находившихся в условной «транзитной зоне» (Поволжье, Урал, Сибирь). Более того, на основе таких сообщений формировались представления о самих транзитных маршрутах (Волжском и «Северо-Восточном»). Нужно признать, что этот аспект «россики» XVI–XVII вв. почти не получил освещения в науке. В полной мере это относится к итальянским произведениям о Московском государстве, тем более что сами источники изучены сравнительно неполно. Говоря о русскоязычной историографии, нужно отметить специальные работы Дж. Д'Амато [10; 11]. Цель данной публикации – оценить значение итальянской «россики» XVI в. для сбора и популяризации сведений о путях в Азию, предположительно проходивших через владения русских царей. Отдельные элементы этой проблемы рассматривались нами в предыдущих статьях [3; 4; 5; 6]. Хронологические рамки обусловлены тем фактом, что интерес Запада к «русскому транзиту» оформился в XVI в. Примечательно, что на этом этапе активность в данном вопросе проявляли выходцы из Италии (Венеции и Генуи). Местное купечество, терявшее позиции в мировой торговле, нацелилось на поиск новых дорог на Восток [3, с. 28]. Вопрос о Волжском «коридоре» в Персию был актуален и для дипломатии городов-республик [15, с. 69–73]. При этом первыми итальянскими авторами, затронувшими тему транзитных путей в Азию, были И. Барбаро и А. Контарини, издавшие свои труды еще в конце XV в. (эти сочинения не были посвящены «Московии») [7; 14]. В XVII в. интерес Италии к «русскому транзиту» заметно ослабел, если не исчез вообще [1, с. LII; 3, с. 28]. Добавим, что самые яркие образцы итальянской «россики» датированы тем же XVI в.

Материалы и методы

В связи с большим объемом материала мы остановимся на анализе трех источников: «Книги о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» П. Иовия, «Донесения о Московии» Ф. Тьеполо и «Отчета о Московии» Р. Барберини. Труд Иовия появился в первой половине XVI в., когда основная часть Великого Волжского пути не контролировалась Русским царством. Два других сочинения, напротив, датированы периодом существования непрерывного маршрута от Москвы до Каспия. Эта разница позволяет оценить вклад конкретных писателей в изучение Волжско-Каспийского транзита с учетом исторической конъюнктуры. Кроме того, авторы принадлежали к различным социальным стратам: миру науки (Иовий), политико-дипломатическим (Тьеполо) и торговым (Барберини) кругам. Предполагается, что профессиональные связи сочинителя отчасти предопределяли состав его аудитории, а значит, и возможный эффект публикации. При отборе ис-

точников не учитывались труды клерикальных деятелей (например, А. Поссевино), которые, будучи итальянцами, представляли все-таки не родную страну, а Святой Престол. При этом материалы такого рода, безусловно, содержали оригинальные данные и суждения на тему «русского транзита» [9, с. 11; 12; 16, с. 64–65].

Вышеназванные источники были изучены с помощью метода контент-анализа, что позволило выявить сообщения, непосредственно связанные с рассматриваемой проблемой. Источниковедческая характеристика текстов осталась за рамками исследования. Обнаруженные высказывания были сгруппированы по тематическому критерию (данные о транзитных маршрутах как таковых и сведения о соответствующих регионах Московского государства). Для оценки выявленной информации и ее исторического значения был использован сравнительно-сопоставительный метод, а также метод диахронического анализа и исторической периодизации.

Результаты

Прямое упоминание транзитных путей в Китай можно найти только у Иовия. Автор заявляет: «[Северная – *Р. А.*] Двина ... течет к северу, и ... море, в которое впадает она, имеет столь огромное протяжение, что придерживаясь правого его берега [т.е. побережья Сибири – *Р. А.*], можно доплыть до самого Китая – ежели не встретится на пути какой-либо новой земли» [13, с. 31–32]. Здесь итальянский ученый сформулировал базовый тезис о «Северо-Восточном проходе». Вышеупомянутое «море» можно отождествить со «Скифским океаном», который, согласно тому же писателю, соседствовал с северо-восточным краем «Герцинских лесов», будто бы занимавших большую часть «Московии» [13, с. 23]. Океан, как сказано в другом отрывке, находился в трех месяцах пути от северных рубежей Русского царства [13, с. 29]. В тексте фигурируют и сами «скифы», которых Иовий также называет «татарами». Эти кочевые племена, как пишет итальянец, жили к востоку от русских и занимали «обширные степи, простирающиеся до самого Китая [дословно «Катая» – *Р. А.*], знаменитой страны на берегах Восточного океана» [13, с. 24]. При всей условности таких трактовок, предположим, что «Скифским» автор называл Северный Ледовитый океан, а «Восточным» – Тихий. Соответственно, «Скифия» – это пространства Евразии, включавшие Приуралье и значительную часть Сибири. Термин «Герцинский лес» также наводит на мысль о сибирских таёжных просторах, хотя в античной космографии этот объект помещался намного западнее. Сообщая о морском пути до «Катая», Иовий приводит довод: «Китайцы доходили даже до Золотого Херсонеса [полуостров Малакка – *Р. А.*] и привозили с собою собольи меха». Этот факт будто бы служил доказательством близости Китая к «Скифским берегам» [13, с. 32]. Не секрет, что пушнина уже тогда считалась «визитной карточкой» Сибири. Характерно, что в источнике нет ни слова о бассейне Оби. По замечанию М. П. Алексеева, представления Иовия о «Северо-Восточном проходе» были ближе к истине, чем возникший позднее миф о «Китайском озере» [1, с. 79]. Разительный контраст представляют тексты других авторов. Хотя Тьеполо и Барберини не пишут прямо о путях в Китай, мы находим у них косвенные сообщения на эту тему [4, с. 11–12, 12–14]. Тьеполо заявляет, что «величайшая река Обис» вытекает из «озера Китран» («Qutran»), т. е., скорее всего, «Китайского». Далее Обь будто бы минует «Джутрию» («самую восточную из областей, подвластных московитам») и впадает в «залив Гранд-вико» (Белое море) [19, с. 328, 329, 335]. Рядом с этим «заливом» писатель разместил пролив, отделявший материк от «Энгронеландии» – мифической земли к востоку от Скандинавии [19, с. 328, 329, 335]. Как видим, данные Тьеполо о бассейне Оби были откровенно фантастическими. Единственной отсылкой к Китаю осталось искаженное название вымышленного озера, поскольку о близости истока реки к китайским владениям итальянец так и не обмолвился. Он лишь отметил, что у истока

жили «некоторые племена скифской народности, прежде подчиненные татарам» [19, с. 335]. Тем не менее, слова Тьеполо могли навести публику на мысль о возможности добраться до Китая морским путем (по Белому морю до устья Оби) с последующим подъемом по реке. Конечно, такой маршрут не имел под собой реальной почвы (Обь впадает в Карское море, расположенное куда восточнее) [4, с. 14]. Другой вариант, следуя логике источника, предполагал отказ от морского вояжа в пользу поездки в «Джугрию» – историческую Югру, которую тогдашние картографы как раз помещали близ Оби [19, с. 335]. Чтобы попасть в «Джугрию» из Европы, нужно было проехать через русские земли, начиная с «Московии» (у Тьеполо это не все царство, а его центральная «провинция»), и владения татарской орды «туменов» (Тюменское ханство?) [19, с. 327, 335]. Далее опять-таки пришлось бы двигаться вверх по течению, с отклонением на юг. Заметим также, что Тьеполо упоминает «крутой покрытый снегом горный кряж» (Уральский хребет), отделявший «Джугрию» от «Энгронеландии» [19, с. 336]. В этом контексте второй (сухопутный) маршрут мог показаться более удобным. Барберини утверждает, что Обь «вытекает из одного большого озера – Каттая [«Gattajo» – *P. A.*], в том месте, где находится и главный каттайский город, именуемый Конбулики [«Ханбалык» – монгольское название Пекина – *P. A.*» [1, с. 115; 18, с. 32]. Здесь два итальянца вторят друг другу, хотя только один из них упоминает Китайскую державу. Также Барберини характеризует Обь как «чрезвычайно широкую» реку на территории «Царства Сибирских Татар», покоренного русским царем. Жители страны, по сведениям писателя, поклонялись «истукану какой-то старухи», или «Золотой Бабе» [18, с. 31, 32]. Легенда об этом идоле была популярна в «россии», причем капище «Золотой Бабы» со временем «сместилось» к востоку, дойдя до низовий Оби [1, с. 114]. Об устье реки у Барберини ничего не сказано, и в этом смысле отчет не дает информации о Северо-Восточном проходе. При этом сообщения итальянца позволяют реконструировать альтернативный маршрут, якобы соединявший Россию с Китаем [1, с. 114]. Так, автор расположил «Царство Сибирских Татар» за «знаменитыми Рифейскими горами». Путники, желавшие достичь этого «утесистого и бесплодного», населенного птицами хребта, должны были пройти «много-премного» суток по течению Северной Двины [18, с. 31–32]. В другом фрагменте «Рифеи» помещены во «многих сутках пути» от (!) Двины, а «Золотая Баба» стоит не «за» горами, а «у» них [18, с. 39]. В любом случае, в Новое Время термином «Рифейские горы» часто обозначали Урал [1, с. 113]. Некий русский человек сообщил Барберини, что землепроходцы, добравшиеся до этих вершин, затратили на подъем семнадцать дней [18, с. 31, 39]. В свете вышесказанного путь из «Московии» в Китай мог выглядеть примерно так: сначала долгое плавание по Двине, затем сложный переход через горы в Сибирь и, наконец, вояж по Оби до искомого озера.

Ни один из авторов не дает сведений о транзитных маршрутах в Персию как таковых. Более того, не приводится сам факт соседства Русского и Персидского государств [4, с. 15; 6, с. 100]. Барберини упоминает «Персидское море», хотя обычно он называет его Каспийским [18, с. 33]. Более важны сообщения Тьеполо о персидских купцах, посещавших Москву, «Читракан» (Астрахань) и «торговый остров близ Касана» (Гостиный остров у Казани) [19, с. 338–339]. О торговцах из Персии и «Мидии» (Ширванского ханства), ездивших в Астрахань на «славную ярмарку», пишет Иовий [13, с. 35]. Другой партнер «москвитов» в бассейне Каспия – это среднеазиатские ханства, жителей которых итальянцы именуют «племенем Загатайским» (Иовий), а также «калмуками и дзагатаями» и даже «Зелеными Шапками» (Тьеполо) [13, с. 25–26; 19, с. 339]. Конкретные маршруты доставки восточных богатств почти не освещаются. Исключение составляет замечание Тьеполо о переправке товаров из Астрахани по Волге, Оке и Москве-реке [19, с. 332]. С другой стороны, книга

Иовия содержит характеристику пути, будто бы соединявшего «Московию» с Индией. В качестве промежуточных пунктов выступают Каспий, Персия и Средняя Азия [3, с. 26]. Ученый затронул эту тему в связи с деятельностью генуэзского купца П. Чентурионе, посещавшего Москву в 1520 и 1525 гг. Именно от Иовия мы узнаем об этом деятеле, ставшем едва ли не пионером в попытках Запада получить доступ к «русскому транзиту» [3, с. 24, 25, 27; 13, с. 14–19]. По словам автора, генуэзец был увлечен идеей «нового и невероятного пути для провоза из Индии благовонных и пряных товаров» [13, с. 14]. Планировалось везти грузы по Инду и Оксу (Амударье) до Гирканского (Каспийского) моря, куда якобы впадала Амударья. Заметим, что и Сырдарья (Яксарт) у Иовия втекает в Каспий. Далее из «порта Стравы» (персидский Астрабад) лежал «безопасный и удобный путь морем к торговому городу Цитрах [Астрахань – Р.А.] и к устьям Волги». Поднявшись «по рекам Волге, Оке и Москве до города Москвы», торговцы могли добраться до Балтики и оттуда отбыть на Запад [13, с. 14–15, 26]. Хотя Василий III отказался помочь Чентурионе в реализации его авантюры, Иовий посвятил данному эпизоду заметную часть своего текста [13, с. 16]. Сочинитель дополнил план генуэзца собственными данными: от Москвы следовало ехать до «города Твери, на реке Волге», а оттуда «чрез леса и дикие пустыни» открывался путь на Новгород, находившийся в менее чем пятистах миль от Риги [13, с. 37–38]. Таким образом, автор предложил оригинальный вариант Волжско-Каспийского транзита, призванный соединить Прибалтику с Индостаном. Однако сам Великий Волжский путь почти не получил освещения в источнике. Иовий лишь указал, что Волга «стремится большими излучинами сперва на Восток, потом на Запад и наконец на Юг, и втекает обильными рукавами в Гирканское море» [13, с. 35]. Похожее замечание о реке и ее притоках мы находим у Барберини [17, с. 12, 14; 18, с. 36]. У Тьеполо Волга, «принимая в себя Оку и Моско [Москву-реку – Р. А.], течет в море Каспио», составляющее южный рубеж «Московии» [19, с. 327, 329]. Только в труде Тьеполо изображена картина непрерывного Волжского пути, находившегося под контролем Москвы. Автор сообщает о завоевании «нынешним герцогом» (Иваном IV) областей «Кассан» и «Читракан», т.е. Казанского и Астраханского ханств, называя при этом неверную дату (1557 г.). После покорения русскими Поволжья и укрепления местных городов «страна стала более ... безопасной и свободной от набегов татар» и других племен [19, с. 329, 330, 333, 342, 343]. Особенно интересен краткий очерк истории Астрахани, также приведенный Тьеполо. По словам писателя, «область Читракан» «была общим рынком всех и северных и южных народов, до тех пор, пока европейские купцы посещали город Тану [венецианская колония в устье Дона – Р. А.], куда привозились пряности и разные другие товары из Индии и иных южных стран». Затем торговля и сам регион пришли в упадок, но после прихода «москвитов» «открылось плавание по Волге, до тех пор очень затрудненное, а поэтому персы и армяне снова стали возить пряности и другие товары» [19, с. 332]. С тех пор в Астрахани торговля развивалась сильнее, чем в остальной России, причем из слов итальянца ясно, что этот бум был связан с удобством речных коммуникаций [19, с. 339].

Изученные труды содержат немало данных об отдельных областях Русского царства, лежавших на путях в Азию. Поиск маршрутов в Китай предполагал сбор сведений о Приуралье и Сибири. В этом случае видна закономерность: чем восточнее лежали описываемые земли, тем фантастичнее были известия «россики». Так, Барберини ссылается на легенду о «лукоморах», якобы живших за Обью [18, с. 32]. За «Лукоморьем», как сообщили автору, течет «большая река, именуемая Таханин, в которой ... находятся, будто бы, рыбы, совершенно похожие на человека», а на берегу растут «огромные леса с чудовищными народами, у которых голова звериная с глазами во лбу» [18, с. 33]. Даже сообщения итальянцев об Уральском хребте были

весьма путаными. Иовий пишет, что путь в «страну Югров и Вуголичей» (вогулов) лежит через «непроходимые горы, вероятно, те самые, которые в древности именовались Гиперборейскими». Однако в другом отрывке он заявляет, что в России нет горных цепей, и поэтому «занимающиеся Космографией почитают сказкою ... Рифейские и Гиперборейские горы» [13, с. 31, 35]. Тьеполо, в свою очередь, помещает «Гиперборейские горы» между Белым морем и южной «провинцией Сибиер, населенной ногаями» [19, с. 328]. Как ни странно, других упоминаний топонима «Сибирь» нет ни в одном из источников. Если Барберини и Иовий в целом немногословны при описании востока «Московии», то у Тьеполо мы находим характеристику здешних «провинций». Область «Вяткан» с городом того же имени, лежащим на одноименной реке (Хлынов на Вятке?), является наиболее близкой к «татарам» частью России, поэтому она особенно хорошо охраняется. Здесь течет множество рек, и на близлежащем берегу Волги стоит «много крепостей и деревянных селений». Южный сосед «Вяткан» – «область Сибиер», а к северу лежат владения «туменов» и другая русская «провинция» – «Пермия» [19, с. 334]. К Пермскому краю на востоке примыкают «Гиперборейские горы», за которыми, помимо того же «Тумена», расположилась третья и последняя «провинция» – вышеупомянутая «Джугрия» [19, с. 335]. В изложении Тьеполо весь восточный фронтير Русского царства предстает как достаточно обжитая и судоходная территория.

Большой полнотой отличались сведения итальянцев о бассейне Волги, причем все писатели так или иначе обрисовали контуры Волго-Окского междуречья [6, с. 100]. Иовий, в отличие от других авторов, не застал переход Среднего и Нижнего Поволжья под власть русских царей. Соответственно, он делает акцент на татарских ордах, населявших эти регионы в первой половине XVI в. Упомянуты жившие за Волгой «Казанские Татары, которые весьма дорожат дружбою Московитян и признают их своими покровителями», а также их соседи – «Шибанские [тюменские – Р. А.] Татары, сильные по своему многолюдству и обширным стадам» и «Ногайские Татары, славящиеся ... богатством своим и воинскою доблестью» [13, с. 25]. Казань охарактеризована как татарский город на левом берегу, отстоящий «от устья Волги и Каспийского моря на пятьсот миль» [13, с. 35–36]. Ученый называет и ближайшие русские крепости: «Сурцикум» (Васильсурск) в ста пятидесяти милях от Казани, Нижний Новгород (при впадении Оки в Волгу), Коломну (где Москва-река впадает в Оку) и Владимир («по сю сторону Волги, при реке Клязьме») [13, с. 34, 36, 37]. Однако у Иовия Поволжье все еще «безлюдная страна», тогда как в работах Барберини и Тьеполо, датируемых другой эпохой, отразилось последующее развитие местной инфраструктуры. Барберини, приводя описание пути из Голландии в Россию, останавливается на верховьях Волги, причем здесь он регулярно сообщает о путевых расстояниях [6, с. 100]. В ста пятидесяти милях от Торжка «находится большой и хороший город, на реке Волге, называемый Тверь». Еще через триста миль расположено «Великое Княжество Московское, где главным городом – Москва на реке того же имени» [17, с. 9]. Далее Москва-река течет через Коломну (девятьюстами милями от столицы) и впадает «в большую реку, именуемую Ока, которая за пятьсот миль от Москвы вливается в Волгу, там, где стоит Нижний Новгород» [17, с. 11; 18, с. 34]. В пятистах милях от Нижнего находится Казань (о землях, лежащих еще ниже по течению, автор почти не пишет) [17, с. 12]. Барберини добавляет, что на Волге есть «еще и другие города и селения, и множество рек в нее впадает». В единую речную сеть у него входят в том числе Сура и некая «Малая Москва» (Клязьма?) [17, с. 11, 12; 18, с. 34–35]. На наш взгляд, подход Тьеполо к описанию Поволжья отличался большей оригинальностью. Опираясь на свой авторский подход, составитель «Донесения» наложил географию региона на разработанную им систему «провинций» [4, с. 14–18]. Выше мы уже упоминали области «Кассан» и Читракан». Южные русские земли, включая

часть Нижнего Поволжья, Тьеполо именует «Куманией» (от куманов-половцев), а на правом берегу Волги в среднем течении он разместил «Булгарию» (от волжских болгар), населенную мордвой и чувашами [19, с. 331]. Верхнее Поволжье на этой воображаемой карте относится к «Московии» в узком смысле, т. е. к центральной области царства. Южный рубеж «провинции» совпадает с течением Оки [19, с. 329].

Обсуждение результатов

Полученные итоги позволяют проследить эволюцию знаний о транзите в Азию. Так, Иовий сформулировал теорию «Северо-Восточного прохода» в ее базовом виде, тогда как в более поздних трудах эта идея получила новое наполнение. Вопрос о достоверности выявленных сообщений не входит в предмет нашего исследования. Заметим лишь, что в распоряжении итальянцев был широкий круг источников. При этом Барберини стал единственным автором, посетившим Россию. Скорее всего, он бывал в Верхнем Поволжье, но не ездил за Урал [6, с. 98, 99]. Информаторами Иовия по «транзитному» вопросу были П. Чентурионе и русский посол Д. Герасимов [1, с. 79; 3, с. 30]. Работа Тьеполо представляла собой компиляцию картографических и письменных материалов, включая классическую «россику» (Герберштейна и того же Иовия) [2, с. 311, 316–320; 4, с. 10; 11, с. 16]. Наблюдения о текущей ситуации на Волге, однако, исходили от самого автора [4, с. 10; 19, с. 329]. Тезис о впадении Оби в Белое море тоже принадлежал лично Тьеполо [19, с. 328]. Барберини, повествуя о Сибири, ссылаясь на слова тамошних уроженцев [8, с. 49; 17, с. 5–6; 18, с. 31–34]. Одновременно он черпал информацию у Герберштейна и других писателей [1, с. 113–115].

На наш взгляд, значимость изученных материалов для поисков транзитных путей вполне очевидна. Нужно учесть, что даже элементарные географические данные (например, о впадении Волги в Каспий) имели в ту эпоху немалую ценность [3, с. 32; 4, с. 14]. Хотелось бы вкратце обозначить заслуги каждого автора. Иовия по праву можно считать основоположником «транзитной» темы в «россике». Он не только выступил с теорией северного морского пути в Китай, но и поставил вопрос о потенциале Волжско-Каспийского торгового «коридора». Рассказ о проекте Чентурионе должен был вдохновить будущих энтузиастов идеи «русского транзита» [3, с. 31–32]. Тьеполо вошел в число первых европейцев, сообщивших Западу о переходе Поволжья под власть Москвы. Он и Барберини параллельно собрали сведения о развитии инфраструктуры региона в новых реалиях, внося вклад в создание картины цельного Волжского пути [4, с. 17–19; 6, с. 100]. В той же Италии после середины XVI в. ощущалась потребность в свежих знаниях о Волго-Окской сети [4, с. 18]. Кроме того, Барберини и Тьеполо в своих работах уделили внимание восточному пограничью России и бассейну Оби с «Китайским озером».

Более сложной проблемой представляется оценка реального эффекта данных текстов в контексте сюжета о «русском транзите». Вероятно, следует иметь в виду судьбу каждого отдельного сочинения. Особняком стоит труд Иовия, поскольку он был быстро переведен на многие языки и приобрел широкую известность [1, с. 79; 9, с. 8]. Для представителей «россики», начиная с Герберштейна, эта книга стала едва ли не «настойной» [13, с. 5–6]. Сообщения римского ученого на интересующие нас темы дублировались в чужих произведениях, в том числе в форме явного плагиата [20, с. X, 20]. Несомненно, наработки Иовия находились в поле зрения образованных европейцев, озабоченных темой транзитных путей. Как убедительно показано в монографии М. П. Алексеева, выход в свет «Книги о посольстве» прямо стимулировал поиск «Северо-Восточного прохода». Английские и голландские экспедиции XVI в. снаряжались под влиянием гипотезы, изложенной итальянцем [1, с. 79]. Не исключено также, что англичане из «Московской компании», торговавшие с Персией по Волге, читали известие Иовия о проекте Чентурионе [3, с. 32]. К сожалению, в

случае с другими источниками нам придется ограничиться общими догадками. Дело в том, что рукопись Барберини была впервые издана лишь в 1658 г., а «Донесение» Тьеполо – вообще в 1820 г. Остается открытым вопрос о доступности обоих текстов для публики в XVI–XVII вв. Как указывает С. А. Аннинский, труд Тьеполо был «очень удобен для читателя и, судя по числу сохранившихся списков, много читался» [2, с. 323]. На данный момент не представляется возможным подкрепить эту версию конкретной информацией. В теории ранняя аудитория «Донесения» могла принадлежать к политико-дипломатической элите Венеции (согласно традиционной гипотезе, текст был написан по заказу Сената республики) [4, с. 11]. В этих слоях, как отмечалось выше, присутствовал определенный интерес к транзитным маршрутам на Восток. Барберини, в свою очередь, занимался международной торговлей, в то время как его «Отчет» был составлен по просьбе Ватикана [1, с. 112; 6, с. 98]. Можно предположить, что рукопись была известна отдельным представителям купеческих или клерикальных кругов Италии или Европы вообще. Кто-то из этих читателей вполне мог быть увлечен условной идеей «русского транзита».

Заключение

Таким образом, в проанализированных выше источниках содержатся многообразные сообщения, касающиеся как предполагаемых путей на Восток, так и соответствующих регионов Русского государства. Было доказано, что отдельные представители итальянской «россии» XVI в. (П. Иовий, Ф. Тьеполо, Р. Барберини) внесли определенный вклад в сбор и распространение данных по теме «русского транзита». Более того, в некоторых случаях можно проследить конкретное влияние деятельности сочинителей на последующие поиски транзитных маршрутов. Результаты исследования могут применяться при дальнейшем изучении проблемы места Московского царства в процессе экспансии европейцев в Азию.

Список источников и литературы

1. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск: Сиб. отд-ние РАН, 2006. 609 с.
2. *Аннинский С. А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 305–326.
3. *Асташкин Р. С.* Деятельность Паоло Чентурионе в контексте проблемы транзитных путей на Восток // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 7 (7). С. 24–36.
4. *Асташкин Р. С.* Проблема транзитных путей в Азию в «Рассуждении о делах московских» Франческо Тьеполо // Science Time. 2016. № 8 (32). С. 10–20.
5. *Асташкин Р. С.* Сведения о транзитных путях в Китай в итальянской «россии» XV–XVI вв. // Актуальные научные исследования: от теории к практике : сб. материалов LIX-ой междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 20 января 2025 г. М.: Империя, 2025. Т. 4. С. 63–66.
6. *Асташкин Р. С.* Сообщения Р. Барберини о Русском царстве в контексте проблемы Волжско-Каспийского транзита // Клио. 2025. № 1 (217). С. 97–102.
7. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. VII–XVI, 1–66.
8. *Барберини Р.* Письмо к брату // Сын отечества. 1842. № 7. С. 48–50.
9. *Бугров К. Д.* Проблемы развития конфессионально-политического диалога: западноевропейские католические авторы XVI–XVII вв. о России // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 3–21.

10. Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России (конец XV–XVI веков) : ист.-библиогр. очерк. М.: РГГУ, 1995. 152 с.
11. Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI веков как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Д'Амато Джузеппе. М., 1993. 282 с.
12. Известия Джiovанни Тедадьди о России времен Иоанна Грозного / В. Шмурло // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. Ч. CCLXXV. 1891. Май. С. 122–146.
13. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 5–56.
14. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. С. 210–235.
15. Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1 (15). С. 69–77.
16. Поссевино А. Московия // Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983. Кн. 2. С. 40–76.
17. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. Ст. 1 // Сын отечества. 1842. № 6. С. 3–16.
18. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. Ст. 2 // Сын отечества. 1842. № 7. С. 3–48.
19. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 327–344.
20. Фоскарينو М. Донесение о Московии второй половины XVI в. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1913. Кн. 2. С. I–XIX, 1–44.

References

1. Alekseyev, MP 2006, *Sibir v izvestiyakh zapadnoyeuropeyskikh puteshestvennikov i pisateley, XIII–XVII vv.* (Siberia in the reports of Western European travelers and writers, 13th–17th centuries), Sib. otd-niye RAN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
2. Anninskiy, SA 1940, 'Rassuzhdeniye o delakh Moskovii Franchesko Tyepolo' (Discourse on the affairs of Muscovy by Francesco Tiepolo), *Istoricheskiy arkhiv* (Historical Archive), vol. 3, pp. 305–326. (In Russ.)
3. Astashkin, RS 2016, 'Deyatel'nost Paolo Chenturione v kontekste problemy tranzitnykh putey na Vostok' (The activities of Paolo Centurione in the context of the problem of transit routes to the East), *Vestnik Nauki i Tvorchestva*, no. 7 (7), pp. 24–36. (In Russ.)
4. Astashkin, RS 2016, 'Problema tranzitnykh putey v Aziyu v "Rassuzhdenii o delakh moskovskikh" Franchesko Tyepolo' (The problem of transit routes to Asia in Francesco Tiepolo's «Discourse on Moscow affairs»), *Science Time*, no. 8 (32), pp. 10–20. (In Russ.)
5. Astashkin, RS 2025, 'Svedeniya o tranzitnykh putyakh v Kitay v ital'yanskoy «rossike» XV–XVI vv.' (Information on transit routes to China in Italian «Rossica» of the 15th–16th centuries), *Aktualnyye nauchnyye issledovaniya: ot teorii k praktike: sb. materialov LIX-oy mezhdunar. ochno-zaochnoy nauch.-prakt. konf* (Current scientific re-

- search: from theory to practice: collection of materials of the 59th international conference with face-to-face and virtual participation), 20 January, Moscow, vol. 4, Imperiya publ, Moscow, pp. 63–66. (In Russ.)
6. Astashkin, RS 2025, 'Soobshcheniya R. Barberini o Russkom tsarstve v kontekste problemy Volzhsko-Kaspiyskogo tranzita' (The messages of R. Barberini about the Russian kingdom in the context of the problem of the Volga-Caspian transit), *Klio*, no. 1 (217), pp. 97–102, doi: 10.24412/2070-9773-2025-1217-97-102 (In Russ.)
 7. Barbaro, G 1836, 'Puteshestviye v Tanu' (Travels to Tana), *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* (Library of foreign writers about Russia), vol. 1, ch.7–16, St. Petersburg, pp. 1–66. (In Russ.)
 8. Barberini, R 1842, 'Pismo k bratu' (Letter to the brother), *Syn otechestva* (Son of the Fatherland), no. 7, pp. 48–50. (In Russ.)
 9. Bugrov, KD 2004, 'Problemy razvitiya konfessionalno-politicheskogo dialoga: zapadnoevropeyskiye katolicheskiye avtory XVI–XVII vv. o Rossii' (The problems of development of confessional-political dialogue. Western European Catholic authors of the 16th–17th centuries about Russia), *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost* (Document. Archive. History. Modernity), vol. 4, Izd-vo Ural. un-ta publ, Yekaterinburg, pp. 3–21. (In Russ.)
 10. D'Amato, G 1995, *Sochineniya italyantsev o Rossii (konets XV–XVI vekov)* (Italian writings about Russia (late 15th–16th centuries)), RGGU publ, Moscow. (In Russ.)
 11. D'Amato, G 1993, *Sochineniya italyantsev o Rossii kontsa XV–XVI vekov kak istoricheskiy istochnik* (Italian writings about Russia in the late 15th–16th centuries as a historical source), PhD thesis, Russian State University of Humanities, Moscow. (In Russ.)
 12. Shmurlo, V 1891, 'Izvestiya Dzhiovanni Tedaldi o Rossii vremen Ioanna Groznogo' (Giovanni Tedaldi's news about Russia during the time of Ivan the Terrible), *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Shestoye desyatiletie*, no. 5, pp. 128–134. (In Russ.)
 13. Giovio, P. 1836, 'Posolstvo ot Vasiliya Ioannovicha, velikogo knyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII' (The embassy from Vasily Ivanovich, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII), *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* (Library of foreign writers about Russia), vol. 1, St. Petersburg, pp. 5–56. (In Russ.)
 14. Contarini, A 1971, 'Puteshestviye v Persiyu' (Journey to Persia), *Barbaro i Kontarini o Rossii* (Barbaro and Contarini about Russia), Nauka publ, Moscow, pp. 210–235. (In Russ.)
 15. Magilina, IV 2009, 'Antituretskaya koalitsiya kak instrument vostochnoy politiki Moskovskogo gosudarstva' (Anti-Turkey coalition as an Oriental policy tool of the Moscow state), *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, no. 1 (15), pp. 69–77. (In Russ.)
 16. Possevino, A 1983, 'Moskoviya' (Muscovy), *Istoricheskiye sochineniya o Rossii XVI v.* (Historical works about Russia of the 16th century), vol. 2, MGU publ, Moscow, pp. 40–76. (In Russ.)
 17. 'Puteshestviye v Moskoviyu Rafaelya Barberini v 1565 godu. Statya pervaya' (Journey to Muscovy by Raphael Barberini in 1565. Article 1) 1842, *Syn otechestva* (Son of the Fatherland), no. 6, pp. 3–16. (In Russ.)

18. 'Puteshestviye v Moskoviyu Rafaelya Barberini v 1565 godu. Statya vtoraya' (Journey to Muscovy by Raphael Barberini in 1565. Article 2) 1842, *Syn otechestva* (Son of the Fatherland), no. 7, pp. 3–48. (In Russ.)
19. Tiepolo, F 1940, 'Rassuzhdeniye o delakh moskovskikh' (Discourse on Moscow affairs), *Istoricheskiy arhiv* (Historical Archive), vol. 3, pp. 327–344. (In Russ.)
20. Foskarino, M 1913, 'Doneseniye o Moskovii vtoroy poloviny XVI v.' (Report on Muscovy in the second half of the 16th century), *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh* (Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities), vol. 2, pp. 1–19, 1–44. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 17.06.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 166–175.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 166–175.

Научная статья

УДК 81.16

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

СПЕЦИФИКА КОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ ОБЕРЕГАМИ

**Юлия Дмитриевна
Егоркина**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, juegorkina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-8885-437X>

Аннотация. В статье исследуются вербальные обереги как уникальные носители ключевых культурных кодов, играющие важную роль в сохранении и передаче ценностей и традиций лингвокультурной общности. Рассматривается понятие культурного кода как сложной, динамичной системы, упорядочивающей восприятие и интерпретацию окружающего мира в рамках определённой культуры. Особое внимание уделяется анализу пяти основных типов культурных кодов – биоморфного, анимистического, антропоморфного, фетишного и духовного. Каждый из них находит своё отражение в вербальных оберегах, что позволяет выявить взаимосвязь между языковыми формами и символическим содержанием. Биоморфный код представляет собой символическую систему, устанавливающую связь между человеком и природой посредством образов животных и растений, которые репрезентируют определённые качества, идеи и смыслы, закреплённые в культурной традиции. Анимистический код отражает одухотворение природных явлений, приписывая им духовные свойства, что укрепляет сакральное единство человека и окружающей среды. Антропоморфный код функционирует за счёт переноса человеческих характеристик на неодушевлённые предметы и явления, упрощая их восприятие и интерпретацию за счёт очеловечивания. Фетишистский код акцентирует внимание на материальных объектах, которые в рамках культурной символики наделяются сакральной значимостью и воспринимаются как носители магической силы. Духовный код, в свою очередь, фиксирует взаимодействие с трансцендентными силами, формирующими ценностные установки и мировоззренческие ориентиры, которые являются основой для структурирования культурного и личного опыта. На основе анализа текстов вербальных оберегов демонстрируется, как культурные коды способствуют созданию ритуального защитного пространства, объединяя сакральное и повседневное.

Ключевые слова: культурный код, восприятие и интерпретация мира, вербальный оберег, защитная функция, культурные ценности.

Для цитирования: Егоркина Ю. Д. Специфика кодирования культурного знания оберегами // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 166–175. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

Сведения об авторе: Ю. Д. Егоркина – аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Егоркина Ю. Д., 2025

Scientific Article

UDC 81.16

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175>

SPECIFICITY OF CULTURAL KNOWLEDGE ENCODING BY CHARMS

Yulia D. Egorkina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, juegorkina@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0009-8885-437X>

Abstract. The article examines verbal charms as unique carriers of key cultural codes that play an important role in preserving and transmitting the values and traditions of a linguacultural community. It considers the concept of a cultural code to be a complex, dynamic system that organizes the perception and interpretation of the surrounding world within a certain culture. The analysis focuses on five main types of cultural codes: biomorphic, animistic, anthropomorphic, fetish and spiritual. These are all reflected in verbal charms, enabling us to identify the relationship between linguistic forms and symbolic content. The biomorphic code is a symbolic system that establishes a connection between humans and nature by using images of animals and plants to represent qualities, ideas and meanings that are enshrined in cultural tradition. The animistic code reflects the spiritualization of natural phenomena, ascribing spiritual properties to them, thereby strengthening the sacred unity between humans and the environment. The anthropomorphic code functions by transferring human characteristics to inanimate objects and phenomena in order to simplify their perception and interpretation by humanizing them. The fetishistic code focuses on material objects endowed with sacred significance within cultural symbolism, which are perceived as carriers of magical power. In turn, the spiritual code records interactions with transcendental forces that shape attitudes and ideological guidelines, forming the basis for the structuring of cultural and personal experience. Through the analysis of verbal charm texts, this study demonstrates how cultural codes contribute to the creation of a ritual protective space that unites the sacred and the everyday.

Keywords: cultural code, perception and interpretation of the world, verbal charm, protective function, cultural values.

For citation: Egorkina, YuD 2025, 'Specificity of Cultural Knowledge Encoding by Charms', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 166–175, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-166-175> (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia D. Egorkina* – Postgraduate Student of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Вербальные обереги репрезентируют ключевые символы и ценности этнокультурного сознания, выступая посредниками между традицией и современностью. Изучение вербальных оберегов через призму культурных кодов позволяет выявить характерные особенности национальной картины мира, что делает их значимым объектом лингвокультурологического анализа.

Цель настоящего исследования заключается в детальном анализе вербальных оберегов как носителей ключевых культурных кодов, что позволит раскрыть их содержание и символическое значение.

Проблематика данного исследования связана с необходимостью интеграции различных подходов к изучению культурных кодов и особенностям их реализации в вербальных оберегах. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам этого явления, существует потребность в комплексном анализе культурных кодов на материале языковых оберегов.

В качестве теоретической базы мы используем работы выдающихся филологов: В. Н. Телия, Г. А. Аванесова, И. А. Купцова, В. В. Красных и Г. В. Токарева, которые дают представление о понятии кода культуры и его функциональном аспекте. В работе использовались следующие методы исследования: лингвокультурологический анализ, контекстуальный анализ, семантический анализ.

Определение кода культуры

Согласно В. Н. Телия, код культуры – это «таксономический субстрат ее текстов» [9, с. 20]. Такой подход подчёркивает структурирующую функцию культурного кода. Код выполняет роль системы координат, через которую социум классифицирует и упорядочивает информацию о мире. Ключевой момент здесь – идея таксономии, подразумевающей, что код культуры не просто фиксирует отдельные элементы картины мира, но и устанавливает связи между ними, формируя их иерархию.

В. Н. Телия уточняет, что код представляет собой совокупность окультуренных представлений о мире. Это определение включает в себя не только природные объекты, но и артефакты, явления, действия, события и ментофакты, то есть концепты, закреплённые в ментальном пространстве культуры. Таким образом, код культуры охватывает как материальный, так и нематериальный мир, подчёркивая их неразрывное взаимодействие в рамках культурного сознания.

Определение В. Н. Телия подчёркивает связь между кодом культуры и текстами. Код действует как субстрат, то есть основа, на которой формируются тексты, включая не только художественные произведения, но и обыденные высказывания.

Г. А. Аванесов и И. А. Купцов определяют культурный код как «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок» [1, с. 34].

Код культуры, таким образом, представляет собой не просто набор случайных символов, но систему, в которой каждый элемент имеет своё место и функциональную роль. Культурный код не является хаотичным или разрозненным набором символов, а, напротив, организует различные формы человеческой деятельности в пределах определённых норм и стандартов.

Определение культурного кода, представленное Г. А. Аванесовым и И. А. Купцовым, даёт глубокое понимание структуры и функциональности культурных кодов, раскрывая их значение как средства организации и упорядочивания множества человеческих действий и социальных отношений. Это определение подчёркивает, что код культуры – это не просто набор традиций и правил, но система, которая регламентирует действия людей в различных сферах жизни, делая её более гармоничной и предсказуемой.

Г. В. Токарев представляет культурный код как «принцип образования, использования и интерпретации знаков культуры, что определяет его специфичность» [11, с. 84]. Данное определение культурного кода акцентирует внимание на его функциях в процессах знакообразования, интерпретации и функционирования культурных символов. С точки зрения лингвокультурологии культурный код действительно можно рассматривать как механизм, структурирующий систему знаков и смыслов, характерных для конкретной культуры. Специфичность культурного кода, упомянутая в определении, обуславливается особенностями национального менталитета, исторического опыта и мировоззренческих ориентаций, которые находят своё отражение в языковых единицах, символах и ритуалах. Принцип образования знаков в рамках культурного кода связан с процессом символизации, в котором материальные и нематериальные объекты обретают культурную значимость через закреплённые за ними смыслы.

Н. А. Симбирцева подчеркивает, что «коды способны “сдерживать” (“стягивать”) смысловую целостность и влиять на этнокультурную адаптацию определенной культуры, не исключая ее интеграции в общий культурный процесс» [6, с. 159]. Коды помогают культуре сохранять свои уникальные черты, даже в условиях взаимодействия с другими культурами.

Стоит заметить, что культурные коды – это не универсальные, а локальные явления, глубоко укоренённые в национальном и этническом контексте. Каждый народ, обладая уникальной историей, средой и опытом, формирует свою собственную систему смыслов, которая проявляется в языке, традициях, ценностях и способах взаимодействия с окружающим миром. В. В. Красных утверждает, что «кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса» [5, с. 232]. Это подтверждает идею о том, что культурное многообразие основано на глубокой связи между этносом и его символическими, смысловыми и практическими системами.

Таким образом, в нашей работе мы рассмотрим код культуры как динамичную, но устойчиво функционирующую структуру, которая обеспечивает целостность этнокультурной идентичности и способствует её адаптации в условиях изменений.

Культура формирует базовые коды, которые определяют, как человек воспринимает мир, взаимодействует с ним и выражает себя. М. Фуко пишет: «Основополагающие коды культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [15, с. 37].

Н. А. Симбирцева предлагает в коде культуры выделять «три ключевых параметра: предметность, знаковость и идеальность, что позволяет его интерпретировать как инструмент понимания культурных текстов и символических систем» [7, с. 137].

Предметность как параметр кода культуры акцентирует внимание на материальных объектах, явлениях и действиях, которые выступают в качестве основы для символического осмысления. Это могут быть артефакты, архитектура, природные объекты или даже физические действия, наделённые культурным значением. Например, в русской культуре образ берёзы часто ассоциируется с национальной идентичностью и воспринимается как символ Родины. Аналогичным образом в японской культуре сакура становится предметным символом красоты и мимолётности жизни.

Знаковость подразумевает, что элементы кода культуры функционируют как знаки – носители смыслов, передающие культурные представления и ценности. Знаки в этом контексте могут быть как вербальными, так и невербальными: слова, изображения, жесты, цвета и другие символические формы. Например, красный

цвет в западной культуре может означать страсть или опасность, в то время как в восточной – счастье и удачу.

Идеальность отражает нематериальную сторону кода культуры – концепты, ценности и мировоззренческие установки, которые формируют представления о мире. Это уровень абстракции, где предметы и знаки обретают символическое значение, выходя за пределы материального. Например, в христианской культуре крест является не только предметом, но и воплощает идеи веры, спасения и жертвенности. Идеальность играет ключевую роль в интерпретации символических систем, поскольку она задаёт нормы и ориентиры, через которые осмысляются материальные и знаковые элементы культуры.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что код культуры можно определить как динамическую систему, упорядочивающую восприятие и интерпретацию мира в рамках конкретной культуры. Он охватывает предметные (материальные), знаковые (символические) и идеальные (нематериальные) элементы, которые взаимодействуют между собой, формируя смысловые структуры, регулирующие человеческую деятельность в коммуникативной, аксиологической, познавательной и эстетической сферах. Культурный код служит инструментом, обеспечивающим целостность этнокультурной идентичности и способствующим адаптации культуры к изменяющимся условиям. Культурные коды находят своё выражение в лингвокультурных единицах. В рамках нашего исследования мы рассмотрим культурные коды в составе вербальных оберегов.

Код культуры и вербальный оберег

Под вербальным, или же языковым, оберегом следует понимать особые текстовые формулы, имеющие защитный или благопожелательный характер, которые сохранились в устной речи (а многие – и в письменной) и продолжают передаваться из поколения в поколение. Г. В. Токарев отмечает, что «обереги сходны с символами, поскольку они культивируют ту или иную линию поведения, а главное, защищают человека от плохого» [12, с. 5]. Таким образом, обереги сочетают в себе как практическую, так и символическую значимость, влияя на мировоззрение и действия человека.

История вербальных оберегов показывает, как они адаптировались к изменениям культурного контекста. В древности они были связаны с природными явлениями и животными, в Средние века – с религиозной символикой. В наше время вербальные обереги сохраняются в форме пожеланий и напутствий. Например, пожелание кому-либо успеха, удачи в нелёгком или рискованном деле «*Ни пуха, ни пера!*» является примером интеграции защитных формул в повседневную речь [14, с. 373].

Понимание вербальных оберегов невозможно без анализа культурных кодов, на которых они основаны. Анализ культурных кодов позволяет раскрыть глубинные смыслы, заложенные в вербальных оберегах. Коды культуры обеспечивают оберегам устойчивость и универсальность, позволяя им функционировать в качестве инструментов защиты, идентификации и передачи культурных ценностей из поколения в поколение.

Культурные коды представляют собой универсальные механизмы, связывающие человеческую культуру с её древнейшими архетипическими представлениями. Как отмечает Г. В. Токарев, «коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и другие виды культурных кодов, которые восходят к ранним формам религии» [10, с. 28].

Биоморфный код базируется на использовании образов животных и растений для выражения определённых качеств, идей и смыслов. Его происхождение связано

с древними представлениями, когда человек осмыслял мир через взаимодействие с природой, наделяя её элементы символическим и сакральным значением. Биоморфный код выполняет функцию культурной универсализации, позволяя передавать культурные ценности и установки посредством образов природы.

Рассмотрим отрывок из заговора *«Пусть змеи твои шестьсот шестьдесят шесть раз свернутся, и все мои враги-недрузи от меня откачнутся»* [8, с. 13]. Данный заговор относится к числу обрядовых текстов, предназначенных для защиты от недоброжелателей и нейтрализации их негативного влияния. Его структура и содержание отражают характерные особенности народной магической традиции. Центральным образом заговора является змея, которая в рамках биоморфного кода выступает символом угрозы. В данном контексте змея символизирует врагов и их потенциальную агрессию. Действие заговора направлено на «сворачивание» их силы, что интерпретируется как магическая нейтрализация негативного воздействия. Этот образ базируется на наблюдениях за природными характеристиками змеи, которая ассоциируется с гибкостью, скрытностью и опасностью, но также с мудростью и способностью преображения.

Анимистический код основан на представлении об одушевлённости природных явлений. В рамках этого кода элементы природы воспринимаются как живые существа, обладающие духовной или божественной силой. Эта символическая система акцентирует внимание на связи человека с окружающей средой, её сакральной значимости и роли в формировании духовных и мировоззренческих основ.

Пожелание *«Здорово, ваше здоровье, на все четыре ветра»*, произносимое в традиционном контексте при вручении подарка или угощении, представляет собой яркий пример анимистического кода [2, с. 187]. Упоминание *четырёх ветров* в пожелании-обереге имеет глубокую символическую основу. Ветер в русской культуре следует рассматривать как одушевлённую силу, обладающую способностью оказывать положительное влияние на человека. Ассоциация с четырьмя сторонами света подчёркивает всеобъемлющий характер пожелания, а также его обращённость к гармонизации отношений между человеком и природой. Данный оберег не только выражает добрые намерения, но и сакрализует сам акт, превращая его в символическое взаимодействие между дарителем, адресатом и природными стихиями. Этот текст отражает глубинные архетипические представления о взаимодействии человека и мира, сохраняя свою значимость в традиционной культуре.

Антропоморфный код представляет собой символическую систему, основанную на перенесении человеческих качеств на неодушевлённые предметы, природные явления или абстрактные понятия. Эта форма репрезентации способствует упрощению восприятия и очеловечиванию окружающего мира, что позволяет выстраивать интерпретации, соответствующие человеческому мировоззрению.

«Месяц молодой, у тебя рог золотой. Ты живешь высоко, видишь далеко. Видишь и моего младенчика родного? Видишь девку-черницу, лиху трясовицу, как она дитю мою погубить хочет, когти об него точит? Отгони ее от моей детины, дам тебе денег полтину» [3, с. 12]. В традиционной обрядовой культуре антропоморфный код культуры, основанный на наделении природных объектов и явлений человеческими чертами, играет ключевую роль. В заговоре *«Месяц молодой, у тебя рог золотой...»* этот код проявляется в одушевлении месяца, который воспринимается как активный субъект, способный участвовать в судьбе человека.

В тексте месяц предстает не только как небесное светило, но как разумное существо, наделенное человеческими качествами. Его описывают с использованием метафорических эпитетов: «ты живёшь высоко, видишь далеко». Это описание подчёркивает его способность наблюдать за происходящим в мире и вмешиваться в судьбу человека. Олицетворение месяца делает его доступным для обращения, что

характерно для магической практики, где взаимодействие с природными силами строится на их персонификации.

Обращение к месяцу сопровождается установлением ритуальных отношений, которые выражены в тексте через обещание вознаграждения: «дам тебе денег полтину». Этот элемент подчеркивает представление о месяце как о существе, способном принимать дары за оказанную помощь. Такой символический обмен усиливает магическое значение заговора и делает его частью обрядовой практики, где важен ритуальный диалог с одушевлёнными силами природы.

Фетишный код характеризуется наделением материальных объектов магической силой. Его формирование связано с архаическими представлениями, в которых предметы воспринимались как носители сакральной энергии. В основе фетишного кода лежит идея трансцендентного взаимодействия между человеком и миром, опосредованного материальными объектами. Текст *«Спать ложусь, крестом крещусь, крест в головах, крест в ногах, крест надо мною, крест подо мною»* представляет собой сакрально-защитную формулу, типичную для народной религиозной культуры, где христианская символика соединяется с архаическими практиками магической защиты [13, с. 8.]. В данном тексте крест является центральным элементом фетишного кода, выступая не только как символ веры, но и как магический инструмент, создающий защитное сакральное пространство вокруг человека.

Крест упоминается в разных пространственных координатах (у головы, у ног, над и под спящим), что символизирует некий сакральный щит. Этот символический жест соответствует народному представлению о необходимости защиты во время сна, когда человек считается наиболее уязвимым для воздействия злых сил. Создание такого крестного пространства позволяет сакрализовать акт сна, превращая его в ритуальное действие, где каждое слово и образ креста несёт защитную функцию.

Важным элементом текста является ритуализация через осенение себя крестным знаменем («крестом крещусь»), что делает вербальный оберег частью ритуала. Этот жест воспринимается как ключевая часть христианской практики защиты, где физическое движение усиливает магическую и сакральную значимость произносимого текста. Таким образом, слова становятся не просто молитвой, а магической формулой, где каждое упоминание креста усиливает его защитное значение.

Семантически крест в тексте функционирует как знак универсальной защиты, объединяющий в себе теологический и магический аспекты. Теологически он отсылает к распятию Христа и идее искупления, а магически – к его восприятию как щита, оберегающего от опасностей. Эта двойственность отражает глубинное переплетение христианской доктрины с фетишными практиками, характерное для народной религиозности.

Благодаря данному вербальному оберегу можно увидеть, как фетишный код позволяет интегрировать универсальный христианский символ в повседневные ритуалы, превращая его в инструмент личной духовной защиты.

В. В. Красных вводит понятие духовного кода культуры, отмечая его ключевую роль в формировании мировоззрения и ценностной системы человека: «этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [4, с. 19.]. Духовный код культуры определяет не только индивидуальное и коллективное поведение, но и любую форму человеческой деятельности. Он влияет на восприятие окружающего мира, формирует установки, моральные принципы и критерии оценок, которые индивид или сообщество применяет к себе и другим. Таким образом, духовный код культуры служит основой аксиологических ориентиров, регулируя отношения человека с внешним миром и самим собой.

Стоит отметить, что множество вербальных оберегов включают в себя духовный код культуры. В первую очередь – это обереги, обращенные к божественным силам.

Рассмотрим в качестве примера вербальный оберег, который люди используют при выходе из дома, чтобы защитить себя от неприятностей: *«Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, я за тобой»*. Данная словесная формула представляет собой пример духовного кода культуры, основанного на взаимодействии человека с высшими силами. Образ ангела, выступающего в роли защитника и проводника, отражает ключевые элементы духовного мировоззрения, в котором человек полагается на сакральное руководство и защиту.

Ангел в данном тексте персонифицируется, что подчёркивает его близость и значимость для человека. Фраза *«ты впереди, я за тобой»* символизирует признание ангела как ведущей силы, направляющей человека и защищающей его от опасностей. Это отражает традиционные представления о необходимости поддержки высших сил на пути духовного и жизненного становления.

Духовный код в этом заговоре акцентирует внимание на гармонии между человеком и сакральным. Он выражает идею трансцендентной помощи и утверждает необходимость признания высшего порядка, который обеспечивает защиту и покровительство в сложных жизненных ситуациях.

Таким образом, заговор *«Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, я за тобой»* представляет духовный код культуры как основу сакрализованного восприятия мира. Этот текст отражает глубокую веру в ангела как посредника между миром земным и божественным, подчёркивая значимость духовной опоры и сакрального взаимодействия в традиционном мировоззрении.

Стоит отметить, что культурные коды придают вербальным оберегам сакральный характер, способствуя созданию особого защитного пространства. Например, использование христианских символов (*крест*) или природных явлений (*ветер, месса*) создаёт ритуальную оболочку, которая воспринимается как барьер против негативных сил.

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть, что культурный код представляет собой сложную многослойную систему, интегрирующую предметные, знаковые и идеальные элементы культуры, которые обеспечивают структурирование и передачу смыслов в пределах той или иной лингвокультурной общности. Код культуры упорядочивает восприятие и интерпретацию мира, а также поддерживает целостность этнокультурной идентичности.

Исследование культурных кодов в составе вербальных оберегов позволяет глубже понять механизмы сохранения и трансформации культурных ценностей. Вербальные обереги являются яркими примерами функционирования культурных кодов в составе лингвокультурных единиц, так как именно через их исследование можно выявить устойчивые модели мышления и верований, которые формируют национальную картину мира. Сочетая сакральное и повседневное, они выступают инструментами защиты, идентификации и трансляции культурных ценностей, что делает их уникальным феноменом, заслуживающим дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 4. С. 28–37.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

3. Галсамин Р. Магия. М.: АСТ, 2018. 512 с.
4. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 15–19.
5. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание, понимание, умение. 2016. № 1. С. 157–167.
7. Симбирцева Н. А. Особенности прочтения текста культуры // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 1136–1140.
8. Степанова Н. И. Заговоры сибирской целительницы. Вып. 31. М.: Рипол-Классик, 2012. 256 с.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–34.
10. Токарев Г. В. Введение в семиотику : учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 160 с.
11. Токарев Г. В. К проблеме соотношения русских квазисимволов с кодом культуры // Philologos. 2020. № 2. С. 79–84.
12. Токарев Г. В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. Вып. 2 : материалы научной школы – 2014. Тула: С-Принт, 2015. С. 5–7.
13. Усвяткова Д. Заговоры донской целительницы. М.: АСТ, 2009. 80 с.
14. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
15. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

References

1. Avanesova, GA & Kuptsova, IA 2015, 'Kody kul'tury: ponimaniye sushchnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoy praktike' (Cultural codes: understanding the essence, functional role in cultural practice), *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* (In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies), no. 4, pp. 28–37. (In Russ.)
2. Balakai, AG 2001, *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* (Dictionary of Russian speech etiquette), AST-PRESS Publ, Moscow. (In Russ.)
3. Galsamin, R 2018, *Magiya* (Magic), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Krasnykh, VV 2001, 'Kody i etalony kul'tury (priglaseniye k razgovoru)' (Codes and standards of culture), in VV Krasnykh & AI Izotov (eds) *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* (Language, consciousness, communication), vol. 19, pp. 15–19, MAKs Press Publ, Moscow. (In Russ.)
5. Krasnykh, VV 2002, *Etnopsikhologiya i lingvokul'turologiya* (Ethnopsychology and linguoculturology), ITDGC "Gnosis" Publ, Moscow. (In Russ.)
6. Simbirtseva, NA 2016, '«Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaya kategoriya' ('Culture Code' as a Category of Culturology), in "Znanie. Ponimanie. Umenie" ("Knowledge. Understanding. Skill"), no. 1, pp. 157–167. (In Russ.)
7. Simbirtseva, NA 2013, Osobennosti prochteniya teksta kultury (Specifics of reading a cultural text), in *Fundamentalnye issledovaniya*, no. 10-5, pp. 1136–1140. (In Russ.)
8. Stepanova, NI 2012, *Zagovory sibirskoy tselitel'nitsy* (Incantations of the Siberian healer), vol. 31, Ripol-Klassik Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Teliya, VN 1999, Pervoocherednye zadachi i metodologicheskiye problemy issledovaniya frazeo-logicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury (Priority tasks and methodological issues of studying phraseology of a language in the context of culture), in VN Teliya (ed) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* (Phraseology in the context of culture), Yazyki russkoy kultury Publ, Moscow, pp. 13–34. (In Russ.)
10. Tokarev, GV 2013, *Vvedeniye v semiotiku* (Introduction to semiotics). FLINTA Publ, Moscow. (In Russ.)

11. Tokarev, GV 2020, 'K probleme sootnosheniya russkikh kvazisimvolov s kodom kul'tury' (To the Issue of the Correlation of Russian Quasisymbols with the Culture Code), *Philologos*, no. 2, pp. 79–84. (In Russ.)
12. Tokarev, GV 2015, 'Yazykovoy obereg kak lingvokul'turnaya yedinita' (Linguistic charm as a linguistic and cultural unit), in *Kognitivno-diskursivnaya lingvokul'turologiya i stilistika. Vyp. 2 : materialy nauchnoy shkoly – 2014* (Cognitive-discursive linguoculturology and stylistics: Proceedings of the scientific school – 2014), no. 2, S-Print Publ, Tula, pp. 5–7. (In Russ.)
13. Usvyatova, D 2009, *Zagovory donskoy tselitel'nitsy* (Incantations of the Don healer). AST Publ, Moscow. (In Russ.)
14. Fedorov, AI 2008, *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), Astrel Publ, AST Publ, Moscow. (In Russ.)
15. Foucault, M 1977, *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* (The order of things: An archaeology of the human sciences), transl. VP Vizgin & NS Avtonomova, Progress Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 02.03.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-176-195>

«ЦЕННОСТЬ» И «АНТИЦЕННОСТЬ» В КАРТИНЕ МИРА М. М. ЖВАНЕЦКОГО: ОПЫТ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ САТИРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

**Анна Владимировна
Курьянович¹**

**Елена Юрьевна
Жукова²**

^{1, 2} Томский государственный
педагогический университет
Томск, Россия

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-3247-3975>

² vas.zh2017@yandex.ru

² <https://orcid.org/0009-0001-2196-6694>

Аннотация. Все большей востребованностью сегодня характеризуется лингвоаксиологический анализ текстового материала, выступающий в качестве методологической базы гуманитаристики. Сатира как способ предъявления комического и сатирический текст как жанровое воплощение сатиры представляют богатый материал для изучения ценностных ориентаций личности, что составляет значимую часть современных когнитивно-дискурсивных исследований в русистике. Сосредоточенность внимания ученых на рассмотрении аксиологического фрагмента языковой картины мира носителей русского языка позволяет судить об актуальности проблематики, связанной с анализом языковых текстовых средств объективации ценностных смыслов в рамках творческих дискурсов выдающихся мастеров слова. Цель статьи – систематизация представлений об аксиологически значимых концептах, составляющих картину мира писателя-сатирика М. Жванецкого, на основании анализа авторских представлений о реалиях действительности, сущностных характеристиках личности, смехе и юморе как важных проявлений специфики национального и индивидуального сознания. В перечне ценностных доминант авторской картины мира присутствуют смыслы, составляющие наполнение концептов СОПЕРЕЖИВАНИЕ, ЧУТКОСТЬ, ТАЛАНТ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, СВОБОДА. Характерные для картины мира писателя концепты НЕДОВЕРИЕ, РАВНОДУШИЕ, ВЛАСТЬ, ХАМСТВО, ГРУБОСТЬ, ЗАВИСИМОСТЬ развивают в рамках концептуального строя произведений М. Жванецкого отрицательную коннотацию, что позволяет ставить их в ряд антиценностных. Значение концептов, транслирующих ценность одних и антиценность других смыслов, структурирующих картину мира М. Жванецкого, особым образом наполняется в его творческом дискурсе, передавая уникальность мировосприятия и жизненной позиции автора. Связующим звеном между «ценностным» и «антиценностным» фрагментами в картине мира писателя-сатирика выступают концепты ЮМОР и СМЕХ. Во многом этому способствует богатый функциональный потенциал их лексических средств репрезентации. Соотнесенные с представлением писателя о жизни, творчестве и таланте, данные единицы актуализируют важнейший индивидуально-авторский концептуальный смысл – «человек должен быть свободным», что находит отражение в языковой ткани его сатирических миниатюр.

Ключевые слова: авторская языковая картина мира, сатирический текст, концептуальный строй текста, лингвоаксиологический анализ, коннотация концепта, ценностная коннотация, М. М. Жванецкий.

Для цитирования: Курьянович А. В., Жукова Е. Ю. «Ценность» и «антиценность» в картине мира М. М. Жванецкого: опыт лингвоаксиологического описания концептологического строя сатирических текстов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 176–195. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-176-195>

Сведения об авторах: А. В. Курьянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет, 634061, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60;

Е. Ю. Жукова – аспирант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку, Томский государственный педагогический университет, 634061, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60.

© Курьянович А. В., Жукова Е. Ю., 2025

Scientific Article

UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-176-195>**"VALUE" AND "ANTI-VALUE" IN MIKHAIL ZHVANETSKY'S WORLDVIEW:
A LINGUO-AXIOLOGICAL DESCRIPTION OF THE CONCEPTUAL STRUCTURE
OF SATIRICAL TEXTS****Anna V. Kuryanovich**¹**Elena Yu. Zhukova**²^{1, 2} Tomsk State Pedagogical University

Tomsk, Russia

¹ kurjanovich.anna@rambler.ru¹ <https://orcid.org/0000-0002-3247-3975>² vas.zh2017@yandex.ru² <https://orcid.org/0009-0001-2196-6694>

Abstract. Linguo-axiological analysis of textual material is increasingly in demand today, serving as a methodological basis for the humanities. Satire, as a means of presenting the comic, and the satirical text, as its genre embodiment, offer rich material for studying the value orientations of the individual, a significant part of contemporary cognitive-discursive research in Russian studies. The focus of scholars on the axiological fragment of the linguistic worldview of native Russian speakers indicates the relevance of the problem associated with the analysis of linguistic textual means of objectifying value meanings within the creative discourses of outstanding masters of the word. The article aims to systematize representations of axially significant concepts that constitute the worldview of the satirist Mikhail Zhvanetsky, based on an analysis of the author's representations of the realities of life, the essential characteristics of personality, and laughter and humor as important manifestations of the specifics of national and individual consciousness. The list of value dominants in the author's worldview includes meanings that constitute the content of the concepts EMPATHY, SENSITIVITY, TALENT, INDEPENDENCE, and FREEDOM. Concepts characteristic of the writer's worldview such as DISTRUST, INDIFFERENCE, POWER, BOORISHNESS, RUDENESS, and DEPENDENCE develop a negative connotation within the conceptual structure of M. Zhvanetsky's works, allowing them to be classified as anti-values. The meaning of concepts conveying the value of some and the anti-value of other meanings structuring Zhvanetsky's worldview is uniquely filled in his creative discourse, conveying the uniqueness of the author's worldview and life position. The concepts of HUMOR and LAUGHTER serve as a connecting link between the "value" and "anti-value" fragments in the satirist's worldview. This is largely facilitated by the rich functional potential of their lexical means of representation. Correlated with the writer's representation of life, creativity, and talent, these units actualize the most important individually authored conceptual meaning – "a person must be free," which is reflected in the linguistic fabric of his satirical miniatures.

Keywords: author's linguistic worldview, satirical text, conceptual structure of the text, linguo-axiological analysis, concept connotation, value connotation, M. M. Zhvanetsky.

For citation: Kuryanovich, AV & Zhukova, EYu 2025, "Value" and "Anti-Value" in Mikhail Zhvanetsky's Worldview: a Linguo-Axiological Description of the Conceptual Structure of Satirical Texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 176–195, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-176-195> (in Russ.)

Information about the Authors: Anna V. Kuryanovich – Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Head of the Chair of Language Theory and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Str., Tomsk, 634061, Russia.

Elena Yu. Zhukova – Postgraduate Student of the Chair of Language Theory and Methods of Teaching the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Str., Tomsk, 634061, Russia.

Введение

В современной научной повестке актуальным является исследование языковых средств объективации культурных ценностных смыслов, структурирующих фрагменты национальной картины мира. Наряду с лингвокультурологическими, этнолингвистическими, социолингвистическими исследованиями популярность приобретают работы, выполненные в русле *аксиологической лингвистики* (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Р. Инглхарт, В. И. Карасик, В. В. Красных, М. Рокич, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, К. Шатене, Ш. Шварц и др.). Представителями этого научного направления изучается способность языковых единиц служить средством экспликации ценностных доминант, характерных для коллективного языкового сознания представителей конкретного лингвокультурного сообщества и составляющих весомый фрагмент национальной языковой картины мира, понимаемой в качестве совокупности представлений о человеке, действительности, особенностей их взаимодействия и обобщенной в виде феноменологических когнитивных структур – концептов. Изучение языковой организации текстов позволяет исследователю выявить ключевые концепты, формирующие картину мира языковой личности, а вместе с тем определить ценностные доминанты индивида, находящие свое выражение в его текстовой деятельности.

В лингвистических исследованиях можно обнаружить различные подходы к толкованию понятия «ценность». Ряд ученых (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф) рассматривают единицы ценностной парадигмы как универсальные маркеры гуманитарного знания, принадлежащие категориям философии, эстетики, этики и логики, отмечая возможность их объективации средствами национального языка в виде коннотативных ценностно-ориентированных значений и способов их реализации в вербальной коммуникации. Другие (А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев) изучают ценностные компоненты русской языковой картины мира в аспекте национальной специфики. Н. Ф. Алефиренко под ценностями понимает результат культурно значимого отношения человека к окружающему миру [1, с. 74]. Большинство ученых ценность интерпретируется как идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей, в том числе, речевой [4, с. 93], в связи с чем система ценностей рассматривается в аспекте взаимосвязи ее компонентов с формами и средствами объективации в речи языковых личностей разных типов [12]. Многочисленными работами представлена история вопроса изучения аксиологического потенциала единиц национального языка. Например, В. Н. Телия анализирует лингвокультурную специфику выражения ценностных значений фразеологическими единицами русского языка [26].

Обобщив имеющийся опыт лингвоаксиологических исследований, отметим, что «ценность» в лингвистике рассматривается как семантическая категория, находящая выражение в такой характеристике языкового знака, как его связь со смыслом, функцией и ролью в передаче ценностных концептов – фрагментов национальной языковой картины мира, а также формировании и поддержании системы ценностей в обществе. Ценность в русле лингвоаксиологического подхода выступает как важный аспект анализа языковых средств, их влияния на личность и культурную идентичность. Речь идет о дифференциации в структуре значения языковой единицы коннотативных оттенков смысла, выражающих ценностно-ориентированное культурное содержание.

Выделение ценностной составляющей в коннотативном значении языковых единиц, служащих номинатами соответствующих концептов, позволяет рассуждать о «слоистой» (Ю. С. Степанов) организации последних и о вычленении в их структуре

ценностного (ценностно-оценочного или аксиологически оценочного в интерпретации других ученых) компонента [5; 12]. Ценностный компонент, наряду с эмоциональным, оценочным, экспрессивным, образным, принадлежит коннотативной сфере концепта, которая, согласно концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в сочетании с понятийной сферой, организует смысловое поле концепта [21]. Следовательно, с позиций современной лингвоконцептологии, ценностный компонент трактуется в качестве единицы коннотативной семантики концепта. Показатели устойчивости этого компонента в сознании представителей национальной лингвокультуры позволяют определять данный компонент термином «коннотация» (И. Е. Герасименко, Ю. Н. Куликова, В. А. Маслова, Е. М. Сторожева, В. Н. Телия и др.). Ценностная коннотация – коннотативный признак концепта и его основу образует *концептуальный смысл «культурная ценность»*, который (1) обозначает предметы, признаки, свойства, действия и пр., важные для понимания окружающей действительности представителями лингвокультуры; (2) занимает значимое место и играет весомую роль в национальной языковой картине мира (активно участвует в моделировании образа мира); (3) отличается полифункциональностью в традиции коллективной интерпретации и присутствием на уровне различных фрагментов в картине мира разных типов носителей национального языка.

«Ценность» – сема в положительно маркированной коннотативной части концепта, которая позволяет причислять данный концепт к лингвокультурным, т.е. единицам культуры, манифестирующим коллективный опыт носителей этой культуры, ставший достоянием каждого члена данного лингвокультурного сообщества. Предположительно, антонимичной семе «ценность» можно считать сему «антиценность», относящуюся к негативно маркированной коннотативной части концепта. Так, по мнению Т. А. Светоносковой, «ценность» и «антиценность» представляют собой антонимичную пару, что позволяет говорить о свойстве биполярности как значимом параметре для интерпретации категории ценности [24]. Добавим, что третьим элементом рассматриваемой концептуальной парадигмы можно определить признак «псевдоценность», однако детальное его рассмотрение не входит в задачи настоящего исследования.

С обозначенных позиций стоит говорить о различии в коннотативном значении лексических единиц – репрезентантов ценностно-ориентированных смыслов – функционально неоднородных компонентов. Одни из них маркируют семантику *ценностей* – принципов и идеалов, считающихся важными, достойными уважения. В русской картине мира, например, таковыми считаются честность, свобода, семья. Другие выражают *антиценности* – противоположные или негативные оценки, которые характеризуют то, что не считается ценным или отвергается в социуме как вредное, плохое или нежелательное: ложь, предательство, жестокость и пр. Ключевой в коннотативном компоненте «ценность» в значении слов выступает сема «нравственно значимый», что сопровождается также положительной оценкой. Семантика «антиценности» характеризуется присутствием компонента негативной оценки и маркируется семой «приносящий вред, нежелательный».

Добавим, что одна и та же лексема имеет способность выражать разные коннотативные значения в зависимости от контекста, что позволяет говорить о выделении доминирующих коннотативных значений, характеризующихся частотностью употребления в контексте. Сказанное повышает роль текстового начала в лингвоаксиологическом анализе: исследование жанровых, стилистических и идиостилистических, идиолексических, дискурсивных факторов, обуславливающих реализацию механизмов аксиологического смыслообразования в текстах определенной жанрово-стилевой принадлежности, принадлежащим конкретным авторам.

Изучение *сатиры* как способа отображения действительности является актуальным в контексте исследования особенностей выражения ценностной коннотативной семантики в языке и, соответственно, в языковой картине мира носителя. Сатира как способ предъявления комического – это реализация авторской системы ценностей в соотношении с общепринятыми аксиологическими установками. Сатира является формой отражения «контраста, разлада, противостояния безобразного – прекрасному, ничтожного – возвышенному, нелепого – рассудительному» [3, с. 43]. Для ее глубокого постижения необходимо сформировать представление о «системе ценностей, лежащей в основе особого (сатирического) отношения личности к себе и миру» [2, с. 65].

Исследование функционирования *сатирического текста* (СТ) невозможно без понимания природы и функционального ресурса *смеха* как формы реактивного поведения личности, демонстрирующего специфику деятельности его сознания, в том числе языкового. Изучению природы смеха и способов реализации комического в языке посвящены работы С. Аттардо, М. М. Бахтина, А. Кестлера, А. Н. Лука, М. Минского, В. Я. Проппа, В. Раскина и др. Объектом смеха в сатирическом тексте чаще всего выступают человеческие пороки и явления социальной деятельности, отрицательно оцениваемые автором в соответствии с выработанной им системой ценностей. Смех как инструмент ценностной оценки отличается амбивалентностью [9], что позволяет автору транслировать собственное видение объекта оценивания адресату, тем самым оказывая воздействие на его мировоззрение и на его систему ценностей.

В ракурс настоящего исследования вовлечены сатирические произведения М. М. Жванецкого. Творчество этого писателя отличается глубоким философским осмыслением жизни и уникальным творческим стилем, что не раз отмечалось исследователями. В научное поле попадают жанровые и прагматингвистические особенности сатирических текстов М. Жванецкого, языковые средства и приемы создания в них комического, парадоксальность и афористичность индивидуальной манеры [6; 14; 15; 26; 28; 29]. Реже объектом анализа становятся отдельные концепты, маркирующие соответствующие фрагменты авторской картины мира [10; 11; 15; 16].

Научная новизна настоящего исследования заключается в сосредоточенности авторов на рассмотрении аксиологической составляющей концептуального строя сатирических произведений М. Жванецкого, связанной с осмыслением автором семантической дихотомии «ценность» и «антиценность». *Цель* исследования – систематизация представления о ценностных и лишенных ценности, с точки зрения М. Жванецкого, смыслах, объективированных в лексической структуре его СТ в виде единиц с положительно / отрицательно окрашенными коннотативными компонентами значения.

Материалы и методы

Материалом исследования служат сатирические миниатюры М. Жванецкого, вошедшие в пятитомное собрание его сочинений [8]. *Единицами анализа*, с одной стороны, выступают лексические единицы, называющие в рамках авторской картины мира ценностные и антиценностные смыслы, с другой, – концепты, средствами объективации которых в рамках концептуального строя рассматриваемых текстов являются данные лексические единицы. Слова-номинаты концептов функционируют в текстовых фрагментах, отобранных путем сплошной выборки в ходе работы с обозначенным текстовым корпусом.

Методологическую базу исследования составляют приемы научного анализа и обобщения данных, интроспекция, семантико-стилистический, контекстуальный, коммуникативно-прагматический, жанрово-стилистический, лингвоконцептуаль-

ный, включая лингвоаксиологический, анализ. Принцип изучения – «от конкретного к абстрактному»: начиная с рассмотрения текстовых фактов, через систематизацию, категоризацию и обобщение информации достигать ее концептуализации. От нахождения в тексте языковых единиц, называющих «ценность» и «антиценность» как фрагментов национальной языковой картины мира, – до рассмотрения ценностной / антиценностной коннотации в семантике соответствующих концептов, входящих в структуру концептуального строя СТ М. Жванецкого.

Результаты

Творческая деятельность М. Жванецкого началась в 60-х годах XX в., в период хрущевской «оттепели», которая у большей части населения «породила надежды на жизнь без страха», а для некоторых стала «сигналом к переоценке ценностей, казавшихся незыблемыми, вплоть до критики социалистического строя» [18]. Последние сатирические миниатюры автора были написаны в период становления нового российского государства – на рубеже XX и XXI вв. Каждая из книг пятитомного собрания сочинений М. Жванецкого – это картина авторского восприятия жизни современного ему общества в определенный период развития государства и вместе с тем выражение ценностных и нравственных ориентиров писателя.

Сатирическое творчество М. Жванецкого отличается пристальным вниманием писателя к жизни советского обывателя, его взаимоотношениям с властью и социумом, попыткам найти свое место в жизни. Источник творчества М. Жванецкого – сама жизнь, об этом в одном из интервью сатирик говорит: «...все крики с улицы я перевожу в миниатюры» [7].

Основным инструментом интерпретации ценностных смыслов в произведениях М. Жванецкого является смех. Подвергая осмеянию несовершенства человека и социальные противоречия, писатель-сатирик актуализирует те сущностные характеристики, которые в его аксиологической «системе координат» являются значимыми. Объектом смеха в сатирических текстах М. Жванецкого являются прежде всего человеческие пороки и недостатки современного автору социума, причем сатира М. Жванецкого лишена злости, он подходит к современнику и адресату своего творчества с пониманием, не отдаляется от него, становясь с ним на одну ступень: «Ведь у меня же публика была инженерная. Какое бы ни было у них образование, но оно было высшее! И это были умницы!» [23].

Представление об аксиологических доминантах в авторской картине мира складывается на основе лингвоконцептологического анализа в соответствии с такими тематическими направлениями анализа, как (1) исторический контекст как фактор смыслопорождения, (2) образ современника в индивидуально-авторской картине мира М. Жванецкого, (3) роль, место юмора и смеха в концептуализации представлений писателя-сатирика.

Исторический контекст как фактор смыслопорождения

В творчестве М. Жванецкого нашли отражение исторические события, свидетелем которых он был, а также реалии и разнообразные проявления окружавшей его действительности. Например, сатирик часто размышляет о такой черте советской эпохи, как бюрократия. В исторических исследованиях отмечается, что советская бюрократия носила патримониальный характер, то есть основывалась на личной зависимости чиновника от правителя и была лишена рациональности [17]. Ярким примером высмеивания бюрократии является миниатюра М. Жванецкого «У кассы». Повествование разворачивается в форме диалога между кассиром Сидоровым и уполномоченным гражданином Петровым, желающим получить два билета по безналичному расчету. Кассир выражает недоверие к гражданину, и М. Жванецкий высмеивает данную ситуацию, доводя ее до абсурда: – *Чем докажете, что вы Петров?* – *Удостоверение!* – *А чем докажете, что это ваше удостоверение?* – *Фотокар-*

точка! – А чем докажете, что это ваша фотокарточка? – Родинка! – Чем докажете, что это ваша родинка? [8, т. 2, с. 18]. В результате гражданин Петров, пришедший за билетами, в исступлении рвет полученные билеты и обвиняет кассира в убийстве: *– Да ты что? Вот, все знают, все подтвердят. Ребята, кто я? – Ничего не значит, вы сговорились! – Да вот мой начальник! – Это не он. – Лаптев! – Врет! – Константин Петрович! – Притворяется. Как ты сюда попал, убийца? Ты убил кассира!* [8, т. 2, с. 19]. Так писатель-сатирик высмеивает ограниченность чиновников и госслужащих и несовершенство государственной системы, при которой гражданин оказывается лишен очевидных, данных ему этой же системой, прав.

Лексический анализ приведенных фрагментов позволяет выделить в них лексемы «врать» и «притворяться», содержащие в своем лексическом значении семы «неискренность», «ложь» и имеющими негативную коннотацию, не соотносящиеся с нравственной значимостью в русской картине мира. Основным стилистическим приемом оформления данной миниатюры является стилистический повтор – повторение речевой конструкции «А чем докажете, что...» со стороны кассира. Отметим, что в русской традиции для обозначения человека, который повторяет одно и то же, существует метафора «попугай». Ср.: Попугай – «1. Твердит (заладил, повторяет что-н.) как п. (одно и то же)» 2. перен. О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (разг. неодобр.)» [19, с. 563]. Прием стилистического повтора, использованный автором в данном фрагменте, актуализирует негативную коннотацию и неодобрительную стилистическую окраску лексемы «попугай» и позволяет говорить об антиценностном отношении сатирика к изображаемой реалии действительности – кассира как элемента бюрократической системы и бюрократии в целом.

Подобным образом недоверие властных структур к гражданину обличается и в миниатюре «Я при себе»: *Все честно, все документировано, ни шагу без фиксации. <...> – Где был с января по февраль тысяча шешешят?.. – Вот справка. – Где сейчас находится дядя жены? – А вот. – Где похоронен умерший в тышяшя восемьдесят брат папы дедушки по двоюродной сестре? – Парковая, шестнадцать, наискосок к загсу. От загса десять шагов на север, круто на восток, войти в квартиру шестнадцать и копать бывшее слободское кладбище* [8, т. 2, с. 28]. В приведенном фрагменте отметим использование автором лексических единиц «все документировано», «ни шагу без фиксации». Лексемы «документировать» и «фиксировать» имеют книжную стилистическую окраску, а использование канцеляризмов в сатирических миниатюрах – «излюбленный» М. Жванецким прием создания комического эффекта. Данные лексемы выступают лексико-стилистическими маркерами официально-делового стиля, имеющего преимущественно письменную форму бытования, однако в контексте анализируемой миниатюры используются во внутренней речи обывателя, встретившимся с представителем власти. Автор акцентирует внимание адресата на внутренней готовности рядового члена социума к встрече с бюрократической системой, понимающей исключительно язык штампов и канцеляризмов.

В качестве еще одного приема создания комического эффекта и выражения авторской негативной оценки, изображаемого в анализируемой миниатюре, отметим использование слов, передающих фонематические особенности речи говорящего («шешешят» («шестьдесят»), «тышяшя» («тысяча»)). Использование данных слов обусловлено применением автором приема языковой игры. Говорящий надевает «языковую маску» с целью продемонстрировать такую речевую характеристику собеседника, как использование просторечий, вследствие чего возникает логическое несоответствие социальной роли чиновника и языковых особенностей его речи, «выдающих» малообразованность.

Отметим также использование автором приема доведения до абсурда. По сути, абсурдный диалог преподносится автором как логично развивающий акт коммуни-

кации между обывателем и представителем власти, в ходе которого не возникает непонимания. Данный стилистический прием позволяет автору обнажить несостоятельность современной ему бюрократической системы, а также выразить свое негативное отношение к равнодушию и безразличию власти к нуждам обывателя.

Обозначенные выше языковые средства и стилистические приемы маркируют концепты РАВНОДУШИЕ, БЕЗРАЗЛИЧИЕ, БЮРОКРАТИЯ, имеющие в картине мира М. Жванецкого антиценностную коннотацию. Это связывается с наличием в лексическом значении лексем-номинатов концепта семы «антиценность», связанной с семами «безучастие», «защита интересов верхушки», что в русской картине мира не имеет аксиологической значимости.

Тему оторванности власти от народа и недоверия между ними М. Жванецкий затрагивает и в других миниатюрах, например, «Как?! Вам ничего не говорили» [8, т. 3, с. 62–64], «Таблетки от тревоги» [8, т. 4, с. 41], «Нарьян-Мар» [8, т. 5, с. 22]. Отметим, что для большинства миниатюр данной тематической группы М. Жванецкий использует форму диалога, которая позволяет сделать повествование объективным, дать слово героям миниатюры. Точка зрения автора в таких текстах полностью нивелируется, однако благодаря когерентности пресуппозиций автора и адресата последний с легкостью соотносит себя с непонятым и ограниченным в правах героем миниатюр М. Жванецкого и считывает пренебрежительное отношение сатирика к изображаемой реалии действительности.

Обратимся к группе миниатюр, предметом изображения в которых является безразличие, царящее в современном автору обществе: безразличие власти к нуждам обывателя и безразличие человека к человеку.

В качестве примера приведем миниатюру «А давайте в августе...», в которой моделируется ситуация похорон близкого человека: *В этой тесноте над вашей ямой чужой плач. – Он был в партии до последнего дня... – Кто? Он никогда не был в партии. Если бы мы достали лекарство, он вообще бы жил. Цыпарин, цыпарин. Ему не хватило цыпарина. – Операции они делают удачно, они выхаживать не могут. – Зачем тогда эти удачные операции? – Вы хотите, чтоб он хорошо оперировал и еще ночами ухаживал? – Я ничего не хочу, я хочу, чтобы он жил... – Да скажите спасибо, что оперируют хорошо... – За что спасибо, если я его хороню?!* [8, т. 3, с. 44]. В этом произведении обличается безразличие врачей к умирающему человеку и государства – к отдельно взятому гражданину. Автор акцентирует внимание на том, что равнодушие «верхов» порождает равнодушие «низов». Миниатюра построена на применении стилистического приема доведения до абсурда, использованного автором для демонстрации непонимания между коммуникантами: темы реплик собеседников совершенно не соотносятся друг с другом, каждый говорит о своем и не слышит другого. Использованием данного приема автор демонстрирует безразличие к чужому горю, характеризующее современный ему социум, отражает абсурдность ситуации, подчеркивает тему одиночества человека в мире: *Как наша жизнь не нужна всем, кроме нас. Как наша смерть не нужна всем, кроме нас* [8, т. 3, с. 45].

Формализованность власти, контакты между человеком и государством, основой которых является безразличие, и позиция каждого, метко определяемая русской народной поговоркой «моя хата с краю», высмеивается М. Жванецким в миниатюре «Не волнуйся»: *Не волнуйся и не бегай: все у нас налажено. Все службы работают. Люди начеку лежат. Тонет человек – смотри спокойно, не шевелись. Сейчас приедут. Наблюдай. Специальная служба есть. Люди деньги получают* [8, т. 2, с. 31]. Использование в приведенном контексте императивных глагольных форм подчеркивает формальное, имеющее директивный характер, отношение власти к нуждам и проблемам человека. Логическое несоответствие ситуации и действия, предписанно-

го императивной формой глагола, создает комический эффект и актуализируют негативное авторское отношение к изображаемому. М. М. Жванецкий намеренно нарушает грамматические нормы во фразеологизме «быть начеку», семантически связанного с готовностью проявить бдительность, активно действовать. Сочетание слов «люди начеку лежат» также соотносена с авторской интенцией создать комический эффект и обратить внимание адресата на отсутствие у окружающих готовности действовать и оказать помощь, чем еще раз подчеркивает безразличие, характеризующее современный ему социум.

Обыватель, оказавшийся в ситуации тотального одиночества, ненужности и беспомощности, вызывает сочувствие автора. Так, в миниатюре «Суть нашей жизни» читаем: *Суть нашей жизни в том, что посреди любого удовольствия, любви, выпивки или лучшей беседы может кто-то подойти и сказать: – Вы чего это здесь собрались? Совесть у вас есть? ... И вы собираетесь неизвестно куда. Здесь убирают, здесь подметают, здесь ограждают, здесь проверяют, здесь размечают. Так шаг за шагом, как диких оленей. И вот оно родное: икра из синеньких-помидорок, арбуз, бычки жареные, килечка домашняя... – А ну вон отсюда. Этта что такое? А ну, вон отсюда! И вы опять начинаете собираться, совсем забыв, что вы у себя дома!* [8, т. 3, с. 81]. В данном фрагменте лексемам «удовольствие», «любовь» и словосочетанию «лучшая беседа», имеющим в составе лексического значения семы, маркирующие семантику ценностей, противопоставлены глагольные формы множественного числа: «убирают», «подметают», «ограждают» и др. Последние служат в приведенном контексте вариантом семантической оппозиции «МЫ – не МЫ» – яркой идиостилевой черты творчества М. Жванецкого. «МЫ» обозначает автора и рядовых членов общества, объединенных общей ценностной системой, «не МЫ» маркирует образ представителей власти или социума, чьи ценностные установки не соотносятся с авторскими. Отметим также, что с целью лаконичного описания «душевного» застолья автор использует лексемы с положительной коннотацией: «синенькие» (диалектное название баклажанов), «помидорка», «килечка» – и обобщает их лексемой «родное». Особую «душевность» придает описываемому прием умолчания, прагматический фон которого возрастает после употребления резкой фразы «А ну вон отсюда!», заставляющей столующихся судорожно завершить застолье. Способами создания комического эффекта в анализируемом фрагменте являются языковая игра (растягивание согласных – подражание речи человека, не терпящего возражений: *этта что такое?*) и прием доведения до абсурда (*И вы опять начинаете собираться, совсем забыв, что вы у себя дома!*), служащие авторской интенции выразить негативное отношение к описываемой ситуации. Дом в русской национальной картине мира семантически связан с ощущением безопасности: ср., например, «Мой дом – моя крепость». Ситуация, в которой человек не может чувствовать себя свободно даже в собственном доме, вызывает недоумение автора, и потому тотальный контроль и ограничение свободы со стороны социума и представителей власти воспринимается М. Жванецким как отрицательное явление.

Сатирик манифестирует абсурдность окружающей действительности, в которой доверие к кому-либо стало представлять опасность: *Так и наловчились: не поворачиваться спиной – воспользуются. Только лицом. Мы отвернемся – они нас. Они отвернутся – мы их* [8, т. 3, с. 82]. Словосочетание «поворачиваться спиной» связано с лексемами «доверять», «доверие», в микроструктуре которых ключевыми являются семы «искренность», «правильность», «добросовестность». Однако в микроконтексте с данной фразой автор использует лексему «воспользоваться» в значении «незаконно извлекать из чего-н. выгоду для себя» [20, с. 558], имеющую негативную коннотацию, что позволяет сатирику подвергнуть осмеянию недоверчивость современника к окружающим. Использование подобного приема наблюдаем и в миниа-

тюре «Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?»: *К тому, кто вам скажет: „Я хочу вам сделать подарок ко дню рождения“, не поворачиваться спиной. Отойти на шаг, взять камень* [8, т. 5, с. 35]. Приведенный контекст является ярким примером реализации бисоциативного шока, в ходе которого один контекст резко сменяет другой. Лексема «подарок» содержит в своем значении семы «дар», «хорошее», «приятное», и использование в близком контексте с данной лексемой словосочетания «не поворачиваться спиной» актуализирует ее значение «не оставаться равнодушным, безучастным», имеющее положительную коннотацию. Однако использование впоследствии единиц «отойти на шаг» и «взять камень» сменяют положительную коннотацию на отрицательную и актуализируют противоположное значение словосочетания *не поворачиваться спиной* – «не доверять», «опасаться».

Проанализированные языковые средства и приемы актуализируют концепты БЕЗРАЗЛИЧИЕ и НЕДОВЕРИЕ, лексемы-номинаты которых в своей микроструктуре содержат семы, имеющие негативную коннотацию. Данные концепты в картине мира автора связаны с концептуальным смыслом «взаимоотношения людей в социуме», и явления, обозначаемые данными концептами, являются, с точки зрения автора, основой общества. В индивидуально-авторской картине мира коннотативная составляющая концептов БЕЗРАЗЛИЧИЕ и НЕДОВЕРИЕ негативно маркирована и соотносится с семой «антиценность». Положительно маркированную коннотативную составляющую, связанную с семой «ценность», наблюдаем у концепта СВОБОДА, который актуализируется в СТ М. Жванецкого посредством использования лексем с положительной коннотацией: «удовольствие», «любовь» и др. Отметим также наличие в концептуальном содержании картины мира автора ценностно маркированных концептов СОПЕРЕЖИВАНИЕ и ЧУТКОСТЬ, не находящих непосредственного языкового воплощения в СТ М. Жванецкого. Однако амбивалентная природа смеха позволяет актуализировать их на ассоциативно-смысловом уровне.

Еще одна реалья, нашедшая отражение в СТ М. Жванецкого, – дефицит – товарный голод, который был неотъемлемой частью жизни советских граждан. Советский человек стоически переносил временные неудобства, связанные с недостатком товаров потребления, поскольку в памяти людей были свежи воспоминания о военном времени [22, с. 29]. Дефицит стал причиной стратификации советского общества, связанной с доступом к товарам повышенного спроса и возможности купить их по завышенной цене. Отражение этого явления видим в миниатюре М. Жванецкого «Их день»: *И что смешно – министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит. И что интересно – мясная и молочная промышленность есть, мы ее видим и запах чувствуем. И что самое интересное – продукции выпускается в пять раз больше, чем в 40-м году. И что очень важно – действительно расширен ассортимент. И в общем в очень удобной упаковке. Все это действительно существует, что бы там ни говорили. Просто, чтобы это увидеть, нужно попасть к ним внутрь* [8, т. 2, с. 51]. Основными синтаксическими приемами построения указанной миниатюры является анафора, синтаксический параллелизм и градация. М. Жванецкий располагает синонимичные по лексическому составу и синтаксическому построению высказывания в таком порядке, при котором усиливается смысловое значение каждой части, что позволяет создать эффект нарастания впечатления, которое они производят. Благодаря этому создается комический эффект и актуализируется авторское сатирически-негативное отношение к изображаемому.

М. Жванецкий с сожалением говорит о невозможности рядового гражданина получить доступ к продуктам питания и товарам народного потребления и акцентирует внимание на том, что между советским гражданином и людьми, имеющими доступ к власти и, соответственно, ко всем жизненным благам, выстроена стена непонимания: *Они внутри, видимо, все это производят и, видимо, там же это и*

потребляют, благодаря руководство за заботу и ассортимент. У них объем продукции возрастает, значит, и возрастает потребление – ими же... И нам всем, стоящим тут же за забором, остается поздравить их во главе с министром, пожелать дальнейших успехов им, их семьям [8, т. 2, с. 51].

Привычность простого человека к дефициту М. Жванецкий высмеивает и в миниатюре «На складе»: *Главная мечта нашего человека – попасть на склад. Внутрь базы. В середину. – Скажите, это склад? Тот самый? – Да. – Слава богу. Я пока к вам попал... Ни вывески, ничего. Мне сказали, что здесь все есть. Я не верю конечно* [8, т. 2, с. 22]. Миниатюра построена в форме диалога между кладовщиком и обывателем, который не верит своему счастью «в порядке исключения для поощрения» оказаться на складе – месте почти сакральном, доступ в которое осуществляется исключительно по пропускам. Актуализируя в приведенном фрагменте лексикосемантический вариант лексемы «мечта» – «предмет желаний, стремлений» – в микроконтексте со словосочетанием «попасть на склад», автор низводит высокие человеческие стремления до приобретения материальных благ, выражая тем самым свое сатирическое отношение к современной ему общественной ситуации острой нехватки товаров народного потребления. Миниатюра завершается тем, что, набирая одежду, обувь, продукты, лекарства обыватель продумывает план того, куда всё приобретения спрятать, и в конце концов решает всё увезти на Север: *Мне до вокзала. Там – на платформу, сам охраняю, и – на Север. – Ты же здесь живешь. – Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо – живи. А хорошо... Не дадут* [8, т. 2, с. 26]. Заключительная фраза «а хорошо [жить] не дадут» – описание естественного положения рядового гражданина в советском государстве. Обыватель уверен, что не достоин лучшей жизни, смиренно принимает свое положение. Созданный в миниатюре комический эффект запускает процесс рефлексии подобного положения дел адресатом и актуализирует парадоксальную формулу «смешно, потому что грустно», характеризующую большинство сатирических миниатюр М. Жванецкого.

С представлением о дефиците неразрывно связано и представление об очереди – феномена, главными характеристиками которого являются «скученность и хаотичность» [30, с. 277]. Приведем некоторые примеры из миниатюр М. Жванецкого: *И те, кто стоял в живой очереди, зорко наблюдают за порядком получения в очереди, которая вне очереди, чем и достигается вот эта прославленная всеобщая тишина* [8, т. 3, с. 65]; *Толпа в наших краях просто так не собирается, это обычная очередь. Где бы ни бурлила масса, что бы там ни происходило, есть первый и последний, есть отошедший на минуточку, и есть который здесь не стоял* [8, т. 3, с. 185]. М. Жванецкий подчеркивает умение современного ему социума собираться в очередь и высмеивает стремление людей организовать в скученную и хаотичную массу. Об этом свидетельствует, например, использование в приведенных контекстах приема лексического повтора. В своих миниатюрах автор манифестирует очередь как привычную часть жизни обывателя, о чем свидетельствует использование лексем «очередь» и «окоп» (окоп – «укрытие для стрельбы и для защиты от огня» [19, с. 450]) в качестве синонимичных понятий: *«Для многих переход из очередей в окопы не крах мечты»* [8, т. 3, с. 181]. Такой ряд актуализирует негативную коннотацию лексемы «очередь».

По мнению Л. А. Якушевой, очередь представляет собой «модель, в которой отражался избранный путь исторического развития: отдаленность результата, длящееся ожидание» [30, с. 278]. В этом контексте очередь в картине мира Жванецкого – это метафора застоя, отсутствия движения и развития. Сатирик высмеивает внутреннюю парализованность и инертность современного ему общества и государства. Кроме того, М. Жванецкий подчеркивает абстрагированность государственной системы от нужд обывателей. Вспоминая о советском прошлом России, в одном из

своих интервью М. Жванецкий говорит: «В советское время наши люди были убеждены: все должны стоять в очереди за едой, а начальников надо кормить отдельно» [29].

В концептах ДЕФИЦИТ и ОЧЕРЕДЬ являющихся частью авторской картины мира, преобладает негативная коннотация, связанная с лексемой «антиценность». Языковыми средствами-маркерами данных концептов являются лексемы, коннотативный компонент которых не имеет положительного значения. В понимании сатирика реалии, обозначенные указанными выше концептами, соотносятся с материальной и, как следствие, духовной ограниченностью, лишением человека индивидуальности и свободы.

Образ современника в индивидуально-авторской картине мира М. Жванецкого

Человеческая природа – предмет изображения в большинстве сатирических текстов М. Жванецкого. Писатель умело подмечает в своих миниатюрах сущностные характеристики современника и открыто говорит об особенностях характера личности, которые в понимании автора имеют отрицательную аксиологическую значимость.

М. Жванецкий с сарказмом говорит о хамстве – грубом и неуважительном поведении: *Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получают ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет* [8, т. 3, с. 11]; *Обязательность и точность – исключение. Хамство, вранье – нормальный разговор* [8, т. 4, с. 52]; *Как ни пробуют, как ни конструируют, а вместо счастья и братства – хамство и нищета* [8, т. 5, с. 52]. М. Жванецкий использует перифраз «фрак народ носить разучился» для описания необразованности, которая распространилась на его современников. Лексема «фрак», в значении которой наблюдаем архисему «сюртук» и дифференциальную сему «парадный», семантически соотносится с интеллигентным, парадным внешним видом, и констатация неумения «народа» носить фрак подчеркивает падение уровня образованности в современном автору социуме. Интересно противопоставление автором топонимов «Сибирь» и «Петербург». Исторически сложилось так, что Сибирь – географическая область, куда ссылали осужденных за преступления, а Петербург – культурная столица государства. Автор соотносит в контексте лексемы «хамство», «грубость», «Сибирь» и лексемы «образованность», «аристократизм», «Петербург», для того чтобы усилить прагматический эффект текста: социум, который окружает автора, приблизился в своем развитии к хамоватым, грубым преступникам и отдалился от аристократичной жизни культурного центра страны. Автор намеренно прибегает к использованию просторечий «хамство», «вранье», поскольку одной из функционально-семантических особенностей просторечий является их негативная коннотация и яркая экспрессивность.

С точки зрения сатирика, хамство и грубость – ключевые характеристики современного ему человека, порожденные ходом исторического развития: *Нерадивость породила дефицит, дефицит – воровство, воровство – хамство, хамство – нерадивость, которая породила дефицит* [8, т. 3, с. 10]. Основным языковым средством создания комического эффекта в миниатюрах этой тематической группы выступает антитеза: хамство противопоставляется образованности, счастью, обязательности, воспитанности. Особенность авторской позиции в СТ данной группы заключается в том, что автор отстраняется от изображаемого, дает право адресату посмотреть на предмет изображения со стороны, тон повествования менторский, назидательный.

Проведенный языковой анализ позволяет выделить в концептуальном содержании картины мира М. Жванецкого концептов ХАМСТВО и ГРУБОСТЬ, в коннота-

тивной части одноименных лексем-номинатов концептов которых обнаруживается сема «антиценность», это связано с негативной коннотацией данных лексем, а также с теми стилистическими приемами, которые автор применяет для манифестации

Хамству и грубости М. Жванецкий противопоставляет независимость и талант, которые автор оценивает как положительные характеристики человека.

Неумение сказать «нет» связывается с моральным дискомфортом и возникновением «внутренней закрепощенности», которая ведет к возникновению хамства и грубости в поведении человека: *Неумение сказать «нет». Это ходить, куда не хочется. Это говорить, с кем не надо. Это сидеть на иголках. Это жить с теми, кто пришел. Это – к той большой закрепощенности своя внутренняя, и они сливаются. Отсюда хамство в неожиданный адрес* [8, т. 3, с. 21]. Основным стилистическим приемом здесь выступает парцелляция. Парцеллированные конструкции реализуют прагматическую функцию СТ и позволяют автору акцентировать внимание адресата на последствиях привычки быть безотказным. Автор связывает неумение человека сказать «нет» с чувствами тревожности и беспокойства, которые репрезентируются в приведенном фрагменте выражением «сидеть на иголках» («пребывать в состоянии крайнего беспокойства, волнения»), что позволяет говорить об авторском негативном отношении к неумению человека отстаивать личные границы: семы «беспокойство» и «волнение» имеют негативную коннотацию. Подвергая осмеянию неумение человека отказывать в том, что причиняет ему дискомфорт, и желание подстраиваться под ожидания социума, сатирик актуализирует важнейший для него в ценностном отношении смысл: человеку необходима независимость. Отсутствие независимости автор связывает с проявлением в обществе хамства, что позволяет говорить о противопоставленности в картине мира М. Жванецкого одноименных концептов. Концепт НЕЗАВИСИМОСТЬ содержит положительную коннотацию, выраженную семой «ценность» в лексическом значении лексемы-номината концепта.

О представленности концепта НЕЗАВИСИМОСТЬ в картине мира сатирика свидетельствует его репрезентация одноименными лексемами: *Потому так раздражает независимость: невозможно власть к ней применить. А талант и независимость – как бы уже власть, и другая власть относится к этой с ревностью* [8, т. 3, с. 194]. Лексемы *независимость* и *талант*, имеющие положительную коннотацию, в приведенном контексте представлены автором в качестве равноправных, о чем свидетельствует использование союза «и». Основным приемом создания комического эффекта в приведенном контексте является парадокс. М. Жванецкий выделяет два типа власти: власть как иерархическое господство, способность подчинять собственной воле, которая в авторской картине мира соотносится с ограничением свободы человека, равнодушием и безразличием к нему, и власть моральная – право и возможность распоряжаться собственной жизнью. Независимость и талант – те качества, которые, по мнению писателя, наделяют личность истинной властью – властью над самим собой.

Идея провозглашения таланта и независимости как высших ценностей присутствует также в миниатюре «Тяжелый характер»: *...человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам – его талант* [8, т. 3, с. 27]. В приведенном фрагменте преобладает использование лексем с положительной коннотацией «деликатность», «воображение», «независимость», «смелый». Это позволяет говорить о положительном авторском отношении к независимости и таланту. М. Жванецкий отмечает, что талантливый человек «неудобен», то есть для него не находится места в мире, в котором человеческие отношения строятся на не-

доверии, равнодушии, стоической покорности и неумении отстоять личные границы. Главными преимуществами талантливого человека, по мнению писателя, являются независимость и смелость.

Таким образом, идеальные представления о человеке в картине мира М. Жванецкого складываются из концептов ТАЛАНТ и НЕЗАВИСИМОСТЬ, лексем-номинаты которых содержат положительную коннотативную сему «ценность». На ассоциативно-смысловом уровне данные концепты связываются с внутренней свободой, образованностью, умением проявлять смелость, отстаивать личные границы. Противопоставлены указанным концептам концепты ХАМСТВО, ГРУБОСТЬ, ЗАВИСИМОСТЬ, языковая репрезентация которых актуализирует негативную коннотацию данных концептов, содержащую сему «антиценность». Саркастически выражаясь о недостатках характера современника, М. Жванецкий провозглашает собственную ценностную доминанту – «человек должен быть свободным».

Роль, место юмора и смеха в концептуализации представлений писателя-сатирика

Юмор М. Жванецкого – это честность, искренность, умение видеть подлинную жизнь во всех ее несовершенствах и нелепостях. В одной из миниатюр писатель называет себя *юмористус вульгарис* [8, т. 3, с. 92]. Подражая словообразовательной модели латинского языка, сатирик иронично определяет себя как «обыкновенного юмориста» (*vulgaris* – «обыкновенный», «общенародный» или «простой»), то есть не обременяет себя целью преображению мира.

Для М. Жванецкого представление о юморе концептуально связывается с представлением о жизни: *...ничего нет лучше жизни. А юмор – это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез* [8, т. 3, с. 46]. Использование лексем «жизнь», «влюбленность», имеющих положительную коннотацию. Отметим использование автором выражения «искры в глазах» в качестве дефиниции лексемы «юмор». Выражение «искры из глаз» – метафорическое описание ощущения ряби в глазах от сильного удара. Это позволяет говорить о том, что в представлении М. Жванецкого юмор – это резкий удар, потрясение. Кроме того, настоящий юмор в понимании сатирика – это юмор, вызывающий искренний смех, смех от души. Об этом свидетельствует употребление автором выражения «смеяться до слез».

Юмор для М. Жванецкого – это особое состояние бытийности. Известна фраза сатирика, ставшая со временем афоризмом: *Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно* [8, т. 3, с. 46]. Юмор, понимаемый как способность замечать несовершенства жизни и превращать их в шутку, М. Жванецкий связывает с умом – основой «сознательной, разумной жизни» [19, с. 832] и веселостью, подразумевающей жизнерадостность.

Таким образом, юмор М. Жванецкого является средством выражения радости бытия. В концептуальном содержании картины мира автора можно выделить концепт ЮМОР. Лексические единицы-репрезентанты («жизнь», «влюбленность», «талант», «ум», «веселье») данного концепта имеют положительную коннотацию, содержащую сему «ценность».

Отметим также наличие концепта СМЕХ в картине мира автора. А. С. Трач говорит об особой разновидности смеха М. Жванецкого – «смех сквозь слезы» [27, с. 86]. В одном из своих интервью писатель признается: «Что такое юмор? Это спасение. А что такое слезы? Это жизнь. Поэтому смех сквозь слезы – наше самое главное достижение за все годы существования» [20]. Смех, возникающий как эмоциональная реакция на сатирические тексты М. Жванецкого, – это мощный инструмент рефлексии и осмысления адресатом собственной жизненной траектории, приоритетов,

стремлений и ценностей. В представлении М. Жванецкого смех всегда соотносится с грустью, чаще всего предмет смеха писателя – нечто невеселое, печальное и вместе с тем правдивое, жизненное: *Я как раз люблю плакать, а чуть больше повод – и порыдать. Но что мне делать, если от этого все смеются...* [8, т. 5, с. 156]; *Публика бежит на концерт с набором соответственных ассоциаций. Смех рвется еще до подхода к креслу, похожий на рыдание, не потому, что смешно, а потому что: «Да! Да! Да! Точно!.. Какой ужас! Ха-ха-ха!.. На эту пенсию не то что жить, смотреть без слез невозможно! Ха-ха!.. Как мы живем, ха-ха, как нас лечат... Как нас хоронят? Ха-ха!..* [8, т. 3, с. 162]. Употребление лексем «плакать» и порыдать, связанных градационными отношениями, а также лексемы «ужас» в одном контексте с лексемой «смеяться» позволяет говорить об амбивалентности и сложности смеха М. Жванецкого. Это подтверждается словами Вадима Жука, поэта, сценариста, друга М. Жванецкого, который, рассуждая о творчестве писателя, в одном из интервью говорит: «Почему смешно – потому что смешно, потому что в этом тексте правда и абсурд сочетаются в таких изумительных дозах, что вызывают смех». Предназначение смеха, с точки зрения сатирика, заключается в обнаружении социальных противоречий, стирании иерархических границ, и, как следствие, освобождении от негативного восприятия жизни, провозглашения радости бытия. Смех, по мнению М. Жванецкого, рождается там, где присутствует настоящая жизнь. Легкость, жизнерадостность, с которой М. Жванецкий подходит к описанию недостатков социума и современного ему жизненного уклада – отличительная черта его смеха. Именно в смехе М. Жванецкий видит способ борьбы с трудностями и лишениями: *Мы будем смеяться лучшим смехом в мире, смехом сквозь море слез. В ответ на каждую нехватку будет слышен наш хохот и крики «Браво!». А когда этот хохот перейдет в истерику, его уже не остановит ничто* [8, т. 3, с. 71]. Лексема «лучший», связанная синтагматическими отношениями с лексемой «смех», подтверждает мысль о положительной коннотации последней. Отметим также и использование междометия «Браво», в лексическом значении которого содержится коннотативная сема «одобрение», выкрикивание которой автор предлагает в качестве ответа на любые несовершенства жизни. Такое языковое оформление текстов позволяет сделать вывод о том, что концептуализация представлений М. Жванецкого о смехе сводится к осмыслению смеха как инструмента борьбы с неидеальностью жизни. Смех в понимании М. Жванецкого – это сила, преодолеть которую невозможно. Лексемы «хохот», «истерика» имеют эмоционально-экспрессивную коннотацию (хохот – «оглушительный смех» [19, с. 858], истерика – «громкие рыдания с криками, воплями» [19, с. 255]) и подтверждают мысль о внутренней силе смеха. Причем главное преимущество смеха, по мнению писателя, заключается в его способности освобождать человека от осуждения, злобы, раздражительности и агрессии: *Сегодня над нашей жизнью можно смеяться сколько хочешь. Это главное завоевание и есть. Пока оно с нами, жизнь может быть тяжелой, плохой, но не такой противной и оскорбительно рабской, как вчера* [8, т. 5, с. 21]. Метафора «завоевание», использованная автором для обозначения смеха, содержит положительно маркированную сему «достижение». Это позволяет говорить о положительном отношении автора к предмету изображения. М. Жванецкий в своих сатирических миниатюрах манифестирует мысль о том, что, обнажая несовершенства жизни, смех, в сущности, не меняет ни положения дел в стране, ни черт характера личности, однако он меняет отношение адресата к предмету осмеяния. И, с точки зрения М. Жванецкого, способность смеха очищать, обновлять человека, позволяет делать его по-настоящему свободным.

Смех М. Жванецкого амбивалентен и может принимать формы легкой иронии или насмешки, едкой сатиры и жесткого сарказма, и именно смех придает сатире М. Жванецкого жизнеутверждающий характер, глубинное понимание человеческой

жизни и сущности человеческой природы. Источник смеха М. Жванецкого – сама жизнь, о чем сам сатирик говорит во вступительной статье к первому тому собрания сочинений: *Мы смеемся вместе. Вы смещите меня, потом этим же я смешу вас* [8, т. 1, с. 7]. С этим связывается и правдивость творчества писателя.

Таким образом, концепт СМЕХ в концептуальном содержании картины мира М. Жванецкого занимает центральное место. О значимости концепта свидетельствует его репрезентация одноименными лексемами-номинатами и однокоренными лексемами «смеяться», «смешить», но и лексемами «завоевание», «браво», имеющими положительную коннотацию. Концептуализация представлений М. Жванецкого о смехе – это концептуализация представлений о жизни в целом, о несовершенствах социального устройства и недостатках характера современников и о способе борьбы с ними.

Заключение

Проведенный лингвоконцептологический анализ позволяет сделать вывод о ключевых концептах, наполняющих концептуальное содержание картины мира писателя, коннотативная составляющая которых содержит семы «ценность» / «антиценность».

Сема «ценность» содержится в коннотации лексем-репрезентантов таких концептов, как СОПЕРЕЖИВАНИЕ, ЧУТКОСТЬ, СВОБОДА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЮМОР и СМЕХ. Отдельно следует отметить концепты ЮМОР и СМЕХ, поскольку именно они являются ключевыми для концептуальной структуры сатирических текстов. Концепт ЮМОР связан с представлениями автора о бытии, о себе и о предназначении своего творчества, которое заключается в том, чтобы увидеть несовершенства жизни и запечатлеть их в осязаемой форме. Именно юмор придает сатире М. Жванецкого жизнеутверждающий и глубоко философский характер. Концепт СМЕХ в индивидуально-авторской картине на ассоциативно-смысловом уровне связан, с одной стороны, с теми аспектами жизни, которые кажутся печальными, с другой стороны, с правдивостью жизни, современной автору. Смех призван обнажать все несовершенства жизни с целью избавления от их негативного восприятия, делать человека по-настоящему свободным.

Наличие семы «антиценность» в коннотативном компоненте лексем, репрезентирующих концепт, характерно для концептов РАВНОДУШИЕ, БЕЗРАЗЛИЧИЕ, НЕДОВЕРИЕ, являющимися реализацией представлений М. Жванецкого о взаимоотношениях между людьми и между человеком и властью, концептов ЗАВИСИМОСТЬ, ХАМСТВО, ГРУБОСТЬ, наличие которых в индивидуально-авторской картине мира связано с представлениями об образе современника писателя, а также концептов ДЕФИЦИТ, ОЧЕРЕДЬ, БЮРОКРАТИЯ, которые на ассоциативно-смысловом уровне связаны с представлениями писателя-сатирика о свободе личности и ее индивидуальности.

Перспективы исследования связываются с осуществлением развернутого контент-анализа языкового строя СТ М. Жванецкого с целью моделирования их концептуальной организации и более глубокого изучения авторской картины мира.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта : Наука, 2010. 224 с.
2. *Андреев А. Н.* Методология литературоведения. Минск: Дизайн ПРО, 2000. 191 с.
3. *Борев Ю.* Комическое. М.: Искусство, 1970. 272 с.

4. *Виноградов С. Н.* К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры : материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. С. 93–97.
5. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
6. *Гуляева А. А.* Роль неполных предложений в создании эффекта комического в художественных произведениях М. М. Жванецкого // Студенческий вестник. 2021. № 23-1 (168). С. 25–27.
7. Дадут по голове – я буду молчать : интервью с писателем М. Жванецким / кор. М. Зайцева // 76.ru : сетевое изд. URL: <https://76.ru/text/entertainment/2009/10/19/53749541/>. Дата публикации: 19.10.2009.
8. *Жванецкий М. М.* Собрание произведений : в 5 т. М.: Время, 2023. Т. 1. Шестидесятые. 167 с.; Т. 2. Семидесятые. 239 с.; Т. 3. Восьмидесятые. 272 с.; Т. 4. Девяностые. 239 с.; Т. 5. Двадцать первый век. 201 с.
9. *Жукова Е. Ю., Курьянович А. В.* Лингвоаксиологические характеристики концепта СМЕХ в сатирическом тексте (на материале творчества М. М. Жванецкого) // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания : сб. материалов VII Междунар. науч. конф. Бийск: АГПУ им. В. М. Шукшина, 2022. С. 50–56.
10. *Жукова Е. Ю., Курьянович А. В.* Идиостилевые особенности сатирических текстов М. М. Жванецкого как инструмент интерпретации авторской картины мира // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 20–32.
11. *Карасик В. И.* Семиотика размышлений М. М. Жванецкого // Коммуникативные исследования. 2024. № 4. С. 823–835. Электрон. версия печ. публ. URL: <https://com-studies-journal.omsu.ru/issues/422/12579.php> (дата обращения: 10.05.2025).
12. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. *Карпова А. М.* Экспрессивная лексика как средство выразительности в творчестве М. М. Жванецкого // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 3 (32). С. 112–114. URL: <http://strizh-vspu.ru/jurnal/54> (дата обращения: 10.05.2025).
14. *Колесниченко Е. Л., Габидулина А. Р.* Парадоксальные высказывания в произведениях М. Жванецкого // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 54–65.
15. *Кубасов А. В.* Соцяз в тексте М. М. Жванецкого как отражение менталитета советского человека // Политическая лингвистика. 2017. № 1. С. 121–126. URL: <https://politlinguistika.ru/archive/54356665/076784/sotsyaz-v-tekste-m-m-zhvanetskogo-kak-otrazhenie-mentaliteta-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения: 10.05.2025).
16. *Лаврова С. Ю., Бочкарева Ю. Ю.* Концепты «ум» и «глупость» в современном русском юмористическом дискурсе (на материале текстов М. Жванецкого и «Comedy club») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 31–36.
17. *Лугвин С. Б.* Патримониальные черты советской бюрократии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 8 (151). С. 174–179. Электрон. копия печ. публ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrimonialnye-cherty-sovetskoy-byurokratii> (дата обращения: 10.05.2025).
18. *Луковцева Т. А.* «Оттепель» (процесс демократизации в СССР) // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/otterel-protsess-demokratizatsii-v-sssr-a4abd9>. Дата публикации: 20.04.2023.
19. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
20. Полный Жванецкий : интервью с писателем М. Жванецким / кор. В. Серикова // Коммерсантъ : сетевое изд. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2288785> . Дата размещения: 10.05.2001.
21. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ Восток-Запад, 2010. 314 с.
22. *Проноза А. В.* Дефицит и товарный голод в СССР в 70-е годы XX века и его отображение в детской переписке тех лет // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2021. № 4 (28). С. 28–36.

23. «Сатира процветает при тоталитарном режиме»: писатель Михаил Жванецкий – о Райкине, Капице и судьбах юмора в России : интервью / кор. В. Крылов // ИЗВЕСТИЯiz : информ. портал. URL: <https://iz.ru/725213/vladislav-krylov/satira-protcvetaet-pri-totalitarnom-rezhime>. Дата публикации: 31.03.2018.
24. Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Светоносова Татьяна Александровна. Екатеринбург, 2006. 174 с.
25. Стихина М. А. Особенности применения переводческих трансформаций при переводе афоризмов (на материале произведений М. М. Жванецкого и С. Фрая) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых : в 2 ч. / под общ. ред. Ж. А. Храмушиной [и др.]. Екатеринбург: УрФУ, 2013. Ч. 1. С. 324–329.
26. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
27. Трач А. С. Феномен М. М. Жванецкого: жанровый и прагмалингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Трач Анастасия Сергеевна. Таганрог, 2007. 185 с.
28. Фефелова Г. Г. Языковые приемы комического как особенности идиостиля М. Задорнова и М. Жванецкого // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 161–166.
29. Чем хуже, тем веселее : интервью писателя М. Жванецкого / телевед. А. Максимов // 1001.ru : сайт. URL: <https://1001.ru/articles/post/chem-huzhe-tem-veselee-28943>. Дата публикации: 18.01.2017.
30. Якушева Л. А. Человек в очереди: социокультурная модель и артефакт // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 277–280.

References

1. Alefirenko, NF 2010, *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka: uchebnoye posobiye* (Lingvoculturology. Value-semantic space of language: a tutorial), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Andreev, AN 2000, *Metodologiya literaturovedeniya* (Methodology of literary criticism), Design PRO publ, Minsk. (In Russ.)
3. Borev, Yu 1970, *Komicheskoye* (The Comical), Art publ, Moscow. (In Russ.)
4. Vinogradov, SN 2007, 'K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti' (Towards a linguistic understanding of value), in LI Ruchina (ed.), *Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii ROPRYAL* (Russian literature in the context of world culture: Proceedings of the International Scientific Conference ROPRYAL), October 3–5, 2007, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod University publ, Nizhny Novgorod, pp. 93–97 (In Russ.)
5. Vorkachev, SG 2004, *Shchastye kak lingvokulturnyy kontsept* (Happiness as a linguocultural concept), Gnosis publ, Moscow, 192 p. (In Russ.)
6. Gulyaeva, AA 2021, 'Rol nepolnykh predlozheniy v sozdanii effekta komicheskogo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh M.M. Zhvanetskogo' (The role of incomplete sentences in creating the comic effect in the works of M.M. Zhvanetsky), *Studencheskiy vestnik*, vol. 23-1 (168), pp. 25–27. (In Russ.)
7. Zaytseva, M 2009, 'Dadut po golove – ya budu molchat' (If They Hit Me on the Head, I Will Keep Silent), *76.ru*, 19 October 2009, viewed 10 May 2025, <https://76.ru/text/entertainment/2009/10/19/53749541/> (In Russ.)
8. Zhvanetsky, MM 2023, *Sobraniye proizvedeniy v pyati tomakh* (Collected works in five vols), vol. 1, *Shestidesyatyye* (The Sixties), vol. 2, *Semidesyatyye* (The Seventies), vol. 3, *Vosmidesyatyye* (The Eighties); vol. 4, *Devyanostyye* (The Nineties), vol. 5, *Dvadsat pervyy vek* (The Twenty-first Century), Vremya Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Zhukova, EYu & Kuryanovich, AV 2022 'Lingvoaksiologicheskiye kharakteristiki kontsepta SMEKH v satiricheskom tekste (na materiale tvorchestva M. M. Zhvanetskogo)' (Lingvoaxio-

- logical characteristics of the concept LAUGHTER in a satirical text (based on the works of M. M. Zhvanetsky)), in MS Vlasov, *Obshcheteoreticheskiye i tipologicheskiye problemy yazykoznaniiya. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (General theoretical and typological problems of linguistics. Collection of materials of the VII International scientific conference), September 26, 2022, Biysk, Altayskiy gosudarstvennyy humanitarnopedagogicheskiy universitet imeni V. M. Shukshina publ, Biysk, pp. 50–56 (In Russ.)
10. Zhukova, EYu & Kuryanovich, AV 2025 'Idiostilevyye osobennosti satiricheskikh tekstov M. M. Zhvanetskogo kak instrument interpretatsii avtorskoy kartiny mira' (Idiostyle features of satirical texts by M. M. Zhvanetsky as a tool for interpreting the author's picture of the world), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, vol. 511 (in press). (In Russ.)
 11. Karasik, VI 2024, 'Semiotika razmyshleniy M. M. Zhvanetskogo' (Semiotics of M. M. Zhvanetsky's Reflections), *Kommunikativnyye issledovaniya (Communication Studies)*, vol. 4, pp. 823–835, viewed 10 May 2025, <https://com-studies-journal.omsu.ru/issues/422/12579.php> (In Russ.)
 12. Karasik, VI 2002, *Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monografiya* (Language circle: personality, concepts, discourse: monograph), Peremena publ, Volgograd. (In Russ.)
 13. Karpova, AM 2020, 'Ekspressivnaya leksika kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorchestve M. M. Zhvanetskogo' (Expressive Vocabulary as a Means of Expressiveness in the Works of M. M. Zhvanetskiy), *Strizh*, vol. 3 (32), pp. 112–114. (In Russ.)
 14. Kolesnichenko, EL & Gabidullina, AR 2013, 'Paradoksalnyye vyskazyvaniya v proizvedeniyakh M. Zhvanetskogo' (Paradoxical statements in the works of M. Zhvanetsky), *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly* (Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education), vol. 1, pp. 54–65. (In Russ.)
 15. Kubasov, AV 2017, 'Sotsyaz v tekste M. M. Zhvanetskogo kak otrazheniye mentaliteta sovetского человека' (Socialist Language in M. M. Zhvanetsky's Text as a Reflection of Soviet Person's Mentality), *Political linguistics*, vol. 1, pp. 121–126, viewed 10 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsyaz-v-tekste-m-m-zhvanetskogo-kak-otrazhenie-mentaliteta-sovetского-cheloveka> (In Russ.)
 16. Lavrova, SYu & Bochkareva, YuYu 2009, 'Kontsepty «um» i «glupost'» v sovremennom russkom yumoristicheskom diskurse (na materiale tekstov M. Zhvanetskogo i «Comedy club»)' (The Concepts of "Mind" and "Stupidity" in Modern Russian Humorous Discourse (in the Texts by M. Jvanetsky and "Comedy Club")), *Cherepovets State University Bulletin*, vol. 3 (22), pp. 31–36. (In Russ.)
 17. Lugvin, SB 2013, 'Patrimonialnyye cherty sovetskoy byurokratii' (Patrimonial Lines of the Soviet Bureaucracy), *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, vol. 8 (151), pp. 174–179, viewed 10 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/patrimonialnye-cherty-sovetskoy-byurokrati> (In Russ.)
 18. Lukovtseva, TA 2023, '«Ottepel» (protsess demokratizatsii v SSSR)' ("The Thaw" (the process of democratization in the USSR)), *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya (The Great Russian Encyclopedia)*, viewed 10 May 2025, <https://bigenc.ru/c/ottepel-protsess-demokratizatsii-v-sssr-a4abd9> (In Russ.)
 19. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu (eds.) 1999, *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), Azbukovnik publ, Moscow, 944 p. (In Russ.)
 20. Serikova, V 2001, 'Polnyy Zhvanetskiy : interv'yu s pisatelem M. Zhvanetskim' (Full Zhvanetsky. Interview with M. Zhvanetsky), *Kommersant*, date of publication 10 May 2001, viewed 10 May 2025, <https://www.kommersant.ru/doc/2288785> (In Russ.)
 21. Popova, ZD & Sternin, IA 2010, *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive linguistics), AST East-West publ, Moscow. (In Russ.)
 22. Pronoza, AV 2021, 'Defitsit i tovarnyy golod v SSSR v 70-ye gody XX veka i yego otobrazheniye v detskoй perepiske tekhn let' (Shortages and commodity famine in the USSR in the 70s of the twentieth century and its reflection in children's correspondence of those years), *Aktual'nyye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniya*, vol. 4 (28), pp. 28–36. (In Russ.)
 23. Krylov, V 2018, '«Satira protsvetayet pri totalitarnom rezhime»: pisatel' Mikhail Zhvanetskiy – o Raykine, Kapitse i sud'bakh yumora v Rossii : interv'yu' ("Satire Flourishes Under a To-

- talitarian Regime”: Writer Mikhail Zhvanetsky on Raykin, Kapitsa, and the Fates of Humor in Russia. Interview with M. Zhvanetsky by V. Krylov), *IZVESTIYAiz*, date of publication 31 March 2018, viewed 10 May 2025, <https://iz.ru/725213/vladislav-krylov/satira-protcvetaet-pri-totalitarnom-rezhime> (In Russ.)
24. Svetonosova, TA 2006, *Sopostavitelnoye issledovaniye tsennostey v rossiyskom i amerikanskoy politicheskom diskurse* (Comparative study of values in Russian and American political discourse), PhD thesis, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg. (In Russ.)
 25. Stikhina, MA 2013, ‘Osobennosti primeneniya perevodcheskikh transformatsiy pri perevode aforizmov (na materiale proizvedeniy M. M. Zhvanetskogo i S. Fraya)’ (Features of the application of translation transformations in the translation of aphorisms (based on the works of M. M. Zhvanetsky and S. Fry)), in ZhA Khramushina, AS Porshneva, LA Zapevalova, AA Shirshikova (eds.), *Aktual'nyye voprosy filologicheskoy nauki XX veka. Sbornik statey po materialam III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh: v 2 chastyakh* (Actual issues of philological science of the 21st century. Collection of articles based on the materials of the 3rd All-Russian scientific conference of young scientists: in 2 parts), Ural'skiy federal'nyy universitet publ, Yekaterinburg, pp. 324–329. (In Russ.)
 26. Telia, VN 1986, *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* (Connotative aspect of semantics of nominative units), Nauka publ, Moscow, 141 p. (In Russ.)
 27. Trach, AS 2007, ‘Fenomen M. M. Zhvanetskogo: zhanrovyy i pragmalingvisticheskiy aspekty’ (Phenomenon of M. M. Zhvanetsky: genre and pragmalinguistic aspects), PhD thesis, Rostov State University of Economics, Taganrog. (In Russ.)
 28. Fefelova, GG 2020, ‘Yazykovyye priyemy komicheskogo kak osobennosti idiostilya M. Zadornova i M. Zhvanetskogo’ (Language Means of Expressing the Comic in Humorous Discourse), *Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy razvitiya sovremennoy gumanitarnoy nauki: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Theoretical and practical problems of the development of modern humanitarian science: Proceedings of the VI International scientific and practical conference), Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet publ, Ufa, pp. 161–166. (In Russ.)
 29. ‘Chem khuzhe, tem veseleye. Intervyu M. Zhvanetskogo televedushchemu A. Maksimovu’ (The worse, the merrier. Interview of M. Zhvanetsky to TV presenter A. Maksimov) 2017, *1001.ru*, date of publication 18 January 2017, viewed 10 May 2025, <https://1001.ru/articles/post/chem-huzhe-tem-veselee-28943> (In Russ.)
 30. Yakusheva, LA 2016, ‘Chelovek v ocheredi: sotsiokulturnaya model i artefakt’ (A Man in a Shop Line: a Socio-Cultural Model and Artifact), *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, vol. 4, pp. 277–280. (In Russ.)

Вклад авторов:

Курьянович А. В. – идея, написание раздела статьи, научное редактирование.

Жукова Е. Ю. – сбор материала, обработка материала, написание раздела статьи.

Contribution of the authors:

Anna V. Kuryanovich – idea, writing the section of the article, scientific editing.

Elena Yu. Zhukova – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Одобрена после рецензирования: 23.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 03.06.2025

Approved after reviewing: 23.06.2025

Accepted for publication: 23.06.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 196–206.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 2 (22). P. 196–206.

Scientific Article

UDC 81'4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-196-206>

COMMUNICATIVE STYLES IN TEACHER'S DISCOURSE IN ALGERIAN AND RUSSIAN CLASSROOMS

Souhila Laiche

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, laiche.souhilaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8895-1490>

Abstract. Communication is the way through which individuals interact, as well as a basic element of cultural and social life. Communication takes place in different contexts and circumstances, including in the classroom. The classroom atmosphere implies different communication styles between teachers and students. The study objective is to unveil the most common communicative styles in Algerian and Russian classrooms. The Discourse Completion, in which 143 students participated, is a source of data for the study. The author focuses on the communicative styles that Algerian and Russian teachers use when interacting with their students in the classroom and applies the qualitative method. The results obtained show that Algerian teachers tend to use two communicative styles, which are direct and contextual. As for the Russian teachers, they tend to use indirect and contextual styles, showing politeness and a high-power distance index.

Keywords: communicative styles, classroom interactions, Algerian classrooms, Russian classrooms, direct style, indirect style, contextual style, communication, cultural studies, speech acts, politeness.

For citation: Laiche, S 2025, 'Communicative Styles in Teacher's Discourse in Algerian and Russian Classrooms', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 196–206, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-196-206> (in Russ.)

Information about the Author: *Souhila Laiche* – Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

© Laiche S., 2025

Научная статья
УДК 81'4
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-196-206>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТИЛИ В ДИСКУРСЕ УЧИТЕЛЯ В АЛЖИРСКИХ И РУССКИХ КЛАССАХ

Сухила Лаиш

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, laiche.souhilaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8895-1490>

Аннотация. Коммуникация рассматривается как способ взаимодействия людей, а также как базовый элемент культурной и социальной жизни. Коммуникация происходит в разных контекстах и обстоятельствах, таких, как обстановка в классе, которая подразумевает разные стили общения между учителями и учениками. Цель исследования – выявить наиболее распространенные стили общения в алжирских и русских классах. Данные были получены с помощью исследования с участием 143 студентов. Основное внимание в этом исследовании уделяется коммуникативным стилям, которые используют алжирские и русские учителя при выполнении определенных речевых актов в обстановке класса при взаимодействии со своими учениками. В исследовании был применен качественный метод. Полученные результаты показывают, что алжирские учителя склонны использовать два коммуникативных стиля: прямой и контекстный. Что касается русских студентов, они склонны использовать косвенный и контекстный стили, с помощью которых учителя показали вежливость и высокий индекс дистанции власти.

Ключевые слова: коммуникативные стили, взаимодействие в классе, алжирские классы, русские классы, прямой стиль, косвенный стиль, контекстный стиль, коммуникация, культурология, речевые акты, вежливость.

Для цитирования: Лаиш С. Коммуникативные стили в дискурсе учителя в алжирских и русских классах // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 196–206. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-196-206>

Сведения об авторе: Сухила Лаиш – аспирант кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

1. Introduction

The practice of passing on or communicating ideas from one person to another is referred to as communication. Communication is successful when messages are exchanged and communicated in an intelligible and clear manner. Furthermore, classroom communication is a critical component of the educational process, shaping how knowledge is transmitted, received, and internalized. It encompasses verbal and nonverbal interactions between teachers and students, as well as among students themselves. The nature of classroom communication varies across cultures, reflecting broader societal norms, historical contexts, and educational philosophies. In Algeria and Russia, classroom communication is influenced by distinct cultural, historical, and linguistic factors, which shape teacher-student dynamics, communication styles, and pedagogical approaches [16]. Additionally, communication is surely a hard process, especially for humans. According to [16], "humans communicate cognitively, emotionally, and socially," which contributes to this complexity. This demonstrates the significance of communication in human life. Communication issues must be avoided if good communication is to be achieved. Communicative styles are described as "language devices used to overcome communication problems related to interlanguage deficiencies" [10].

Algerian classrooms are strongly influenced by hierarchical cultural values and a high power-distance dynamic, where teachers are viewed as unquestionable authorities [15]. This stems from broader societal norms that emphasize respect for elders and figures of authority, as well as the legacy of colonialism, which shaped the education system to prioritize obedience and rote learning [5]. In Algerian classrooms, teachers are seen as the primary source of knowledge, and their authority is rarely challenged. This often results in a predominantly teacher-centered approach, limiting opportunities for active student participation. Adding to that, teachers often provide feedback indirectly to avoid causing embarrassment, consistent with the high-context communication style prevalent in Algerian culture [14, p. 35–45]. However, this can lead to misunderstandings, as students may not fully grasp the feedback's intent. Furthermore, students are generally expected to be passive recipients of knowledge, with limited interaction unless initiated by the teacher.

Russian classrooms are also characterized by a high power-distance dynamic, where teachers are respected as authoritative figures. This stems from the Soviet-era education system, which emphasized discipline, academic rigor, and a centralized approach to curriculum and pedagogy [28]. However, modern Russian classrooms are gradually incorporating more collaborative and student-centered practices. Russian teachers are seen as both educators and moral guides, with a strong focus on instilling discipline and work ethic, furthermore, they tend to provide direct and explicit feedback, reflecting the low-context communication style typical of Russian culture [14, p. 35–45]. This approach ensures clarity but can sometimes come across as overly critical.

In Russian classroom settings while traditional classrooms are focused on rote learning, modern Russian education places a greater emphasis on fostering critical thinking and analytical skills through dialogue and interactive activities [29]. Adding to that, the emphasis on academic performance can create a high-pressure environment, where interactions are often focused on outcomes rather than the learning process [29].

According to [18] it is worth noting that cultural differences in communication are not random, but rather the result of systematic and consistent use of typical strategies, which leads to the formation of communicative features, more broadly – communication dominants, the sum of which forms a culture specific style of communication that is referred to as communicative ethno-style. Effective techniques are required for communication to be successful. We thus require communicative styles.

Communicative styles are frequently used to "bridge the gaps between the linguistic and sociolinguistic knowledge of the foreign language learners and those of the interlocu-

tors in any communication situation," according to [25]. Also, it is noteworthy to mention the four dichotomies of the communicative styles asserted by W. Gudykunst and S. Ting-Toomey. They proposed to reduce all cultural distinctions to four binary style oppositions: direct versus indirect, elaborate versus succinct, personal versus contextual, and instrumental versus effective [12, p. 67–89].

Direct versus indirect styles are determined by how thoroughly and clearly the speaker expresses his or her objective in speech. In a direct communication style, the speakers state their goals directly in terms of their wants, needs, and desires. However, in indirect style, their goals are concealed and presented indirectly.

The second dimension is connected to the amount and expressiveness of speech in various cultures. It has three different styles: complex style, precise style, and concise style. The use of expressive language in ordinary speech is referred to as the ornate style. Understatements and semantically laden silent pauses are used in the concise style.

Contextual style is role-centered, with an emphasis on interlocutors' role connections. It represents societal hierarchy and uneven positions. Many European nations, as well as the United States, have a communicating style that falls somewhere in the middle, being meticulous and ritualized.

Personal versus contextual communication styles are connected to the importance of the context in communication and, more importantly, role connections between speakers. Personal style is individualistic, with an emphasis on individuality. Language is used to portray equitable social order and balanced role arrangements.

Instrumental versus emotional approaches are related to what is ultimately intended to be expressed. The instrumental style emphasizes content and is intended to fulfill the purpose of communication. The emotive style emphasizes the process of communication rather than the objective of communication. Non-verbal communication (gestures, facial expressions, etc.) plays a vital part in the transmission of information.

Partially these communicative styles are analogous to P. Grice's ideas because they relate to communication parameters involving quantity, quality, relevance, and manner (clarity of speech), etc. [11], while also convincingly demonstrating that the concept of effective communication is not universal, but culturally variable. They have a high explanatory value since they help us comprehend the existing similarities and contrasts in communication from an intercultural standpoint. It is not incorrect to argue that the aforementioned styles exist in all cultures, but it is critical to evaluate which of them are prominent in a certain society [18]. The language employed to convey the message can be utilized to identify communication methods.

J. L. Austin [3] and J. R. Searle [23, p. 209–223], two significant figures in linguistic philosophy, have developed taxonomies of speech acts. For instance, [23] defined five categories for speech acts: representatives (such as asserting or concluding) commit the speaker to the truth of the stated proposition; directives (such as asking or pleading) are attempts to persuade the addressee to do something or to move in the speaker's direction; commissive (such as promising, threatening, or offering) commit the speaker to a future course of action; and directives (such as requesting, questioning) are attempts to persuade the addressee to move in the speaker. Thanking, apologizing, welcoming, and congratulating are examples of expressives that express a psychological state and the speaker's inner state. According to [1], it is also obvious that the traditional binary opposition between instructor and student is eroding in this regard. Appointing, excommunicating, and declaring are examples of declarations that affect immediate changes in institutional state of affairs and frequently rely on complex extra-linguistic institutions. As a result, examination of speech acts can be a useful tool for learning more about how one particular group of people uses language and communicates.

These styles are shaped by cultural, social, and individual factors, influencing how messages are conveyed, interpreted, and received. The relationship between communicative styles and cultural settings is significant, as different cultures have distinct norms, values, and expectations around communication. In some cultures, communication is more direct, with individuals expressing themselves in a clear and straightforward manner. For example, in many Western cultures, such as the United States or Germany, being explicit and to the point is often appreciated. Direct communicators value clarity and precision, and messages are expected to be delivered without ambiguity. People in these cultures may use a logical and analytical approach to discussions, valuing facts over emotions or relationships.

Furthermore, and according to [9] who looked at a few of the social, practical, psychological, and emotional elements that contribute to communication difficulties. He came to the conclusion that good small group activities are crucial for empowering students and that student-teacher discussion is an essential component of classroom communication. According to [17], there are many modes of verbal and non-verbal communication, cultural communication and communication enhancers. He argued that the classroom should offer a range of stimuli, a safe, comfortable environment, and the flexibility to accommodate different activities while allowing for some privacy and individuality. He asserts that the teacher must be able to communicate with the child at their level of comprehension and comprehend the nature of language and dialect differences.

According to a review of the literature, there has been a recent surge in studies examining teachers' communication competencies [21]. Additionally, a significant amount of national and international research has been done to investigate the communication skills and empathy of the teachers [4], [8] and [27]. Studies have looked into the connection between empathy and communication abilities of the teachers' inclination levels, according to [2] and [13, p. 25–26], however some argued on how communication training can affect the teachers' degrees of empathy and communication abilities.

2. Methodology of the study

2.1. Methods and population

The present study makes use of a qualitative research method drawing on Sociolinguistics, Cross-Cultural Pragmatics, Discourse Analysis, and cultural Studies. The qualitative method is carried out by analyzing responses from a discourse completion task (DCT) which consists of different situations that tend to study different classroom interactions and involves different speech acts and communicative styles. This method would give a more in-depth overview on the participants personal responses. Also, it provides the researcher with more generalizable results, since it tends to examine the detailed responses of the participants. Furthermore, the data used throughout this research was collected from Algerian and Russian universities that are exposed to certain academic factors related the given cultural settings.

Tools of data collection

The tools used in data collection in order to conduct this study is Discourse completion test, it contains a number of questions that study the teacher-student interactions and aims at uncovering the different communicative styles used by the teachers when performing certain speech acts, as well as, knowing what expression the Algerian teachers usually use when communicating with their students in-classroom-settings. The discourse completion test included a set of situations that studies different speech acts through which the classroom interactions are realized in classroom settings in both Algerian and Russian Classrooms.

3. Summary of the findings

The data collected throughout this paper were obtained through a discourse completion test (DCT) distributed amongst the Russian and the Algerian students. Participants

were asked to specify the expression used by their teachers while communicating with them and asking them to perform certain tasks. As a result, 143 students took a part in this study, from whom 71 are Algerian students and 72 are Russian students. The questions of the DCT involves a set of speech acts, such as, orders and requests classified from low-cost to high cost.

3.1. Russian Teacher's classroom interactions

According to the replies gathered, Russian teachers employ a range of language models while executing the speech act of request while speaking with their pupils; the language models chosen can reveal how power is distributed in the classroom. It is noted that in the seventh Situation (S7), where the teacher asks the students to write the exercise on the board, (72.3 %) of the responses are direct and contain imperatives, and (20.5 %) of the responses contain questions about the students' abilities *Can you? Could you?* and the interjection adverb *Please* appears in (7.2 %) of the responses. Teachers were seen not to employ interrogative language models *I would want to know whether...* or queries of desire *Would you?* The percentage for these two language categories is (0.0 %). It has been noted that Russian teachers never ask for a favor directly; for instance, the responses indicate that they never use direct requests or imperatives.

This brings us to the eighth (08) situation, in which the students were asked to describe the teacher's expression when requesting a favor, in this case, an extra pen and (0.0 %) of the responses were noted as being direct; additionally, the majority of the responses (53.6 %) used the model verb that asks the students to fulfill the teacher's request or favor; additionally, interrogative language models were used in (26.2 %) of the responses, and the interjection adverb "Please" was noted in (20.2 %) of the responses. Regarding the ninth (09) scenario, in which teachers are expected to ask their students to repeat their responses, it has been observed that the teachers are more frequently employing imperatives to take a more directive approach. As a result, (52.1 %) of the responses are noted as being direct, and the teachers are expected to be straightforward when asking their students to repeat their responses.

The use of the interjection adverb "please," is seen to contain this linguistic variety, was the second-highest proportion of a percentage of (35.6 %). Additionally, a percentage of (0.0 %) was noted for both the language model that questions about the desire and the usage of interrogatives, and another (12.5 %) of the responses are noted to have the language model that asks about the students' capacity to comply with the teachers' requests. Moving on to the tenth (10) situation, in which the teachers are expected to ask the students to close the window, it was observed that most of the responses included the interjection adverb "please," indicating that the teachers are attempting to be less direct in their request.

The use of language models that frequently inquire about students' abilities was reported at (23.5 %), whereas the usage of imperatives by teachers was documented at (5.3 %). Also, It has been observed that teachers frequently use the language model that asks for the students' ability with a percentage of (42.2 %) and the interjection adverb "please" with a percentage of (43.6 %) in the eleventh (11) scenario, which is intended to study a request that is classified as being of a high cost and somewhat difficult to fulfil, through which asking the students to assist a new student with his homework, the percentage of direct imperatives used is (6.9 %), and no model verbs in any of the requests were found to inquire about the students' motivation to carry out this action. (See the table 1).

Table 1

The use of language models in the Russian teacher's requests

Language Models	Top-down interactions. Teacher- Student				
	S7	S8	S9	S10	S11
Direct requests, imperatives, declaratives	72.3	0.0	52.1	5.3	6.9
Question of the ability: <i>can you? Could you?</i>	20.5	53.6	12.5	12.5	42.2
Question of a desire: <i>would you?</i>	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Declarative and interrogative: <i>I'd like to know if...</i>	0.0	26.2	0.0	0.0	7.3
Interjection adverb: <i>Please.</i>	7.2	20.2	35.6	72.2	43.6

The examples that demonstrate the way the Russian teachers perform the speech act of request are listed below:

Situation 01: In the first situation the students were asked about their teachers' used expressions when asking then to write the exercise on the board, it has been noticed that the Russian teachers tend to be in directs and use both the polite form of the personal pronoun *You* which is *Вы* in the Russian language as well as they are noticed to use the interjection adverb *Please*.

1) *Напишите задание на доске, пожалуйста.*

1) *Write the task on the board, please.*

Situation 02: in this situation, the Russian teachers are noticed to be indirect when asking their students for a favor, which is lending them an extra pen, or closing the window, there are noticed to use the language models that tend to ask for the ability *Can you* and using the interjection adverb *please*.

2) *Можете мне пожалуйста дать вашу ручку?*

2) *Can you please give me your pen?*

3) *Закройте, окно, пожалуйста.*

3) *Close the window, please.*

Situation 03: When asking the student to repeat the answer, which is a task-oriented request, the Russian teachers are noticed to be likely indirect through using the interjection adverb *please*.

4) *Пожалуйста, повторите ваш ответ.*

4) *Please repeat your answer.*

3.2. Algerian Teacher's classroom interactions

Based on the data collected, it was discovered that Algerian teachers were very direct with their students when performing the speech act of requesting or ordering, and this was very noticeable in the way they uttered their expression. Almost all of the responses collected witnessed the use of imperative verbs, indicating that the teachers have more power than their students, as well as a low percentage of using model verbs. Only a small portion of the responses intended to explore the teachers' speech were found to have a lower cost of imposition; additionally, it was discovered that teachers tend to demonstrate gratitude, respect, and closeness when asking their students to do them a favor.

The participants' responses showed that the majority of Algerian teachers tend to use a lot of imperatives that demonstrates directness and high cost of imposition and tend to be so straight to the point; when asking the students to do something for them, or when asking them to perform a certain task, most of the teachers were very impulsive and a bit unrelenting. This would suggest that the Algerian teachers possess a high-power distance index and tend to exercise this power through being direct and used direct requests and to perform what is called face threatening acts which would threaten the face of the listener who is in this case the student.

Discourse completion tests were used to examine the requests made by student-teachers. Algerian students were asked to describe the expressions of their teachers when speaking to them in class and when completing the speech act of request. It is observed that in the seventh Situation (S7), where the instructor requests that the students write the task on the board, (71.1 %) of the responses are straightforward and contain imperatives; also, (18.4 %) of the responses in this situation include an ability inquiry *Can you? Could you?* and the interjection adverb "Please" appears in (10.5 %) of the answers. Teachers are not observed to use any interrogative language models, like: *I would like to know if...* or language models that ask questions about desire, like: *Would you?*. For these two language groupings, the percentage is (0.0 %). It is observed that Russian professors never expressly ask for a favor in the eighth (S8) situation, when students were asked to describe the teacher's attitude when asking for a favor (in this case, an additional pen). For instance, (0.0 %) of the responses were direct, indicating that Russian teachers seldom to never employ straight imperatives or demands. Furthermore, (33.5 %) of the responses included the model verb that asks the students whether they can do the instructor a favor or request, (26.2 %) utilized interrogative language models, and (20.2 %) of the responses indicated using the interjection adverb "Please."

In the ninth (S9) situation, where teachers are supposed to urge their students to repeat their replies, it has been noted that they are using imperatives in a more directive manner. Teachers are expected to be direct when asking their pupils to respond, as evidenced by the fact that (52.1 %) of the responses in this situation are characterized as such. Second in proportion is the use of the interjection adverb *please*, which is found to include this linguistic variation at a rate of 35.6 %. Furthermore, it was observed that (0.0 %) of the responses had the language model, and another (12.5 %) had the language model concerning the use of interrogatives.

The majority of the responses used the interjection adverb "please," suggesting that the teachers are trying to be less direct in their request. This brings us to the tenth (S10) situation, when the teachers are supposed to ask the students to close the window.

Teachers tend to use the language model that asks for the student's ability with a percentage of (42.2 %) and the interjection adverb "please" with a percentage of (43.6 %) in the eleventh (S11) scenario, which is designed to study a request that is categorized as high cost and difficult to fulfill – that is, asking students to help a new student with his homework. A proportion of (6.9 %) was recorded for the usage of direct imperatives, and none of the requests were found to include model verbs that inquire about the pupils' desire to undertake this action (see Table 2).

Table 2

The use of language models in the Algerian teacher's requests

Language Models	Top-down				
	S7	S8	S9	S10	S11
Direct requests, imperatives, declaratives	71.1	10.2	52.1	22.1	16.7
Question of the ability: <i>can you? Could you?</i>	18.4	33.5	12.5	52.8	33.3
Question of a desire: <i>would you?</i>	0.0	14.6	8.6	0.0	16.2
Declarative and interrogative: <i>I'd like to know if...</i>	0.0	26.2	12.5	0.0	16.6
Interjection adverb: <i>Please</i>	10.5	20.2	14.3	25.1	17.2

Most of the teachers' responses according to their students were as the following:

Situation 01: The students were asked about their teachers' responses when they are requesting them to perform an act, in this situation, it is asking them to write the exer-

cise on the white board, it has been shown that the verbs used by the teachers are directive and imperative and straight to the point; no model verbs were used.

(5) أسامة, أطلع للسطورة أكتب التمرين باش الزملاء تاعك يشوفوه.

5) Oussama, **come** to the board and write the exercise, so your classmates can see it.

Situation 02: Through this situation, the teachers' utterances while requesting the students to do them a favor was examined. The same thing was noticed in this situation, the teachers opt for using a direct imperative verb even though he/she is asking for a favor from the student.

(6) ولدي, أعطيني القلم الأحمر تاعك, تاعي ما يمشيش.

6) Son, **give** me your red pen, mine stopped working.

Situation 03: This situation is meant to examine the expressions used by the teachers while commanding them to do something. The teacher asked the student to repeat the answer because he has problems hearing him, his command is direct and clear. Most of the responses of this situation are noticed to contain imperatives and there was short record of using model verbs that ask for the students' ability to repeat, such as *Can you? Could you?*

(7) بوساحة, عاود واش كنت تقول, ما سمعتش الإجابة تاعك مليح.

7) Boussaha, **repeat** your answer, I couldn't hear your answer.

4. Discussion

The results of this paper show the most common communicative styles that exists in the teachers' discourse in the Algerian and Russian classrooms are three styles: direct, indirect, and contextual styles. For instance, the Algerian teachers are noted to be direct and straight to the point, they tend to request or order the students without any implicitness and in a clear manner but of course in a polite way that shows that there is a mutual respect between the teachers and the students, in another hand, it is noticed the Russian teachers tend to be more indirect when it comes to requesting their students to fulfill and action or even when ordering them to do something related to the course of the lecture, this indirectness can be noticed through the excessive use of the model verbs *Can you? Could you?* and the interjection adverb *Please*, this was stated in classic work in politeness [7, p. 65–68] and [19] and cross-cultural [6]. 'Directness' usually refers to the use of mood for instance, imperatives carry out requests, and performative verbs e.g., *I command you to*; 'indirectness' usually refers to hints. In the middle of the dimension is conventional indirectness, thus, ability inquiries to perform requests, such as, *Can you pass the water?* adding to that, the contextual or personality-oriented style can be spotted in the way how both the Algerian and the Russian teachers are trying to highlight the hierarchical social order and asymmetrical positions, through showing more respect and politeness than showing that he has a higher power than the students and that he has the right to command them directly without using expressions that demonstrate politeness like saying: *excuse me / can you? / Would you?* but of course, nowadays, it is widely understood that individuals from different cultures do not always agree on what is considered polite or impolite [20], [22], [24, p. 227–235] and [26, p. 126–167] this due to the fact that certain cultural parameters can define the way we think about certain aspects related to the interactions and communication. as for the instrumental style, it can be found in the way how the teachers are more focused on the goal and outcomes of the communication more than focusing on the flow of the communication itself.

5. Conclusion

Throughout this paper, it was intended to spot the most commonly used communicative styles by teachers in Algerian and Russian classrooms. It was aimed at shedding the light on how Algerian and Russian teachers communicate certain speech acts to their students. The results of this research show that there are three main communicative styles

that are mostly used in classroom-setting by the teachers, namely, direct, indirect and contextual. This can be strongly related to the cultural background of the Algerians and Russians; thus, Algerian teachers have a slightly high status and more power compared to the Russian teachers; which is well illustrated through the social gap between the teachers and the students in both cultural contexts. Furthermore, it can be also said that the Algerian and Russian teachers tend to show more politeness and respect to the students in their own ways and based on their cultural parameters. The results of this study are preliminary since it is built on limited materials, that's why further investigations and studied are needed.

References

1. Adams Becker, S 2017, *NMC horizon report: 2017 Higher Education Edition*, The New Media Consortium publ, Austin, Texas.
2. Ahmetoğlu, E & Acar, IH 2016, 'The correlates of Turkish preschool preservice teachers' social competence, empathy and communication skills', *European Journal of Contemporary Education*, vol. 16, is. 2, pp. 188–197.
3. Austin, JL 1962 *Speech acts / Sense and Sensibilia*, Oxford University Press publ, London, pp. 98–109.
4. Ateş, B & Sağar, ME 2022, 'Öğretmen adaylarında psikolojik esnekliğin, öz-yeterliliğin ve iletişim becerilerinin yaşam doyumu üzerindeki yordayıcı rolü' (The predictive role of psychological flexibility, self-efficacy and communication skills on life satisfaction in teacher candidates), *Cumhuriyet International Journal of Education*, vol. 11, is. 1, pp. 219–227. (In Turk.)
5. Benrabah, M 2007, 'Language-in-Education Planning in Algeria: Historical Development and Current Issues', *Language Policy*, vol. 6, no. 2, pp. 225–252.
6. Blum-Kulka, S, House, J & Kasper, G 1989, 'Investigating cross-cultural pragmatics: An introductory overview', *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*, Ablex Publishing Corporation publ, New York, pp. 1–34.
7. Brown, P & Levinson, SC 1987, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge University Press publ.
8. Cochran, LM & Parker Peters, M 2023, 'Mindful preparation: An exploration of the effects of mindfulness and SEL training on pre-service teacher efficacy and empathy', *Teaching and Teacher Education*, vol. 12, is. 2, pp. 103–118.
9. Collins, J 1997, 'Barriers to Communication in Schools (Presentation paper)', *British Educational research Association Annual Conference*, September 11-14, University of York, York, England, pp. 3–14.
10. Dörnyei, Z & Scott, ML 1997, 'Communication strategies in a second language: Definitions and taxonomies', *Language learning*, vol. 47, is. 1, pp. 173–210.
11. Grice, HP 1990, 'Logic and Conversation', *The Philosophy of Language*, ed. A. P. Martinich, Oxford University Press publ, pp. 43–58.
12. Gudykunst, WB, Ting-Toomey, S & Chua, E 1988, *Culture and interpersonal communication*, Sage Publications publ.
13. Günözü-Kurt, S 2019, *Sınıf Öğretmeni Adaylarının İletişim Becerileri İle Empatik Etilim Düzeyleri Arasındaki İlişki* (The relationship between primary school teacher candidates' communication skills and empathetic tendency levels), Pamukkale University publ, Denizli. (In Turkish).
14. Hall, ET 1976, *Beyond Culture*, Anchor Books publ, Garden City, New York, pp. 35–45.
15. Hofstede, G 2011, 'Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context', *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 2, is. 1, article 8, viewed 1 May 2025, <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/>.
16. Hua, TK, Mohd Nor, NF & Jaradat, MN 2012, 'Communication Strategies Among EFL Students-An Examination of Frequency Of Use And Types Of Strategies Used', *GEMA Online:*

- journal of language studies*, vol. 12, no. 3, pp. 831–848, viewed 1 May 2025, <https://ejournal.ukm.my/gema/article/view/1058>.
17. Johnson, MB 1999, 'Communication in the Classroom', *ERIC – Educational Resources Information Center*, <https://eric.ed.gov/?id=ED436802>
 18. Larina, T 2015, 'Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies', *International Review of Pragmatics*, vol. 7, is. 2, pp. 195–215.
 19. Leech, G 2007, 'Politeness: is there an East-West divide?', *Journal of Politeness Resear*, vol. 3, no. 2, pp. 167–206.
 20. Leech, G & Tatiana, L 2014, 'Politeness: West and east', *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, pp. 9–34.
 21. Morreale, SP & Pearson, JC 2008, 'Why communication education is important: The centrality of the discipline in the 21st century', *Communication Education*, vol. 57, no. 2, pp. 224–240.
 22. Pizziconi, B 2003, 'Re-examining politeness, face and the Japanese language', *Journal of pragmatics*, vol. 35, is. 10-11, pp. 1471–1506.
 23. Searle, JR 1969, *Speech acts: An essay in the philosophy of language*, Cambridge University publ, London.
 24. Sifianou, M 1999, *Politeness phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective*, Oxford University Press publ, Oxford.
 25. Somsai, S & Intaraprasert, C 2011, 'Strategies for coping with face-to-face oral communication problems employed by Thai university students majoring in English', *GEMA Online : journal of language studies*, vol. 11, no. 3, pp. 83–96, viewed 1 May 2025, <https://ejournal.ukm.my/gema/article/view/43>.
 26. Watts, RJ 2003, *Politeness*, Cambridge University Press publ.
 27. Wilson, A 2020, A study of empathy and teacher self-efficacy among preservice early childhood educators, master's thesis, East Tennessee State University.
 28. Zajda, J 2003, *Education in the New Russia: Challenges and Prospects*, Nova Science Publishers publ, New York, pp. 83–102.
 29. Zaretsky, VK 2016, 'The Development of Critical Thinking in Russian Education: Trends and Challenges', *Russian Education and Society*, vol. 58, no. 1, pp. 1–17.

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 11.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 81'373.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-207-215>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОНИМОВ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Зоя Олеговна
Овчинникова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, zoyaovchinnikova@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6137-197X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проявления региональных языковых элементов в сетевой коммуникации, а именно изучению употребления и функционирования онимов в интернет-пространстве как инструмента отражения региональной идентичности в условиях цифровизации современного общества. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к проявлению региональных языковых элементов в онлайн-коммуникации, сохранению национальной идентичности в контексте развития современных технологий и самоидентификации в цифровом пространстве, а также необходимостью изучения трансформации традиционной ономастики под влиянием интернет-среды. Цель исследования – выявить, как онимы (топонимы, антропонимы, этнонимы, этникины) находят свое отражение в цифровом пространстве, способствуют конструированию языка в интернет-среде и развитию особенностей устно-письменной формы речи.

Исследование опирается на работы отечественных ученых – В. И. Супруна и А. В. Суперанской, а также современных исследователей, таких, как М. А. Кронгауз и Е. И. Горошко.

На основе контент-анализа профилей и сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram», можно сделать вывод, что онимы выполняют важные функции в цифровой коммуникации: от самопрезентации и самоидентификации пользователей до продвижения локальных брендов. Особое внимание уделяется никнеймам и наименованиям локальных сообществ, имеющим в своем заглавии региональную лексику, этнокультурные и географические названия, которые демонстрируют уникальные языковые трансформации, предлагаемые пользователями.

Работа вносит вклад в исследование развития сетевой коммуникации, взаимодействия пользователей и регионоведение.

В статье предлагается возможная классификация сообществ в социальных сетях, которые имеют в своем названии регионализмы, а также на основе изученного теоретического материала и наблюдения за региональными языковыми элементами, их употреблением, трансформацией, выделяются некоторые функции онимов в сетевой коммуникации.

Ключевые слова: онимы, сетевая коммуникация, региональная идентичность, антропонимы, топонимы, этнонимы, этникины, интернет-дискурс, культурное наследие.

Для цитирования: Овчинникова З. О. Некоторые особенности употребления и функционирования онимов в сетевой коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 207–215. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-207-215>

Сведения об авторе: З. О. Овчинникова – ассистент, аспирант института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81'373.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-207-215>

SOME PECULIARITIES OF THE USAGE AND FUNCTIONING OF ONYMS IN ONLINE COMMUNICATION

Zoya O. Ovchinnikova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, zoyaovchinnikova@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6137-197X>

Abstract. The article investigates the manifestation of regional linguistic elements in online communication, specifically examining the use and functioning of onyms in the digital space as a tool for reflecting regional identity in the context of the digitalization of modern society. The relevance of the study is driven by the growing interest in the expression of regional linguistic elements in online communication, the preservation of national identity amid the development of modern technologies and digital self-identification, and the need to explore the transformation of traditional onomastics under the influence of the internet environment. The study aims to identify how onyms (toponyms, anthroponyms, ethnonyms, ethnicons) are reflected in the digital space, contribute to the construction of language in online environments, and shape the development of hybrid oral-written speech features.

The research draws on the works of Russian scholars, including V. I. Suprun and A. V. Superanskaya, as well as contemporary researchers such as M. A. Krongauz and E. I. Goroshko. Through content analysis of profiles and communities on the social networks *VK* and *Telegram*, it is concluded that onyms play significant roles in digital communication, ranging from user self-presentation and self-identification to the promotion of local brands. Special attention is given to usernames and titles of local communities that incorporate regional vocabulary, ethnocultural, and geographical names, which demonstrate unique linguistic transformations introduced by users.

The study contributes to research on the evolution of online communication, user interaction, and regional studies. The article proposes a potential classification of social media communities featuring regionalisms in their titles and identifies key functions of onyms in digital communication, based on theoretical analysis and observation of regional linguistic elements, their usage, and transformation.

Keywords: onyms, online communication, regional identity, anthroponyms, toponyms, ethnonyms, ethnicons, internet discourse, cultural heritage.

For citation: Ovchinnikova, ZO 2025, 'Some Peculiarities of the Usage and Functioning of Onyms in Online Communication', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 207–215, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-207-215> (in Russ.)

Information about the Author: Zoya O. Ovchinnikova – Teaching Assistant, Postgraduate Student of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Ovchinnikova Z. O., 2025

Введение

В условиях цифровизации современного общества сетевая коммуникация является неотъемлемой частью повседневной жизни. Современное информационное общество активно развивается благодаря цифровым технологиям. Виртуальное общение охватывает различные сферы взаимодействия пользователей: от личных бесед до деловой и образовательной деятельности. Платформы, социальные сети, форумы и мессенджеры представляют собой среду общения, которая отражает различные аспекты языка, формирует некоторые закономерности его развития, фиксирует изменения. Региональный аспект языка также не является исключением и находит своё отражение в сетевой коммуникации. Изучение онимов в цифровом пространстве позволяет глубже понять механизмы онлайн-коммуникации, выявить закономерности формирования интернет-культуры и рассмотреть влияние языковых единиц на виртуальное взаимодействие. Именно поэтому исследование данной темы является актуальным и значимым в современном мире. Статья рассматривает проявление некоторых региональных языковых особенностей, а именно отражение использования онимов, в сетевом общении, их функции, особенности трансформаций, влияние на восприятие передаваемой информации и роль в цифровом общении.

Основные понятия

В переводе с древнегреческого «оним» означает «имя». А. В. Суперанская, лингвист, классик советской и российской ономастики, исследует понятие «ономастика» и в своем научном труде «Общая теория имени собственного» отмечает, что эта наука является самостоятельной дисциплиной, обладает своим материалом и методикой исследования. Доминирующий компонент этой науки – слово, развивающееся по законам языка [13, с. 7]. В нашем исследовании мы обратимся к наблюдению за трансформацией и употреблением слова «онима» в сетевой коммуникации.

Согласно определению, данному в Большой советской энциклопедии, ономастика рассматривается как раздел языкознания, изучающий имена собственные, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков [2].

Шмелева Т. В. рассматривает ономастику в соответствии с двумя значениями, первое из которых «научное» – ономастика как особая лингвистическая дисциплина и второе «предметное» – совокупность имен собственных, прежде всего русского языка [15, с. 6].

Традиционно к онимам относят имена собственные, которые обозначают уникальные объекты окружающей нас действительности: антропонимы (имена людей), топонимы (названия географических объектов), урбанонимы (названия внутригородских топографических объектов), этнонимы (названия народов и этносов), хремотонимы (названия предметов материальной культуры), ойконимы (названия населенных пунктов), этниконимы (названия жителей регионов) и др. [10].

Российский лингвист Супрун В. И. подчеркивает, что «ядром русской онимии являются антропонимы, в сопоставлении с которыми определяется онимичность других единиц» [14, с. 6].

Имена собственные представляют собой особый пласт лексики, в котором заключены особенности естественного языка – специфика его семантики, структуры, его связей с сознанием и культурой народа.

Современная сетевая коммуникация является уникальным лингвистическим феноменом, где язык выступает не только инструментом передачи информации, но и объектом трансформации, изменяющимся под влиянием цифровых технологий. Взаимодействие пользователей в сети способствует формированию гибридных язы-

ковых форм – от сокращений и эмодзи до специализированных дискурсов (например, IT-сленга), отражающих социокультурные особенности виртуальных сообществ.

Лутовинова О. В. подчеркивает, что интернет – это новая социокультурная среда, накладывающая отпечаток на все стороны общения, включая и язык, являющийся основным средством общения, орудием выражения мыслей и чувств [9]. С одной стороны, она ускоряет развитие языка, с другой – становится инструментом сохранения языкового разнообразия.

Как отмечает А. В. Рубанов, сетевая коммуникация представляет собой форму межличностной коммуникации, осуществляемой в глобальной информационной сети, имеющей отличительные особенности: сетевая коммуникация выходит за рамки физического контакта, при сетевом взаимодействии теряют значение ограничения (пространственные, социальные, временные и др.), возрастают размеры социальных групп, вовлеченных в совместное общение и взаимодействие, пользователь приобретает практически неограниченную свободу в установлении своих виртуальных социальных контактов, а также развитие сетей создает новые возможности для вовлечения пользователей в различные сетевые сообщества и инициативы [11, с. 119].

Сетевая коммуникация выступает частью виртуальной коммуникации, которая конкретизируется в следующих аспектах: общение посредством компьютерной сети; общение посредством интернета (социальных сетей); обмен информацией в условиях отсутствия пространственно-временных ограничений; коммуникация на основе информационных ресурсов [6, с. 57].

В современной лингвистике активно обсуждается специфика интернет-коммуникации. Как отмечает Красовская Н. А., «современная сетевая коммуникация – это определенная форма письменно-устной речи, которая имеет ряд региональных и этнических особенностей» [5, с. 174]. Данный тезис подчеркивает актуальность изучения цифрового взаимодействия, объединяющего черты письменной и устной речи, а также его зависимость от культурного контекста диалога.

Таким образом, вопросы изучения особенностей сетевой коммуникации, региональных проявлений рассматривали такие ученые-лингвисты, как Е. И. Горошко, М. А. Кронгауз, Н. А. Красовская, О. В. Лутовинова, А. В. Рубанов, В. И. Супрун, А. В. Суперанская и др.

Современные исследователи, такие, как М. А. Кронгауз и Е. И. Горошко, отмечают, что интернет-пространство трансформирует традиционные языковые явления, создавая новые гибридные формы самовыражения [4; 7]. В то же время классики отечественной ономастики – В. И. Супрун, А. В. Суперанская – заложили основы для анализа связи имен собственных с культурным контекстом [13; 14]. Это позволяет рассматривать онимы в сетевой коммуникации не как случайный набор лексем, а как осознанный выбор пользователей, отражающий региональные особенности, культурный контекст и одновременно подчеркивающий их самоидентификацию.

Материалы исследования

В качестве основного материала исследования выступают названия, заголовки, никнеймы, содержащие региональные онимы, а также изучаются профили пользователей, открытые для публичного доступа, с акцентом на тех, кто явно указывает свою региональную принадлежность, комментарии и языковые региональные вкрапления в текстах комментариев, создаваемых пользователями социальных сетей «ВКонтакте» и «Телеграм».

В отличие от традиционной коммуникации, где антропонимы и топонимы имеют устойчивые значения, в сетевой среде онимы подвержены трансформации, они могут меняться, приобретать новые смысловые оттенки. Таким образом, изучение онимов в цифровом пространстве позволяет проанализировать и частично понять механизмы самопрезентации и самоидентификации пользователей в сети.

В цифровой среде имена собственные (антропонимы, топонимы, этнонимы, гидронимы и др.) приобретают новые функции и формы. Их использование отражает как стремление к локальной идентичности, так и глобальные тенденции цифровой коммуникации.

Одним из видов антропонимов в сетевой коммуникации являются никнеймы. Многие пользователи таких известных социальных сетей, как «Телеграм», «Вконтакте», включают в свои никнеймы и учетные записи отсылки к месту проживания, этнической или культурной принадлежности. Например, в социальной сети «Телеграм» были выявлены телеграм-каналы пользователей, включающие в себя этниконны и этнонимы.

Этникины или катойконимы – номены для обозначения жителей по названию места жительства (оттопонимические образования) [10, с. 64]. Мы в нашем исследовании будем придерживаться термина «этникон». Примеры этниконов: *Москва – москвич*, *Тула – туляк*, *Екатеринбург – екатеринбуржец*.

В свою очередь этнонимы – это слова, обозначающие названия народов, этнических групп, племён (например: *русские*, *татары*, *маори*) [10].

Таким образом, основной функцией этниконов является указание на принадлежность жителя к тому или иному населенному пункту, а основная функция этнонимов – указание на этническую принадлежность.

В социальной сети «Телеграм» нами были выявлены и рассмотрены следующие никнеймы в названиях телеграм-каналов: «*ЯКУТЯНКА*», «якутка печатает...», «*Yakutyanka_na_dony*». Прежде чем перейти к анализу, стоит пояснить, что, согласно словарю, *якуты* – это традиционное название якутского народа, который сам называет себя *саха* [1, с. 415], данное явление имеет свой термин: автоэтноним – самоназвание народа [12]; *якутяне* – название жителей, проживающих на территории Якутии [3, с. 342]. Соответственно, этноним в названии телеграм-канала «якутка печатает ...» говорит о том, что пользователь относит себя к народу саха, а этникон в названии канала «ЯКУТЯНКА» говорит о территориальной принадлежности пользователя региону. В первом приведенном нами примере пользователь употребляет заглавные буквы в передаче письменной речи, что, скорее всего, передает стремление к привлечению внимания других пользователей и подчеркивает важность, значимость своей принадлежности к территории Якутии.

Таким образом, употребление этниконов и этнонимов в данном примере позволяет прояснить разницу между территориальной и этнической принадлежностью, а также передает культурную и региональную идентичность пользователей – представителей разных народов в социальном общении.

Еще одним интересным примером использования этникона для жительницы Якутии является название телеграм-канала «*Yakutyanka_na_dony*» – мы можем отметить в никнейме сочетание двух онимов: этникона *Yakutyanka*, что говорит о самоидентификации пользователя как жителя того или иного региона, в данном случае Якутии; и вторая часть топонима *Ростов-на-Дону - na_dony*, может позволить нам предположить, что пользователь хотел подчеркнуть свою принадлежность к определенной территории, на которой он проживает или на которую переехал. Также данный лингвистический пример интересен для нас тем, что является отражением некоторых особенностей устно-письменной речи. В приведенном примере мы можем отметить проявление фонетического письма: во-первых, языковые единицы русского языка передаются латинскими буквами: произносительная сторона одного языка (русского) на письме отображается через другой (английский). Другими словами, пользователь применяет переводческий приём транскрипции, основанный на принципе передачи звукового облика заимствуемого слова. Во-вторых, пользователь не сохраняет использование заглавной буквы в лексеме *_dony* (Дону). В-третьих, мы

можем обратить внимание на последнюю букву этой лексемы (пользователь не использует англоязычный вариант Rostov-na-Donu), а как будто переносит букву *y* из русского языка, что также свидетельствует об отражении особенностей устно-письменной речи в сети.

М. А. Кронгауз подчеркивает, что устная и письменная речь сосуществуют в интернет-коммуникации, а степень проявления соответствующих признаков зависит от ее жанра [8].

Также в социальной сети «Телеграм» нами были выявлены следующие телеграм-каналы, содержащие в себе региональные элементы: *Забайкальский ангельсит*, *Архангелогородцы*, *DANIIL_SIBIRYAK*, *novotorchiki*, *buryatk_sayany*, *БуряТкатут*, *Коренной екатеринбуржец*, *Невероятные приключения кимовчан*, *Тула лайв*, *Новости Тула и Область*, *Будни тулгушника*, *мгушник*, *Тульский ПряничеГЪ*, *Москвитянин*, *Казанцы в Абхазии*, *Томбовский волк*.

Данные лингвистические примеры, содержащие в себе региональные языковые вкрапления, находят отражение особенностей языка сетевой коммуникации и проявлений устно-письменной речи, таких как, например, использование заглавных букв (*DANIIL_SIBIRYAK*), ошибочное написание слов (*Томбовский волк*), гибридизация (*БуряТкатут*, *ТульскийПряничеГЪ*), использование приемов транскрипции и транслитерации для передачи языковых единиц одного языка посредством использования письменных знаков другого (*SIBIRYAK*, *novotorchiki*, *buryatk_sayany*).

В социальной сети «ВКонтакте» можно также обнаружить множество сообществ, объединяющих пользователей по региональному или территориальному признаку, в названиях которых также представлены этниконны, этнонимы или топонимы, например, «Мексиканцы в России», «Китайцы в Питере/СПб», «Буряты в Москве». Можно предположить, что многие представители других народов или малых народов переезжают в крупные города или за границу, где сталкиваются с ассимиляцией и утратой связи со своей культурой. Объединение пользователей в данные сообщества помогает сохранить связь с родными корнями, по этниконам и этнонимам найти своих земляков в социальных сетях, а также сохранять свой национальный язык и культуру, транслируемые через эти сообщества. То есть основная функция региональных онимов в названиях сообществ – это идентификация себя с определенной группой, принадлежность к народу, которому присуща своя культура, язык, которому знакомы и понятны социокультурные факты, региональные явления, которые имеют свои названия и находят отражение в языковой картине мира того или иного народа.

Например, в сообществе «Буряты в Москве», «Якутяне в Санкт-Петербурге» наряду с русским языком можно встретить языковые вкрапления национальных языков.

Мы можем предположительно выделить некоторые основные группы социальных сообществ «ВКонтакте», в которых находят своё отражение этнонимы и этниконны: 1) информационные сообщества, содержащие сведения о культуре, населении, языке, национальных особенностях разных народов, например, «Настоящие буряты»; 2) сообщества, объединяющие землячества и служащие для коммуникации представителей того или иного этноса, например, «Мексиканцы в России»; «Буряты в Краснодаре»; 3) локальные новостные, информационные сообщества «Подслушано в Туле», «Подслушано Бурят-Янгуты»; 4) официальные сообщества «Вести Бурятия», «Республика Бурятия» 5) сообщества юмористического характера, например, «Тула в мемах», «Якутская мемная Республика».

В сообществах первой группы может быть найдена информация культурного характера, посты, содержащие информацию о традициях и культуре народа. Сообщества второй группы больше направлены на взаимодействие между пользователя-

ми, которые стремятся найти других представителей своего этноса на определенной территории или решить некоторые бытовые вопросы, связанные с адаптацией. Третья и четвертая группы – новостные сообщества, освещающие актуальные события, происходящие в регионе, однако сообщества третьей группы по обыкновению ведутся жителями города, что позволяет посмотреть на событие с бытовой точки зрения. Посты часто содержат в себе эмоциональную оценку происходящего, в связи с чем в сообществах этой группы часто возникают оживленные дискуссии и обсуждения. Сообщества четвертой группы отличаются тем, что ведутся официальными пресс-службами, им присущи использование официально-делового стиля речи, лаконичность, логичность и точность информации, а также почти отсутствует эмоционально-оценочный компонент.

Подобные сообщества являются не просто группами по интересам, а важным инструментом сохранения культурного наследия и национальной идентичности. Они помогают людям чувствовать связь с родными корнями, сохранять язык и традиции, а также развивать межкультурный диалог в цифровую эпоху.

Названия жителей также могут использоваться в рекламных целях при упоминании локальных брендов городов, создании туристической привлекательности. Например, этниконны в рекламных объявлениях «Петербуржцы приглашают гостей на белые ночи», «Туляки – пряники лепить ловки» могут служить для популяризации культуры, традиций, кухни того или иного региона.

Проведенный нами анализ никнеймов, названий сообществ и других языковых явлений, содержащих региональные элементы, может позволить выделить некоторые функции онимов, находящие своё отражение в сетевой коммуникации.

1. Функция идентификации – появление онимов в сетевой коммуникации помогает пользователям выявить принадлежность сообщества или другого пользователя к тому или иному региону, географическому объекту.

2. Функция самоидентификации – использование онимов пользователями социальных сетей с целью подчеркивания своей территориальной или этнической принадлежности в интернет-пространстве.

3. Коммуникативная функция – объединение пользователей в сообщества по территориальному или этническому признаку с целью взаимодействия.

4. Функция сохранения культуры – способствует сохранению и трансляции национального языка и традиций с помощью региональных языковых вкраплений в социальных сетях.

5. Рекламная функция – использование региональных языковых элементов с целью продвижения локальных брендов региона.

Выводы

Исследование онимов в сетевой коммуникации подтверждает их значительную роль в региональной идентичности цифровой эпохи. Онимы как отражение региональности выступают не только лингвистическими маркерами места, но и инструментами создания определенного культурного пространства в сетевой коммуникации. Через никнеймы, названия сообществ, языковые вкрапления национальных языков, рекламные слоганы пользователи транслируют культурные ценности, свою идентификацию, создают уникальную языковую картину своего региона в сетевой коммуникации.

Исследование показывает, что онимы способствуют сохранению культурного наследия через интеграцию региональных вкраплений в онлайн-среду, формированию сообществ, объединенных общей географической или этнической идентичностью.

Таким образом, сетевая коммуникация представляет собой динамичную и постоянно развивающуюся систему, в которой проявляется широкий спектр лингви-

стических явлений, включая региональные языковые особенности. Эти явления, формирующиеся и эволюционирующие в онлайн-пространстве, требуют детального изучения. Такой анализ может способствовать раскрытию механизмов цифрового взаимодействия между пользователями, выявлению закономерностей развития языка в сетевом пространстве и влияния языковых единиц на отражение идентичности пользователей.

Исследование данных процессов позволяет не только зафиксировать особенности языка в сетевой коммуникации, но и проследить, как региональный аспект трансформируется в глобальном цифровом контексте, при этом отражая связь с культурой и традициями.

Список источников и литературы

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы : словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 422 с.
2. Большая советская энциклопедия. Электрон. версия. URL: <https://bse.sci-lib.com/> (дата обращения: 07.04.2025). Доступ на сайте Sci-lib.com.
3. Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей : словарь-справочник. М.: АСТ, 2003. 360 с.
4. Горошко Е. И. Цифровая идентичность в социальных сетях: лингвистический аспект // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3. С. 78–92.
5. Красовская Н. А. Проявление региональных и этнолингвистических особенностей в русскоязычных социальных сетях // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9-13 сентября 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 172–175.
6. Курбатов В. И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык // Гуманитарий юга России. 2013. № 4. С. 56–68.
7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2008. 256 с.
8. Кронгауз М. А. «Лытдыбр» от блогера, или Как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка // Русский Мир.ru. 2009. № 6. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://rusmir.media/2009/06/01/internet/> (дата обращения: 10.04.2025).
9. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
11. Рубанов А. В. Виртуальная сетевая коммуникация и социальный капитал // Организационная коммуникация : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 23–24 апр. 2014 г.) / ред. О. В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. С. 117–120.
12. Статьи на букву "А" // Словарь социолингвистических терминов. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru> (дата обращения: 08.04.2025). Доступ на сайте Словари и энциклопедии на Академике.
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.
14. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. в форме науч. доклада ... д-ра филол. наук : 10.00.02 / Супрун Василий Иванович. Волгоград, 2000. 76 с.
15. Шмелева Т. В. Ономастика : учеб. пособие. Славянск-на-Кубани: Изд-во филиала КубГУ, 2013. 161 с.

References

1. Ageeva, RA 2000, *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by : slovar'-spravochnik* (What Clan-Tribe Are We From? Peoples of Russia: Names and Destinies: A Reference Dictionary), Academia Publ, Moscow. (In Russ.)

2. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* (Great Soviet Encyclopedia) 1969–1978, viewed 07 April 2025, <https://bse.sci-lib.com/> (In Russ.)
3. Gorodetskaya, IL & Levashov, EA 2003, *Russkiye nazvaniya zhiteley: slovar'-spravochnik* (Russian Names of Inhabitants: A Reference Dictionary), AST Publ, Moscow (In Russ.)
4. Goroshko, EI 2016, 'Tsifrovaya identichnost' v sotsial'nykh setyakh: lingvisticheskiy aspekt' (Digital Identity in Social Networks: A Linguistic Aspect), *Voprosy psikholingvistiki* (Issues in Psycholinguistics), no. 3, pp. 78–92. (In Russ.)
5. Krasovskaya, NA 2019, Proyavleniye regional'nykh i etnolingvisticheskikh osobennostey v russkoyazychnykh sotsial'nykh setyakh (Manifestation of Regional and Ethnolinguistic Features in Russian-Language Social Networks) in *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* (Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV International Scientific Conference), Yekaterinburg, September 9–13, 2019, Izd-vo Uralskogo Universiteta Publ, Yekaterinburg, pp. 172–175. (In Russ.)
6. Kurbatov, VI 2013, 'Virtual'naya kommunikatsiya, virtual'noye setevoye myshleniye i virtual'nyy yazyk' (Virtual Communication, Virtual Network Thinking, and Virtual Language), *Gumanitarniy yuga Rossii*, no. 4, pp. 56–68. (In Russ.)
7. Krongauz, MA 2008, *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* (The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
8. Krongauz, MA 2009, '«Lytdybr» ot blogera, ili Kak internet-yazyk delayet pis'mennuyu rech' formoy sushchestvovaniya razgovornogo yazyka' ("Lytdybr" from a Blogger, or How Internet Language Turns Written Speech into a Form of Spoken Language), *RusskiyMir.ru*, no. 6, viewed 10 April 2025, <https://rusmir.media/2009/06/01/internet/> (In Russ.)
9. Lutovinova, OV 2008, 'Internet kak novaya «ustno-pis'mennaya» sistema kommunikatsii' (The Internet as a New "Oral-Written" Communication System), *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, no. 71, pp. 58–65, viewed 10 April 2025, <https://clck.ru/3LQYTp> (In Russ.)
10. Podolskaya, NV 1988, *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* (Dictionary of Russian Onomastic Terminology), Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
11. Rubanov, AV 2014, 'Virtual'naya setevaya kommunikatsiya i sotsial'nyy kapital' (Virtual Network Communication and Social Capital) in OV Tereshchenko *Organizatsionnaya kommunikatsiya* (Organizational Communication: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference), Minsk, 23–24 April 2014, BSU Publ, Minsk, pp. 117–120. (In Russ.)
12. Stat'i na bukvu "A" (Entries starting with "A"), *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Sociolinguistic Terms), viewed 08 April 2025, <https://sociolinguistics.academic.ru> (In Russ.)
13. Superanskaya, AV 1973, *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* (General Theory of Proper Names), Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
14. Suprun, VI 2000, Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i yego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial (Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic-Esthetic Potential), viewed 10 April 2025, <https://clck.ru/3LQYUd> (In Russ.)
15. Shmeleva, TV 2013, *Onomastika : ucheb. posobiye* (Onomastics: A Study Guide), KubSU Branch Publ, Slavyansk-on-Kuban. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.05.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 19.05.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-216-224>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ СВО

**Данила Алексеевич
Солопов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, zzvalos@vk.com
<https://orcid.org/0009-0005-0221-4680>

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвокультурная специфика аксиологических компонентов в художественном дискурсе современной военной поэзии, посвященной СВО. Исследование основано на анализе поэтических текстов сборника «Порохом пропахшие слова» (2022), в которых отражены национальные ценности, идеологические установки и концептуальные противопоставления. Определяется семантическая структура аксиологических компонентов, влияющих на эмоционально-оценочную направленность текстов. Особое внимание уделяется концептам патриотизма, героизма, долга, памяти, справедливости и жертвы как ключевым элементам формирования мировоззренческой картины в военном художественном дискурсе. Анализируются языковые средства, используемые для создания аксиологически нагруженного художественного пространства, включая метафоры, символы, квазисимволы и стилистические приемы, формирующие эмоциональное восприятие произведений.

Исследование опирается на лингвокультурологический и дискурсивный анализ, позволяющий выявить, каким образом художественные тексты транслируют и конструируют ценностные модели. Особое внимание уделяется роли коллективной памяти, исторической преемственности и национальной идентичности в формировании образа Родины и воинского долга.

Кроме того, рассматриваются механизмы семиотического кодирования патриотических ценностей в поэтическом дискурсе, а также их влияние на формирование социальной и культурной идентичности. Анализируется динамика изменений аксиологических установок в военной поэзии, что позволяет выявить их взаимосвязь с общественно-политическими процессами. В статье проводится сравнительный анализ текстов, демонстрирующий различные подходы к выражению национального самосознания через художественные образы.

Результаты исследования позволяют глубже понять специфику художественного дискурса современной военной поэзии, а также его роль в формировании национально-ценностного пространства и идеологических ориентиров общества.

Ключевые слова: аксиологические компоненты, художественный дискурс, СВО, патриотизм, героизм, лингвокультурология, национальная идентичность.

Для цитирования: Солопов Д. А. Лингвокультурная специфика аксиологических компонентов в художественном дискурсе современной военной поэзии, посвященной СВО // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 2 (22). С. 216–224. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-216-224>

Сведения об авторе: Д. А. Солопов – аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Солопов Д. А., 2025

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-216-224>

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF AXIOLOGICAL COMPONENTS IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF CONTEMPORARY MILITARY POETRY DEDICATED TO THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Danila A. Solopov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, zzvalos@vk.com
<https://orcid.org/0009-0005-0221-4680>

Abstract. This article examines the linguistic and cultural specificity of axiological components within the artistic discourse of contemporary military poetry dedicated to the Special Military Operation (SMO). The study is based on the analysis of poetic texts from the collection "Words Scented with Gunpowder" (2022), which reflect national values, ideological attitudes and conceptual oppositions. The paper determines semantic structure of axiological components influencing the emotional and evaluative orientation of texts. The author pays particular attention to the concepts of patriotism, heroism, duty, memory, justice and sacrifice as key elements in shaping the worldview within the military artistic discourse. The article analyzes linguistic means used to create an axiologically loaded artistic space, including metaphors, symbols, quasi-symbols, and stylistic techniques that form the emotional perception of the works.

The research relies on linguocultural and discourse analysis, allowing for the identification of how artistic texts transmit and construct value models. The study places special emphasis on the role of collective memory, historical continuity and national identity in shaping the image of the Motherland and military duty.

In addition, the paper considers the mechanisms of semiotic encoding of patriotic values in poetic discourse, and their influence on the formation of social and cultural identity. The author analyzes dynamics of changes in axiological attitudes in military poetry, revealing their interconnection with social and political processes. The article provides a comparative analysis of texts demonstrating various approaches to the expression of national identity through artistic images.

The results of the study allow for a deeper understanding of the specificity of the artistic discourse of contemporary military poetry, as well as its role in shaping the national value space and ideological orientation of society.

Keywords: axiological components, artistic discourse, Special Military Operation (SMO), patriotism, heroism, linguoculturology, national identity.

For citation: Solopov, DA 2025, 'Linguocultural Specificity of Axiological Components in the Artistic Discourse of Contemporary Military Poetry Dedicated to the Special Military Operation', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (22), pp. 216–224, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-2-216-224> (in Russ.)

Information about the Author: *Danila A. Solopov* – Postgraduate Student of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Современный художественный дискурс, связанный с военной тематикой, представляет собой значимый объект лингвокультурологического анализа, поскольку он отражает динамику ценностных изменений в обществе. В контексте современной русской военной поэзии наблюдается усиление патриотического нарратива, переосмысление исторического наследия, актуализация концептов долга и жертвы. Одним из ключевых источников для анализа этих аксиологических компонентов является сборник «Порохом пропахшие слова» (2022), объединяющий произведения, отражающие идеологические и культурные процессы современной России [3, с. 18].

Лингвокультурологический подход к анализу художественного дискурса позволяет рассматривать его как отражение коллективного сознания, фиксирующего ценностные ориентиры эпохи. Коллективное сознание влияет на формирование дискурса через процессы символической репрезентации, культурной памяти и идеологической трансмиссии [5, с. 12]. Оно проявляется в устойчивых метафорах, мифологических образах и исторических аллюзиях, которые формируют общую систему ценностей и определяют аксиологическую направленность художественного текста [6, с. 60]. Так, В. Б. Волкова в исследовании концептосферы современной военной прозы подчеркивает, что ключевые аксиологические компоненты, такие как долг и героизм, формируют устойчивую систему ценностей, отражающую коллективное сознание эпохи [4, с. 25–28]. В рамках нашего исследования аксиологические компоненты анализируются через призму когнитивных и идеологических функций концептов, формирующих национально-культурный код.

Методологическая основа исследования включает контекстуальный, семантический и дискурсивный анализ, направленный на выявление смысловых структур аксиологических категорий [8, с. 5]. Данный подход позволяет определить, каким образом литературные произведения формируют и транслируют ценностные модели, способствующие формированию национальной идентичности.

Патриотизм в поэзии сборника передается через образы родной земли, истории, национального духа. В текстах подчеркивается неразрывная связь поколений, актуализируются символы, связанные с национальной идентичностью (флаг, герб, армия). Например, в стихотворении «ЗА РОССИЮ» акцентируется преданность Родине: *«Потому что она моя каждой пядью земли своей»* [2, с. 31].

Патриотизм в художественном дискурсе периода СВО неразрывно связан с идеологией национального самосознания и коллективной памяти. Согласно исследованию Г. В. Токарева, патриотизм в лингвокультурном аспекте проявляется через квазисимволы, которые эксплицируют культурные нормы и задают поведенческие модели. Систему знаков и символов, которые формируют определенные идеологические установки в современной военной поэзии можно разделить на традиционные и новые [12, с. 8–10]. К традиционным относятся образы Родины, знамени, воинской чести, которые на протяжении веков закреплены в национальном дискурсе. Новые знаки, появившиеся в современных текстах, отражают изменяющиеся общественно-политические реалии, например, квазисимволика букв Z и V, ставших знаками коллективного сопротивления и военной мобилизации [27, с. 4]. Использование этих символов в поэтических произведениях придает текстам эмоциональную насыщенность и укрепляет идеологический каркас патриотического дискурса [23, с. 15–18]. В словах Николая Иванова, предшествующих стихотворениям, буква Z представляется как символ единства армии, народа и власти: *«Z — это сохранённое достоинство Отечества. Сбережение кода нации, не утратившей готовность прийти на помощь ближнему и не предавшей свою историю»* [10, с. 3].

Художественные приемы, такие как метафоры, эпитеты, аллюзии, способствуют семиотическому кодированию патриотизма. Например, встречаются образы Родины как сакрального пространства: «земля святая» (*«Мы служили Руси, той*

единственной, нашей, святой»), «мать-Русь» («*Не трогайте Россию, господа! / Подумай, и не трогай нашу мать*»), «крепость духа» («*Приходит время жертвенной России, / включил свои часы последний суд*») [17, с. 98; 13, с. 48; 9, с. 78].

Эти лексемы представляют собой квазисимволы, отражающие нормы русской культуры, согласно которым патриотизм соотносится с жертвенностью, стойкостью и приверженностью национальным идеалам. Как отмечает Г. В. Токарев, квазисимволы не только маркируют культурное пространство, но и формируют идентичность, выступая знаками культурного кода, который легко распознается членами сообщества [26, с. 143].

Е. В. Шелестюк и Д. Л. Шкарин в своей статье выделяют трансформацию аксиологических акцентов: от коллективного подвига в советской поэзии к личной жертве в англоязычной [30, с. 555–557]. В стихотворении «Русские идут» патриотизм трактуется как транснациональная идея, что перекликается с их выводом о «психологизации событий» в современной российской поэзии: «*Не ново слышать: русский украинец, / но в судный час и неба и полей / есть русский немец, чех, француз, кубинец, / есть русский африканец и еврей*». Подобное представление патриотизма выходит за рамки традиционного национального самосознания, формируя образ России как объединяющей идеи. В стихотворении также подчеркивается жертвенность и духовная миссия русского народа: «*Приходит время жертвенной России, / включил свои часы последний суд*». Таким образом, патриотизм трактуется не только как чувство, но и как историческая миссия, которая передается через поколения и воплощается в духовной стойкости народа [18, с. 48].

Особое место в военной поэзии занимает образ русского солдата. Как отмечает И. С. Кокарев [15, с. 287], в национальном сознании он представляется не только как защитник Родины, но и как богатырь, несущий на себе историческую миссию. Этот архетип закрепился в поэзии, формируя героический образ военного служения. Подобные идеи развиваются и в анализе Л. Н. Третьяковой [28, с. 2], которая указывает на трансформацию образа русского солдата в современной поэзии: если в ранних произведениях акцент делался на коллективный подвиг, то в современных текстах больше внимания уделяется личной жертве, переживаниям и нравственному выбору.

Кроме того, патриотизм в художественных текстах рассматривается не только через традиционные символы, но и через метафорические концепты, указывающие на защиту, силу и стойкость. В ряде текстов встречаются устойчивые метафоры, такие как «щит Родины» («*Ведь Русь вовеки с кумачом / Победу добывала*», «*Ты стоишь пред безумными внуками / С красным флагом в дрожащей руке*»), «кровь предков» («*На пролитую кровь, на скромные цветы, / нет, ничего не будет так, как раньше*»), «стена мужества» («*Облака оплавлены – на закате пламенном, / Храмы белокаменны реют над избой*»), которые формируют восприятие национального долга как сакрального действия [7, с. 62; 20, с. 19; 11, с. 32]. Эти выражения подчеркивают важность жертвы ради будущего, создавая стойкую эмоциональную связь между прошлым, настоящим и будущим страны.

Согласно В. В. Красных, патриотизм как аксиологическая категория формируется через историческую преемственность, что отражается в обращении к памяти предков и героическим подвигам прошлых эпох [18, с. 19].

Сравнительный анализ поэтических текстов, посвященных военной тематике, показывает трансформацию аксиологических установок. Если ранее патриотизм в художественном дискурсе воспринимался как героическая самоотверженность и воинская доблесть [28, с. 2], то в современных текстах наблюдается тенденция к более личностному осмыслению войны. В стихотворениях сборника «Порохом пропахшие слова» акцент делается не только на победе, но и на жертвах, горе, необходимости

сохранять память о событиях. В стихотворении «Город» затрагивается тема разрушенного, но не забытого родного города: *«Пусть он в обломках, темен и изранен, / У нас в сердцах он песнею живет»* [29, с. 7].

Г. Г. Слышкин вводит понятие метаконцепта – интегративной категории, объединяющей несколько концептов [24, с. 45–47]. Это позволяет представить воинскую честь как метаконцепт, включающий долг, справедливость и жертву. В стихотворении «Мужают мальчики Донбасса» жертва ребенка предстает частью метаконцепта: *«Он говорит с собачкой басом, / Он всё теперь решает сам. / Мужают мальчики Донбасса / Не по годам, а по часам»* [25, с. 63].

Современная поэзия демонстрирует более рефлексивный подход к военной тематике: в ней затрагиваются вопросы индивидуальной судьбы, семейных ценностей, морального выбора. Появляется мотив «долга перед предками» как неотъемлемая часть патриотического чувства, что формирует новую модель национального самосознания. Таким образом, можно говорить о расширении смысловых границ патриотического дискурса, где помимо традиционных ценностей учитываются новые этические и гуманистические аспекты.

В текстах сборника «Порохом пропахшие слова» это проявляется в стилистических приемах, апеллирующих к чувству национального долга, таких как риторические вопросы (*«Видел ли ты когда-нибудь, / как у танка отрывает башню?»*), анафора (*«Они отступают и гробят людей. / Они отступают, сжигая мосты, / Дойдя до последней моральной черты»*), а также усиленные формы сравнений (*«У надежды сжалось, словно жгут, / Душа от горя исстрадалась», «Их чёрные души – как символ войны, / Разлада, безумья, духовных пустот...»*) [21, с. 37; 22, с. 38; 13, с. 48].

Кроме того, патриотизм в художественном дискурсе СВО часто выражается через мотив неизбежного противостояния добра и зла, где Россия выступает как защитник традиционных ценностей. Этот мотив реализуется через бинарные оппозиции «мы – они» (*«Для нас святое – Родина и мать, / нас мир боится, потому, что знает: / Кому “умом Россию не понять”, / тому она привычно объясняет»*), «наше – чужое» (*«Твои дурные сыновья / Забыли свет твоей утробы. / ...Но тихо: - Это не мои, - / Она ответила, потупясь»*), «правда – ложь» (*«И воронья густой галдёж... / Терпи, родной, держись, солдатик, / Где правда видящий, где ложь»*), создавая яркий контраст между образом Родины и её врагов [14, с. 104; 19, с. 60; 1, с. 30].

В стихотворении «Не трогайте Россию, господа!» подчёркивается традиционная приверженность национальным идеалам: *«Россия не бывает неправа. / Уставшая то плакать, то молиться, / Она простит и вора, и блудницу, / Простит и Вас за глупые слова»* [9, с. 78].

Таким образом, патриотизм в поэзии периода СВО представляет собой многослойный концепт, включающий в себя символику национальной идентичности, историческую преемственность и идеологическую мобилизацию. Его языковая репрезентация строится на использовании устойчивых культурных кодов, которые активизируют эмоционально-ценностное восприятие и формируют национально ориентированное мировоззрение.

Анализ поэтических текстов сборника «Порохом пропахшие слова» показывает, что художественный дискурс периода СВО характеризуется высокой степенью аксиологической маркированности. Основные концепты, такие как патриотизм, героизм, память и жертва, формируют целостную картину мира, способствуя укреплению национального самосознания и ценностных ориентиров, переосмыслению исторической преемственности.

Кроме того, выделяются различные подходы к выражению национального самосознания в современной военной поэзии. Одни стихотворения подчеркивают

коллективный аспект патриотизма, когда Родина предстает как объединяющая идея, не ограниченная национальными границами. Например, в стихотворении «Русские идут» патриотизм трактуется как транснациональное явление, объединяющее представителей разных народов вокруг идеи общей судьбы.

Другие произведения акцентируют внимание на традиционных образах воинской доблести, долга и самопожертвования. В таких текстах часто встречаются отсылки к историческим событиям, цитаты из предшествующих эпох, позволяющие провести параллели между прошлым и настоящим. Например, метафора «кровь предков» становится ключевым элементом в формировании образа национального долга, а эпитет «священная земля» подчеркивает сакральность территории, за которую ведется борьба.

Таким образом, современная военная поэзия сочетает традиционные и новые формы художественного осмысления войны, что делает ее важным объектом лингвокультурологических исследований.

Список источников и литературы

1. *Ананичев А.* Планета плавает в закате // Порохом пропахшие слова : сб. / Союз писателей России ; сост. В. Кирюшин ; идея проекта Н. Ф. Иванова. М.: Вече, 2022. С. 30. (Воины России).
2. *Бессмертная А.* За Россию // Там же. С. 31.
3. *Вепрева И. Т.* Аксиологическая составляющая политической метафоры // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. междунар. науч. конф. (УрФУ, 15-17 октября 2019 г.). Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 17–19.
4. *Волкова В. Б.* Концептосфера современной военной прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Волкова Виктория Борисовна. Екатеринбург, 2014. 43 с.
5. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминсистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 12–20.
6. *Выходцева И. С.* Концепт «свой-чужой» в советской словесной культуре (20–30-е годы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Выходцева Ирина Сергеевна. Саратов, 2006. 187 с.
7. *Гаммер А.* Непокорная // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 62.
8. *Демидович Т. В.* Семантико-стилистический и лингвокультурологический аспекты изучения военной лексики: на материале художественной литературы о Великой Отечественной войне : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Демидович Татьяна Викторовна. Волгоград, 2015. 218 с.
9. *Дончев Д.* Не трогайте Россию, господа! // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 78–79.
10. *Иванов Н.* Время Земли // Там же. С. 12.
11. *Камянчук Н.* Вот и стала Знаменьем // Там же. С. 32–33.
12. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
13. *Ключников Ю.* Русские идут // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 48–49.
14. *Кобец В.* Я – русский. Я тот самый “колорад” // Там же. С. 104–105.
15. *Кокарев И. С.* Русский солдат-богатырь: о формировании образа // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 3А. С. 287–294.
16. *Корнилов Л.* Стяг // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 17–19.
17. *Кортаев В.* Русь // Там же. С. 98–99.
18. *Красных В. В.* Коды и эталоны культуры // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
19. *Макаренков В.* Солдатский выбор // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 60.
20. *Мельников Д.* Великая весна приходит на Донбасс // Там же. С. 19.
21. *Минаков С.* Неправедному противнику // Там же. С. 37.
22. *Ревякина А.* Смотрят дети на войны отметины // Там же. С. 38–39.

23. Савицкий В. М., Черкасова Е. В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 12. С. 4351–4358. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20230660>. Дата публикации: 25.12.2023.
24. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. Волгоград, 2004. 323 с.
25. Тетерятник В. Мужают мальчики Донбасса // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 63–65.
26. Токарев Г. В. Прагматика квазисимвола // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: 2. Языкознание. 2021. № 3. С. 142–150.
27. Токарев Г. В. О проблеме соотношения русских квазисимволов с кодом культуры // Филоlogos. 2020. № 2. С. 79–84.
28. Третьякова Л. Н. Концепт «русский солдат» в отечественной поэзии: лингвокультурологический анализ // Вестник Педагогического университета. 2020. № 1 (84). С. 66–69.
29. Черкасский Ю. Город // Порохом пропахшие слова. М., 2022. С. 7–8.
30. Шелестюк Е. В., Шкарин Д. Л. Концептуальный состав англоязычной поэзии о Второй мировой войне в сопоставлении с советской военной поэзией // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 553–565.

References

1. Ananichev, A 2022, 'Planeta plyvet v zakate' (The planet floats in the sunset), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 30. (In Russ.)
2. Bessmertnaya, A 2022, 'Za Rossiyu' (For Russia), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow. (In Russ.)
3. Vepreva, IT 2019, Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya politicheskoye metafory (The axiological component of a political metaphor), *Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy : tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.)* (Axiological aspects of modern philological research: proceedings of the International Scientific Conference (UrFU, October 15–17, 2019)), October 15–17, 2019, Yekaterinburg, Azhur Publ, Yekaterinburg, pp. 17–19. (In Russ.)
4. Volkova, VB 2014, Kontseptosfera sovremennoy voyennoy prozy (The conceptual sphere of contemporary military prose), doctoral thesis (abstract), Yeltsin UrFU, Yekaterinburg. (In Russ.)
5. Vorkachev, SG 2014, 'Lingvokul'turnaya kontseptologiya i yeye terminosistema (prodolzheniye diskussii)' (Linguocultural conceptology and its terminological system (continuation of the discussion)), *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), no. 3, pp. 12–20. (In Russ.)
6. Vykhodtseva, IS 2006, Kontsept «svoyn-chuzhoy» v sovetskoy slovesnoy kul'ture (20–30-ye gody) (The concept of "friend or foe" in Soviet verbal culture (20–30s)), PhD thesis, Saratov State University, Saratov. (In Russ.)
7. Gammer, A 2022, 'Nepokornaya' (Unruly), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 62. (In Russ.)
8. Demidovich, TV 2015, Semantiko-stilisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty izucheniya voyennoy leksiki: na materiale khudozhestvennoy literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne (Semantic, stylistic and linguocultural aspects of the study of military vocabulary: based on the material of fiction about the Great Patriotic War), PhD thesis, FSBEI of HE «VSSPU», Volgograd. (In Russ.)
9. Donchev, D 2022, 'Ne trogayte Rossiyu, gospoda!' (Don't touch Russia, gentlemen!), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 78–79. (In Russ.)
10. Ivanov, N 2022, 'Vremya Zemli' (Time of the Earth), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 12. (In Russ.)

11. Kamyanchuk, N 2022, 'Vot i stala ZnAmen'yem' (So it became an omen), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 32–33. (In Russ.)
12. Karasik, VI 1996, 'Kulturnyye dominanty v yazyke' (Cultural dominants in language), in *Yazykovaya lichnost': kul'turnyye kontsepty* (Linguistic personality: cultural concepts), Peremena Publ, Volgograd & Arkhangelsk, pp. 3–16. (In Russ.)
13. Klyuchnikov, Yu 2022, 'Russkiye idut' (The Russians are coming), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 32–33. (In Russ.)
14. Kobets, V 2022, 'Ya – russkiy. Ya tot samyy "kolorad" ' (I am Russian. I am the "Colorados"), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 104–105. (In Russ.)
15. Kokarev, IS 2017, 'Russkiy soldat-bogatyry: o formirovaniy obraza' (Russian soldier-bogatyry: forming the image), in *Kul'tura i tsivilizatsiya* (Culture and civilization), vol. 7, no. 3A, pp. 287–294. (In Russ.)
16. Kornilov, L 2022, 'Styag' (The banner), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 17–19. (In Russ.)
17. Korotaev, V 2022, 'Rus' (Rus), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 98–99. (In Russ.)
18. Krasnykh, VV 2001, 'Kody i etalony kultury' (Codes and Standards of Culture), *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* (Language, Consciousness, Communication), MAKSS Press Publ, Moscow, vol. 19, pp. 15–19. (In Russ.)
19. Makarenkov, V 2022, 'Soldatskiy vybor' (Soldier's choice), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 60. (In Russ.)
20. Melnikov, D 2022, 'Velikaya vesna prikhodit na Donbass' (The Great Spring is coming to Donbass), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 19. (In Russ.)
21. Minakov, S 2022, 'Nepravdomu protivniku' (To the Unrighteous Opponent), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, p. 37. (In Russ.)
22. Revyakina, A 2022, 'Smotryat deti na voyny otmetiny' (Children are looking at war marks), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 38–39. (In Russ.)
23. Savitskiy, VM & Cherkasova, EV 2023, 'Kulturnyye i lingvokulturnyye kody: teoreticheskiy obzor' (Culture and linguoculture codes: A theoretical review), *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, no. 12, pp. 4351–4358, doi: 10.30853/phil20230660 (In Russ.)
24. Slyshkin, GG 2004, *Lingvokulturnyye kontsepty i metakontsepty* (Linguocultural concepts and metaconcepts), doctoral thesis, FSBEI of HE «VSSPU», Volgograd. (In Russ.)
25. Teteryatnik, V 2022, 'Muzhayut malchiki Donbassa' (The boys of Donbass are getting older), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhshiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 63–65. (In Russ.)
26. Tokarev, GV 2021, 'Pragmatics of Quasi-Symbol', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), vol. 20, no. 3, pp. 142–150. doi: 10.15688/jvolsu2.2021L3.12 (In Russ.)
27. Tokarev, GV 2020, 'O probleme sootnosheniya russkikh kvazisimvolov s kodom kultury' (To the Issue of the Correlation of Russian Quasisymbols with the Culture Code), *Filologos*, no. 2, pp. 79–84. (In Russ.)
28. Tretyakova, LN 2020, 'Kontsept «russkiy soldat» v otechestvennoy poezii: lingvokul'turologicheskiy analiz' (The concept of "Russian soldier" in the Russian poetry: lin-

- guistic and cultural analysis), *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta* (Herald of the Pedagogical University), no. 1 (84), pp. 66–69. (In Russ.)
29. Cherkasskiy, Yu 2022, 'Gorod' (City), in V Kiryushin, NF Ivanova (eds.), *Porokhom propakhskiye slova* (Words Scented with Gunpowder), Voyny Rossii, Veche Publ, Soyuz pisateley Rossii Publ, Moscow, pp. 7–8. (In Russ.)
30. Shelestyuk, EV & Shkarin, DL 2021, 'Kontseptual'nyy sostav angloyazychnoy poezii o Vtoroy mirovoy voyne v sopostavlenii s sovetskoy voyennoy poeziyey' (British And American World War II Poetry Vs. Soviet War Poetry: Conceptual Structure), in NN Boldyrev & ML Kovshova (eds.), *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language, Collection of papers in Memoriam Veronika Teliya: Studies on the Occasion of her 90th Birthday), Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ, Moscow, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin Publ, Tambov, vol. 2(45), Signs Of Language And Senses Of Culture, pp. 553–565. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.02.2025
Одобрена после рецензирования: 23.06.2025
Принята к публикации: 23.06.2025

The article was submitted: 17.02.2025
Approved after reviewing: 23.06.2025
Accepted for publication: 23.06.2025